

18+

Фрэнсис Кель

ПЕСНЬ СОРОКОПУТА РЕНЕССАНС

Annotation

Вся жизнь Готье была ложью, с которой он теперь не собирается мириться. Джером больше не согласен оставаться в тени и плыть по течению. И только Скэриэл по-прежнему хладнокровно преследует свои цели, идет по головам, сметая все на своем пути. Чистокровным, полукровкам и низшим стало слишком тесно в Октавии. Грядут большие перемены. Грядет Ренессанс.

Сословное общество с четким разделением на три касты, где у низших нет никаких прав, – глазами юного члена привилегированного сословия. Роман полон культурных отсылок. Двухуровневое повествование, ведущееся от лица двух героев, ни один из которых не знает всей правды о таинственном и обаятельном Скэриэле Лоу.

- [Фрэнсис Кель](#)

-

- [I](#)

- [II](#)

- [III](#)

- [IV](#)

- [V](#)

- [VI](#)

- [VII](#)

- [VIII](#)

- [IX](#)

- [X](#)

- [XI](#)

- [XII](#)

- [XIII](#)

- [XIV](#)

- [XV](#)

- [XVI](#)

- [XVII](#)

- [XVIII](#)

- [XIX](#)

- [XX](#)
 - [XXI](#)
 - [XXII](#)
 - [XXIII](#)
 - [XXIV](#)
 - [XXV](#)
 - [XXVI](#)
 - [XXVII](#)
 - [XXVIII](#)
 - [XXIX](#)
 - [XXX](#)
 - [XXXI](#)
 - [XXXII](#)
 - [XXXIII](#)
 - [XXXIV](#)
 - [XXXV](#)
 - [XXXVI](#)
 - [XXXVII](#)
 - [XXXVIII](#)
 - [XXXIX](#)
 - [XL](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Фрэнсис Кель

Песнь Сорокопута. Ренессанс

Чистота крови – чистота помыслов

© Кель Ф., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Киллиан Парис Бёрко.

Ни в одном учебнике по истории не значилось это имя. Мне пришлось перерывать все полки в секторе «Отечественная история», прежде чем я наткнулся на императора Париса Бёрко, прапрапра... – сколько там ещё этих «пра-», не счесть – дедушку. Вероятно, второе имя в честь него. Правил он мало, никаких важных реформ не утвердил, войн не вёл, и так уж выходило, что мы его пропускали на занятиях.

Я так увлёкся поисками, что кто-то из учеников пожаловался на меня из-за чрезмерного шума, недопустимого в стенах библиотеки лица. Само собой, мне сделали замечание, но, учитывая, что днём ранее я узнал, что моя прежняя жизнь была самым настоящим фарсом, слова сердитой работницы библиотеки показались мне всплеском воды посреди мощного шторма.

Я извинился, пообещав быть тише; только сейчас я осознал, как странно выгляжу. У нас не было никаких важных заданий по истории, поэтому мои хаотичные поиски в отделе с династией Бёрко могли показаться кому-то подозрительными. Я устало опустился на стул и решил не спешить с выводами.

Допустим, я и правда последний наследник, сын Лукиана Бёрко. Кто об этом знает? Отец (поправочка: неродной отец), Гедеон, Люмьер, Оскар и мистер Вотермил. Это те люди, которые точно в курсе происходящего. Но кто ещё? Их определённо должно быть больше.

Теперь вопрос в другом. Почему Уильям Хитклиф взял меня в семью и выдал за своего сына? Он состоит в Совете старейшин. Туда рвётся и Гедеон. Что собой представляет Совет старейшин, я знал лишь по урокам обществознания. Он руководит страной, состоит из чистокровных, делится на партии, его члены голосуют за или против законов. На этом мои познания заканчивались. Совет старейшин появился после падения империи. Если я – это всё ещё не укладывалось в голове – ...нет, если принц взойдёт на престол в девятнадцать лет, Совет старейшин может потерять былую власть. Что, если Уильям Хитклиф забрал меня к себе, лишь бы я никогда не узнал,

что являюсь принцем, и тем самым не сверг существующий политический аппарат? Но ведь проще было бы от меня избавиться...

Что-то не сходилось, и это раздражало. Мне было около года. Уильям Хитклиф мог убить меня, как убили остальных членов семьи Бёрко, либо убрать с дороги, когда мне исполнилось два или три года, например утопить, а затем месяцок погоревать на виду у соседей. Поддержать легенду, что любимый младший сын утонул. Мне уже стукнуло шестнадцать, а я всё ещё жив, значит, ему нужно что-то другое.

Допустим, мне никогда бы не рассказали, что я принц. Да и сейчас я узнал об этом только благодаря тому, что подслушал чужой разговор. Я мог всю жизнь считать, что меня зовут Готье Хитклиф. Наверное, это было бы меньшим из зол.

Отец не скрывал, что наблюдает за мной в стенах лицея. Оценки, незначительные замечания, всё то, что стоило донести до родителей, обязательно было донесено. И то, что меня не было на первом уроке на днях, а затем я появился в заляпанной кровью рубашке на два размера больше положенного – уверен, отцу доложили и об этом. Я всё ждал, что он вызовет меня к себе в кабинет, но, как оказалось, он был слишком занят работой. Судьба давала мне время на передышку перед серьёзным разговором.

Оглядевшись, я понял, что никому нет до меня дела. Я рванул сегодня в библиотеку, как только прозвенел звонок на большую перемену, бежал, перепрыгивая через ступеньки, и чуть не сшиб младшекласника в дверях.

В общей какофонии я различал перешёптывания, кто-то спереди готовился к зарубежной литературе, перелистывал страницы, сбоку кто-то тихо диктовал напарнику химическое уравнение, скрипел стул, слышались звуки пишущих ручек, шелест тетрадей и быстрое клацанье по клавиатуре.

На моём столе возвышалась гора из книг. Я был решительно настроен просмотреть каждую в поисках зацепки. Но, подумав, осознал, что таким поведением дам понять отцу, что со мной что-то произошло, – конечно, если ему об этом доложат. Либо я влюбился в учительницу истории, престарелую миссис Столь, и теперь из кожи вон лезу, чтобы произвести на неё хорошее впечатление, либо узнал,

что я наследник императорской династии, и рыщу в поисках информации о потерянной семье.

И я не знал, говорит это во мне здравый смысл или паранойя.

Что если я сознаюсь отцу и брату в том, что знаю правду? Каковы будут их дальнейшие действия? Попытается ли кто-нибудь из них избавиться от меня? Ведь как принц я могу распустить Совет старейшин. С младших классов нас убеждали, что Лукиан Модест Бёрко был никудышным императором, чьё правление привело к восстанию полукровок и низших. Подавить восстание смог только Совет старейшин. Получается, я – единственная угроза для нынешней власти.

Всё, что известно о смерти императорской семьи, это то, что когда стража ворвалась в разгромленный дворец, то увидела тело императора с пулевыми ранениями. Северина Бёрко вместе с детьми была застрелена в восточном дворце.

У меня не было к ним родственных чувств, я не знал никого лично, а в моей голове они до сих пор оставались только историческими личностями со страниц учебников. Из-за этого казалось, что я чёрствый сухарь, не способный сопереживать. Они моя семья, но я не испытывал по отношению к ним ничего, кроме смятения и недоверия.

До конца перемены оставалось ещё пятнадцать минут, нужно было срочно что-то предпринять, иначе я не усажу за партой во время урока. Краем глаза я заметил, как работница библиотеки то и дело бросает в мою сторону недовольные взгляды. Кажется, она уже записала меня в список нежелательных посетителей. Я принялся вяло разбирать книги и возвращать их на полки. Это было ошибкой. Стоило просто оставить всё на столе. Я перепутал порядок расстановки книг – войны девятнадцатого века перекочевали в один ряд с Великими географическими открытиями, а «История великой династии Бёрко» теперь соседствовала с биографиями Аристотеля и Платона.

– Ты целенаправленно пытаешься запихнуть «Взлёты и падения Лукиана Бёрко» в один ряд с военными реформами восемнадцатого века? – внезапно раздался позади меня насмешливый голос, да так, что я чуть было не выронил три книги, которые пытался удержать в одной руке, пока второй безуспешно тыкался в плотный книжный ряд.

Не знаю, по какому случаю Оливер решил посетить библиотеку, но мне совсем не хотелось сейчас объяснять стопки книг на столе. Ему точно не соврёшь о том, что задано по истории.

– Мгм, – неопределённо промычал я, пойманный на месте преступления, повернулся и столкнулся с Оливером взглядами. – Не заметил, куда ставил.

– А-а-а, – с долей разочарования протянул он. – А я уже было подумал, что ты специально приходишь в библиотеку, чтобы перемешивать книги в разных секторах.

Я не мог понять, шутит он или говорит серьёзно. Может, Оливер сам любитель время от времени устроить бардак в библиотеке. Возможно, из-за таких вот шалостей старенькая работница всё время на взводе.

– Что читал? – Он с интересом пробежал взглядом по корешкам книг. – Биография Бёрко?

– Да так... – неуверенно начал я, пытаюсь придумать убедительную причину. – Поспорил со Скэриэлом насчёт императора...

– Да? И о чём же? – не унимался Оливер.

Я точно знал, что он видит мои жалкие попытки оправдаться и с нескрываемым удовольствием следит за тем, как я буду выкручиваться, застигнутый врасплох. Зря я упомянул Скэриэла, ведь Оливеру он нравится. Они даже успели поцеловаться! Я чуть было не дал себе по лбу. Надо было что-то ляпнуть про Габриэлла или ещё кого, в ком он совсем не заинтересован.

– Ну... Я вот считаю, что Лукиан Бёрко в свободное время любил вязать шарфы.

Оливер посмотрел на меня так, словно я испортил воздух. Лучше бы промолчал, честное слово. Я видел, как он переосмысливал своё дружелюбное отношение ко мне. Кажется, я стремительно скатился в его глазах на самое дно и таким образом скоро окажусь в одном ряду с Мартином и Кливом.

– Точнее, ищу, вязала ли Северина Бёрко, – исправился я на ходу, вспомнив, как мама однажды подарила мне шарф.

Со стороны раздалось раздражённое шиканье, напоминающее о том, что мы в библиотеке. Понизив голос, Оливер спросил:

– И как?

– Что как?

– Вязала ли Северина Бёрко? – посмеялся он.

– В книгах об этом ни слова... – Я запихнул оставшиеся тома на полку и вернулся за стол.

– Тогда поищи в интернете, – с улыбкой посоветовал Оливер, присаживаясь рядом. До этого он держал руки в карманах, теперь я увидел, что его правая ладонь аккуратно перевязана бинтом.

– Вся информация об императорах проходит цензуру. – Я убрал тетрадь в рюкзак. На языке так и вертелся вопрос о забинтованной руке.

– Но ты же не взрывчатку собираешь, – хмыкнул он. – Хотя если что-то личное ищешь, то воспользуйся VPN.

Почему мне это не приходило в голову? В Октавии интернет контролируется, новости фильтруются, большинство зарубежных сайтов блокируется, но есть аналоги, вполне позволяющие жить комфортно. Я никогда прежде не задумывался о том, чтобы установить VPN, но, с другой стороны, и поиском запрещённых тем тоже не занимался.

– А ты пользовался?

Оливер подпёр подбородок кулаком, удивлённо приподнял правую бровь и глянул на меня, словно мы говорили о прописных истинах, которые только мне одному неизвестны.

– Постоянно сижу с VPN.

Я зачем-то медленно кивнул. Оливер хмыкнул, опёрся на спинку стула, разглядывая меня.

– Я так порно ищу, – добавил он мимоходом.

Вот это, конечно, тема для обсуждения. Я замолчал, уткнувшись в сцепленные перед собой ладони.

Оливер пощёлкал пальцами перед моим носом.

– Эй, Хитклиф, – прыснул он со смеха. – Не заморачивайся.

– Ты что-то хотел найти в библиотеке? – решил я сменить тему. До конца перемены оставалось не больше десяти минут.

– Тебя.

– Зачем?

Тут он стушевался, мигом растеряв остатки бывшего лоска. Спрятал руки под стол, придвинулся ближе, словно собираясь поделиться со мной какой-то тайной. Нервно обвёл взглядом

остальных в зале, затем неуверенно вернулся ко мне. Смотрел он при этом мне в район ключиц.

– У тебя, случайно, нет номера телефона Бернарда?

– Прости, но нет. Да никогда и не было. – Подавшись к Оливеру, я тоже понизил голос.

С Бернардом я виделся, только когда собирались папины друзья. Его отец владел больницей, был прекрасным врачом. Я не мог представить, как у Оливера, того самого, что на встречах стоял с сестрой в сторонке и практически ни с кем не общался, и шумного Бернарда, болтавшего с гостями в центре зала, могло быть что-то общее. Хотя, должен признать, я мог ошибаться. Раньше я считал, что у Скэриэла и Леона нет ничего общего, пока Скэр не удивил познаниями в балете.

– Жаль, – разочарованно сказал Оливер. – Ты просто часто с ним зависал, когда мы семьями собирались.

– Ага, но номерами не обменивались и за пределами этих встреч не общались. Ты можешь спросить у Оскара, они соседи.

– С Оскаром я совсем не знаком. Только здороваемся, и всё. – Оливер окончательно раскис.

– У меня есть номер телефона Оскара... – начал было я и замолчал.

Вчера я принял жёсткое решение вычеркнуть его из своей жизни, а теперь вот заикнулся перед Оливером.

– Ты можешь его попросить достать номер Бернарда? – Приблизившись, Оливер приподнялся на локтях.

– Не знаю... – замялся я, отодвигаясь и соображая, за что ухватиться, как вывернуться. – Мы с ним тоже не близки. Гедеон с Оскаром в ссоре, и, если я буду общаться с ним, мне влетит, – честно признался я под конец.

– Понимаю, – протянул он, хотя мне казалось, что ни черта не понимает.

– Прости за нескромный вопрос, а зачем тебе номер Бернарда?

– У меня был его номер, но, представляешь, я утопил телефон! Я хотел у Бернарда спросить про латынь в академии. Что именно они проходят, какой преподаватель. Слышал, что он хорош в латыни.

Не знаю, врал ли Оливер или нет, но звучало достаточно убедительно. Я слышал о том, что Бернард изучает латынь, да он и сам

рассказывал смешные истории с занятий.

– А с рукой что? – Я указал на бинты.

Оливер с непониманием посмотрел на меня, затем на свою правую ладонь, словно только сейчас о ней вспомнил.

– Да пустяки, – отмахнулся он. – Ночью проголодался и хотел приготовить сэндвичи с сыром. Как видишь, повар из меня бестолковый.

– Нарезал сыр в темноте, что ли? – Настал мой черёд шутить.

– Что? – Казалось, что мысли Оливера далеко отсюда. – А, нет. Просто нож соскочил.

– А у Леона спрашивал про номер Бернарда?

– Леон? Они общаются? – Глаза у Брума округлились.

– Мне кажется, да.

«Точно общаются», – подумал я, вспоминая, что Бернард – обладатель дружелюбного характера и мастер весёлых историй, при этом любящий потрепаться не по делу и перемыть другим косточки. Именно он рассказал Леону про драку между Гедеоном и Оскаром, так ещё и что-то там вякал про Скэриэла.

«Бернард говорил, что у тебя появился ручной полукровка», – сказал тогда Леон.

– Вот вы где! – торжественно раздалось сбоку, а следом – агрессивное шиканье от наших ближайших соседей. Мы с Оливером вздрогнули и повернулись.

Лаванда Фло, наша староста, заведовавшая организационными вопросами в лицее, стояла напротив стола с папкой в руках. Оливер мигом отодвинулся, словно само её присутствие было ему неприятно. Я вспомнил, как он однажды у меня дома так отреагировал на Лору. Тогда он ещё умудрился скорчить гримасу, но в этот раз сдержался. У меня закрались подозрения, что Оливер на дух не переносит девушек.

– Вы мне и нужны, – не дожидаясь приветствия, деловито объявила Лаванда, чуть понизив голос. – Мы в общем чате решили устроить дополнительные занятия по танцам для тех, кто плох в вальсе.

– Общий чат?

– Вальс?

– Да, дорогие мои, – с укором подтвердила Лаванда. – Вы оба вышли из чата ещё в начале года. А мы там, между прочим, важные

дела обсуждаем.

– Точно, – прыснул Оливер. – Да я сразу вышел, как увидел десятки сообщений «Приветики!» и «Как прошло ваше лето?». У меня еле хватает терпения видеть вас по полдня в лице, боже упаси ещё читать эти сообщения сутки напролёт.

Выглядел он при этом очень довольным собой. Лаванда вся напряглась; я был готов к тому, что она сейчас его треснет папкой.

– Я не выходил, – в тон Лаванде произнёс я, – просто отключил оповещения, а то вы там до двух ночи мемы с котятами кидали.

Оливер положил ногу на ногу и ритмично покачивал ступнёй. Смотрел он на Лаванду, словно она устроила целое представление.

– Не важно, – отрезала она, пытаясь сдержаться и не высказать пару ласковых. – Мы будем танцевать вальс на выпускном. Вас записывать на дополнительные занятия?

– До выпускного ещё полгода! – повысил голос Оливер. Я глянул на работницу библиотеки, та грозно уставилась на нас в ответ.

– Ой, кто это тут у нас возмущается, неужели гуру организации? – Прищурившись, Лаванда сложила руку козырьком у лба, словно высматривала кого-то по сторонам, затем пренебрежительно глянула на Оливера. – Вот если бы ты занимался организационными моментами, то знал бы, что всегда нужно готовиться заранее, а это значит, собрать желающих, – она принялась загибать пальцы, перечисляя, – найти преподавателя, помещение, обговорить расписание, оплатить занятия...

– Понял, каюсь. – Оливер театрально поклонился ей. – Пять ударов плетью мне по спине, и конфликт решён.

– Обойдёмся без кровопролития. Так что с занятиями? Вас записывать? Как у вас с вальсом?

– Обязательно танцевать? – спросил я.

– Да! Ты хоть понимаешь, что это наш выпускной и там мы...

– Стоп, стоп, стоп. – Оливер примирительно выставил руки вперёд. – Мы всё поняли. – Положив руку на грудь, он с чувством произнёс: – Выпускной – дело всей жизни. – И, обращаясь ко мне, драматично изрёк: – Как мы могли это забыть?

Не сдержавшись, я прыснул от смеха. Лаванда вспыхнула гневом. То, с каким рвением она бралась за дело и как верила в то, чем занимается, было прямо противоположно тому, с каким

пренебрежением относился ко всему происходящему Оливер. Вдобавок я ещё посмеялся над шутками Брума в её присутствии. Думаю, для таких, как я и Оливер, в аду припасён отдельный котёл.

– Нет, мы не будем ходить на дополнительные занятия, – подытожил Оливер, вальяжно развалившись на стуле.

– А ты умеешь танцевать? – недоверчиво прищурилась Лаванда.

– Да. Я помогу Готье с подготовкой, если ты оставишь нас в покое.

– Делайте как вам угодно, – с обидой бросила она и, развернувшись на каблуках, направилась к выходу.

– Её бы энергию да в мирное русло, – покачал головой Оливер, провожая Лаванду взглядом.

И тут я задумался над тем, что если Оливеру и правда некомфортно с девушками, то как он будет танцевать на выпускном? Только если с Оливией. Я бы тоже не прочь с ней потанцевать. В нашем классе девочек было меньше, чем мальчиков, поэтому я не понимал, как мы разобьёмся на пары. Быть может, администрация разрешит пригласить кого-нибудь не из лицея. Хотя приглашать мне было некого. Я внезапно осознал, что у меня практически нет друзей.

– Пойдём, скоро звонок, – вздохнул Оливер, поднимаясь.

– Где Оливия? – Я двинулся следом, закидывая рюкзак на плечо.

– Парень из параллели попросил её поговорить наедине, – равнодушно бросил он. – Наверное, в любви признаётся, а она вежливо его отшивает.

Сердце сделало кульбит, но я быстро взял себя в руки. Оливер с любопытством оглянулся, проверяя, как я отреагирую.

– Она тебе нравится, да? – прищурившись, спросил он.

– Да, – честно признался я. Не было смысла лукавить. Оливер видел меня насквозь. У Оливии в поклонниках половина лицея, и он их всех недолюбливал.

Мы торопливо пересекли холл, направляясь к лестницам.

– Ты ей тоже нравишься, – как ни в чём не бывало произнёс Оливер. Опередив меня, он поднялся по ступенькам.

Я встал как громом поверженный, не осознавая, что мешаю потоку учеников. Это не могло быть правдой, но я, как утопающий, схватился за соломинку. Оглянувшись на меня, Оливер хмыкнул и спустился, встав на две ступеньки выше.

– Я думаю, она в тебя влюблена, – проговорил он в тот самый момент, когда заиграла мелодия, возвещающая начало урока.

– Что? – Я ухватил его за рукав и с силой потянул на себя. – Ты издеваешься?

Я правильно всё расслышал? Влюблена? Быть того не может. Ученики понеслись к кабинетам, а мы так и стояли на лестнице.

– Я серьёзен, – проговорил Оливер. – У неё есть личный дневник. Она пишет там инициалы «Г. Х.». Думаю, что это ты, Готье Хитклиф.

II

– Если Адам скажет что-то грубое, не реагируй, – шепнул Скэриэл, прежде чем мы вошли в кабинет.

Большое полуподвальное помещение. Ни капли дневного света. Гнетущая атмосфера богом забытого места, где порой творились страшные вещи. Я сглотнул и уставился на свои ботинки. Под ногами тёмно-коричневый паркет с горизонтальным рисунком, никак не сочетающимся с бетонными стенами. Огромная дизайнерская люстра портила и без того убогую картину, открывшуюся мне. Искусственный приглушённый свет обычно ассоциируется с интимной обстановкой, но здесь складывалось ощущение, что хозяину попросту не хватало денег на нормальную люстру. Но это было абсолютно не так. Стены выкрашены в багровый, давящий на психику цвет. Скэриэл однажды сказал, что стены часто покрывались кровавыми брызгами, а отмывать поверхность от застывших капель – неблагодарное занятие. Я не представлял, как можно долго сидеть здесь и не сойти с ума.

Меня нервировало нахождение в кабинете у мистера Эн. Его звали Энтони, кто-то ляпнул, что в молодости он был «жестокий Тони» или «Тони Без Обид». Этот человек с лёгкостью избавлялся от своих подельников со словами: «Без обид, дружище». Кто в здравом уме мог согласиться с ним работать?

Да только вот Скэриэл работал.

Мистер Эн руководил большей частью территории Запретных земель, годами отвоёвывая каждый метр у местных банд и группировок. Я знал, что клуб «Глубокая яма» принадлежит ему. До меня доходили слухи, что основную прибыль мистер Эн получал от оборота наркотиков, среди которых важное место занимал наркотик вис^[1] – имитация тёмной материи. Я никогда не видел таблетки вис своими глазами. Это не то, что тебе могут предложить в особенно тёмных уголках ночного клуба.

Оперевшись на спинку стула, мистер Эн сидел за огромным, заваленным бумагами столом. На полу – большая пустая сумка. В стороне – продавленный низкий диван, на котором вальяжно уселся Адам с ещё одним парнем. Мистер Эн курил толстую сигару,

сосредоточенно наблюдая за тем, как два амбала выбивают дурь из мужчины напротив. Мы прошли вглубь и встали сбоку от жестокой расправы. На лице Скэриэла не дрогнул ни один мускул, словно это было обыденностью: наблюдать за наказанием подчинённых. Впрочем, и мистер Эн не обратил на нас внимания.

Я успел разглядеть сплошное кровавое месиво на лице мужчины. Глаза заплаыли синяками, словно его били уже не первый час. Нос кошмарно покосился и распух. Передние зубы отсутствовали; он громко кашлял, давясь кровью. Светлый свитер был весь забрызган алыми каплями. Ткань выглядела поношенной, с катышками, грязными разводами, будто кофтой успели несколько раз вытереть пол. Чуть поодаль в углу валялась порванная куртка. Посиневшие запястья мужчины были связаны за спиной; иногда он заваливался на сторону, не в силах устоять на слабых ногах.

После очередного града ударов мистер Эн металлическим голосом произнёс:

– В последний раз спрашиваю, где деньги?

– Я... – мужчина пытался отдышаться, по подбородку текли кровавые слюни, – не... знаю. – Он захрипел, закашлялся, алые брызги долетели до бумаг на столе.

От гнева лицо мистера Эна покраснело, а губы сжались в тонкую линию. Я задавался вопросом, сколько длится допрос с побоями.

– Избавьтесь от него, – раздражённо бросил мистер Эн.

Мужчина взвыл, как подстреленный зверь. Он пытался отползти, но, получив удар в солнечное сплетение, затих, размазывая кровь по полу. Мистер Эн сдвинул брови и сморщил нос – кажется, он был недоволен чистотой паркета. Брезгливость так и читалась на его лице.

Один из амбалов вышел из кабинета. Я не отрываясь смотрел на избитого мужчину. Он хрипел, временами пытаясь сказать что-то ещё. Взглянув на Скэриэла, я с ужасом понял, что эта сцена никак его не тронула. Он тоже наблюдал за избитым, но выглядел отстранённо. Мистер Эн не спеша курил сигару, выпуская столбы табачного дыма. В помещении стоял затхлый сырой запах с нотками крови и дыма дорогой сигары. Подойдя ближе к мистеру Эну, можно было уловить шлейф тяжёлого одеколona, забивавшего посторонние ароматы. После этой встречи я ещё долго ощущал на себе его парфюм.

Вскоре вернулся громила. Кажется, его звали Рой. Я встречал его раньше и помнил с тех времён, когда он работал вышибалой в клубе. Теперь он стал мастером по части запугиваний, расправ и заметания следов.

Рой притащил ведро с водой. Нёс он торопливо, не боясь расплескать по дороге. В голову закралась страшная мысль. Неужели они утопят его у нас на глазах? Скэриэл устало переступил с ноги на ногу, отошёл на два шага назад и лениво прислонился к стене. Для полноты картины ему не хватало ещё достать пилочку для ногтей. Я отошёл следом.

Второй амбал поднял беднягу, грубо схватив за волосы, и с силой опустил его голову в ведро, основательно расплескав воду. Избитый начал вырываться; поднялись пузыри с выходящим воздухом. Он кричал под водой. Тело забилось в конвульсиях. Пока один держал мужчину, второй налёг на ведро, чтобы оно не перевернулось. Казнь длилась две долгие минуты. Я краем глаза заметил, как Адам на диване оскалился, наблюдая за поникшим телом. Его друг выглядел испуганным.

– Тихо, чисто, практично, – довольно заключил мистер Эн, пока один его подручный уносил тело, а второй наскоро протирал паркет чужой порванной курткой, и поучительным тоном добавил: – И меньше крови.

Адам криво улыбнулся.

– Пусть это для вас будет уроком на будущее. – Мистер Эн обвёл нас хмурым взглядом. – Всем, – он поднял указательный палец, привлекая наше внимание, а затем указал на себя, – кто попытается меня кинуть, обокрасть, прямая дорога на кладбище. – И постучал пальцем по столу, указывая вниз. – Адам. – Он взглянул на парня и позвал к себе; тот поднялся, подошёл ближе. – Подёргай за свои ниточки и узнай, куда этот сукин сын дел товар и деньги.

– Да, босс.

– Кто это с тобой? – Прищурившись, он внимательно осмотрел парня позади него.

– Мой напарник Кэмерон.

– Участвовал с тобой в налёте?

Адам кивнул.

– Ему можно доверять?

– Да. Ручаюсь за него.

– Подойди.

Кэмерон встал рядом с Адамом.

– Статус?

– Полукровка.

– Сколько лет?

– Восемнадцать.

– Принимаешь, нюхаешь, колешься? – требовательно спросил мистер Эн.

– Балуюсь марихуаной.

– Тебе ещё придётся заработать моё доверие, – скептически отозвался мистер Эн, повернулся к нам, бегло взглянул на меня и обратился к Скэриэлу: – Как его зовут?

Адам недовольно хмыкнул, с презрением взирая на нас.

– Джером, – отчеканил Лоу. – Мы с ним уже полгода работаем вместе, из одного интерната вышли. Ему можно доверять. – Он кашлянул в сторону, добавив: «В отличие от некоторых».

– В лицо выскажи, ублюдок! – вспыхнул Адам.

– Кто ты, чёрт тебя дерит, такой, чтобы я с тобой разговаривал, мудака? – не остался в долгу Скэриэл, делая шаг вперёд.

Адам подошёл ближе и встал в стойку, готовясь нанести удар. В этот момент мистер Эн с грохотом опустил кулак на стол. Все, как по команде, посмотрели на него.

– Свои детские разборки оставьте за пределами моего кабинета, усекли?

– Этому ублюдку нельзя верить! Куда делась та партия виски, что вы ему дали в прошлом месяце? – набычившись, закричал Адам. – Я лично опросил всех дилеров в нашем районе. Никто не получал товар.

Он был так зол, что на его шее вздулись вены.

– Это тебя не касается, – хладнокровно ответил мистер Эн. – Захлопни пасть, пока я добрый.

Адам угрюмо замолчал.

– Он выполнял моё задание. Если ты ещё раз сунешь свой нос в мои дела, Адам, я лично его отрежу, понятно?

Скэриэл торжествовал. Он был ниже Адама на полголовы, но выглядел таким довольным, словно мог раздавить того ботинком, если бы захотел.

– Как там тебя? – Мистер Эн посмотрел на меня. – Джером?

– Да, сэр. – Я решил быть вежливым. – Я низший.

– Я тебя помню, – прищурился он. – Ты редко здесь бываешь, верно?

– Чаще всего я работаю в центре, – честно ответил я.

– Принимаешь вис?

– Да. Таблетка в месяц, – соврал я по требованию Скэриэла.

Вис позволял низшим выдавать себя за полукровок благодаря имитации тёмной материи. При этом искусственная тёмная материя не имела никакой физической силы. Фальшивка для отвода глаз, не более.

Вис был дорогим и небезопасным удовольствием. Я слышал истории, что части тела со временем загнивали, чернели и отказывались функционировать – всё это в итоге приводило к ампутации. При этом постепенно организму требовалось увеличивать дозу. Все начинали с таблетки в месяц, через полгода это были уже две таблетки, и так по нарастающей, до тех пор пока иммунная система не начинала сдавать позиции. Низшие годами принимали вис, пытаясь жить как полукровки среди чистокровных, но все они сгорали через десять лет, если не раньше. Передозировка не была редкостью.

Скэриэл сказал, что мне нужно соврать мистеру Эн, будто я сижу на висе.

– Иначе как объяснить то, что ты постоянно обманываешь пограничников при пересечении границ? М? Не думал об этом? – как-то усмехнулся Лоу.

– Не знаю. А если меня спалят? – Не нравилась мне эта идея.

– В чём? Никто не будет проверять тебя в Запретных землях.

Когда мы впервые за долгое время встретились в Запретных землях и Скэриэл поведал о том, что живёт в центре, я было решил, что он подсел на вис. Каково же было моё удивление, когда это оказалось не так. Полукровка, владеющий силой чистокровных. Никаких наркотиков, просто сама судьба благоволила ему.

– Кто твой дилер? – спросил мистер Эн.

– Генри из района Пяти улиц^[2], но он теперь живёт в центре, – бойко ответил я, хотя никакого Генри не знал, а просто говорил заученные фразы.

Скэриэл подготовил для меня целое досье на этого дилера, лишь бы я не провалился перед мистером Эном. В первое время я думал, что

Скэриэл заставит меня принимать таблетки, чтобы я мог имитировать тёмную материю, но он предложил тренироваться с Эдвардом, улучшать навыки на расстоянии. Мы добились прогресса в этом деле. И хоть я всё ещё паниковал при пересечении границы, нельзя не отдать должное Скэриэлу – он придумал гениальный ход.

– А что по поводу него? – Мистер Эн указал на Скэриэла. – Не помогает ли он тебе с висом?

– Да стопудово, – бросил Адам. – Брать в напарники низшего – идиотский поступок.

Скэриэл показал ему средний палец. В ответ Адам сжал свой пах и толкнулся, намекая на то, чтобы Лоу у него отсосал. Адам был прав. Никто не любил работать с низшими, а тем более брать их на важные дела. Адам и Кэмерон – полукровки, им можно доверять. А я низший, да и засветился раньше в клубе за воровством, поэтому Скэриэл решил не ходить по лезвию ножа и не врать насчёт моего статуса.

Иногда честность – лучшее оружие.

– Скэриэл никогда не доставал мне вис, сэр. – Я видел, как мистеру Энну нравится такое обращение.

– Допустим, – ухмыльнулся он. Ни капли он нам не верил. – Если я узнаю, что ты, – он указал на Скэриэла, – ворует у меня наркотик, даже один грамм, я четвертую тебя вместе с твоим напарником.

– Конечно, – убедительно произнёс Скэриэл. – Я вас не подведу.

– А теперь к делу. К северу от района Пяти улиц есть дом. – Мистер Эн поднял тонкий скоросшиватель. – Адрес и фотографии в этой папке. Там живёт семья Уинстона Бойла. Кто это?

– Прокурор, – ответил Адам. – Он посадил несколько наших парней.

– Верно, – одобрительно согласился мистер Эн. – Сам Уинстон Бойл там не живёт, только его престарелые родители. У его отца прибыльный магазин запчастей. Адам и, – мистер Эн пощёлкал пальцами, вспоминая имя напарника, – Кэмерон, обчистите его. Вся наличка, шины, зеркала, двигатель – унесите всё подчистую. Магазин и дом.

– Понятно, – кивнул Адам. – Сроки?

– Весь следующий месяц в вашем распоряжении. Джером займётся слежкой за родителями Бойла. Во сколько встают, завтракают, работают, во сколько срут и занимаются любовью, если старика ещё не

коснулась импотенция. – Он посмотрел на меня: – Ты отвечаешь за наводку и время.

Я кивнул.

– Скэриэл, ты займёшься своим заданием. На тебе Уинстон Бойл, он работает и живёт в центре. Твоя задача – заразить его. Он должен сгореть от болезни за полгода, не больше.

– Понял.

– У вас у всех одна задача – разрушить жизнь Бойла. Если что-то выйдет из-под контроля, то я вас четверых задушу собственными руками, это ясно?

Раздались недружные «да», «ясно», «понятно». Я промолчал.

– А теперь проваливайтесь. – Мистер Эн нетерпеливо швырнул папку Адаму. – Скэриэл, останься.

Я вышел вслед за Адамом и Кэмероном и торопливо направился к лестнице. Скэриэл предупреждал, чтобы, если босс его оставит, я не задерживался, а шёл сразу к Эдварду. Он ждал нас на парковке неподалёку. Я прибавил шагу, надеясь оторваться от Адама. Тот переговаривался с напарником в коридоре.

С силой толкнув тяжёлую дверь, я вышел на улицу и с облегчением вдохнул свежий воздух. Ещё никогда я не был так рад оказаться на улице в Запретных землях. Сделав пару глубоких вдохов, я устремился к наземной многоуровневой парковке.

Впервые я получил задание от самого мистера Эна. Слежка – что может быть проще? Я не думал, что он вообще что-то может мне доверить, ведь я был новичком, так ещё и низшим.

Осматриваясь по сторонам, я вошёл на парковку. Эдвард высадил нас на улице, а сам сказал, что припаркуется здесь. Не спеша обойдя первый этаж, я направился к лифту. Эдвард ждал на втором этаже.

У самого лифта кто-то со всей силы толкнул меня, отчего меня отшвырнуло к грязной стене.

– Привет, Джером, – проговорил сзади Адам.

Я хотел было послать его на хрен, но он схватил меня за волосы и грубо приложил лицом о стену. У меня чуть искры из глаз не посыпались. Казалось, что он проломил мне левую часть лица, а от скулы и носа вообще ничего не осталось. Я попытался вывернуться, но Адам навалился всем телом, прижимая меня к стене.

– Скажешь своему дружку, что если он ещё раз будет наезжать на меня перед боссом, то я ему хер отрежу, понял?

Я начал брыкаться. В какой-то момент мне удалось высвободить руку и заехать ему локтем. Адам издал смешок и снова со всей дури приложил меня об стену, как тряпичную игрушку.

– Ты понял? – грозно спросил он вновь.

Кажется, я зарычал. Что он от меня хотел? Как я мог ответить, когда он буквально вдавливал меня в бетонную шершавую поверхность. Я не мог даже открыть левый глаз от боли. Шипел, вырывался, выл, пытался освободиться из захвата. Он рассмеялся за моей спиной.

– Будешь хорошим мальчиком, и я тебя не трону, – проговорил Адам и лизнул меня в правую щёку.

Я снова взревел, принялся вырываться с удвоенной силой. Как хотелось вмазать ему пару-тройку раз! Адам оттолкнул меня в сторону. Не удержавшись, я полетел на пыльный бетонный пол.

Ладони кровоточили, и я сразу вспомнил, как в пять лет отец учил меня кататься на велосипеде. Я упал, разодрал колени и ладони. После этого отец купил наколенники и перчатки. Почему он не купил их раньше, я не знал. Это первое, о чём я подумал, оказавшись на полу. Адам скрылся так же тихо, как и появился.

На втором этаже я нашёл машину Эдварда. Он присвистнул при виде меня.

– Мистер Эн? – обеспокоенно спросил он, доставая влажные салфетки.

Я помотал головой, сгорая от стыда. Никому не расскажу, что Адам облизал мне лицо. Просто стычка, какие часто происходят в Запретных землях. Я посмотрел на себя в зеркало заднего вида и скривился. Лоб, скула, нос и губы в ссадинах. Больше всего досталось скуле, она кровоточила и саднила. Выглядел я паршиво. Словно участвовал в уличных боях, но на деле меня поймел только один ублюдок.

Эдвард осторожно протёр моё лицо, затем ладони, сетуя на то, что Скэриэл связался с опасной группировкой. В это время я злился только на свою беспомощность.

– Кто тебя так? – не унимался Эдвард. – Это из-за Скэриэла?

– Да не важно, – буркнул я.

– Тебя кто-то отметелил и это не важно?

– Да.

Он устало выдохнул и повернулся всем корпусом в мою сторону.

– Хочу рассказать тебе одну историю.

Я промолчал. Меньше всего хотелось сейчас слушать чужие истории.

– Когда я был молод и не знал, куда идти, то пошёл работать надзирателем в тюрьму для низших. Проработал там два года и насмотрелся на этот ужас. В тюрьме много жёстких правил, и если их придерживаться, то всё будет под контролем, а если нет, то кто-нибудь может затащить тебя в душ, отыметь и зарезать. Я долгое время работал в блоке для тех, кто сидел за нетяжкие преступления. Но однажды меня перевели к головорезам. Мне дали напарника, наивный был парень, добрый, верил всем.

Я с сомнением посмотрел на Эдварда. Мы никогда не разговаривали по душам. Его биография была для меня покрыта мраком.

– И один из головорезов вдруг начал болтать с этим парнем. И напарник мой от скуки отвечал, хотя я ему говорил, что это против правил. Запрещено контактировать с заключёнными. Когда я уходил в туалет, мой напарник рассказывал, как скучает по семье, по дому. Они оказались из одного района, даже жили где-то рядом. Земляки. Ты думаешь, они стали друзьями?

Я помотал головой.

– Собрав нужную информацию, головорез стал угрожать парню, что, выйдя на свободу, перережет всю его семью, ведь он теперь знает его адрес. Парень был в панике. Этот ублюдок угрожал ему и требовал открыть ночью камеру, помочь с побегом.

– И что сделал твой напарник?

– Он впал в отчаяние, и я его не виню. Этот парень застрелил ночью заключённого и застрелился сам. В его кармане была записка, где он объяснил, почему не мог позволить заключённому жить.

Эдвард замолк, да и я ничего не говорил. Спустя пару минут он произнёс:

– Этот парнишка иногда тебя напоминает. А головорез – это Скэриэл. Он использует любую информацию против тебя, как только это ему понадобится. Будь начеку. Защищай себя.

Немного помолчав, я проговорил:

— Я думал, что ты хорошо к нему относишься.

— Я благодарен ему за то, что он вытащил мою задницу из долговой ямы, но я не хочу в один прекрасный день застрелить его из-за того, что он меня шантажирует.

III

В один из дней, когда моё моральное состояние оставляло желать лучшего, я лежал на кровати, пялился в потолок и занимался тем, что умеют все подростки, – бездарно тратил время впустую. Слова Оливера выбили меня из колеи. Всё чаще я стал проваливаться в свои мысли, теряя связь с реальностью.

Пару часов назад я играл в мяч на заднем дворе. Его как-то оставил Скэр, а в следующий свой приход сказал, чтобы я забрал игрушку себе. Мяч, не больше теннисного, удобно уместившийся в ладони, изредка служил мне способом отвлечься от тяжёлых раздумий. Я кидал его, целясь в стену, и мяч охотно возвращался ко мне.

Скэриэл любил приносить всякие безделушки: самодельные рогатки, кубик Рубика, слаймы, йо-йо, спиннеры – всё то, что было популярно у детей-полукровок, но прошло мимо чистокровных.

Как-то мы пристроились у окна и стреляли из рогатки по деревьям, пока один из маленьких камушков не попал в припаркованную машину Гедеоны. Брат спешил, поэтому оставил машину снаружи и ринулся в дом. После моего неудачного броска на капоте осталась безобразная царапина. Мы со Скэром спрятались, боясь, что Геден узнает и придёт в ярость.

И тут я услышал звук разбитого стекла. Увлёкшись, я отошёл и, не рассчитав силы, попал прямо в окно гостиной. Звон был настолько громкий, что из верхнего окна высунулась белокурая головка Габриэллы. Сестра удивлённо посмотрела на меня и молниеносно скрылась. Я был уверен, что она со всех ног несётся ко мне, желая вблизи рассмотреть последствия забавы. По ту сторону разбитого окна возникло испуганное лицо Сильвии.

– Господин Готье, вы в порядке?

Я промолчал, рассматривая стекло под ногами. Носком ботинка с хрустом наступил на осколок – раздался треск.

Конечно, я был не в порядке. Что хуже всего – я даже не чувствовал вины. Это меня удивило больше всего. Обычно я бы тут же бросился извиняться, а получив нагоняй, безропотно отправился в свою комнату.

– Господин Готье? – Сильвия внимательно всматривалась в моё лицо в ожидании ответа.

Может, она боялась, что я поранился, но ничего такого не было. Я пожал плечами и направился к входной двери. В холле со мной столкнулась Габи.

– Ты разбил окно? Разбил? А как разбил? – не унималась она.

– Ага, – равнодушно бросил я, направляясь к лестнице.

Она выбежала из дома, и вскоре до меня донёсся голос Сильвии из гостиной: «Госпожа Габриэлла, пожалуйста, не подходите близко! Это опасно».

Забрав мяч, я оставил его на столе и улёгся на кровать. Повернул голову и наблюдал за тем, как подарок Скэриэла безмятежно покоем на столе, нежась в лучах солнца. В противовес тому, какой сегодня выдался погожий денёк, у меня на душе скребли кошки. На том же столе находилась огромная клетка с Килли. Канарейка, подаренная отцом и так бессовестно брошенная мной. Я испытывал чувство вины перед птицей, осознавая, как мало уделял ей внимания. Гедеон тайно кормил Килли, следил за его состоянием, выпускал полетать. Об этом мне сообщила по секрету Габриэлла. В отличие от меня, Гедеон – хороший хозяин и бережно относится к питомцам. Рыбки, доставшиеся от мамы, славно устроились в его комнате. Боюсь представить, что было бы, окажись они у меня. Теперь Гедеон взял на себя заботу и о Килли. Я вдруг вспомнил, как мама мечтала назвать канарейку этим именем. Килли. Киллиан. Специально ли она выбрала? Принц Киллиан Бёрко.

Не стучась, в своей обычной манере в комнату ворвалась Габриэлла. Она выглядела такой счастливой, что мне аж тошно стало.

– У меня сюрприз! Идём покажу. – Она вся сияла как начищенная монета.

– Не сейчас, – не двигаясь, лениво промолвил я.

– Сейчас! Тебе понравится. – Сестра схватила меня за руку и потянула к себе. Я не сдвинулся с места. Она так и сяк крутила мою руку, тянула, пыхтела, но я продолжал лежать.

– Готье, – Габриэлла принялась канючить, – ну пойдём...

Я тяжело вздохнул. И тут она меня ущипнула, да не раз и не два. У меня вырвался предательский вскрик, и я ошарашенно уставился на неё, потирая покрасневшую кожу. Пришлось проследовать в её

комнату, а то, уверен, она бы не оставила на мне живого места. Габриэлла порой была такой же упёртой, как и Гедеон.

Скэриэл сидел по-турецки, пытаясь уместиться за маленьким столиком, и размахивал руками. Улыбка не сходила с его лица.

– Я сделала ему маникюр! – торжественно объявила Габриэлла, хлопая в ладоши. Она ринулась к Скэру, схватила его за ладонь и показала мне коряво покрашенные чёрным лаком ногти.

– Спасибо за прекрасный сервис, – смеясь, проговорил Скэриэл. – Цвет зашибенный.

– Высохли, – довольно заключила Габи, рассматривая ногти Лоу.

Я поднял руку и показал им большой палец. Не было желания что-либо говорить. Я хотел бы остаться в своей комнате и продолжить пялиться в потолок. Хотел бы, чтобы меня просто оставили в покое. Давно не испытывал такого упадка сил, как сегодня.

– Можно, я тебе тоже покрашу? У меня все цвета есть. Чёрный, белый, красный. Зелёный хочешь? – Габриэлла уселась за столик и принялась хвастаться своей коллекцией лаков. – Готье, какого цвета хочешь?

– Моргни, если она тебя перед этим пытала, – сказал я Скэриэлу.

– Да нет, было весело. Я сразу согласился. – Он потянулся к открытой коробке с шоколадными конфетами и закинул одну в рот. – У неё есть жидкость для снятия лака. Так какой тебе цвет?

– Никакой. – Я завалился на кровать Габриэллы лицом вниз.

– Фу, горький, – скривился Скэриэл. – Биби, можешь воды принести?

– Я буду красить ногти Готье, – надулась Габриэлла.

– Не будешь. – Я повернул голову в её сторону.

– Ну пожалуйста, – начала упрашивать она.

– Нет, Габи, – жёстко отрезал я, на что сестра изумлённо округлила глаза и затихла.

– Да ладно тебе, Готи, – Скэриэл попытался разрядить обстановку, – ты через десять минут всё сотрёшь.

– Кто-нибудь в этом доме понимает слово «нет»? – Я не мог понять причину охватившего меня гнева, но сдержаться не получилось.

Скэриэл замолчал и серьёзно посмотрел на меня. Я отвернулся, но чувствовал, как он прожигает меня взглядом.

– Что-то случилось?

– Он разбил окно в гостиной, – мигом нашла что ответить Габриэлла. Голос её звучал осуждающе. Видимо, она обиделась на меня из-за отказа.

– Биби, принеси мне, пожалуйста, стакан воды, а потом мы с тобой поиграем во что-нибудь, – дружелюбно предложил Скэриэл.

– Во что?

– Может, в парикмахера? Вон у тебя набор детский есть.

– Да! – радостно отозвалась Габриэлла и подскочила. – Только воды? У нас ещё остался пирог. Фанни приготовила сегодня утром.

– С чем он? – заинтересованно спросил Лоу. – А он вкусный?

– Да, очень. – Габи уже стояла в дверях. – С яблоками. Яблочный. Очень вкусный. Я два кусочка съела.

– Ну, раз с яблоками, так ещё и два кусочка, – задумчиво протянул Скэриэл, – тогда неси. Только помни, что никому нельзя говорить, что я здесь, а то не сможем поиграть.

– Я знаю, – ответила Габи и затем добавила шёпотом: – Это наш секрет.

– Секрет, – шёпотом повторил Скэр.

Сколько у неё было этих секретов в её восемь лет, хотел бы я знать. Габриэлла вышла и тихо прикрыла за собой дверь. Совсем не так, как десятью минутами ранее, когда она чуть ли не с ноги вломила ко мне.

– Что случилось? – повторил он.

«Ты не поймёшь», – хотелось ответить мне. Как ему объяснить, что в последние дни моя жизнь катится под откос? Семья не настоящая, а настоящая мертва. Я оказался наследным принцем, но с какой целью Уильям Хитклиф меня забрал? Как к нему относиться? Он милосердный самаритянин или опасный интриган? Мне было стыдно признаться самому себе, что на фоне правды о семье я продолжал думать об Оливии. Возможно, она питает ко мне совсем не дружеские чувства. Узнай я это раньше, прыгал бы от счастья, но сейчас чувствовал, что ещё больше запутываюсь. И, что неприятнее всего, я думал, что Оливер решил надо мной подшутить, и тогда, признайся я Оливии, выставил бы себя на посмешище.

Я начал путаться с тем, как называть моего ненастоящего отца. Остаётся ли он мне отцом или нет, учитывая, что я не знаю его целей?

Империя Бёрко, восстание, убийство императорской семьи, новая страна, а во главе – Совет старейшин. Кто я в этой шахматной партии? Очередная пешка на пути к управлению страной? Что мне делать?

Скэриэл был моим лучшим другом, и мы никогда ничего не скрывали друг от друга, но сейчас я хотел сохранить это в тайне. Если мою семью убили полукровки и низшие, то меньше всего мне хотелось делиться этим со Скэриэлом. Он был полукровкой, а Джером – низшим. Теперь я понимал, что сейчас мы по разные стороны баррикад.

– Ничего. – Я поднялся и серьёзно взглянул на него. – Ты обещал мне экскурсию по Запретным землям.

Скэриэл кивнул.

– Я думал, ты забыл.

– Когда мы сможем это устроить?

Мне хотелось лично увидеть, как живут низшие, что могло сподвигнуть их на восстание, что могло заставить их возненавидеть императора Бёрко и привести к его убийству.

Он пожал плечами.

– Когда твоего отца не будет дома. Прогуливать лицей тебе нельзя.

– Нельзя, – согласился я. – У меня по средам короткий день. Я что-нибудь придумаю, например, что пойду гулять с Оливером, а вместо этого мы отправимся в Запретные земли.

– Да, можно, если Оливер поддержит твоё алиби.

За дверью раздался голос Габриэллы:

– Откройте дверь! У меня руки заняты!

Скэриэл направился к двери.

– Если она будет так кричать, то ваш секрет быстро станет достоянием общественности, – усмехнулся я.

– Пароль? – игриво спросил Скэр у Габриэллы через дверь.

– Пароль? – переспросила она и затихла.

– Я ночью приду к тебе, – произнёс он шёпотом. – Хорошо?

Раньше он этого не спрашивал. Я кивнул в ответ.

– Что кошки говорят? – хихикая, спросил Скэриэл у Габи.

– Мяу-мяу? – весело ответила она за дверью.

– Правильный ответ. – И он открыл дверь. Я надеялся, что Габриэлла забыла о том, что хотела покрасить мне ногти.

Около десяти вечера, когда я лёжа читал и готов был вот-вот заснуть, в дверь постучались.

– Господин Готье, – тихо позвала Лора. – К вам пришёл мистер Брум.

– Оливер? – недоумённо спросил я.

– Да, верно.

– Пригласи его, пожалуйста, в мою комнату.

– Возможно, вам лучше самому спуститься, – нерешительно произнесла она из-за двери.

Я поднялся и открыл ей.

– Что с ним?

– Он не очень хорошо держится на ногах.

Я спустился первым, Лора тихо семенила за мной. В гостиной, уткнувшись в подушки на диване, полулежал Оливер. Он лениво приподнял голову и радостно произнёс:

– Готье, друг мой! Давно мы с тобой не виделись.

Виделись недавно в библиотеке. Сейчас он был пьян. Я повернулся и требовательно спросил у Лоры:

– Кто дома?

– Госпожа Габриэлла принимает ванну. Ей помогает Сильвия. Господин Уильям ещё не вернулся со службы. Господин Гедеон приходил два часа назад и снова уехал.

– Кто его видел? – Я незаметно указал на Оливера, сражающегося с диванной подушкой. Он пытался встать, но терпел поражение за поражением.

– Охрана, я и Фанни.

– Прикажи всем молчать. Ни слова Гедеону и отцу.

Лора закусила губу, желая что-то сказать, но промолчала.

– Что? – нетерпеливо спросил я, наблюдая за тем, как Оливер уселся и принялся рассматривать попавшую под руку книгу.

– Кевина выгнали за то, что он попросил прислугу не говорить...

– Ладно, понял, – перебил я, – сам расскажу отцу. Ступай и принеси, пожалуйста, воды в мою комнату.

– Готье, – весело проговорил Оливер, когда я закинул его руку себе на плечо, – я хотел пробраться к тебе в комнату через окно, но не дошёл. У тебя грубый охранник.

– Охранник не дал тебе свернуть шею, – пропыхтел я, медленно таща его по лестнице. – Выдам ему премию.

Я боялся, что отец вернётся и застанет Оливера в таком состоянии. Лучше всего было отвести его в мою комнату.

Мы добрых пять минут потратили на попытки преодолеть лестничные пролёты. Оливер доблестно воевал с каждой непокорной ступенькой, попутно рассказывая о том, как он час пытался заказать такси до моего дома.

– Чёртовы таксисты, – не унимался он, – они все думают, что я заблую им салон.

– Или откинешь копыта по дороге, – улыбнулся я.

– В точку. Я правда сегодня перепил. Обычно алкоголь меня не берёт. Я свою меру знаю.

Мы вошли в комнату, и я скинул его на кровать. Не знаю, сколько он весил, но моё плечо болезненно тянуло. В дверь постучали, я без вопросов открыл и забрал поднос у Лоры.

– Передай Сильвии, что ко мне пришёл одноклассник. Пожалуйста, не мешайте нам.

Закрыв за ней дверь, я подошёл и протянул стакан с водой Оливеру. Он с благодарностью принял.

– Расскажешь, что произошло?

– Хороший ты друг. – Он опустошил стакан и вернул мне, усаживаясь на кровати. – Ничего, просто я веселюсь.

– Один веселился? – хмыкнул я. – Или в компании?

– Мне и одному хорошо, – улыбнулся он. – Вот тебя увидел, и ещё лучше стало.

– Приятно слышать, – улыбнулся я в ответ.

Наступила тишина. Я посмотрел на часы.

– Хочешь у меня остаться с ночёвкой? Скоро Скэриэл обещал забежать.

– Нет, нет, я просто... – Оливер запнулся, уставившись куда-то в сторону. – Поговорить с тобой хотел. Мне больше некуда идти.

– А Оливия?

– О нет, она опять разозлится. – Он поморщился. – Кажется, это была глупая идея. Прости.

Оливер торопливо встал и, пошатываясь, направился к двери.

– Куда ты? – Я схватил его за плечо.

– Сейчас я понял, что зря пришёл и только доставил тебе неприятности.

– У тебя проблемы? Нужна помощь?

А про себя подумал, что вот только чужих-то проблем мне сейчас и не хватало.

– Я, кажется, совершил глупость. – Брум испуганно посмотрел на меня, как будто лишь сейчас осознал всю серьёзность происходящего.

– Ага, – понимающе отозвался я, хотя ни черта не понимал. – И?

– Я влюбился, – вдруг ляпнул он.

Я чуть было не сказал «поздравляю», но вовремя прикусил язык.

– В Скэра? – уточнил я.

– В кого? – Он ошеломлённо глянул на меня, а затем к нему пришло озарение. – Он тебе рассказал про поцелуй? Конечно, рассказал. Вы же всё время вместе.

Мне стало неловко.

– Нет, это не Скэриэл. Прости. Я не знаю, что на меня нашло. Просто я был в подавленном состоянии, а потом вы сказали, что не встречаетесь, а ещё ссора с Оливией, и мы остались с ним наедине, – продолжил Оливер сумбурно. – Всё так навалилось в тот день.

– Тогда кто?

– Ты никому не скажешь? Обещай.

– Никому.

– И даже Скэриэлу, – с сомнением в голосе добавил Оливер.

– Слушай, ты можешь не называть имя, если не хочешь, я не заставляю. Так даже будет лучше.

– Нет. Прости. Я просто нервничаю. – Помедлив, Оливер добавил: – Это Бернард.

Так вот почему он на днях расспрашивал о Бернарде. Никогда бы не подумал.

– Ого, – выдохнул я в ответ. – Вы встречаетесь? Тайно?

– Я думал, что да. Оказалось, что нет, – мрачно рассмеялся Оливер. – Не это самое паршивое. Он меня использовал.

Брум то хихикал, как глупая девица, то замолкал и серьёзно смотрел в сторону, словно размышлял о смысле жизни. Его иногда штормило. Вот Оливер уверенно стоит на ногах, и я отпускаю его плечо, а вот он уже хватается за шкаф или стену, чтобы не рухнуть на пол.

Я в недоумении уставился на него.

— Он обдурил меня. — Оливер пригладил волосы, усаживаясь обратно на кровать. — Я всегда считал себя сообразительным, но тут повёлся, как последний дурак. Представляешь? Какой идиот. — Он засмеялся, но выглядел так, словно сейчас разревётся.

— Что он сделал?

Оливер опустил глаза, помолчал, затем медленно произнёс:

— Бернард меня шантажирует.

IV

– Бернард? – переспросил я. – Шантажирует?

Я не хотел делать поспешные выводы, ведь Оливер был пьян и под воздействием алкоголя мог нести откровенный бред. Но вместо ответа он вымученно посмотрел на меня и кивнул.

Улёгшись на кровать, он подтянул колени к груди и угрюмо уставился на противоположную стену, как человек, не справляющийся с тяготами жизни и потерявший веру в то, что всё наладится.

За окном окончательно стемнело. Я слышал, как порывы ветра гоняли пожелтевшие листья на улице. В комнате наступила такая пронзительная тишина, что я мог уловить затруднённое дыхание Оливера. Его тревожное состояние передалось и мне. Я не хотел продолжать разговор, не хотел, чтобы Оливер вываливал все проблемы – пусть молчит дальше, охваченный беспокойством, – и в то же время чувствовал, что поступаю как последняя сволочь, желая сейчас только одного – чтобы Оливер покинул меня как можно скорее.

Возможно, я боялся не его проблем, а того, что ничем не смогу помочь. Я сам был сейчас не в лучшей форме; собственная беспомощность приводила в ярость.

– Почему? – спустя время задал я вопрос, когда понял, что Оливер не жаждет ввести меня в курс дела.

Тяжко вздохнув, он промолвил:

– Не знаю. Может, я притягиваю придурков? – И сам горько усмехнулся.

Я был с этим категорически не согласен. Да, Оливер Брум не самый дружелюбный и общительный человек, но он точно не заслуживал такого. Я вспомнил его пьяную ссору с Оливией и то, как он в порыве гнева выкрикивал все эти жестокие слова о том, что отцу плевать на него. Есть ли в этом доля правды, я не знал. Любил ли его отец? Мистер Брум всегда казался мне строгим, но отходчивым человеком. Проблемы с отцом волновали и меня. Я вдруг понял, как много общего у нас с Оливером. Любил ли меня отец? Не тот, что красуется во всех учебниках истории семьи Бёрко. Любил ли меня когда-нибудь тот отец, который взял меня младенцем в свою семью?

Решив зайти с другой стороны, я спросил:

– Кто-нибудь ещё знает о том, что Бернард тебя шантажирует?

И всё же я не мог оставить его одного, не мог выпроводить в таком плачевном состоянии. Я вдруг почувствовал себя Атлантом, вместо небесного свода охотно взвалившим на свои плечи чужие трудности.

– Оливия знает. – Оливер продемонстрировал забинтованную ладонь. – Порезала мне руку.

– Что, прости?

– Руку, говорю, порезала. И телефон мой утопила, – буднично добавил он; затем, чуть помедлив, без капли гнева резюмировал: – Истеричка.

Кажется, у меня было настолько удивлённое выражение лица, что Оливер одарил меня снисходительной улыбкой. Нахмурившись, я опустился на стул и уставился на гостя. С каждой фразой всё сложнее было воспринимать сказанное всерьёз. На его лице так и читалось довольное: «Да-да, она именно такая, а я тебе говорил».

Прекрасная, как ангел, Оливия? Та самая, что одним своим нежным голосом вводила меня в состояние эйфории? Та, от которой у всех парней кружилась голова? Неужели всё, что говорил Оливер по поводу сестры, – чистая правда? Быть может, Скэриэл прав и я не вижу дальше своего носа. Тогда он говорил о Леоне с его постоянными синяками, затравленным голосом и взглядом, полным печали, но сейчас я и сам всё это стал замечать.

– Слабо верится, – буркнул я в ответ. А что мне ещё оставалось? Я не мог вступить с Брумом в открытый спор, ведь что я, по сути, знал о его сестре?

– И зря, – возразил он. – По этой причине я до последнего не хотел ей говорить.

Вместо того чтобы идти на попятную, избежать дальнейшего разговора, я мягко предложил:

– Может, расскажешь с самого начала?

Оливер замолчал. Я не стал его торопить, понимая, что он, возможно, собирается с мыслями. Или думает о том, как бы поскорее покинуть мою комнату – в какой-то мере этого желал и я. Давить на Оливера я точно не хотел, учитывая, каким жалким он сейчас казался. Если он нуждался в том, чтобы просто поплакаться в жилетку,

полежать на моей кровати, бессмысленно рассматривая стену, то кто я такой, чтобы возмущаться. Я ждал, разглядывая прыгающую по клетке канарейку.

— Мы сблизились с ним летом, — внезапно начал Оливер, не отрывая взгляда от стены.

Меньше всего я ожидал услышать тихий стук сбоку. По ту сторону окна взлохмаченный Скэриэл ещё раз постучал костяшками пальцев и помахал мне. Обычно я держал окно приоткрытым, потому что не выношу духоту, но сегодня погода испортилась. Я торопливо поднялся и открыл окно. Холодный ветер ворвался в комнату, сметая со стола тетради. Я опустил тяжёлую клетку на паркет.

— Я не вовремя? — спросил Скэриэл, кивнув на Оливера.

На голове у него было чёрт-те что, напоминавшее воронье гнездо. Я вспомнил, как впервые встретил его в «Глубокой яме» в птичьей маске.

— Ну, — начал было я, оглядываясь на Брума.

— Как ты прошёл мимо охраны? — возмущённо проговорил Оливер, поднимаясь.

— А что? — весело спросил Скэр, пытаясь обуздать тёмные волосы, что так и норовили закрыть ему глаза. Скэриэл пару раз заправил выбившиеся пряди за ухо и ослепительно улыбнулся Оливеру. Я бросил беглый взгляд на Брума — хотел убедиться, не против ли он компании полукровки. Тот растерялся, неловко потёр бледную шею, затем вымученно улыбнулся в ответ. Мне ничего не оставалось, как принять это за согласие.

— Он тоже пытался залезть в окно, но не вышло, — объяснил я, пропуская друга.

Скэриэл проворно перелез через оконную раму и спрыгнул со стола.

— Тут нужна сноровка, — радостно пояснил он.

Я вспомнил, как чуть было не выпал из окна, желая поскорее подслушать Гедеона, и вздрогнул.

— Что обсуждаете? — беззаботно спросил Скэр и, подойдя к клетке, протолкнул указательный палец сквозь прутья. — Привет, мистер птичка.

Я не знал, что ему ответить. Мы обсуждали шантаж Бернарда Дона, вот только я не имел права об этом говорить без разрешения

Оливера.

Что до Оливера, то он выглядел потерянным. Видимо, он был морально готов поделиться со мной всей историей, но совсем не ожидал, что так скоро пожалует Скэриэл. Говорить при нём Брум не хотел.

Скэриэл повернулся к нам, выгнул бровь и спросил:

– Ну, что затихли? Я не вовремя?

– Я, пожалуй, пойду. – Оливер встал, пошатываясь.

Он торопливо направился к двери, но чуть было не завалился в сторону. Скэриэл бросился к нему, схватил за руку и помог удержать равновесие. Движения его были резкие, но уверенные.

– Ты пьян? – твёрдо спросил он. Оливер изумлённо уставился на него, и тогда Скэр, смягчив голос, заботливо добавил: – Куда ты в таком состоянии...

При таком контрасте даже мне стало неловко. Звучало интимно, и я вдруг почувствовал себя третьим лишним в собственной комнате.

– Я... домой. Мне надо домой, – обречённо произнёс Оливер, вяло вырываясь.

Скэриэл требовательно посмотрел на меня, словно негодуя: «Да какого чёрта тут происходит?» Выглядел он не на шутку взволнованным, но то, с какой пылкостью он стремился разобраться в ситуации, мигом меня успокоило. Я уже мысленно скинул это бремя на него, мечтая, чтобы Скэриэл как можно скорее разрешил проблемы Оливера. В глубине души я был уверен, что вот кто-кто, а Скэр точно сможет это сделать, хоть и не представлял как.

– Оливер, стой, – пробормотал я. – Посиди немного.

– Что с тобой? – серьёзно спросил Скэриэл. Он взял Оливера за подбородок и грубо повернул к себе. – Что случилось? – Затем добавил то, что, видимо, с самого начала надеялся услышать каждый из нас, попав в беду: – Я помогу.

Не знаю, что так подействовало на Оливера: стальная хватка, твёрдый голос или это уверенное «я помогу», но он слабо кивнул и произнёс:

– Один человек меня шантажирует.

Так вот как это происходит. Пока я бестолково прыгал вокруг костра, пританцовывая, боясь надавить и чем-то задеть Оливера, Скэриэл просто шёл напролом.

– Кто?

– Готье его знает. – Оливер кивнул на меня.

Скэриэл вопросительно оглянулся, и я добавил:

– Его зовут Бернард Дон. Наш общий приятель. Учится в Академии Святых и Великих.

– Присядь, – властно велел Скэриэл, и Оливер послушно опустился на кровать.

– Он, понимаете... – Брум запнулся, теребя бинт. – Мой отец... – И снова замолчал.

Мы со Скэриэлом тоже молчали, дожидаясь, пока Оливер соберётся с мыслями.

– Я думал, что мы встречаемся, что у нас отношения. Бернард мне нравился, – вздохнув, продолжил он. – Правда нравился. Всегда весёлый, шутит классно. А вот Ви его сразу невзлюбила. – Оливер упомянул сестру, а мой взгляд всё это время был прикован только к его пораненной руке. – И знаете, в Академии на прошлой неделе было тестирование. Готье, ты ведь в курсе, что мой отец управляет Академией и у него в кабинете есть варианты тестов. Бернард уговорил меня помочь ему. – Оливер горько усмехнулся. – Вот идиот я, да? Пришёл в кабинет отца и, пока его не было, полез в ящики, нашёл тесты и сфотографировал. Отправил Бернарду, и он сдал на сто баллов. – Голос Брума предательски задрожал. – А теперь он хочет, чтобы я помог ему и с сессией. У мистера Барнса сложный экзамен. Я отказался. Один раз я по глупости уже совершил ошибку, подставил этим отца, но во второй раз точно нет. Он сказал, что расскажет моему отцу об этом.

– И тем самым подставит себя? – спросил Скэриэл.

– Не знаю, – удивлённо произнёс Оливер, уставившись на Скэра. Кажется, эта мысль не приходила ему в голову.

– Вот он сукин сын, – добавил я.

– И этому Бернарду нужны новые тесты? – прищурившись, уточнил Скэриэл. Выглядел он как опытный следователь. Для пущей убедительности ему не хватало ещё взять в руки блокнот и время от времени помечать что-то на листе.

Оливер помотал головой.

– Вопросы к экзаменам.

– Разве их не дают до сессии? – спросил я. – Мне кажется, я видел распечатки вопросов у Гедеона.

– Все преподаватели разные. Одни дают, другие нет. Я даже не знаю, существует ли этот список вопросов, но Бернард сказал, что его это не волнует, – с жаром проговорил Оливер. – Говорит, хоть взломай ноутбук отца или мистера Барнса.

– Что будет, если отец узнает? – Я нервно сел на свой стул, а Скэриэл устроился на полу, сев по-турецки. Я только сейчас обратил внимание, что ногти у него выкрашены в чёрный цвет. Он так и не стёр лак после встречи с Габриэлкой.

– Если узнает? – горько переспросил Оливер. – Что я «встречаюсь», – он изобразил воздушные кавычки, – с парнем, так ещё ворую тесты для него? Даже не знаю... – Он хихикнул, затем провёл пятернёй по волосам. – В очередной раз пожалеет, что я появился на свет. – Его голос дрогнул, и он спрятал лицо в ладонях, шумно дыша.

– Он точно об этом не жалеет, – возразил я, отвечая скорее не Оливеру, а самому себе. Жалел ли Уильям Хитклиф, что взял меня в семью?

– Ты его не знаешь, Готье. Ты ни черта не знаешь... – Оливер повысил голос и злобно посмотрел на меня. – Он годами меня не замечал. Что бы я ни делал: высокие оценки – конечно, конный спорт – легко, – Брум принялся агрессивно загибать пальцы, – участие в шахматном турнире – запросто! Но отец ничего этого не замечает. Зато если Оливия чихнёт в своей комнате, – тут он указал пальцем в сторону, словно комната сестры была расположена в моём доме, – то он мигом прибежит к ней с лимонным чаем. Что мне оставалось делать? Я из кожи вон лез, чтобы добиться его одобрения, – он раскинул руки в стороны, – и что получал в ответ? Безразличие.

Мы со Скэриэлом замерли.

– И тогда я решил, а почему бы просто не заняться своей личной жизнью? – В его голосе послышались истеричные нотки. – Ему плевать на весь мужской род, в том числе и на меня. Я подумал: а что если выбесить его, разозлить, как он меня злит своим отношением? Кого он не любит? Мужчин? Тогда почему бы мне не встречаться с парнем?

Оливер зажмурился, словно его одолевала головная боль. Он помассировал виски и продолжил:

– Думал, повстречаюсь немного с Бернардом просто назло отцу. И влюбился! – грозно проговорил он, как будто совершил самую большую ошибку в жизни. – Я планировал его использовать, но в итоге это он воспользовался моим положением. – И Оливер затих, уставившись куда-то вниз.

– Я помогу тебе, если ты этого хочешь, – спокойно произнёс Скэриэл, словно истерика Оливера его ничуть не задела.

Оливер насмешливо посмотрел на Скэра и хмыкнул:

– Как?

– Если он посещает Запретные земли, я могу достать компромат на него. Око за око. Шантаж за шантаж.

– Какой компромат? – насторожился я.

Помнится мне, Скэриэл уже использовал свои связи, чтобы достать фотодоказательство того, что Оскар и Билли планировали меня подставить.

– Если он снимал в клубе девочку, – Скэриэл обратился ко мне, затем к Оливеру, – или мальчика, то я могу достать фотографии с камер видеонаблюдений. Или если он покупал или принимал наркотики.

– Ты это можешь? – охнул Оливер, впервые посмотрев на Лоу восторженным взглядом.

– Придётся воспользоваться старыми связями, – задумчиво протянул Скэр.

«Как будто цену себе набивает», – подумал я.

Оливер живо спустился с кровати к Скэриэлу, схватил его за руки и жалобно вымолвил:

– Я буду тебе по гроб жизни обязан, пожалуйста, помоги мне.

Улыбнувшись, Скэриэл кивнул.

Спустя час я посадил успокоившегося Оливера в такси. Он сообщил, что не собирается возвращаться домой, а лучше отправится к дяде. Когда машина скрылась за углом, я медленно побрёл обратно, всматриваясь в свои окна. Шторы в комнате были плотно задёрнуты, свет выключен, но я был уверен, что Скэриэл лежит на кровати, уткнувшись в смартфон.

Войдя, я отодвинул штору, впуская лунный свет, и уселся на пол. Скэриэл убрал телефон в сторону, лёг на бок, подперев голову рукой, и взглянул на меня.

– Ты правда можешь ему помочь? – Я посмотрел на него, подмечая, каким же он кажется огромным с этого ракурса. Очертания его тела тонули в темноте.

– У меня есть выбор? – хмыкнул он.

– У тебя не будет проблем с этим?

– А ты волнуешься за меня?

Меня раздражало, когда Скэр отвечал вопросом на вопрос, хотя сам я частенько этим злоупотреблял.

– Вообще-то я серьёзно.

– Я тоже, – поспешно отозвался он.

Я раздражённо вздохнул. Хотелось выкинуть весь этот день из головы – впрочем, и последние месяцы тоже.

– У меня будут проблемы, если я попадусь, – внезапно проговорил Скэриэл. – Но я хочу чем-нибудь помочь Оливеру.

– Какие проблемы?

– В лучшем случае меня могут избить.

– А в худшем? – теперь не унимался я.

– Ты должен понимать, что жизнь в центре и в Запретных землях различается, – устало проговорил Скэриэл.

– Я хочу узнать больше о жизни в Запретных землях: какие там правила...

– Правило только одно: выживает сильнейший, – грубо оборвал меня он.

– Это я уже понял, – проворчал я. – Но я хочу узнать, как вы учитесь, как работаете, чем занимаются низшие и полукровки в свободное время, что думают о чистокровных, хотят ли они лучшей жизни, что для этого делают.

Скэриэл недоверчиво проговорил:

– С чего вдруг такая заинтересованность?

Я опешил, начисто забыв о том, что нужна хоть одна убедительная причина для внезапно нахлынувших расспросов.

– Просто... – медленно ответил я, понимая, насколько глупо это звучит, – интересно.

– У тебя что-то случилось?

– Нет, – поспешно произнёс я. – Я что, просто не могу задать тебе вопросы?

Скэриэл сверлил меня долгим взглядом, отчего у меня противно засосало под ложечкой. Было неприятно ему врать. Казалось, что я предаю нашу дружбу. Внезапно Скэриэл поднялся на кровати и резко спустился ко мне, словно боялся, что я сейчас сбегу. Сел он совсем близко, так что я мог дотронуться до его плеча, протянув руку. Я уже пожалел о том, что не стал включать свет.

– Просто знай, – начал он тихим голосом; пришлось напрячься, чтобы чётко расслышать его, хоть мы и сидели рядом, – если у тебя что-то случилось, ты можешь всегда со мной поговорить.

Я медленно кивнул. Скэриэл нежно сжал мою руку и тепло улыбнулся.

Никогда в жизни я не чувствовал себя так погано, как сейчас. И я точно не заслуживал такого друга, как он.

Сегодня я впервые надел мамин шарф в лицей. С её смерти прошло три года, мне успело стукнуть семнадцать, а я всё ещё не мог со спокойным сердцем смотреть на её надгробие. Каждый раз, стоило приехать на кладбище, мне казалось, что всё это так неправильно, несправедливо, что мы не должны быть здесь. Что *она* не должна быть здесь... Холодный мраморный ангел, прильнувший к надгробию, выглядел изысканно, благородно, но ни капли не сочетался с яркой маминой улыбкой на фотографии.

Шарф был до абсурда нелепым, но всё же я держался за него, словно этот кусок ткани прочно связывал меня с мамой. Я до последнего убеждал себя, что там, на небе – вне всяких сомнений, она в раю, – мама обрадуется, увидев меня замотанным в её подарок.

Странно, но о маме я никогда не думал как о чужом человеке. Между мной, отцом, Гедеоном и Габриэлой мигом выстроилась стена, стоило мне узнать о том, что я потерянный сын Бёрко. Даже раньше я чувствовал, как мы не сходимся характерами. Но мама всегда оставалась мамой. У неё были тёплые руки, нежный смех, забавное чувство юмора, а как она любила танцевать! Включала польку и приглашала меня присоединиться. И, чтобы подыграть ей, я просто дрыгался в такт музыке, чем очень веселил её. К нам обычно приходила Габи, и тогда, взявшись за руки, мама с ней кружилась, заливаясь громким радостным смехом. Гедеон проходил мимо, но, бьюсь об заклад, на его лице появлялась незаметная улыбка. Раньше он чаще улыбался, не то что сейчас. Отец любил такие вечера и с удовольствием позволял маме вовлечь его в этот шумный балаган. Он брал маму за руку, притягивал к себе и танцевал так, словно больше не было никого на свете. Габриэлла кричала рядом, смеялась, прыгала с дивана на кресло, вцеплялась в меня и повисала, как тяжёлый мешок, желая, чтобы я поднял её на руки. Гедеон ворчливо просил быть потише, но сам не спешил покидать гостиную, наблюдая со стороны. Я замечал, как он слегка кивает в такт музыке. Сильвия выглядывала из холла; тёплая улыбка появлялась на её строгом лице. С кухни, хихикая, приходили на звуки музыки и смеха Кэтрин и Фанни. Однажды Гедеон

пригласил Кэтрин на танец, заметив, как она хочет присоединиться ко всеобщему веселью, но стесняется хозяев.

Тогда, наблюдая за другими, я хотел поскорее подняться к себе в комнату, но увидел, что Фанни пританцовывает на месте. Вдохновлённый поступком брата, я тоже пригласил кухарку на танец. Быстро взяв меня за руку, она пустилась в пляс. Садовник, Кевин и ещё несколько человек из персонала наблюдали за нами из открытого окна. И, когда уровень веселья переходил все мыслимые барьеры, даже Кевин на лужайке брал кого-нибудь под руку – краем глаза я видел их макушки во дворе, – и они тоже танцевали, заливаясь задорным смехом.

Больше не будет как прежде. В этом доме всё замерло и затихло со смертью мамы.

Я предложил Скэриэлу на днях навестить Кевина. Он поддержал моё предложение и посетовал, почему сам до этого не додумался. По правде говоря, давно следовало это сделать. В день, когда Кевин покидал наш дом, я пообещал, что обязательно навещу его у Томаса, но забыл об этом, потонув в своих проблемах.

В лицее тоже не всё было гладко. Весь день Оливер бродил без настроения. На занятиях сидел, уткнувшись в тетрадь. Казалось, он избегал любого зрительного контакта. Оливия, напротив, сияла, лучезарно улыбалась всем, словно пыталась своим оптимизмом затмить угрюмого брата.

На последнем уроке я получил записку от Леона: «Что с Оливером?»

«Не знаю, может, проблемы в семье?» – уклончиво написал я в ответ.

Леон отреагировал молниеносно: «Может, ему нужна помощь? Давай после уроков поговорим с ним?»

И вот что прикажете делать? Замкнутый круг. Я знал о проблеме Оливера, Оливия знала, даже Скэриэл, но Леон оставался в неведении. И, что смешнее всего, мы все догадывались, что у Кагера не всё гладко в жизни, в семье, но он героически рвался помочь другому. Меня так и подмывало написать: «А тебе самому помощь не нужна?» Но я знал, что поступлю как последняя сволочь.

У меня не было ни малейшего представления, как выкручиваться из сложившейся ситуации. Что ответить Леону? Если Оливер не

поставил его в известность, значит, не больно ему этого и хотелось. Хрупкий, беспомощный Леон, ну чем он мог помочь Оливеру? Даже я не мог ничего предпринять; уверен, Оливер пришёл ко мне, чтобы разделить с кем-нибудь свою боль. Он совсем не ждал, что я реально смогу разрешить его проблему.

Леон ждал моего ответа.

«Может, не стоит? Вдруг он не хочет ни с кем делиться? Может, он просто поссорился с сестрой», – попытался выкрутиться я, но звучало неубедительно.

Спустя долгие пятнадцать минут на мой стол вернулась записка: «Возможно, ты прав...»

Не знаю, поверил Леон в это или нет, но в любом случае у него не было выбора. Без моего энтузиазма его запал сошёл на нет.

Сегодня левое запястье Кагера было перебинтовано. Я вспомнил ладонь Оливера и задумался над тем, самостоятельно ли Леон ушибся или кто-то приложил к этому руку. Может, это его дядя, на которого мы со Скэриэлом частенько думали, или очередная выходка Клива, который не унялся после нашей взбучки в туалете.

Я раскрыл лист и написал: «Что с твоим запястьем?»

Леон взял ручку и быстро написал ответ; убедившись, что преподаватель не смотрит, передал мне сложенный лист. «На репетиции «Щелкунчика» ушибся».

Я вспомнил разговор со Скэриэлом. Как он говорил... «Если у тебя что-то случилось, ты всегда можешь со мной поговорить». Допустим, если я напишу такое Леону, не будет ли это перебор?

Я просидел добрых пять минут, подбирая нужные слова. Это оказалось не так уж и легко. Как намекнуть человеку, что, если он всё-таки жертва, выход есть? А если не жертва, то я попаду впросак и выставлю себя идиотом, что, впрочем, не в новинку для меня.

После окончания занятий я вновь по привычке направился к парковке. Как оказалось, без личного шофёра очень тяжело. Приходилось постоянно заказывать такси, ещё неизвестно, какой достанется водитель.

Сегодня меня повёз домой молодой полукровка. Учтивый – бросился открывать мне дверь; общительный – пару раз пытался завести беседу; и шумный – поняв, что я без настроения, просто болтал о своём.

– В центре мне нравится. А кому бы не нравилось? Чисто, безопасно, да и контингент порядочный. Вот только агрегаторы слишком завысили суточную плату: помимо того, что я плачу за аренду авто – машина, конечно, крутая, я давно хотел ездить на автомобиле премиум-класса, – так ещё оплачиваю бензин, комиссию, нет, вы только представьте, мистер чистокровный, двадцать процентов! Так плата за поездки для пассажиров снизилась! Комиссия растёт, а плата снижается. Где бы вы такое ещё увидели? – Он посмотрел на меня в зеркало заднего вида и, словно извиняясь, произнёс: – Да, простите, я тут жалуюсь вам, а вы слишком молоды, чтобы во всём этом разбираться.

– Продолжайте, мне интересно.

– О, благодарю вас, мистер чистокровный, сэр. Так, о чём это я? Агрегатор даже за программное обеспечение плату берёт. Да, небольшую в месяц, но к концу года накапливается приличная сумма. Вот и приходится работать днями и ночами, чтобы хоть как-то отбить эти деньги. А если я ещё получу штраф, то всё, останусь без денег. А что в итоге? Я устаю, очень хочу спать, так ещё мне надо есть, а машину надо постоянно мыть, чтобы выглядела презентабельно. Я уже не говорю про чистку салона, даже вот эти ароматизаторы, – он указал на мультяшных персонажей на приборной панели, – стоят прилично. Они очень нравятся детям, когда я перевожу семьи чистокровных. Чувствуете, пахнет хвоей? Это вот они, родненькие, но дорогие, скажу я вам.

– Да, чувствую, – кивнул я.

Внезапно мне понравилось слушать этого болтливого водителя, я даже на минуту забыл о своих проблемах, вникая в его монолог.

– Для чистокровных, кстати, плата за поездку завышена. Для полукровок чуть ниже. Вот вы когда скачивали приложение и регистрировались, вы отмечали в своей анкете, что вы чистокровный?

– Ага.

– Вот! – победоносно произнёс он. – Транспортная компания – это вам не хухры-мухры, они хитрые, знают, у кого больше денег. – Он снова посмотрел на меня. – Простите, если я вас чем-то задел.

– Ничего.

– Я вам советую удалить анкету и заново скачать, а потом в графе «Статус» поставить «полукровка» – сэкономите прилично. – Он по-

приятельски улыбнулся мне.

– Спасибо за совет, обязательно воспользуюсь.

Мы подъехали к дому, но не успел я отстегнуть ремень безопасности, как водитель ринулся ко мне, спеша открыть дверцу.

– Всего хорошего, мистер чистокровный, сэр. С вами приятно было ехать.

– С вами тоже, мистер полукровка. – И, чуть помедлив, я добавил: – Сэр.

Он весь светился, как рождественская ель.

Я стоял, наблюдая за тем, как его машина уезжает. Когда он скрылся за углом, я вытащил из кармана смартфон и посмотрел стоимость поездки. Как я и думал, сущие гроши, но если посчитать, сколько должен потратить водитель, то получается, что он уходит в минус. На экране высветилась форма оценки поездки, я поставил высокие баллы и ещё перевёл на личный счёт водителя чаевые – в пять раз больше, чем стоила поездка. Мне показалось, что это была моя самая лучшая трата денег за последнее время.

Отец сегодня вернулся домой рано. Я знал, что разговора нам не избежать. Он и так оттягивал этот момент не меньше меня, но всему хорошему рано или поздно приходит конец.

После того как я переоделся и поел в одиночестве – из лица приехал поздно, отец с Габи уже успели пообедать, – засел за домашнее задание, но меня не покидала мысль: «Сейчас кто-то из прислуги пригласит меня в кабинет к отцу». Время шло, я пытался решать алгебру, но то и дело возвращался мыслями к предстоящему разговору. Продумывал контраргументы на его очередные нелепые доводы в пользу того, что все полукровки не больше чем рабочая сила. Это настолько захватило моё воображение, что я уже не мог сосредоточиться ни на чём другом, кроме как на будущем разговоре с отцом. Я не откажусь от дружбы со Скэриэлом. Больше того, я опять потребую вернуть Кевина на должность моего шофера. Хочет он этого или нет, но я буду стоять на своём.

Когда раздался стук в дверь, я чуть было не взвизгнул от испуга. Настолько погряз в своих воображаемых баталиях, что позабыл о реальном мире.

– Господин Готье, господин Уильям просит вас в свой кабинет, – проговорила Лора.

Я вздохнул, приходя в себя.

– Понял, спасибо!

Этот час настал. Я выскажу отцу всё, что о нём думаю. Если, конечно, не струшу под его тяжёлым взглядом.

Уже у его двери мой боевой настрой начал предательски спадать. Я поправил одежду, набрал в лёгкие воздуха и постучался.

– Входи, – громко раздалось по ту сторону.

Идти до конца! Я вошёл в кабинет.

– Присядь, – махнув рукой, отец указал на кресло напротив стола.

Моя решимость кричала о том, чтобы встретить отца стоя, уверенно глядя ему в лицо, но вместо этого я покорно сел, пока он подписывал документы.

– Как твоя подготовка к экзаменам? – не глядя на меня, спросил отец.

Более-менее. Скорее даже менее. Точнее, я вообще забыл про экзамены, спасибо, что напомнил.

– Идёт полным ходом, – твёрдо сказал я.

– Это хорошо, – произнёс он. – Что по поводу наставника?

Чёртовы наставники. Сдались они мне, ей-богу. Нет уж, обойдусь. Я могу отказаться? Так вот, я отказываюсь. Хватит с меня. Весь первый год в Академии Святых и Великих будет для меня сплошным стрессом, не хватало ещё хмурого Гедеона или ленивого Оскара за спиной. Нет, серьёзно, о чём отец думает, предлагая их? Он же не настолько слеп, чтобы не замечать, как ко мне относится брат?! Про Оскара я вообще молчу.

– Да, я много думал об этом, – проговорил я, – и решил, что...

Что в гробу я видел этих наставников.

– Гедеон хочет быть твоим наставником, – прервал меня отец.

Ха! И ещё раз – ха!

Гедеон в гробу меня видел, вот это уж сто процентов, без вариантов. Такое чувство, что отец живёт в своём собственном мире, где в семье царит любовь и гармония, а мы с Гедеоном живём душа в душу, как истинные братья.

– Не думаю, что Гедеон этого хочет, – неуверенно сказал я.

– Я слышал, что Оскар хотел быть твоим наставником. Он с тобой уже об этом поговорил?

Поговорил, а затем увёз в Запретные земли и бросил там.

– Да, он спрашивал, – начал было я.

Отец оторвался от документов и внимательно посмотрел на меня.

– Но я не хочу, чтобы Оскар был моим наставником.

– Интересно, – протянул он. – Ни брат, ни Оскар. Так кого ты хочешь в качестве наставника? Выбрал другого претендента?

Я взял себя в руки и посмотрел отцу в глаза. До этого я малодушно избегал его взгляда, уставившись на ковёр. Мне очень хотелось увидеть его реакцию.

– Да, выбрал.

Вообще не выбрал, даже думать об этом не смел. Какие тут наставники, когда совсем недавно я узнал о том, что всё кругом обман.

– И кто это?

Отец нетерпеливо барабанил пальцами по столу.

– Люмьер Уолдин.

Надеюсь, он не успел выбрать себе другого первокурсника.

Отец удивлённо посмотрел на меня, повторил: «Люмьер Уолдин?» – словно пробовал имя на вкус.

Я ждал его вердикта.

– Хорошо, – произнёс он, словно сам был изумлён моим выбором, но в конце концов остался доволен.

Просто камень с души. Ещё бы Люмьер знал об этом.

– Ты спросил его? Или это он тебе предложил?

Я чуть было не ответил «да» на два противоположных вопроса.

– Я, то есть он, – торопливо выпалил и прикусил губу, чтобы не ляпнуть что-то ещё. Помедлив, снова ответил: – Точнее, это был я. Спросил его, может ли он быть моим наставником. Так всё и было.

«Господи, – пронеслось в моей голове, – помолчи, ни слова больше». Я самолично рыл себе яму.

– Люмьер – достойный выбор, – ответил отец спустя минуту.

– Я хотел сказать вам кое-что ещё, – набравшись храбрости, произнёс я.

– Да?

Я поднялся, надеясь, что, если буду крепко стоять на ногах, моя тирада прозвучит убедительнее.

– Скэриэл мой друг, нравится вам это или нет. Я буду с ним дружить, потому что он хороший человек. Он не совершал ничего

плохого. Если родиться полукровкой – это ошибка, то я жалею, что родился чистокровным, – враждебно выпалил я.

VI

Отец выглядел так, словно его огрели чем-то тяжёлым по голове.

Удивление сменилось замешательством, я впервые видел его в таком состоянии. Он глубоко вздохнул и быстро взял себя в руки. Теперь отец смотрел сурово, я бы даже сказал, с подозрением, как будто не верил, что эти слова были произнесены мной.

– Жалеешь, что родился чистокровным? – с расстановкой повторил он и смерил меня убийственным взглядом.

Тело покрылось холодным липким потом, ноги задрожали, ещё чуть-чуть, и подкосились бы. От бывшей уверенности не осталось и следа. Я сжал руки в кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

Его разочарованию не было предела. Не отрывая взгляда, отец медленно поднялся. Мне хотелось отвести глаза, спрятаться, забиться куда-нибудь и переждать бурю, но я заставлял себя, требовал: «Смотри ему прямо в глаза, покажи, что ты уверен в своих словах, даже если внутри ты весь содрогаешься от страха».

Когда внушительная фигура появилась напротив, ко мне пришло пугающее осознание. Отец никогда не согласится с моим мнением, никогда не примет Скэриэла и не вернёт Кевина. Я так и останусь для него чужаком, посягнувшим на всё святое в этой семье и попытавшимся оспорить его авторитет. Я шёл по лезвию ножа, рискуя всем.

– Ты никогда не голодал, Готье, – его голос звучал строго, – у тебя были дорогие игрушки в детстве, ты учишься в лучшем заведении, тебя окружают люди из высшего общества, ты получаешь всё, чего захочешь, – он давил каждым «ты», «тебе» так, что становилось невыносимо слушать, – любой каприз, любое пожелание... Я позволял тебе так много. – Отец весь клокотал от гнева. Мне стало нечем дышать, будто резкими словами он бил под дых. – Видимо, я позволял тебе слишком много и тем самым избаловал. Ты не ценишь ничего из того, что у тебя есть. Этот полукровка, – отец смотрел с презрением, – он хитрый оборванец, вцепился в тебя клешнями и пользуется, а ты, – он свирепо указал на меня пальцем, – не замечаешь этого. У тебя нет жизненного опыта, и ты доверяешь, подумать только, кому?

Полукровкам? Ещё скажи, что жалеешь низших! – крикнул он напоследок, отчего я вздрогнул.

Я сдался и отвёл взгляд. Меня трясло. Он был прав, и в то же время я отказывался принимать это. Отец развернулся и подошёл к окну. Я был рад, что он больше не смотрел на меня, не сверлил уничижительным взглядом.

Мы долго молчали. Я слышал весёлые крики Габи с улицы; кажется, она собирала букет из опавших листьев. Но её голос был настолько далёк, словно доносился из другого мира. Я уже было решил, что отец возненавидел меня, что не желает даже закончить разговор должным образом. Но тут он снова громко вздохнул. Это был тяжёлый, полный печали вздох.

– Твои слова больно ранили меня. «Жалею, что родился чистокровным». Что бы сказала мама? – задумчиво произнёс отец. – Ты хотел бы родиться в другой семье? В семье полукровок? Тебе здесь плохо? Поэтому ты попытался сбежать?

Он знал о неудавшемся побеге, но ничего до этого мне не говорил. Я закусил губу, не зная, что ответить. Казалось, силы меня оставили, а голос потерял. Я просто мечтал как можно скорее покинуть кабинет.

– Что я делаю не так? Ты хочешь, чтобы я относился к полукровкам как к равным. Ты хочешь дать им наши права. Давай поселим каждого полукровку в центре. Через неделю всё будет изгажено, испорчено, осквернено. – Отец снова начал заводиться, но остановил себя. Чуть помолчав, он продолжил спокойным голосом: – Этот мир не просто так создал нас разными, Готьё. Почему одним дана свыше тёмная материя, а другим нет? Не задумывался об этом? Так было predetermined. Одни хороши в управлении, другие в исполнении обязанностей, а третьи не способны ни на что. Посади кухарку руководить страной – и не выйдет ничего хорошего. Каждому своё место. – Помедлив, отец тихо добавил: – Со временем ты поймёшь.

Я молчал, сдерживая слёзы. Совсем не хотелось плакать при нём, как дитя.

– Готьё, не совершай моих ошибок. По молодости я тоже дружил с полукровками. – Я ошеломлённо воззрился на отца, но он смотрел в окно. – Это не дружба. Они используют тебя, прекрасно понимая, что

ты владеешь тем, чего у них нет: власти, денег, связей. Отношения ради выгоды.

– Вы дружили?.. – тихо переспросил я.

Он повернулся ко мне. Горькая улыбка коснулась его лица.

– Ты повторяешь мои ошибки. Тогда, будучи молодым и наивным, я разочаровался в дружбе. Не хочу, чтобы это произошло и с тобой. – Его голос смягчился. Казалось, что он жалеет о своих грубых словах. – Подойди.

Я неуверенно сделал пару шагов. Отец раскрыл руки, приглашая к себе. Наверное, я никогда не был так растерян, как сейчас.

Он сделал шаг навстречу и, обнимая, притянул меня к себе. Вблизи он казался ещё выше. Мужской парфюм, тот самый, что прочно ассоциировался у меня с отцом, сразу ударил в нос. Родной запах. Тот парфюм, который однажды давным-давно подарила ему мама. В глазах предательски защипало. Как бы я хотел сейчас обнять её и тоже вот так стоять, ощущая тепло нежных рук. Она бы поняла меня.

Отцовская ладонь мягко легла мне на макушку. Щекой я чувствовал ткань шерстяного пиджака.

– Как ты быстро вырос, – проговорил он тихо, с сожалением. – Я не хочу, чтобы полукровка обидел тебя.

Отец избегал его имени.

– Простите меня, пожалуйста, за тот раз, – внезапно начал я, не справляясь с нахлынувшими чувствами, – когда я воспользовался тёмной материей. Я не хотел.

– Я знаю. – Отец отпустил меня, и мы неловко встали рядом.

– Мне очень жаль. Правда. Я места себе не находил. – От переживаний я принялся щёлкать пальцами, но мигом себя остановил, понимая, как это раздражает.

– Да, Гедеон рассказывал.

– Гедеон? – Я поднял голову и посмотрел на отца.

– Он наблюдает за тобой и рассказывает о твоих делах.

Наблюдает? Рассказывает о моих делах? Гедеон? Слишком много вопросов, от которых голова кругом.

Я чувствовал, что отец смягчился, поэтому решил осторожно вернуться к исходной теме. Первая моя речь, сказанная на эмоциях, вышла никудышной. Теперь я решил пойти другим путём. Всё ещё

было страшно с ним говорить, но то, как смущённо, с лёгкой долей неловкости он смотрел, придало сил. Значит, не мне одному тяжело давался этот разговор.

– Отец, я понимаю ваши опасения по поводу, – я решил, что будет разумно избегать имени Скэриэла, – моих друзей. Но я взрослею и хочу сам узнать, кто мне друг, а кто нет. Методом проб и ошибок. – Я молниеносно подбирал слова, вспоминая статью на тему отношений, которую прочитал час назад. – Я готов набивать шишки, но это будут мои шишки. – Выделив голосом «мои», я серьёзно продолжил: – Обещаю, что буду очень осторожен, и если что-то пойдёт не так, то сразу вам всё расскажу.

Он смотрел долгим, изучающим взглядом, словно пытался запомнить каждый дюйм моего лица. Я выдержал его взгляд, желая во что бы то ни стало идти до конца, потому что понимал: если не сейчас, то больше никогда у меня не получится с ним поговорить по душам. Возможно, впервые мы говорим как отец и сын – как близкие люди.

Внезапно он кивнул.

– Хорошо, – чуть жёстче произнёс отец, видимо, не уверенный в своём решении, – ты можешь с ним видаться, – эта фраза далась ему тяжелее всего, – но взамен я предложу тебе кое-что. Есть хороший психиатр, мне посоветовали. Ты не против сходить к ней на приём?

– Психиатр? – Меня передёрнуло.

– Пара сеансов со специалистом, ничего серьёзного.

– Вы думаете, у меня крыша поехала? – начал злиться я.

– Не носи ерунды, Готье, – недовольно выдал отец. – Психиатр тебе нужен для экзамена по тёмной материи. Я знаю, что практика сложно даётся, но ты силён, – он усмехнулся, как будто намекая на то, что я сбил его в холле, – значит, дело не в самой материи.

Я нахмурился, не ожидая такого предложения. Звучало так, словно он действительно хотел помочь.

– Тогда вы разрешите дружить, с кем я хочу?

– Я разрешаю тебе общаться и видаться со... – помедлив, он выплюнул: – Со Скэриэлом. Но, если я узнаю, что он тебя использует, пеняй на себя.

Отец точно подбирал слова, как будто словосочетание «дружить со Скэриэлом» звучало оскорбительно.

– Согласен. Пара сеансов с психиатром, – кивнул я в ответ.

Неужели мы пришли к компромиссу... Выходил я из кабинета отца так, словно голыми руками поборол самого яростного льва на свете. И, только оказавшись в своей комнате, понял, что забыл спросить про Кевина.

Через пару дней мы собрались у Скэриэла. Близнецы Брум явились, когда Скэриэл объяснял мне, почему ни Джерома, ни мистера Лоу нет дома.

– Они в Запретных землях. Эдвард уехал по работе, а Джером встречается со своим старым другом.

– Давно я их не видел.

– Соскучился? – хихикнул он.

Я пожал плечами.

– Может.

Оливер вошёл первым. Шагнул он стремительно, на ходу стягивая пальто и небрежно бросив его на диван, вместо того чтобы повесить.

– Ну что? Прощу, не томи, – практически взмолился Оливер, обращаясь к Скэриэлу.

Оливия ослепительно улыбалась нам и неторопливо складывала свой мятный шарф.

– Привет, ребята, – поприветствовала она нас.

– Привет, – ответил ей Скэриэл и повернулся к Оливеру: – Да, всё в порядке. Не переживай. Я достал фотографии.

– Господи боже мой, – вздохнул с облегчением Оливер и плюхнулся на диван. Он выглядел так, словно впервые за долгое время успокоился.

Оливия впорхнула в гостиную и легко села рядом с братом. Сегодня её волосы были уложены в пучок. С такой причёской я видел её нечасто, но выглядела она, честно говоря, потрясающе в белом свитере с высоким воротником и в длинной, до лодыжек, бордовой юбке. Ей бы ещё берет – вылитая француженка.

– Мы вчера катались на лошадях, – поделилась она с нами. – Вам стоит присоединиться к нам.

Не знаю, чья это была прихоть, но с недавнего времени близнецы начали посещать раз в неделю клуб верховой езды. До поступления в Академию Святых и Великих Геден тоже охотно посещал его и был без ума от лошадей. Я же предпочитал наблюдать за ними со стороны,

особенно после того случая, когда конь Гедеона наступил мне на ногу. Может, именно в этом и кроется моя проблема с танцами.

– Господи, Ви! – внезапно с раздражением бросил Оливер и скривился, как от зубной боли. – Хватит строить из себя принцессу.

– Прекрати срывать на мне свой гнев, – холодно ответила она, повернувшись к брату.

– Да они всё знают! – взревел Оливер, указывая на меня и Скэриэла. – Я рассказал им, что ты мне руку порезала и телефон утопила.

Мы со Скэриэлом переглянулись и замерли, оба не знали, что ещё добавить. Кажется, об этом знал только я, но Скэриэл не подал виду.

– Рассказал? – уточнила она.

– Да, да, – повторил брат. – Прекрати изображать бог знает кого. Будь собой хоть здесь. Тебе самой не надоело?

Она замолчала, словно задумалась. Прошли долгие минуты, прежде чем Оливия что-то для себя осознала. Я чуть было не разинул рот, когда на её ангельском личике появилась сердитая складка между бровей. Глаза неожиданно сузились, губы плотно сжались, и она с обидой посмотрела на брата. От прежней Оливии не осталось и следа.

– Ну что ж, спасибо, – резко проговорила она.

Оливер закатил глаза.

Внезапно Оливия подняла руки и, поколдовав над пучком, вытащила четыре шпильки, затем небрежно размотала пряди и удовлетворённо выдохнула, когда копна волос тяжело опустилась на плечи. Она поправила волосы и произнесла:

– Вы просто сейчас не понимаете меня. От пучка у меня аж голова заболела. Боже, как хорошо... – простонала она и, запустив руки в волосы, помассировала кожу головы.

Пока мы со Скэриэлом удивлённо наблюдали за ней, она торопливо стянула через голову свитер, оставшись в белой майке, сквозь которую просвечивал лифчик. Я залился краской и отвернулся к окну.

– Скэриэл, я буду тебе премного благодарна, если ты дашь мне футболку. Мне и в майке неудобно.

Стараясь не смотреть на неё, я бросил беглый взгляд на Лоу.

– Ага, – кивнул он, заворожённо глядя на Оливию. Я даже не мог его упрекнуть в этом.

– Футболка? – с улыбкой повторила она, когда Скэриэл не сдвинулся с места.

– Да, точно, сейчас. – Ещё секунду он пялился, а затем бросился к лестнице.

Единственным, кто ничему не удивился, был Оливер. Он нервно качал ногой и тёр ладони. Да и в целом выглядел Брум всё ещё беспокойно, в то время как его сестра, кажется, чувствовала себя совершенно в своей тарелке.

Когда Оливия надела чёрную футболку Скэра, то почти потонула в ней. Комфортно устроившись на диване, она положила ногу на ногу и довольным тоном выдала:

– Так-то лучше.

Я и Скэриэл всё ещё смотрели на неё, оба поражаясь внезапным изменениям.

– Ну что? – бросила она. – Вот я настоящая. Привыкайте.

– А ты разгрови тут комнату и переверни стулья на кухне, чтобы они точно познакомились с настоящей тобой, – пробубнил Оливер себе под нос, за что получил локтем в бок. – Ай!

– Хорошего понемножку, – весело ответила Оливия. – Я же не хочу, чтобы они попадали в обморок.

– Как будто тебе вообще есть до них дело...

– Иди к чёрту, милый, – нежным голосом проворковала она.

Оливер громко хлопнул в ладоши, отчего я вздрогнул, и резко встал.

– Ну что там с фотками?

– Да зачем вам фотки? – Оливия закатила глаза; клянусь, в этот момент она выглядела так же, как Оливер. Потрясающее сходство. – Просто напиши заявление по поводу шантажа на этот кусок дерьма.

Крепкие словечки, вылетающие изо рта Оливии, поразили меня. Так вот что чувствовал отец, когда я высказал ему сегодня по поводу Скэриэла. Теперь я его понимал.

– Нет! Отец так может узнать! – Оливер гневно посмотрел на неё. – И ты не смей ему говорить!

– Больно надо, – бросила Оливия, отвернувшись.

– В общем, – подал голос Скэриэл, – есть кое-что. Не самое лучшее качество, но что есть, с тем и будем работать. – Он потянулся к рюкзаку и достал фотографии. – Вот.

– Ну хоть что-то, – нетерпеливо проговорил Оливер, протягивая руку.

Я подошёл ближе и принялся рассматривать снимки. Бернард – это, без сомнения, был он, хоть изображение и нечёткое, так ещё сделанное в тёмном помещении, – в окружении двух человек нагнулся к белой дорожке на столике. Усомниться в его действиях мог только наивный глупец.

– Это лучшее, что я видел в своей жизни, – медленно проговорил Оливер, и Оливия прыснула от смеха. Брум повернулся к Скэриэлу и восхищённо посмотрел на него: – Я не знаю, как тебя благодарить. Ты мне жизнь спас.

– Я был рад помочь, – смущённо сказал Скэриэл.

– Это просто охренеть, – оценил я. – Это что? Он наркоман?

– Да хоть серийный маньяк! – Оливер прижал снимки к груди. – Это моё спасение.

– Ага, похоже на кокаин, – подтвердил Скэриэл.

– Вот дела... – только и смог вымолвить я.

– А телефон ты зачем утопила? – вдруг весело спросил Скэриэл у Оливии.

– Потому что мой братец, глупый маленький мальчик, считал, что, если он будет долго упрашивать этого придурка, тот над ним сжалится.

– Да какая уже разница, – беззлобно сказал Оливер, рассматривая снимки.

– «Пожалуйста, Бернард, пожалуйста, не надо, я не могу достать список вопросов мистера Барнса, ну прошу тебя, ы-ы-ы», – спародировала Оливия брата, чуть понизив тон.

– А что оставалось делать?! – вспыхнул Оливер. – Если бы не это, – он помахал фотографиями, – я бы сейчас повесился, честное слово!

– Повесился, как же, – насмешливо проговорила она. – Кто бы тебе разрешил! Истеричка.

– Сама истеричка! – не унимался Оливер. – Кто мне ладонь порезал? У тебя проблемы с головой. Лечиться надо. Бешеная.

– У кого проблемы с головой, так это у тебя, – с ироничной улыбкой проговорила Оливия и сладко добавила: – Это же не я встречаюсь с мудаками.

– И так каждый день, – устало выдал Оливер. – Такого и врагу не пожелаешь.

– А ладонь зачем? – весело спросил Скэриэл. Кажется, ситуация его только забавляла.

– Молчи, – гневно предостерёг Оливер, глядя на сестру.

Я уже заранее знал, что она точно не послушается.

– Ну... после того как я избавилась от его телефона, этот... – Оливия не могла подобрать слова, чтобы точно описать брата, – идиот собрался домой к Бернарду, чтобы умолять его на коленях.

– Ладно, хватит мусолить прошлое! – рявкнул Оливер. – У меня теперь другая проблема. Что дальше делать? Как шантажировать Бернарда?

– Хороший вопрос, – хитро улыбнулся Скэриэл.

VII

Люмьер разразился громким заразительным смехом, привлекая внимание редких прохожих, гуляющих в парке. Проходящая мимо пожилая дама смерила нас недовольным взглядом. Чуть поодаль двое рабочих-полукровок оглянулись, но быстро вернулись к сбору опавших листьев. Я натянул мамин шарф на подбородок, прячась от сильного порыва ветра.

Люмьер был в прекрасном расположении духа, в отличие от меня. Я бы присоединился и вдоволь посмеялся вместе с ним, не будь я при этом главной причиной столь бурных эмоций. Прошли долгие минуты, прежде чем он сквозь смех произнёс:

– Повтори, что ты сейчас сказал.

– Эм, – сконфуженно выдал я.

Наверное, я выглядел настолько сбитым с толку, что у Люмера в какой-то момент проснулась совесть. Он жестом указал мне на ближайшую скамью.

– Прости, я просто... – продолжил он, широко улыбаясь, и сел рядом, закинув ногу на ногу. – Мне, кажется, слышалось, или ты сказал... – растягивая слова произнёс Люмьер, словно вновь был готов рассмеяться.

Он целенаправленно вынуждал меня повторить сказанное, словно не верил своим ушам.

Это было субботнее утро. Я предложил Люмьеру встретиться, чтобы попросить о помощи. В моём представлении мы бы серьёзно поговорили, но вся серьёзность слетела ещё до того, как я открыл рот. Люмьер сегодня просто светился от радости. Его не смущало, что я попросил о ранней встрече, ему не мешал сильный промозглый ветер, при том что я уже дрожал как осиновый лист. Это я предложил встретиться в парке подальше от лишних глаз, о чём уже жалел, но старался не подавать виду. Всю ночь думал о том, как сообщу Люмьеру о наставничестве, и надеялся, что он не откажет мне.

Я выдохнул и быстро произнёс:

– Позавчера я сказал отцу, что ты согласился быть моим наставником в Академии Святых и Великих.

Он задумчиво посмотрел на занятых делом работников, затем на меня. Казалось, теперь он воспринял мои слова всерьез.

– Удивительно, – выдохнул Люмьер и торопливо взглянул на наручные часы. – Сейчас девять утра. Ты ещё не сказал Гедеону?

– Нет...

Он хмыкнул.

– Так вот почему мы живы, верно? Он просто ещё не в курсе, – словно самому себе произнёс Люмьер. – Гедеон нас убьёт.

– Не думаю, что это произойдёт, – нерешительно возразил я.

Мне абсолютно не нравилось, куда вёл наш разговор. Я рассчитывал поговорить о чём угодно, но не о старшем брате. Не о неродном старшем брате.

– Уверяю, когда он узнает, наши тела по частям будут захоронены в разных уголках Запретных земель.

– Но он не хочет быть моим наставником, – твёрдо сказал я.

– Бьюсь об заклад, что ты его не спрашивал.

– О чём?

– О том, хочет ли он стать твоим наставником.

– Да он меня на дух не переносит. – Я поёжился и уставился на свои ботинки.

– Вы вообще разговариваете? Ну, знаешь, через рот, словами. – В голосе Люмера слышались язвительные нотки.

– Нет. – Это было единственное, что я мог уверенно сказать, когда дело доходило до Гедеона.

– Советую. Хороший способ узнать человека поближе. Просто десять из десяти. Лучше, чем обходить стороной и домысливать за других.

– Скажи это Гедеону.

– Каждый день говорю, но, видимо, упёртость у вас в крови.

– Ты же знаешь, мы не родные... – нахмурился я.

– Это не отменяет того факта, что он заботится о тебе. Думаю, он планировал стать твоим наставником.

Я продолжал недовольно сверлить Люмера взглядом.

– Да, забота у него своеобразная, – чуть помедлив, согласился он.

– Я знаю, что это прозвучит внезапно, но ты, – я голосом выделил местоимение, – можешь стать моим наставником?

– И тем самым подписать себе смертный приговор? – хохотнул Люмьер.

– Это значит нет? – Тут я окончательно сник.

– Я не отказал тебе. Просто пытаюсь просчитать все пути отхода. Знаешь, до этого дня я был уверен, что Гедеон будет твоим наставником. Да он скорее мне голову отгрызёт, чем позволит нам общаться. Гедеон уверен, что я на тебя плохо влияю.

– Но это не так, – удивился я.

– Просто я ещё не влиял. – Люмьер мягко улыбнулся и добавил: – У меня не самая хорошая репутация. По мнению Гедеона, с тобой может общаться только... кхм, – он задумался и игриво закончил: – Никто?

– Ха-ха, – по слогам хмуро бросил я.

– Он тот ещё собственник.

– Знаешь, а мне всё равно. Он мне не брат, – внезапно повысил голос я, о чём тут же пожалел.

Люмьер хмыкнул, но ничего не ответил. Мы ещё посидели в тишине; он вальяжно прислонился к спинке скамьи, рассматривая раскинувшуюся вдалеке поляну, а я в очередной раз поймал взглядом полукровок.

– Если бы не произошёл этот переворот, то всё было бы по-другому, – задумавшись, проговорил Люмьер.

Я молчал.

– Твой брат, Паскаль Бёрко, мог быть первым наследником, стать императором, – размышлял он вслух. – Гедеон, я, Оскар и Бернард должны были войти в круг ваших приближённых. И если бы каждый из нас пошёл по стопам отцов... Если бы мой отец был жив.

Он затих, и тогда я нерешительно проговорил:

– Мне жаль.

Внезапно Люмьер расхохотался. От испуга я вздрогнул и удивлённо уставился на него.

– Представь, если бы Оскар стал министром торговли! – Сквозь смех Люмьер продолжил: – Господи, да Вотермил разворует всё, что можно и нельзя продать. – Он положил ладонь мне на плечо и заговорил проникновенным голосом, но в глазах у него прыгали чертенята. – Не подпускай Оскара к себе. Этот идиот не заслуживает даже твоего приветствия.

– Ты его прямо не перевариваешь.

– Мы с детства не ладим.

– Почему?

– Как-нибудь в другой раз расскажу. – Люмьер выдохнул и поднялся. – В детстве я дал клятву отцу, что буду оберегать Киллиана Париса Бёрко. Это была не настоящая клятва, я просто учил её, чтобы в одиннадцать лет после церемонии огня не перепутать слова на посвящении. Если наследник семьи Бёрко нуждается во мне, то я не смею ему отказать. – Он тепло улыбнулся. – Именно для этого меня и отправили в Пажеский корпус – учиться военному делу.

– Но ты перевёлся в Академию Святых и Великих...

– Не будем вдаваться в детали. – Люмьер подмигнул мне. – Фактически меня отстранили от учёбы.

– Почему?

– Было слишком много идиотов, поносивших императорскую семью. Они не хотели отстаивать свою позицию на дуэли.

Да, Люмьер Уолдин точно фанатик. Мои опасения оправдались. Не знаю, хорошо это или нет, но сейчас он был согласен стать моим наставником, а это единственное, что мне было нужно.

– Спасибо.

– Поблагодаришь после того, как об этом узнает Гедеон... – сказал Люмьер, а затем добавил: – Если мы останемся живы.

– Что он, по-твоему, может сделать?

– С его богатой фантазией? – присвистнул Уолдин. – Боюсь представить. Например, подставить, и мистеру Бруму придётся выгнать меня из Академии.

– Это как-то чересчур.

Мы медленно направились в сторону выхода из парка.

– Я рад, что ты ещё не сталкивался с этой его стороной. Когда Гедеон чего-то хочет, он этого добивается. А если не добивается, то не больно-то и хотел.

– У меня чувство, что мы с тобой о разных людях говорим.

– Но я, в отличие от тебя, с ним хотя бы говорю, – подколот Люмьер. – В детстве он был хитрецом. Подставлял меня ради веселья, а мой отец был строгим. Ремнём выбивал дурость, считая, что это я вечно устраиваю шалости. Ну, какие подозрения могут пасть на спокойного и вежливого Гедеона Хитклифа, который, даже когда

сидит, спину держит ровно, ручки на коленках, и взгляд у него такой кристально чистый. У него всегда были выглаженные галстуки и начищенные туфли, а в руках книжки. Я долгое время считал, что он просто таскает их с собой для образа, пока не поймал его за чтением. Он ко всем обращался «мистер», «миссис» или «сэр». Устраивал мелкие взрывы, подрывал петарды, подставлял прислугу или преподавателей, но у него всегда было алиби. Кому доставалось? – Люмьер улыбнулся, словно эти воспоминания грели душу. – Конечно, мне. И руки у меня то запачканы в грязи из-за игр, то исписаны ручкой после выполнения домашнего задания. На голове бардак, на лице следы от джема, мятая рубашка и порванные шорты. Просто Том Соьер, не иначе. У Гедеона с детства ловко подвешен язык и чистоплотность в крови.

– А ещё взрывной характер и проблемы с гневом.

– Да, знаю об этом, – кивнул Люмьер. – Я думаю, вспышки гнева у него появились после переворота. Мы с ним стали свидетелями жестоких сцен. Легко спятить. Но не переживай, он работает над этим с психиатром.

– С кем? – Я остановился.

Люмьер замер в шаге от меня.

– Ты, по всей видимости, не знал? Неудивительно. Он, скорее всего, держит это в секрете.

– Отец тоже предложил мне посетить психиатра.

– У тебя тоже проблемы с гневом? – удивился Люмьер.

– У меня проблемы с тёмной материей.

Мы вновь двинулись дальше.

– Тебе нужно больше тренироваться.

– Знаю, – буркнул я, ускорив шаг.

– Дать уроки по тёмной материи?

– А ты можешь? Какие у тебя оценки по практике?

– Обижаешь. Я второй после Гедеона. И если между нами, то уж лучше быть вторым после Гедеона, чем стоять у него на пути.

– Ты прямо делаешь из него монстра, – с сомнением произнёс я.

– Разве? – Люмьер удивлённо посмотрел на меня. – Напротив, я тебя ввожу в курс дела. Что ты вообще о нём знаешь? Допустим, какой его любимый цвет?

– Э-э... чёрный?

– Синий. Что он любит из еды? – Люмьер с усмешкой наблюдал за мной.

– Без понятия. Яблочный пирог?

– Он не ест сладкое. Чем он интересуется? Что любит?

– Совет старейшин? – неуверенно произнёс я.

– Мимо. Он их на дух не переносит.

– Нет! Я точно уверен в том, что он хочет туда попасть. –
Казалось, что Люмьер дурит меня.

– Попасть хочет, но он ненавидит их всех. И законы, которые они издают.

– Но мой отец состоит в Совете старейшин!

Я мигом прикусил язык.

– Я бы сказал, что в семье не без урода, но это прозвучит грубо, –
стальным голосом выдал Люмьер. От его тяжёлого взгляда стало не по себе. Было в нём что-то от Гедеона. Возможно, поэтому они сошлись.

– Гедеон хочет попасть в Совет старейшин. Он часто это обсуждает с отцом за ужином.

– Как я уже тебе однажды говорил – перестраховка. Он знает, что в этой стране правят старейшины. А ещё Гедеон не хочет, чтобы правил ты.

– Не больно-то и хотелось, – скривился я.

– Ты должен править. – Люмьер вновь остановился. Я нехотя посмотрел на него, понимая, что ничего хорошего за этими словами не последует. – Во главе страны должен стоять наследник династии Бёрко. Я понимаю, что тебе не прививали уважение и гордость по отношению к империи, ты вырос при старейшинах, но это дело поправимое.

Он широко раскинул руки.

– Всё вокруг принадлежит твоему роду, Готье. Эта земля – твоя по рождению. Твои предки основали здесь империю много столетий назад не для того, чтобы спустя время их несовершеннолетний потомок испугался своего призвания.

– Я не испугался.

– Пока я вижу только испуг, – снисходительно проговорил Люмьер. – Ты со спокойным сердцем отдашь чужим людям то, что принадлежало твоей семье? Совет старейшин не более чем вооружённая группа, устроившая революцию и захватившая власть. Я

не хочу разбрасываться словами, но кто-то из нынешних старейшин точно причастен к смерти твоих родителей.

– Но Уильям Хитклиф взял меня в свою семью.

– У меня есть предположения на его счёт... Послушай, я не говорю, что именно он причастен и что он плохой человек, но будь я на твоём месте – подозревал бы каждого, кто шестнадцать лет назад был близок к императорской семье, а сейчас состоит в Совете. В списке семь чистокровных семей.

– Хитклиф, Вотермил, Кагер, Брум, Дон...

– Они самые. Я бы подозревал даже своего отца, Маркуса Уолдина, но он погиб, защищая империю.

– Ты был в тот день... там?

– Я играл с Гедеоном в саду, как вдруг мы услышали крики полукровок и низших. – Он оглянулся и нахмурил брови. – Сейчас не время. Достаточно тебе информации.

– Кто остальные две семьи?

– Я сказал, достаточно.

Он развернулся и направился в сторону. Мне ничего не оставалось, как рвануть за ним. В голове был такой сумбур, что я не сразу сообразил, когда Люмьер остановился у самых ворот парка.

– Мистер Хитклиф или Гедеон – никто не должен понять, что ты знаешь всю правду. Продолжай изображать «Готье» как ни в чём не бывало. И не ляпни ничего психиатру.

– Я не тупой, – огрызнулся я в ответ.

– Именно по этой причине я не начал тебя пилить ещё в первые дни, когда ты подслушивал под столом. Что ты вообще там забыл?

– Да так... – пожал я плечами. – Баловался. Постой, а если бы я не услышал ваш разговор, то так бы ничего и не знал. Когда ты собирался мне рассказать? Ты вообще планировал рассказывать мне?

– Не раньше второго курса Академии.

– Почему так поздно?

– Я не был уверен.

– В чём?

– В тебе. – Он смерил меня пристальным взглядом. – Ты тоже должен меня понять. На данный момент я единственный, кто хочет возвращения династии Бёрко. Я много наблюдал за тобой. Мне важно было знать, что тебе не промыли мозги старейшинами, чистокровной

элитой, что Уильям Хитклиф или Гедеон не стали для тебя примером. Иначе ты бы даже слушать не стал и мигом сдал меня с потрохами. Я много раз говорил Гедеону о том, что ты скоро должен будешь узнать правду, но он против. Боюсь, если бы ты был с ним в крепких братских отношениях, то Гедеон мог бы надавить на тебя.

– Тогда тебе на руку, что мы не в лучших отношениях.

– И с мистером Хитклифом у тебя всё напряжённо, – как бы между прочим бросил Люмбер.

– Не думал, что в этом можно найти свои плюсы.

– Во всём можно найти плюсы. Нужно просто смотреть под правильным углом.

– Ты понял, что у меня не складываются отношения с отцом и братом, поэтому решил, что мне можно доверять?

– Не совсем. Скорее я убедился, что тебе можно раскрыть все карты, когда увидел твоего друга, Скэриэла.

– Я не понимаю. Как это связано?

– Династия Бёрко всегда хорошо относилась к полукровкам и низшим, – объяснил Люмбер. – Ты сын своего отца.

– Я слышал совсем другое. По этой причине случился переворот. Полукровки и низшие ненавидели императора.

Люмбер прикрыл глаза, устало выдохнул и вновь взглянул на меня.

– Тебе многое придётся узнать. И это не переписанная кровью история из твоих лицейских учебников.

Мы молча смотрели друг на друга. Его лицо пылало от негодования.

– Постой... – Я зацепился за знакомое имя. – Что ты знаешь о Скэриэле?

– Я думаю, насчёт него ты уж знаешь побольше моего.

– Я уже ни в чём не уверен. В первую нашу встречу ты сказал, что он владеет тёмной материей.

– Да. На очень приличном уровне. Ты тренируешься с ним?

– Это невозможно, – бросил я. – Он полукровка. Как он может владеть материей на приличном уровне?

– Что? – Люмбер непонимающе уставился на меня. – Я думал, ты его этому научил.

– Нет. Мы никогда не обсуждали тёмную материю.

Люмьер вздохнул.

– Тогда тебе самое время обсудить это с ним.

VIII

После разговора с Люмьером я отправился прямым к дому Скэриэла. Уже подъезжая, я вдруг подумал, что, возможно, его нет на месте, а мы даже заранее не созвонились. Машины Эдварда у дома не оказалось, и я уж решил, что мои опасения подтвердились, но, несмотря на это, всё же позвонил в дверь, а когда на пороге возник недоумевающий Джером, с облегчением выдохнул. За его широкой спиной показалась тёплая чёрная куртка Скэриэла – значит, он дома. Не хотелось думать, что он отправился куда-то в пальто в такую холодрыгу.

– Привет, – произнёс я. – Мне нужно... – но Джером, не выслушав, просто развернулся, оставив меня в дверях, – поговорить со Скэром.

Очередной гостеприимный жест со стороны Джерома. Я вошёл, на ходу стягивая шарф. Джером быстро поднялся по лестнице, видимо, чтобы сообщить о моём приходе. Или стремясь убраться с глаз долой, не желая перекинуться даже парой слов. Этот парень просто не переваривал меня и совсем этого не скрывал. Наверное, так и поступают низшие. Они не лгут, не лицемерят, а сразу показывают своё истинное отношение. В этом были и плюсы.

Пока я по-хозяйски наливал себе стакан воды на кухне, ко мне спустился удивлённый Скэриэл. Он был в растянутом чёрном свитере, словно с чужого плеча, клетчатых домашних штанах, и впервые в этом доме я видел его в носках.

– Привет! – На его лице появилась радостная улыбка. – Что-то случилось? Ты мне звонил? – Он вытянул телефон из кармана и бросил короткий взгляд на экран.

– Не звонил. Надо поговорить. – Я сделал ещё один глоток воды. Скэр беззаботно подошёл ближе. Нахмурившись, я вытер губы тыльной стороной руки.

– О чём? – Он не спускал с меня глаз.

Я вылил недопитую воду в раковину и сполоснул стакан. Скэриэл словно чувствовал, что разговор выйдет непростым, и выглядел слегка

нервным. Не будь я с ним так долго знаком, может, и не заметил бы этого.

– Мы можем остаться наедине?

– Конечно, – кивнул Скэриэл.

Джером в это время не спеша спускался по лестнице, но, услышав мою просьбу, замер. Раздражение так и читалось на его лице. Я бы не удивился, пошли он меня куда подальше.

– Оставь нас, – обратился к нему Скэриэл.

На долю секунды я расслышал в его голосе металлические нотки.

Джером развернулся и тяжело поднялся по лестнице. Я дождался громкого хлопка двери, донёсшегося со второго этажа, прежде чем заговорить. Джером явно давал понять, что он очень зол. Интересно, у него вообще бывает хорошее настроение? Каждый раз, когда я его видел, он был мрачнее тучи.

Скэриэл улыбнулся мне, но я не смог ответить ему тем же.

– Я всё знаю, – проговорил я тихим голосом.

– О чём?

– Почему ты врал мне? – Мысленно я дал себе подзатыльник. Вопрос звучал как в третьесортной драме. – Я хотел сказать, что...

– Слушай, Готи, я не совсем тебя понимаю. – Скэр нервно хихикнул. – Это пранк или что? – Он вальяжно уселся на стул. – Репетируешь роль для очередного проекта? Ставите «Отелло» Шекспира в лице?

Внезапно он поднялся, вскинул руку и угрожающе продекламировал, обращаясь к холодильнику, сверкая при этом напускным гневом:

Сейчас! Итак, покайся добровольно В своих грехах, затем что даже клятвой, От каждого отрёкшись обвиненья, Ты ни сломить, ни изменить не в силах Суровое решение моё^[3].

Я хотел выглядеть как можно более суровым, но не удержался и прыснул от смеха. Скэриэл расслабился, увидев мою реакцию, и вновь улыбнулся.

– Ладно. – Я сел и постарался взять себя в руки. – Я хотел сказать тебе, что знаю твой секрет. И мне обидно, что я узнаю его от другого человека.

– Секрет? – переспросил он, затем ахнул, прикрыв рот рукой, и затих.

– Да, – кивнул я.

Скэриэл выглядел испуганно. Меня не покидало ощущение, что он опять собрался шутить.

– Я должен был признаться раньше, но да, ты должен знать мой секрет.

Это точно не то, о чём я собирался с ним говорить. Глядя на Скэра, нетрудно было догадаться, что он снова решил разыграть меня.

– Я ни черта не понимаю в сортировке мусора и иногда пихаю пластик не в тот пакет. Тебе Микки рассказал?

– Что? Какой Микки? – раздражённо бросил я.

– Он забирает наш мусор по утрам, – как ни в чём не бывало продолжил Скэриэл, так ещё и махнул рукой в сторону окон. – Вечно мной недоволен, говорит, что я ленюсь, и за это мне приходится платить штраф. – Он прищурился, подвинулся ближе и шёпотом переспросил: – Так это Микки меня сдал?

– Блин, Скэр, я серьёзно! – повысил я голос.

– Тогда ближе к делу, – вдруг без тени насмешки выдал он, хотя секундой ранее откровенно потешался надо мной; голос стал ниже, взгляд – надменным. – Если есть что предъявить, то не ходи вокруг да около. – Скэриэл откинулся на спинку стула, расправил плечи и словно стал выше, глядя на меня сверху вниз. – У чистокровных много свободного времени, вы любите тратить его почём зря.

– Да пошёл ты, – бросил я.

Меня внезапно разозлило то, что Скэр часто проводил негласную черту между нами. Смена поведения и интонации выбила из колеи. Словно я разговаривал с незнакомым человеком.

Не знаю, чего я ожидал, когда поднялся и направился к холлу.

– Стой, подожди, – произнёс он за моей спиной.

Я повернулся и увидел, что Скэриэл уже успел подняться следом.

– Прости, у меня плохое настроение с утра. Проблемы в школе.

– На дистанционке?

– Да, – чуть помедлив, ответил он. – Ничего сложного, просто много задают и не всегда успеваю высипаться. Вот и ругаюсь со всеми. С Джеромом и Эдвардом тоже успел с утра поцапаться.

Только сейчас я заметил, что выглядел Скэриэл уставшим, измученным. Мешки под глазами, бледная, почти серая кожа, он даже немного схуднул – и как я раньше этого не заметил?

- Слушай, – я подошёл ближе, – ты владеешь тёмной материей?
- Ну да, – кивнул он. – Все полукровки владеют. Ты не знал?
- Ты понял, о чём я.

Скэриэл смотрел на меня долгим нечитаемым взглядом. Я не мог понять, о чём он думает, хотя раньше казалось, что все его эмоции так ясно написаны на лице.

- Ты это узнал от другого человека? – уточнил он.
- Да.
- От кого?
- Это важно?

Впервые я видел Скэриэла таким разъярённым.

– Если кто-то сбивает тебя с толку, обсуждает меня за спиной, то да, это важно, и я бы хотел об этом знать.

Повисло напряжённое молчание. Не знаю, как долго бы это продолжалось, если бы у Скэриэла не зазвонил телефон. Он недовольно глянул на экран и сбросил звонок.

- Мог и ответить, – проговорил я.
- Не хочу. – Скэриэл отложил телефон на кухонный стол и взглянул на меня, сложив руки на груди. – Ну так что? Это Джером?
- Нет, – растерянно буркнул я. – Мы с ним вообще не общаемся.
- Тогда? – Скэриэл требовательно приподнял правую бровь.
- Люмьер Уолдин, друг Гедсона, – со вздохом произнёс я.
- Мы с ним не знакомы.
- Зато он, кажется, всех знает. – Я пожал плечами. – Следил за нами.
- Зачем?

Я зевнул, прикрывая рот рукой. На меня вдруг навалилась усталость. Я плохо спал ночью, встал рано, и этот тяжёлый разговор со Скэриэлом окончательно измотал.

- Я присяду? – Указав на диван, я, не дождавшись ответа, сел.
- Ты заболел или что? – спросил он, садясь рядом. Его пристальный взгляд никуда не делся, а я уже хотел побыстрее закончить с разговором.
- Нет, просто тоже не выспался. Не знаю, зачем Люмьер этим занимается, но он военный, а у них всегда проблемы с головой.

Скэриэл усмехнулся.

- Он сказал, что я владею тёмной материей?

– Да, причём на очень хорошем уровне. Люмьер решил, что я в курсе, и, типа, ну, похвалил тебя. Он подумал, что мы вместе тренируемся. А теперь представь мой шок, когда я это услышал.

– И что ты подумал по этому поводу?

– Что он бредит. Или спутал тебя с кем-то. Я пришёл сюда, чтобы выслушать тебя, но, кажется, ты не хочешь признаваться.

Скэриэл нахмурил брови и уставился куда-то в сторону.

– Не хочешь говорить...

– Я боюсь, – тихо произнёс он.

– Чего? Или кого? – Я сел как Скэриэл, отзеркалив его позу.

Он действительно выглядел слегка испуганным: кусал губу, мял пальцами диванную подушку, беспокойно дёргал ногой.

– Что кто-то узнает о моих способностях и может что-то сделать. Это ведь ненормально.

– Что сделать?

– Не знаю. Я много чего боюсь, – поёжился Скэриэл. – Например, в Запретных землях есть подпольные бои без правил. Такой, как я, там сразу станет сенсацией, все захотят посмотреть, как с помощью тёмной материи я смогу защититься.

– Зачем?

– Ради денег. Бойни с чистокровными почти не бывает. У вас есть дуэли, но на них не добивают, нет зрелищности, жестокости. Полукровкам и низшим нужны кровь, кишки, месиво, убийства. Вы не используете тёмную материю, чтобы кого-нибудь убить ради выживания. Вы ею кичитесь, как родословной или богатством. Если пропадёт чистокровный, начнётся расследование. Если пропадёт полукровка, всем будет плевать.

Я не знал, что ответить. С одной стороны, это не укладывалось в голове. Кто организует бои без правил в наши дни? С другой стороны, Запретные земли – это не то место, о котором я знал достаточно. Скорее, мои познания близки к минимальным. Я был там только один раз, да и то закончилось всё большим скандалом с Гедеоном.

– На каком ты уровне тёмной материи?

Скэриэл был в смятении. Я уже решил, что он не ответит, но вместо этого Лоу медленно вытянул руку. На его ладони показалось тёмное пламя, совсем маленькое, как от спички. Этим владеют все полукровки, я видел такое у Кевина и у Сильвии.

Наблюдая за Скэриэлом, я заметил, как он напрягся, и пламя начало расти и приобретать очертания непонятной фигуры. Вскоре на его ладони скакал тёмный конь. Он бил копытом, шагал, а затем ринулся галопом, продолжая оставаться на месте.

– Вау... – изумлённо выдохнул я. – Как у тебя это получается?

– Ты этого не умеешь? – удивился Скэр, опустив руку. Я расстроенно проследил за тем, как конь испарился.

– Шутишь? Я еле оформляю материю в стрелу. Мистер Аврель, наверное, считает меня полным неудачником. Из-за проблем с тёмной материей отец хочет отправить меня к психиатру.

– Всё так плохо?

– Да. Тебе бы к нам в лицей...

– Я не чистокровный, – усмехнулся Скэриэл.

– Да, но... – Я запнулся. – Но ты владеешь тёмной материей лучше меня. Мистер Аврель обалдел бы от твоих способностей. Да все бы обалдели.

– Не знаю, Готи. – Скэриэл тряхнул головой; прядь тёмных волос упала ему на глаза, и он небрежно убрал её за ухо. – Боюсь, что узнают другие чистокровные или, что хуже, узнают в Запретных землях.

– Ты всегда держал это в тайне? Никто не знал? Твои родители, ну, я имею в виду, до того, как их не стало... Эдвард? Джером?

– Никто не знает. Я понял, что владею силой, уже после смерти родителей.

– Но ты подозревал, что Джером тебя выдал. Я думал, может, он в курсе.

– Я ему ничего не рассказывал, но мы живём в одном доме, он мог увидеть и сдать меня.

– Люмьер тебя увидел и сдал.

– Ему можно доверять? Я не хочу, чтобы он растрезвонил об этом. – На лице Скэриэла возникла гримаса боли: он прикрыл глаза, плотно сжал губы и шумно выдохнул через нос.

– Наверное, можно... – неуверенно произнёс я. – Ты в порядке?

Он выжал из себя мучительную улыбку и кивнул.

– Голова разболелась.

– Я поговорю с ним. Скажу, что это секрет. Может, таблетку?

– Ага, – кивнул он. – Приму потом и лягу вздремнуть.

– Когда ты узнал, что владеешь на таком уровне? Это же уму непостижимо... Полукровка с силой чистокровного.

– Я... – начал было он. – Послушай, Готи, я не уверен, что знаю, когда это началось. Просто мне было интересно, что ещё можно получить помимо этого. – Он перевернул руку ладонью вверх, и вновь возникло маленькое пламя. – Этим владеют все полукровки. На пересечении границы мы обязаны предъявлять материю, чтобы нас не спутали с низшими. Когда я был маленьким, это пламя не давало мне покоя. – Скэриэл как замороженный смотрел на собственный огонёк. Я тут же вспомнил, с каким лихорадочным взглядом он рассказывал про Александра Македонского или Артюра Рембо – сейчас он так же увлечённо говорил о тёмной материи. – Если представить тёмную материю как навык, способность, разве нельзя её развить? – эмоционально продолжил он. – Это как с рисованием. Низшие будто рождённые без рук, они заведомо не могут взять в руку кисточку и что-то нарисовать, и этим им забивают голову с пелёнок. «У тебя нет тёмной материи, не пытайся, ты создан беспомощным». Но что, если... – Он сосредоточенно посмотрел на меня. – Что, если отбросить эти рамки? Ты знаешь, были художники без рук. Всему можно научиться. Та же история и с полукровками. Нас учили, что наш максимум – создать пламя. И единственное практическое применение этого тёмного пламени – проверка статуса на границе. А что, если не слушать никого и улучшать то, что дала тебе природа?

– Ты думаешь, что каждый низший или полукровка может добиться уровня чистокровного? – ошарашенно спросил я.

– Я не могу отвечать за каждого. Но теоретически это возможно.

– Это может перевернуть весь наш мир...

– Поэтому я не говорю об этом на каждом шагу. Не уверен, что могу взять ответственность за чужие жизни, если все узнают о том, что полукровка по силе не уступает чистокровному.

– Создавать фигуры из тёмной материи – талант...

– Я бы не назвал эту силу талантом, – резко произнёс Скэриэл. – В моём случае это была упорная работа сутки напролёт.

– Со скольких лет?

– Сейчас уже и не вспомню. – Скэриэл зачесал пятернёй волосы. – Но с детства.

– Ты боялся мне рассказать?

– Мы с тобой почти не обсуждали тёмную материю. Я помню, как в прошлом году перед летними экзаменами ты был зол и говорил, что ненавидишь эту силу. Я решил, что лучше не поднимать эту тему.

– Ну отлично, теперь, оказывается, из-за моих никчёмных способностей ты всё это время молчал, – раздражённо бросил я и затих.

Прошлый год был действительно тяжёлым. Я постоянно возвращался к мыслям о маме и в скором времени потерял интерес к учёбе. Мои оценки скатились на самое дно, но я не проявлял должного усердия, чтобы их как-то исправить, как бывало раньше. Неожиданно я вспомнил, что отец в то время меня почти не трогал, если не считать того, что внезапно на пороге дома то и дело появлялись репетиторы.

Мой характер в тот год оставлял желать лучшего. Я срывался на всех, истерил, обвинял отца за спиной, перестал разговаривать с Габриэлой и хамил прислуге. Тогда много доставалось и Скэриэлу.

– Я молчал с детства, ты тут ни при чём.

– Что ты планируешь делать дальше? Так и оставишь всё в секрете? С твоими способностями тебе нужно было учиться в лицее. Или сразу поступать в Академию Святых и Великих.

– Не знаю. Пока оставлю всё как есть.

– Не хочешь... – Я неуверенно продолжил: – Потренироваться вместе?

– С тёмной материей?

– Да... У меня скоро зимние экзамены. Можешь помочь? Люмбер предложил помощь, но мне с ним неловко.

– Конечно, – Скэриэл широко улыбнулся. – В любое время.

Увидев из окна, как Хитклиф вышел из дома, я спустился вниз. Скэриэл стоял у дивана, скорчившись.

– Проверь, что входная дверь заперта.

Я подошёл к двери, подёргал ручку и на всякий случай закрыл на ещё один оборот. Повернувшись, я столкнулся взглядом с рассерженным Скэриэлом.

– Он знает, что я владею тёмной материей. Пришлось наврать с три короба про подпольные бои в Запретных землях. Люмбер Уолдин следит за мной.

Последнюю фразу Скэриэл произнёс из последних сил, прежде чем схватился за бок. Я подошёл к нему и осторожно приподнял свитер. Левый бок был забинтован, но кровавые разводы уже появились на бинтах. Ему нельзя было двигаться, но он всё равно спустился к чистокровному.

– Помоги снять, – прохрипел Скэриэл.

Я аккуратно взялся за низ свитера и медленно, дюйм за дюймом поднимал ткань, стараясь не задеть рану. До прихода Хитклифа Скэриэл принял обезболивающее и забинтованный лежал в своей комнате. Я бы ни за что не впустил чистокровного, но Скэриэл был другого мнения. Как только я сообщил ему, что тот пришёл, Лоу потребовал мой самый большой свитер и намеревался во что бы то ни стало спуститься.

– Дальше я сам, – прохрипел Скэриэл, оставшись по грудь обнажённым. – Рана быстро заживёт. Через пару дней буду как новенький.

– Тебе нужен покой, нельзя было вставать.

– Я знаю, Джером, – грозно бросил он, подходя к лестнице. – Этот сукин сын, Адам, ещё поплатится за это.

– За что Адам порезал тебя? – тихо спросил я, следуя за Скэриэлом. – Не думал, что он решится напасть.

Скэриэл недовольно выдал:

– Разве таким, как Адам Шерр, нужна причина?

Я ничего не ответил, и Скэриэл медленно поплёлся по ступенькам. От моей помощи он всячески отказывался, поэтому мне только и оставалось, что подниматься за ним, беспомощно сжимая свитер в руках.

IX

– Я вам серьёзно говорю, – не унимался Оливер, понизив голос. – Он внезапно появился и так посмотрел на Бернарда, что тот даже пикнуть не успел.

Сегодня вечером мне предстоял первый сеанс с психологом. Из-за того что я продолжал думать об этом, мне никак не удавалось сосредоточиться на словах Оливера. Он с утра был возбуждённый, не мог усидеть на месте, то и дело поглядывал на меня во время занятий и, что ещё более странно, подмигивал, будто мы с ним затеяли что-то на редкость интригующее, о чём я успел забыть.

Прошла неделя с того разговора о тёмной материи со Скэриэлом, мы всё никак не могли найти время, чтобы потренироваться. То он был занят своими уроками, то я тонул в домашних заданиях, из-за чего вся неделя слилась для меня в один нескончаемый поток переписанных страниц конспектов, перепечатанных докладов; помимо этого по вечерам я заучивал параграфы по истории и поэмы по литературе.

Учитывая, что каша в голове лишала должной концентрации, мои попытки зубрить или осмысленно заучивать с треском проваливались. В то время как я должен был учить очередной параграф, вместо расплывчатых строк из учебника я представлял себе настоящих родителей, которые погибли во время переворота, думал о своём пугающем будущем и не менее пугающем прошлом, а когда возвращался в реальность, понимал, что потерял ещё час впустую. Как читать анализ политики Лукиана Бёрко, если он был моим отцом, ума не приложу. Вместо того чтобы отрешиться и трезво оценить учебник, я всё чаще вспоминал слова Люмбера о том, что это не более чем переписанная кровью история. Во мне то и дело просыпалось негодование, и я понимал, что усмирить его не в силах.

Приближалась пора зимних зачётов, и преподаватели соревновались, кто больше задаст на дом и сильнее угробит наши выходные. Я боялся только предстоящего экзамена по тёмной материи. Мистер Аврель больше не мог закрывать глаза на мои неудачи. Что, если я не смогу поступить в Академию Святых и Великих? Понижило бы это как-то мою и без того нестабильную самооценку? Академия

нужна была в первую очередь отцу, я же никогда не гнался за титулами, статусами и не стремился пустить окружающим пыль в глаза. Впрочем, я никогда не стремился к тому, чтобы владеть тёмной материей на высоком уровне. Даже в этом мы различаемся со Скэриэлом. Он-то с детства увлечён этой способностью. А я принимаю тёмную материю как должное и злюсь, когда мне навязывают её значимость.

– Мы это поняли, – устало произнесла Оливия, внимательно просматривая страницы учебника. – Пришёл герой и спас тебя. Надеюсь, ты высказал Бернарду всё, что о нём думаешь?

Я вынырнул из мыслей и взглянул на Оливера. Встреча с Бернардом, судя по всему, успела пройти мимо меня. Я был так погружён в свои проблемы, что умудрился прошляпить разборки Оливера с шантажистом. Брум с утра горел желанием в красках рассказать об этом, и свободная минутка выдалась только в библиотеке после занятий.

– В том-то и дело! – рявкнул он на сестру.

Работница библиотеки смерила нас недовольным взглядом. Оливер уткнулся в раскрытую книгу и прошипел:

– Я хотел ему высказать, но Скэриэл, представляете, сказал ему, что если он ещё хоть раз взглянет на меня, то Скэриэл сольёт все его фотографии из клуба вместе с грязными подробностями в «Дэйли Ньюс Ромус»...

– Ты был со Скэриэлом? – удивлённо спросил я.

– ...и журналисты разнесут его семью в пух и прах, – закончил он и затем произнёс с лёгким негодованием: – Готье, ты вообще меня слушал? Я же рассказывал сейчас. – Оливер торопливо продолжил: – Я встретился вчера с Бернардом. Скэриэл предложил пойти со мной. Он сказал, что будет стоять неподалёку и страховать меня. И вот я увидел Бернарда и, ну... немного растерялся.

– Начал мямлить? – нахмурилась Оливия, подняв на брата нечитаемый взгляд. Так вот какая она, когда чем-то недовольна. Было интересно наблюдать за ней под новым углом.

– Ну, не то чтобы мямлить... Просто... – Брум весь ошетинился и уже гневно добавил: – Ты всё равно не поймёшь. Я просто растерялся. Но Скэриэл влез и поставил Бернарда на место. Угрожал фотографиями, сказал, что у него полно компромата.

– Я думал, у вас только одна фотография с Бернардом, – между делом встрял я, стараясь не отвлекаться на разговоры. Нам задали написать эссе на восемь листов по истории тёмных сил на тему «Быть чистокровным – значит быть...».

...Значит быть слепым, высокомерным ослом, не признающим ничего, что может столкнуть его с пьедестала своего завышенного чувства собственной важности.

– Так и есть, – кивнул Брум. – Скэриэл просто угрожал ему, припугнул, но тот реально поверил.

– Что за грязные подробности? – не глядя на брата, спросила Оливия.

– Как я понял, никаких грязных подробностей нет, хотя... Скэр сказал, что журналисты охотно раздуют из этого сенсацию и никому не будет дела до правды.

– Я думал, что ты пойдёшь с Оливией.

– Ещё чего, – буркнул он мне. – Ты её вообще слышал? – Брум указал простым карандашом на Оливию. – Она готова была вызвать полицию, национальную гвардию и своего личного адвоката, лишь бы засадить Бернарда в тюрьму. – Оливер обвёл руками просторный зал библиотеки. – Просто растрезвонить на всю округу о том, что Бернард Дон меня шантажировал.

– У тебя есть личный адвокат? – спросил я, переводя взгляд на неё.

– Оливер преувеличивает. – Оливия улыбнулась одним уголком губ, будто ещё не привыкла общаться со мной без своего дружелюбного образа. – Адвокат есть у нашей семьи. Но я бы всё равно не пошла на встречу с ним.

– Так что с Бернардом? – обратился я к Оливеру. – Он больше не объявится?

– Уверен, что нет, – с довольным видом проговорил Брум. – Будет молчать в тряпочку, если ему жизнь дорога. Скэриэл ясно дал понять, что у Бернарда будут большие проблемы, если он всё-таки продолжит меня шантажировать.

– А Бернард просто проглотил это от полукровки? – спросила Оливия. – Полукровка угрожает чистокровному. – Её фальшиво удивлённый тон начинал смущать даже меня. – Неслыханное дело.

Видимо, за годы у Оливера выработался иммунитет к её иронии и сарказму.

– Жаль, вас там не было. Бернард весь позеленел от злости, а когда Скэриэл достал фотографию из клуба, то завис, как будто призрака увидел. Но не это было самым потрясным.

– Ох, не томи, – без энтузиазма проговорила Оливия, не отвлекаясь от учебника.

Оливер закусил губу и замолчал, затем взглянул на меня. Как раз в это время я – как чувствовал – тоже отвлёкся от эссе и, встретившись с ним взглядом, изобразил интерес. Он, обрадованный, что нашёл внимательного слушателя, продолжил:

– Скэриэл назвал чьи-то имена и добавил, что они передают Бернарду привет с Запретных земель. И ещё сказал – нет, серьёзно, в духе криминальных драм, – что этим людям не хотелось бы, чтобы их имена светились на страницах газет вместе с фамилией Бернарда. И это был БАМ. – Для большего эффекта он изобразил звук взрыва.

Работница библиотеки не заставила себя долго ждать. Она молниеносно оказалась у нашего стола и отчитала Оливера, пригрозив, что впишет его в чёрный список библиотеки и вход в священную обитель ему будет навсегда заказан.

Оливия изобразила такое ангельское смирение, что мне даже стало неловко. «Нам очень жаль, мой брат виноват, и мы приносим свои глубочайшие извинения, миссис Симмонс», – произнесла она тихим, виноватым голосом. Так вот как эту женщину зовут. Самое время узнать об этом в выпускном классе. Оливер сердито отвернулся и принялся с раздражением стучать пальцами по столу. Миссис Симмонс поджала губы, вздохнула и попросила нас быть тише.

– Молодец, – шёпотом произнесла Оливия, когда работница отошла.

– В общем, проблема с Бернардом решена, – закончил Брум, игнорируя сестру.

– Ну и славно, – бросила Оливия. – Давно нужно было с этим кончать. Я пойду попрошу отксерить эти страницы. Вам что-то нужно?

– Нет, нет, – торопливо проговорил я.

– А тебе?

– Мне, пожалуйста, двойной бургер и колу, – лучезарно улыбнулся Оливер.

Оливия тяжело выдохнула и направилась к миссис Симмонс. Оливер задумчиво опёрся на руку и посмотрел сестре вслед.

– Ты вообще планируешь что-то предпринимать на её счёт? – нервозно спросил он. – Или уже передумал?

– О чём ты?

– Ну, ты и Оливия. Она к тебе хорошо относится. Будешь что-то делать?

– Как-то даже времени не было подумать об этом.

– Скоро рождественская вечеринка; как обычно, наши семьи соберутся, будет романтично ей признаться.

– Не знаю даже, – нерешительно сказал я. – Уроков полно, уже неделю не продохнуть. Ещё экзамен по тёмной материи меня пугает. А ты как сам? Не против, что... – и тут я кашлянул в кулак, чтобы потянуть с ответом, – ну, признаюсь ей?

– Да нет, не против, – чуть погодя проговорил Оливер. – Но не думаю, что из этого что-то выйдет.

– Спасибо, это очень воодушевляет, – пошутил я, хотя, признаюсь честно, его слова меня задели.

– Да я, нет, правда не против. Просто не знаю, каким должен быть парень, чтобы вытерпеть её.

– Думаю, что ты преувеличиваешь.

Оливер посмотрел на меня как на глупца.

– Где вообще Леон? – спросил я, желая сменить тему.

– Он мне не докладывает, но, наверное, опять на репетиции «Щелкунчика». Заметил, как часто он прогуливает уроки и ему никто и слова не говорит? Надо было тоже заниматься балетом.

Я прыснул от смеха и мигом закрыл рот рукой. Оливер усмехнулся.

– Поэтому именно ты получил роль Дантона, а не Леон. Хотя актёр из Леона получше будет.

– О, польщён, – сыронизировал я в ответ. – Ты боялся, что в день выступления по Французской революции он не придёт из-за репетиций?

– Конечно, – кивнул Оливер. – Я всё предвидел заранее. – Он постучал пальцами по виску. – Думаю наперёд. Да я просто чёртов гений.

– А я было решил, что ты углядел во мне нераскрытый актёрский талант.

– Само собой, мой друг. – Он вновь постучал себя по виску. – Гений.

Я поднялся и сложил книги в стопку. Слишком мало информации, нужно поискать больше материала для эссе.

– Не в курсе, где здесь полки со Средневековьем?

– Что? – Брум оторвался от своих записей. – Честно говоря, не помню. Где-то там, в дальнем углу.

Я направился в сторону указанных стеллажей. Людей в этот час было не так много. Пятница, вторая половина дня, и многие предпочитали поскорее покинуть лицей и насладиться выходными. Не везло только выпускным классам.

Бездумно блуждая взглядом по старым книжным корешкам, я то и дело мысленно возвращался к рассказу Оливера. Скэриэл отправился с ним на встречу с Бернардом. Удивительно, как Скэр проникся проблемами Брума. Они знакомы не так давно, а Лоу уже помогает ему в таких ситуациях. Возможно, попади я в подобное положение, тоже бы не отказался от помощи. Как выяснилось, мы, чистокровные, даже решая свои проблемы, не можем обойтись без полукровок.

– Можно тебя на пару слов? – раздался тихий нежный голос.

Я поспешно развернулся, мигом заливаясь румянцем. Оливия стояла непростительно близко. Сделай я шаг, и смог бы прижаться губами к её лбу. Она смотрела на меня открытым проникновенным взглядом. Её белоснежная блузка со множеством многослойных рюшей визуально увеличивала маленькую грудь. Она стояла так близко, что я слышал, как она делает вдох, видел, как грудь слегка вздымается – всё это завораживало какой-то священной красотой, что веками любили обожествлять художники, скульпторы и поэты.

Оливия обладала потрясающе тонкой лебединой шеей, миниатюрными плечами – казалось, я мог сжать их, не применяя силы. У неё были изящные длинные пальцы, нежная кожа – хоть я никогда не брал её за руку, но был уверен, что она мягкая, как шёлк, – а какой от неё исходил приятный аромат – цветочный, сладкий, еле уловимый!..

– Я переживаю за него, – произнесла Оливия.

Она обошла меня и прислонилась к стеллажам рядом. Я посмотрел в том направлении, куда она указала. Напротив нас, в центре зала, сидел Оливер и усердно что-то переписывал из учебника в тетрадь. Повернись он, всё равно бы нас не увидел. Мы были спрятаны за книжными полками.

– Когда он привязывается к людям, у него напрочь отключается критическое мышление. Так было и с отцом, и с Бернардом.

Я ничего не отвечал, просто стоял рядом, наблюдая за Оливером. Мне казалось, что наши мысли сейчас заняты разными вещами. Я как замороженный не мог перестать думать о близости с ней, в то время как её мысли блуждали вокруг брата.

– Я доверяю тебе и Леону. Вы не причините ему боли.

– Э... спасибо. – Я лихорадочно пытался придумать более подходящий ответ, но ничего не вышло. – Я никогда не обижу Оливера, не волнуйся.

Оливия улыбнулась.

– Знаю. – Она повернулась ко мне и придвинулась ближе.

И тут я запаниковал. Вся её поза говорила о том, что она сейчас, прямо в библиотеке, прильнёт ко мне. Как вести себя? Обнять её? Взять за руку? Поцеловать?

– Я доверяю тебе, Готье. Но я не доверяю Скэриэлу.

– Что, прости? – Я будто бы вынырнул из плотного кокона. Разговор явно пошёл не в то русло, о котором я грезил.

– Я буду предельно честна с тобой. Ты заслуживаешь этого, – понизила голос Оливия. – Скэриэл либо очень хороший друг, либо корыстный лицемер. Признаюсь, я пока не могу определиться.

– Почему ты так думаешь?

– Может, я сужу по своему окружению, – задумалась она. – Может, я привыкла думать о людях плохо.

– Скэриэл много раз меня выручал.

– Приятно слышать. Я хочу ошибаться на его счёт. Но меня пугает другое. – Она придвинулась ещё ближе. – Оливер быстро сближается с ним. Он слетает с катушек, если человек ему очень нравится.

– Я понял, но, уверяю, Скэриэл классный... Он не замышляет ничего плохого. Он бы так не поступил.

– Ты не знаешь наперёд всего, что может с нами произойти. Не будь так уверен. Чужая душа – потёмки.

– Послушай, Оливия...

– Нет, это ты, пожалуйста, сейчас послушай меня. Я не буду больше скрывать свой характер и скажу сразу.

Она резким движением ткнула меня чем-то острым в районе бедра. Было не больно, скорее неприятно, но я сдержал внезапный порыв её оттолкнуть.

– Это заточенный простой карандаш упирается в твоё бедро, – тихо произнесла Оливия. – Передай Скэриэлу, что если он попытается причинить боль моему брату, то в следующий раз я воспользуюсь ножом для вскрытия писем. Ему это точно не понравится.

– Ты переходишь границы, – твёрдо проговорил я, стараясь удержать на лице непроницаемое выражение.

– Пусть и так. – Она отошла, держа карандаш, как холодное оружие. – Пусть сейчас я перейду границу, но, если Скэриэл только пальцем тронет Оливера, я добьюсь его изгнания в Запретные земли. Ты его друг. Передай ему мои слова.

Я хмуро глядел на неё. Не могу отрицать, что Оливия была прекрасна даже в этом боевом настрое, но с каждой нашей встречей с ней как будто слой за слоем слетала шелуха придуманного мной образа, ореола неприкосновенной, кроткой красоты.

– Что вы тут оба забыли? – Внезапно рядом возник Оливер, оглядел нас и изобразил такое хитрое лицо, словно поймал за чем-то постыдным. – Я вас везде ищу.

У меня не было даже сил что-то вымученно доказывать. Если он воспринял наше уединение как порывы влюблённой парочки, то был абсолютно не прав. Сейчас между мной и Оливией летали молнии и искры, но точно не от жгучей страсти.

– Из вас бы вышла милая парочка, – хмыкнул Оливер.

– О, – внезапно произнесла Оливия. – Вспомнила, что не скопировала ещё кое-какие страницы.

Она торопливым шагом направилась в сторону нашего стола.

– Говорил же, ты ей точно нравишься. Помнишь «Г. Х.»? «Готье Хитклиф» – это сто процентов.

– Ага, помню.

Габриэлла Хитклиф, Гедеон Хитклиф, Генри Хорш, Глория Хиггинс, Гретта Хейл. Мать его, да кто угодно.

Оливер показал мне большой палец и подмигнул. Глупее ситуации и придумать нельзя.

– Знаешь, не думаю, что я ей нравлюсь.

– Да хорош, – протянул он. – Она точно к тебе равнодушна.

О да, угрожать объекту своей симпатии – это прямо новый уровень проявления чувств.

Вернувшись за стол, я пришёл к выводу, что ничего из того, что сказала Оливия, не передам Скэриэлу. Она могла как угодно к нему относиться, но я не подписывался на то, чтобы быть её персональным посыльным.

Скэриэл прохаживался по ателье, заинтересованно изучая всё вокруг. Он щупал материал, проверял швы, словно разбирался в этом, рассматривал костюмы на манекенах, примерял галстуки, стоя перед зеркалом.

Я без энтузиазма листал мужской журнал, в котором рекламы было больше, чем статей. Временами бросал беглый взгляд на Лоу. Обычно Скэриэл справлялся здесь без моей помощи, но сегодня он внезапно предложил съездить вместе. Наверное, если бы Эдвард был дома, он бы позвал и его.

– Вывеска у вас незаметная, – как бы между делом отметил Скэриэл.

Не упрёк, не замечание, не осуждение. Он просто констатировал факт. Вывеска и правда была бестолковая. С первого раза не разберёшь, что тут: секонд-хенд или всё-таки ателье.

От ножевого ранения Адама не осталось и следа, но всего три дня назад Скэриэл выполнил очередное заражение по приказу мистера Эна и сутки провёл под капельницей. Он то просыпался, то впадал в горячку, и Эдвард под конец выдал взволнованным голосом: «Ему нужно завязывать с этим. Он долго не протянет».

И вот, поглядите. Резвый, весёлый, словно не он совсем недавно был на грани жизни и смерти. Быть может, только такие и выживают? Они всегда ходят по лезвию ножа. Всё или ничего. Скэриэл не боялся смерти и потому всегда оставался хозяином положения.

– Вывеска? – оживился Томас и нервно посмотрел на Кевина. – А что с ней не так?

– Не привлекает внимания. Нужно сменить, – объяснил Скэриэл, рассматривая бабочки.

Он взял бордовую, поднёс к шее и спросил у меня:

– Ну как тебе?

Скэриэл прекрасно знал, что я не разбираюсь в этом, но, возможно, так он пытался развлечь меня. Было приятно, когда он интересовался моим мнением, вот только я не мог высказать то, что было на уме. Головой-то я понимал, что хочу сказать, но не хватало

слов, чтобы оформить их в связную речь, которая бы точно пришлась ему по душе. В такие моменты разница между мной и Хитклифом была почти осязаемой. Уверен, тот просто говорил как есть и не беспокоился насчёт сказанного.

– Симпатичная? – неуверенно предположил я. – Не знаю...

Бордовый цвет на нём хорошо смотрелся. Да, в принципе, как и любой другой.

– А вам? – Он игриво повернулся к мужчинам.

– Тебе бы подошло что-то более яркое, – посоветовал Томас со знанием дела.

Кевин нахмурился. Он сидел как на иголках, наблюдая за Скэриэлом.

Хорошо, что я больше ничего не сказал и тем самым не попал в неудобное положение. Мне стоило и дальше молчать. То, как быстро Скэриэл адаптировался к миру чистокровных, немного пугало. Сколько бы я тут ни жил, центр не принимал меня, лжеца, что скрывался под маской полукровки.

– Согласен, – усмехнулся Скэриэл. – Чувствуется рука мастера. Сделано с душой. – Он вернул бабочку на место. – Вывеску всё же стоит сменить. Джером, подай сумку.

Я отложил журнал, поднялся со стула, прихватив сумку. Неужто он позвал меня, чтобы сторожить деньги?

– Не экономьте. – Скэриэл достал две пачки купюр, а потом, задумавшись, ещё одну. – Наверное, нужно больше. – Он протянул Кевину деньги и подытожил: – К следующей неделе жду новую вывеску. Это место заслуживает хорошей рекламы.

Он говорил дружелюбно, словно давал совет близкому человеку, но даже в этих фразах можно было уловить властные нотки. Если всегда молчишь, то заметишь и не такое.

– Хорошо... – Кевин потянулся, принял деньги и передал их брату. Выглядел он при этом слегка растерянным, будто совсем не этого ожидал. – Спасибо.

– Как у тебя с работой? – спросил Скэриэл и, не дожидаясь ответа, добавил: – Я могу устроить тебя...

– Нет, спасибо, – покачал головой Кевин. – Я хочу заняться семейным бизнесом. Когда это место станет нашим, – он чуть выделил

«нашим», но Скэриэл и бровью не повёл, продолжая улыбаться, – я бы хотел, чтобы ателье переросло в сеть по всему центру.

– И то верно, – улыбнулся Лоу. – Хороший выбор. Лучше вкладывать силы и деньги в своё дело.

Неприкрытая лесть, замаскированная под комплименты. Согласие с мнением собеседника. Открытые позы при беседе. Всем этим пользовался Скэриэл изо дня в день. Он хорошо применял метод кнута и пряника. Хвалить и поощрять он любил. Я только недавно осознал, как часто он применял ко мне похвалу, даже за самые пустяковые дела. А в качестве поощрения использовал прикосновения, объятия и реже, отчего я жаждал этого ещё больше, поцелуи.

– До нас доходят странные слухи... О тебе много говорят, – неуверенно проговорил Томас.

Скэриэл продолжил обход: примерял то шляпу, то платок, увлечённо рассматривал запонки. Я закрыл сумку, вернулся на своё место и вновь уткнулся в журнал. Разговор у них не клеился.

– И что же про меня говорят? – озорно переспросил Скэриэл.

У него с утра было хорошее настроение. Ещё за завтраком он пытался развеселить меня шутками, имитировал голос и походку Эдварда, а потом и вовсе включил музыку и пустился в пляс. В чём Скэриэл был плох, так это в танцах. Плох был и я. Мы не рассчитали силы, как и размеры кухни, и, танцуя, разбили чашку с кофе. Горячий напиток растёкся по всему паркету. Это ничуть не расстроило Скэриэла, а вот меня да. Убирать последствия нашего веселья предстояло именно мне.

– Я сам. – Он вернулся с тряпкой в руках. – Иди пока соберись. Поедешь сегодня со мной.

Скэриэл нечасто помогал с уборкой, больше предпочитал подкидывать мне работу по дому.

– Куда? В Запретные земли?

– Навестим друзей, – хмыкнул он, сидя на корточках и пытаясь собрать тёмную жидкость тряпкой.

– Нужно будет протереть ещё пару раз.

– Зачем?

– Кофе был с сахаром. Будет липнуть.

Скэриэл посмотрел на меня и кивнул.

Согласие с собеседником. Беспрекословное выполнение чужих указаний. Я не мог перестать думать о том, что он даже сейчас наверняка использует свои приёмы, оттачивая их, чтобы в дальнейшем применять на чистокровных.

Я сидел в своей комнате со свитером в руках и думал о том, что, возможно, я всё себе придумываю. Не размышляет же Скэриэл о том, как манипулировать другими, сутки напролёт. Так и рехнуться можно.

– Я, конечно, не очень в это верю, но... ты цепной пёс мистера Эна? – последнее Томас произнёс, понизив голос. Прозвучало это как-то зловеще.

Скэриэл аж скривился.

– Это Адам Шерр у нас цепной пёс, а я, – он пожал плечами и скромно потупил взор, – просто иногда выполняю поручения мистера Эна.

Скэриэл был переносчиком смерти, и он мог сколько угодно возмущаться и скидывать ответственность на Адама, но мистер Эн доверял Скэру больше всех. Скэриэл не просто выполнял поручения. За два года работы в Запретных землях он стал его правой рукой.

Кличка «Цепной пёс» появилась среди людей совсем недавно. Никто толком не был уверен, кто скрывается под этим громким именем, но Скэриэл отрицал свою причастность, стоило указать на него.

В клубе Скэриэл иногда ходил в маске сероголовой птицы с острым клювом. Я был уверен, что это выдуманная птица или какой-нибудь воробей, но он как-то поведал про серого сорокопута. Сказал, что маску заказал у мастера. На вопрос, чем ему так не угодил «Цепной пёс», он ответил, что нет хозяина, способного удержать его на привязи, а вот кто точно на цепи, так это безбашенный Адам Шерр, и не забыл упомянуть о том, что этот ублюдок недавно чуть не вспорол ему живот. Рана и правда вышла глубокой. Не будь Скэриэл переносчиком смерти, способным к быстрому восстановлению, кто знает, смог ли бы он в принципе выкарабкаться.

Мне нравились Кевин и Томас, они хорошо ко мне относились, но было заметно, как полукровки напряжены рядом со Скэриэлом.

– Ходят слухи, что кто-то скупает земли у границ, – добавил Кевин, внимательно наблюдая за Лоу.

– Я не слежу за слухами.

– Мы вот подумали, – переглянувшись с братом, продолжил Томас, – что если ты что-то задумал против мистера Эна, то мы на твоей стороне.

Скэриэл улыбнулся в ответ.

– У стен есть уши. Вы работаете слишком близко к Запретным землям, будьте осмотрительны. – Он указал на дальний пиджак: – Мне нужно что-то в этом стиле. Подбери и сшей как можно скорее.

– Сроки? – уточнил Томас.

– Чуть больше недели.

Томас явно был не в восторге.

– Спасибо, что... – Кевин осёкся, кашлянул и продолжил: – что разобрался с теми парнями. Они в последнее время требовали слишком много денег.

Ему с трудом давались эти слова.

– Если бы не ты, наверное, здание бы уже сожгли... – проговорил Томас.

Скэриэл ничего не ответил и задумчиво посмотрел в сторону.

– Семья Хитклиф в безопасности? – спросил Кевин.

– В полном. Ты к ним слишком прикипел, – хмыкнул Скэриэл, сев рядом со мной на стул. – Знал ведь, на что шёл.

– Да я и не отрицаю. Они все хорошие люди, и я... не знаю, как выразиться... не хотел, чтобы кто-то из них пострадал. Особенно младший. – Кевин потёр шею и нерешительно посмотрел на Скэриэла. – Я был его шофером и как бы в ответе за него. Понимаешь?

– Я уверен, что с ним всё в порядке, – убедительно проговорил Томас, когда Скэриэл вновь ничего не ответил Кевину. – Хороший парень этот Готье, мне он понравился в нашу первую встречу.

Кевин выжидательно посмотрел на Лоу.

– Не переживай, ты не сделал ничего плохого. – Доверительный тон Скэриэла быстро успокоил его. – Что дурного в том, чтобы сообщить репортёру, что сын Уильяма Хитклифа отправился в музей? И вспомни, я его спас. А ты в благодарность привёл меня в их дом. Быть благодарным не преступление. Всё вышло вполне естественно. Я бы в любом случае познакомился с Готье, это был лишь вопрос времени. С твоей помощью или без, – хмыкнул он. – Ты только ускорил процесс.

– И если бы не Сильвия, ты бы и дальше работал у них, – поддержал Томас.

– Она хорошая женщина и выполняет свою работу, – заступился Кевин.

– Все мы выполняем свою работу, – кивнул Скэриэл.

– Значит, Готье в безопасности? Ты обещаешь?

– Я выполню свою часть уговора – их семья не пострадает. И вам перейдут права на ателье, как и договаривались, – серьёзно произнёс Скэриэл. – А вы должны выполнить свою часть.

– Хорошо. Ещё кого-то привести в дом?

– Ничего сложного. – Скэриэл махнул рукой. – Готье очень хочет тебя навестить. Придёт, поболтает, всё в дружеской обстановке. Тебе нужно будет ему кое-что сообщить.

– Что именно?

– Признайся ему, что вы в плачевном состоянии и вам угрожают местные чистокровные.

– Угрожают чистокровные? – переспросил Томас.

– Да. Сообщи ему, например, что они требуют завышенную плату за аренду здания.

– А если он проверит, раскопает, что в качестве арендодателя по документам у нас Эдвард Лоу? – засомневался Кевин. – Он может догадаться, что за всем этим стоишь ты.

– Нет, дальше, чем разговоры на эту тему, дело не зайдёт, а я уже прослежу, чтобы он не копал так глубоко.

– Значит, я должен обвинить чистокровных в своих проблемах? Но зачем?

– Хочу, чтобы чаша весов в его голове окончательно перевесила. Чистокровные не святые. Полукровки – жертвы нынешнего режима.

– Что именно нужно будет сказать? И про угрозы о поджоге?

– Особенно про угрозы о поджоге. Можешь соврать, что уже были и битые стёкла витрин, и облитые краской двери. И обязательно скажи, что в полицию ты ни ногой, потому что везде на высоких постах чистокровные. Полукровок никто никогда не слушает. Во всех спорах чистокровный будет на стороне чистокровного.

– А что тебе это даст? – спросил Томас.

– Предстану в лучшем свете в глазах Готье. А он уже передаст это своим друзьям-чистокровным.

– Сомнительная причина, – высказался Кевин.

– Остальное вас не касается. Самое главное, сделайте акцент на том, что полукровки не имеют голоса в Октавии. Я уже не говорю о низших.

– А вывеска? Мы будем жаловаться на плачевные условия, а потом у нас появится вывеска?

– Верно подмечено, но к этому времени я ему сообщу, что мы – а это я, Эдвард, Джером, – он указал на меня, – вы и ещё парочка полукровок скинулись и купили вывеску.

– Такое только в фантазиях бывает, – хохотнул Кевин. – Чтобы полукровки скидывались и что-то покупали в качестве благотворительности.

– Готье это знать необязательно, – хитро улыбнулся Скэриэл. – Пусть думает, что полукровки все поголовно хорошие люди. Не бросим друга в беде и всё в таком духе. На контрасте с чистокровными, которые только и способны, что эгоистично сорить деньгами.

– А что потом?

– Потом вы встретитесь с Эдвардом и съездите к нотариусу. Он подпишет дарственную на это здание. За хорошо выполненную работу я плачу сполна.

– Сразу после того, как приедет Готье?

– Да.

Выкупить здание ради «высокой» цели. Скэриэл иногда поступал как умалишённый. Ни одно здание не было записано на его имя. Везде в документах фигурировал Эдвард. Я иногда думал о том, что будет, если с Эдвардом что-то случится. Его подстрелят, прирежут в Запретных землях или он попадёт в автокатастрофу. Что будет с этими зданиями? Я никогда не видел документы Скэриэла об опекунстве. Но, возможно, он и здесь разобрался. Когда покупаешь здание и владельцем ставишь подставное лицо, всегда нужно подготовить план Б на случай, если подставное лицо пропадёт. Скэриэл, чёртов засранец. Гений или безумец. Скупить три здания: ателье, дом, в котором мы живём в центре, и дом в Запретных землях. Сколько у него денег? Он работал переносчиком слишком часто за последние полгода. Даже если он строит огромные планы, его организм может не выдержать

нагрузки. Одна только мысль о том, что Скэриэл может умереть, причиняла мне нестерпимую боль.

– Хорошо, – кивнул Кевин.

Скэриэл поднялся и протянул ему руку. Рукопожатие вышло чуть более долгим, чем следовало.

– Готье от этой лжи не пострадает. – Скорее утверждение, чем вопрос.

Томас тоже поднялся для рукопожатия. Я остался на своём месте, не зная, должен ли тоже пожать им руку. В сегодняшней встрече я практически не участвовал.

– Только если пару дней пострадает от бессонницы. – Скэриэл в последний раз улыбнулся Кевину.

Пора было уходить. Я поднялся, схватил сумку и вышел первым, успев кивнуть Кевину на прощание. Томас в это время привычным движением перебирал галстуки. Теперь он был в приподнятом настроении. Весть о том, что скоро ателье будет принадлежать их семье, очень обрадовала его.

– Чуть больше недели, – у самого выхода напомнил Скэриэл Томасу. – У меня важное мероприятие.

– Всё будет к сроку, – лучезарно улыбнулся тот.

На улице Скэриэл поправил чёрную шапку и поёжился.

– Это заняло даже меньше времени, чем я рассчитывал.

– Всё прошло так, как ты хотел? – Голос мой звучал хрипло. Я прочистил горло.

– Да. – Он указал на вывеску. – Нет, ну ты глянь. Что за кошмар? Встречают по одежке... Они шьют классные костюмы, но не могут привести вот это в должный вид.

– Ты правда вернёшь им ателье? – Этот вопрос мучил меня последние двадцать минут.

– Я ведь обещал. Такой был уговор.

– Ты специально выкупил ателье, чтобы шантажировать их?

– Шантажировать, фу, Джером. – Скэриэл рассмеялся. – О каком шантаже тут речь? Обычное деловое сотрудничество. Верну им ателье. Я даже налоги все уплатил, чтобы им меньше тратиться. И кто из нас добрый самаритянин? Кевин выполнил свою часть сделки. Ведь, согласишься, получить бизнес в собственные руки за два года – это

крутая перспектива. Если бы я не выкупил у прошлого хозяина это здание, то и не смог бы попасть в дом Готье.

– И опять всё ради него, – буркнул я.

– Всё ради того, чтобы попасть в Академию.

– И что теперь?

– Завтра ты поедешь к Ноэлю. Побудь у него. Мне нужно провести Готье по самым значным местам Запретных земель. Самое главное, чтобы ни мистер Эн, ни его прихвостни – Адам и, как там зовут его дружка, кажется, Кэмерон – не разнюхали про Хитклифов.

Прихвостни. Скэриэл был тоже в какой-то мере прихвостнем мистера Эна.

– После Ноэля что мне делать?

– Оставайся в доме в Запретных землях. Помоги Эдварду с организацией.

Мы шли в сторону главной дороги, чтобы вызвать такси. Скэриэл болтал о том, что хочет заказать индийской или вьетнамской еды, сесть у телевизора и умереть от количества специй под какую-нибудь документалку. Я бы предпочёл просто пиццу и бургеры, чем опять давиться жареным тофу.

– Знаешь, что я подумал? Тебе бы сдать на права и стать моим личным водителем, когда Эдвард занят. Я трачу слишком много денег на такси.

– Ты купил ателье и жалуешься на траты на такси?

– Ателье было необходимым вложением. А такси – лишь желание поскорее добраться до пункта назначения. Ты вообще знал, что отсюда до нашего дома можно доехать на автобусе? Но придётся сделать аж три пересадки.

Водителя пришлось ждать около десяти минут, пока он пытался развернуть машину в нужном направлении. Я уже успел замёрзнуть в куртке и чуть ли не подпрыгивал на месте.

– Тебе нужно купить тёплую обувь, – отметил Скэриэл, усаживаясь в такси. – Эти ботинки совсем никуда не годятся. Да и куртка тоже.

– Угу.

– Я серьёзно. Как я справлюсь без тебя, если ты заболеешь?

Этот заботливый взгляд нельзя было подделать. Я знаю, что многое можно подделать, но не то, как Скэриэл иногда смотрел на

меня. Улыбки, адресованные мне, забота, которую он проявлял, – всё это казалось таким искренним, что быстро вскружило голову. И даже когда Эдвард вновь намекал на то, что я должен быть начеку, я отмахивался от непрошенных советов.

В салоне было тепло, и я мигом согрелся. Скэриэл стянул шапку. Пока я тёр замёрзший нос, он потянулся к телефону и написал кому-то сообщение. Настроение у меня моментально испортилось. Я сразу понял, что он писал Готье. Мой телефон завибрировал в кармане. Я вытащил его и с удивлением понял, что сообщение было адресовано мне.

«За нами слежка. Веди себя как обычно».

Первым порывом было посмотреть, кто за нами едет, но я быстро отмёл эту затею.

– Как насчёт съездить в Запретные земли? – спросил Скэриэл у меня и вдруг обратился к водителю, слегка привстав: – Мы хотим сменить маршрут. Доплатим за лишние мили. Поезжайте в Запретные земли.

Он сел обратно и чуть громче произнёс:

– В двух кварталах от «Глубокой ямы» есть прикольное местечко. Сейчас съездим, повеселимся.

– Да, отлично, – наигранно хихикнул я.

А сам весь похолодел от мысли, что Скэриэл задумал поиграть с преследователем в кошки-мышки.

XI

Когда я вернулся домой после лица, меня поджидал Гедеон.

Я застал его сидящим в гостиной в напряжённой позе; он сжимал кулаки, словно держался из последних сил, чтобы не наброситься на меня с порога. Брат даже не посмотрел в мою сторону, продолжая невозмутимо наблюдать за огнём в камине. Хватило одного взгляда, чтобы понять: Гедеон настроен решительно. Что бы он там ни задумал, ничем хорошим для меня это не закончится. Невозмутимый снаружи, внутри он весь пылал от гнева.

На улице быстро стемнело, хотя на часах было около четырёх. Пасмурная погода за окном, отсутствие солнечного света и сердитый – мягко говоря – брат превратили нашу гостиную в мрачный склеп. Даже огонь не смог разбавить эту гнетущую атмосферу.

Гедеон точно ждал именно меня. Кажется, Люмьер поставил его в известность по поводу наставников. Всё к этому шло. Я знал, что этот момент настанет, морально готовился к нему, а встретившись лицом к лицу с Гедеоном, понял, что разговоры с ним предпочёл бы вести только в своей голове. Правда заключалась в том, что его я боялся так же сильно, как и отца.

Скинув рюкзак, ждал, когда он повернётся ко мне. В доме не было ни души, а значит, это либо удачное стечение обстоятельств – само собой, для Гедеона, – либо он выпроводил прислугу. Свидетели запланированного убийства ему явно не нужны.

– Подойди, – процедил Гедеон сквозь зубы низким тягучим голосом.

Меня прошиб холодный пот. Живот скрутило, и я был готов распрощаться со своим ланчем прямо на этом ковре. Гедеон не двигался, продолжая следить за языками пламени. На его суровом лице отражалось такое негодование, граничащее с бешенством, что можно было только позавидовать его стойкости.

– Я говорил с Люмьером, – начал он, затем медленно повернул голову. Мурашки побежали по коже. Гедеон одарил меня долгим укоризненным взглядом. – Не расскажешь, почему решил выбрать его в наставники?

– Просто я подумал, – подумал, что хочу ещё пожить, а не умереть от твоей руки в первый месяц, – что он неплохой вариант. Вы ведь друзья?

Я отчаянно косил под глупца и надеялся, что Геден охотно проглотит мои невразумительные объяснения. Было что-то отчаянное во всей этой ситуации. Я никогда открыто не конфликтовал с ним, предпочитая, как и другие, сразу капитулировать. Если Люмбер хорошо знал характер брата и именно поэтому избегал соперничества, то я на подсознательном уровне понимал, что мне с ним не стоит даже тягаться. Это ощущение походило на врождённый страх перед хищником.

Заданный вопрос так и остался без ответа. Стоять под его тяжёлым взглядом было то ещё удовольствие.

– Он в порядке?

Я надеялся только на то, что Геден не убил Люмбера и не собирался прикончить и меня за компанию. Если он не тронул Уолдина, то, быть может, и мне удастся пережить сегодняшний день.

– В полном.

– Послушай, – я так разнервничался, что чуть было не произнёс «послушайте», – отец предложил мне в наставники Оскара...

При упоминании Вотермила Геден чуть скривился.

– Но я отказался, потому что слышал, что он не очень хорошо учится.

– От кого слышал?

Да все в центре знают, что Оскар пьёт, кутит и вспоминает об учёбе, только когда мистер Вотермил прижмёт. Не завидую я тому, у кого он окажется наставником.

– От Бернарда Дона, – ответил я, радуясь, что как-то однажды он травил байки про Оскара и его весёлые похождения в Академии Святых и Великих.

– Ну, раз это был Бернард, – едко заметил Геден, – то источник у тебя самый что ни на есть достоверный.

Я растерянно посмотрел на него. Чего он добивается? Я был в полном замешательстве. Постойте, Геден сейчас защищает Оскара? Я правильно понял его замечание? Или он просто в очередной раз хочет ткнуть меня в мою ошибку, мол, я и с выбором наставника не справился?

Ладони вспотели, и я постарался как можно незаметнее вытереть их о брюки. Не знал, как долго ещё Гедеон планировал экзекуцию, но мне стоило поторопиться к психиатру, поэтому было бы мило с его стороны ускориться.

– Мне скоро к психиатру. – Я повернулся к лестнице и указал на неё рукой. – Пойду соберусь...

Гедеон не ответил, и я принял это за молчаливое разрешение. Направился к лестнице, как вдруг услышал, что он поднялся. В следующий момент что-то сбило меня с ног, и я растянулся на паркете, больно ударившись подбородком об острый угол комода. Застонав, я схватился за челюсть. Пальцы окрасились в красный. Рана на подбородке пульсировала от боли.

– Раз ты у нас теперь вправе поступать как вздумается, то преподам тебе несколько уроков, – елеиным голосом проговорил Гедеон. – Как старший брат.

Повернувшись, я ошеломлённо уставился на него. Гедеон воспользовался тёмной материей против меня!

– Урок первый: никогда не поворачивайся ко мне спиной, – отчеканил он жёстко, подходя ближе. В его правой ладони вспыхнуло тёмное пламя.

Пошатываясь, я поднялся, наблюдая за руками Гедеона. Он резким движением направил материю, и мне потребовалось собрать в кулак всё своё самообладание, чтобы вовремя отпрянуть.

– Что ты делаешь?! – испуганно закричал я.

Словно не слыша меня, он проговорил:

– Урок второй: не доверяй ничьим словам. Будь то Люмьер, Бернард, отец или я.

Я напрягся, пытаюсь вызвать материю, хотя прекрасно понимал, что вряд ли воспользуюсь ею против брата. Это чревато летальным исходом. В данном случае для меня.

Медленно я отступал в сторону столовой. Гедеон выглядел свирепым, как будто уже решил покончить со мной раз и навсегда. В его ладони вновь возникло пламя.

– Урок третий: тебе всё-таки придётся воспользоваться тёмной материей, чтобы защититься.

Немыслимо! Он сотворил из пламени тёмного льва; тот рос прямо на глазах, бесшумно рычал и угрожающе вставал на дыбы. Казалось,

лев был олицетворением его ненависти.

– Ты не посмеешь, – выдохнул я потрясённо.

– Проверим? – хмыкнул Гедеон и направил разъярённого хищника на меня.

– Нет!!!

В защитном жесте я выставил руки перед собой. Лев прыгнул – я понял, что должен либо бежать, либо обуздать его. Гедеон не простит побега и будет до скончания веков травить и запугивать. Огромная когтистая лапа задела моё плечо, и тут я сделал то, чего сам не ожидал.

Тело вдруг приняло льва, словно впитало его, как губка. Я почувствовал мощь. Тёмная материя Гедеона была во мне.

Раздался пронзительный крик.

Моё тело было не способно вместить эту силу. Меня затрясло.

Я ничего не видел, перед глазами всё заволгло чёрным дымом, я был окутан им с головы до ног.

– Дыши! – крикнул знакомый голос где-то вдалеке. – Вытолкни материю!

Я слышал, но не понимал смысла этих слов. Лёгкие разрывало. Я не мог вдохнуть. Что-то тёмное, горячее распространилось по венам. Что-то схожее с кровью, но это «что-то» не давало возможности, парализовав лёгкие.

Время тянулось медленно.

Я не чувствовал ни ног, ни рук. Как если бы упал в ледяную воду, а надо мной был толстый слой льда. Я бьюсь об него, стучу руками, пытаюсь зацепиться пальцами, стираю ногти под корень, но ничего не выходит. Меня не слышат. Я не видел ничего, кроме тьмы, что окутала меня. Просто плыл по течению, чувствуя, как слабею. В теле больше не теплилась жизнь.

Не пошевелиться. Голова чугунная. Хотелось закрыть глаза, заснуть, забыться. Сердце ещё билось, но всё слабее и слабее.

– Готьё!

Я смотрел вперёд и не видел ничего перед собой. Чёрный липкий кокон скрыл меня от внешнего мира. Закрыв глаза, я считал удары своего сердца.

Один, два, три, четыре...

Счёт начал замедляться. Или сердце останавливалось, или я в бреду уже не мог считать. Уследить за биением было всё сложнее, как

будто нужно было прикладывать титанические усилия.

Пять... Шесть...

Я плыл в чём-то тягучем, липком. Страха больше не было. Ничего не было.

Семь.

Я больше ничего не слышал.

Восемь.

– Готье!!!

Вдох.

Я очнулся от резкой боли в груди. Гедеон, стоя передо мной на коленях, давил мне на грудь.

– Сукин ты сын! – крикнул он. – Сукин ты сын...

Я зажмурился. Боль распространялась по всему телу. Грудь горела от его ударов, спасительный воздух обжигал лёгкие. Дышать. В жизни не мог представить, как прекрасно просто дышать. Наполнять лёгкие кислородом и пускать его по венам – лучшее, что придумала эволюция.

Гедеон яростно похлопал меня по щекам.

– Дыши, – измученно проговорил он.

Я повернул голову в его сторону. Он опёрся спиной о ножки стула и закрыл лицо руками. Мне казалось, что он всхлипнул.

Этого не могло быть. Я измождённо прикрыл глаза.

– Что случилось? – выдохнул я через пару минут.

– Ты чуть не умер, – произнёс он спустя время. Я уже и забыл, о чём спрашивал.

Восемь ударов сердца. Казалось, это было во сне.

– Почему? – тихо спросил я, уже не надеясь на толковый ответ.

– Ты впитал мою материю.

Впитать материю. Ничего не понимаю.

– Не понимаю, – устало озвучил я свои мысли.

– Ты впитал её и не смог высвободить. Направить её... – тихо объяснил Гедеон. – Я чуть было не убил тебя.

– Впитал? – У меня хватало сил только на то, чтобы повторять за ним. – Направить?

– Ты извлекатель, Готье. – Гедеон опустил голову и произнёс это куда-то в сторону. – Ты – чёртов извлекатель. Ты можешь забирать тёмную материю. Я не уверен, но, кажется, это так.

– Это плохо, да? – обречённо спросил я, продолжая лежать.

За окном совсем стемнело, и в столовой без света я слабо различал лицо Гедеоны.

– Не знаю. Извлекатели обычно бывают низшими, реже – полукровками. Они рождаются настолько редко, что все известные случаи извлечения описаны в истории.

– Но я не низший. И не полукровка.

– Конечно же, нет, – бросил Гедон с едва заметным раздражением.

Мы молчали довольно долго. В полной тишине я слышал тиканье настенных часов. Кажется, к психиатру я сегодня не попаду.

– Почему я не мог дышать?

– Не знаю, – вздохнул он. – Слишком много материи для неподготовленного извекателя? Она чуть было тебя не убила. Как инфекция, проникнувшая в тело.

– Я чувствовал, что материя останавливает мою кровь.

Восемь ударов сердца. Я чувствовал их отчётливо. Восемь грёбаных ударов, прежде чем я бы умер.

– Это моя вина... – тихо проговорил он. – Ты легко её впитал, но извлечь из себя не смог.

– Я чувствовал твою силу. Она огромна. – Мурашки пошли по коже, когда я вспомнил всю мощь Гедеоны.

В какой-то степени это был интимный момент. Я ощутил его. На некоторое время слился с его могуществом. Мы были одним целым. Я должен был умереть от его силы. Такая мощь... Смогу ли я когда-нибудь вновь почувствовать её? Смогу ли сам овладеть материей на таком уровне?

– Прости..

– Я слышал своё сердце, – вдруг проговорил я. – Оно еле билось.

– Не может быть, – недовольно возразил Гедон. – Твоё сердце сразу остановилось, как только ты упал. Ты не дышал. Я сделал тебе искусственное дыхание и непрямой массаж сердца.

Я пережил клиническую смерть?

– Сколько я был в отключке?

Гедон посмотрел на наручные часы.

– Не знаю, – раздражённо выдал он. – Может, около трёх минут. Может, меньше. Не до этого было.

– Много... – протянул я.

– Я думал, что помру сам, пока пытался тебя откачать.

– Спасибо.

– Ты меня не благодарить должен, а ненавидеть. Из-за меня ты чуть не умер.

– И всё же ты спас меня, – устало произнёс я. Жутко клонило в сон. От нахлынувшей усталости я не мог даже сесть. Было так спокойно просто лежать в темноте и слушать чужой голос.

– Я не мог иначе, – произнёс он тихо.

Мог. Ведь мог с самого начала избавиться от меня. Наследник Бёрко, приёмный сын и сводный брат. Чужак в семье. Угроза для Совета старейшин и нынешнего политического строя.

Гедеон сегодня мог раз и навсегда избавиться от меня. У меня бы остановилось сердце. Оставь он меня беспомощного, я бы уже был мёртв.

– Никому не говори об этом. – Гедеон подсел ближе и нагнулся ко мне. – Это опасная информация. Извлечение материи карается законом строже, чем убийство на дуэли.

– П... почему? – Поспеть за его словами было сложно.

– На дуэли чистокровные равны. Каждый владеет материей с рождения. Но ты можешь впитать силу дуэлянта, оставить его без оружия, убить беспомощного.

– Убийство чистокровного как низшего карается законом строже?

– Что? – На его лице отразилось непонимание. Брови заломлены, рот скривился; прищурившись, он смотрел на меня в ожидании объяснений.

– Чистокровный без тёмной материи похож на низшего. – Связно мыслить и собирать слова в предложения было сложно. Приходилось сосредотачиваться на каждой отдельной фразе. Я говорил заторможенно, но Гедеон не прерывал меня. – Он не владеет силой. Не может постоять за себя никак, кроме физической силы. Если убить так чистокровного... что мне будет?

– Возможно, смертная казнь.

– А что будет за убийство низшего?

– Штраф и исправительные работы, – обречённо произнёс Гедеон, понимая теперь, куда я клоню.

– Это несправедливо, – в сердцах проговорил я.

– Одни в рабстве у других. Какая уж тут справедливость.

XII

Нас остановили на границе с Центральным районом. Скэриэл выглядел более непринуждённо, чем того следовало ожидать, учитывая, что за нами, по его словам, велась слежка. Вечером здесь всегда много желающих пересечь границу и попасть в Запретные земли. Полукровки возвращались домой после рабочего дня, чистокровные стремились попасть в клубы. Мы встали в пробку, а значит, вместе с нами застряли и преследователи.

Я был так напряжён, что сразу вызвал подозрение у пограничника. Он грубо приказал нам выйти из машины, а затем служебные собаки проверили салон и багажник на наличие виси. В последнее время имитаторов тёмной материи становилось всё больше. Скэриэл был спокоен, вежлив и улыбался проверяющим. Я, напротив, был угрюм и немногословен. Последовала более тщательная проверка документов и наличия тёмной материи – в этом мне помог Скэриэл. Но пограничники не успокоились и долго проверяли подлинность моего разрешения на нахождение и проживание в Центральном районе. Всё это заняло не меньше получаса, а то и час. Водителя нашего, судя по лицензии, закреплённой на приборной панели, звали Гарретт Хоббс. Он был чуть ниже меня ростом, со щетиной и прокуренным сиплым голосом.

Когда машина пересекла границу, Скэриэл попросил поехать другой дорогой, указав в сторону реки. Гарретт молча развернул машину. Если до этого я надеялся, что Скэриэл ошибся, то теперь был уверен в его правоте. Водитель то и дело поглядывал на нас через зеркало заднего вида. Когда мы остались абсолютно одни на пустой дороге, я заметил далеко позади чёрный джип представительского класса. Теперь стало понятно, почему Скэриэл предложил сменить маршрут. Другой вопрос: как он их заметил в центре?

Вдоль пустой дороги пролежала река с быстрым течением. Это и дорогой-то сложно назвать. Стоило чуть отъехать от границы, как асфальт быстро сменился гравием вперемешку с глиной; в дождь ехать по грязи было опасно: не совладав с рулём, недолго улететь в кювет

или, что ещё хуже, в реку – тогда уж можно сразу распрощаться с машиной.

По другую сторону стояли заброшенные заводы и фабрики. До революции здесь работали низшие, но после смерти императора все предприятия позакрывались, а лишившиеся работы низшие подались кто куда: уехали в другие города на заработки или остались в Запретных землях и погрязли в криминале. Тут и там появлялись группировки, и делёжка территории стала основным занятием местного населения.

На улице быстро темнело, но очертания заброшенных зданий, полуобветшалых построек и старых общежитий, где раньше обитали рабочие, легко угадывались за мутным стеклом автомобиля. Окна были разбиты, что-то успели разворовать и сдать на металлолом, краска потрескалась, стены и двери покрылись оранжево-бурыми пятнами. За шестнадцать лет всё заросло высокой травой. Повсюду высились горы мусора. От накопившегося гнилья пахло.

Один из моих приятелей, Реми, часто ругался на то, что его отец спился после закрытия заводов. Я помню, как он тоже начал выпивать, – к тому времени старик уже умер, вдоволь хлебнув украденного технического спирта. Реми постоянно поносил Совет старейшин, чистокровных и мечтал прирезать парочку аристократов. Я не знаю, что с ним стало потом; мы потеряли связь, когда я начал работать со Скэриэлом. Честно говоря, когда Реми стал одержим мыслью об убийствах чистокровных, я решил держаться от него подальше, иначе меня могли загрести за компанию. А то, что его рано или поздно посадят, было вопросом времени.

Именно после переворота Запретные земли получили такое название и обрели статус опасных районов, гетто. Когда во главе страны встал Совет старейшин, низшим под угрозой ареста было запрещено покидать Запретные земли. Требовалось особое разрешение на передвижение за пределами районов. Так появился ещё один бизнес по созданию липовых лицензий, благодаря которым низшие могли попасть в центр. А с употреблением виса можно было устроиться на работу бок о бок с чистокровными.

Я надеялся, что в моём случае до виса дело не дойдёт.

– Как давно вы работаете водителем? – внезапно спросил Скэриэл.

Гарретт явно не жаждал общения. Он бросил на нас настороженный взгляд в зеркало заднего вида и ответил:

– Недавно начал.

Скэриэл улыбнулся ему, но я заметил, как он тихо отстегнул ремень безопасности и вытащил из внутреннего кармана куртки складной нож. Я отсел подальше, давая ему больше места. Скэриэл открыл нож, и острое лезвие, отразив лунный свет из окна, сверкнуло в тусклом салоне.

– Мистер Эн мало платит, да? – спросил он и накинута на водителя.

Я машинально схватил сумку с деньгами, не понимая, что именно затеял Скэриэл. Левоу рукой он обвил шею Гарретта, зажав её так, что тот чуть не задохнулся, а когда водитель попытался дёрнуться, приставил нож к шее и надавил.

– Веди прямо, ублюдок, – прошипел Скэриэл ему на ухо. – Только двинься, и я перережу тебе горло.

Гарретт застонал, когда лезвие уперлось в кожу. Он машинально дёрнул головой, пытаясь избежать острия ножа, и вскрикнул. По его шее стекла тонкая струйка крови. Порез был крохотным.

– Я ничего против тебя не имею, – полушёпотом произнёс водитель, когда Скэриэл чуть ослабил хватку, позволяя тому говорить. – Я просто везу вас.

– Ты работаешь на мистера Эна, верно?

– Скэр, – позвал я, глядя на него во все глаза. – Что мне делать?

– Позади нас машина, наблюдай за ними, – не отвлекаясь, велел он. – Если пойдут на обгон или будут вести себя подозрительно – дай знать.

Далеко позади действительно ехала чёрная машина – я до последнего надеялся, что Скэриэл ошибался. Джип было трудно различить в темноте. Пришлось напрячься и долго вглядываться, прежде чем я смог различить силуэты водителя и его попутчика.

– Отвечай! – Скэриэл надавил на шею Гарретта, и тот не удержал руль.

– Я не могу дышать! – прохрипел он.

Наша машина вильнула на дороге, и это чуть не стоило Гарретту жизни. Скэриэл крепко сжимал нож в руке. Я отстегнулся и сел так,

чтобы лучше видеть преследователей. Они тоже заметили нашу подозрительную езду, посигналили; наш водитель посигналил в ответ.

И тут Скэриэл сделал то, чего я никак не мог ожидать. Он с каким-то особым садизмом вонзил нож в плечо водителя. Тот завопил, отдернул левую руку и вцепился в Скэриэла. Руль остался без контроля. Я потянулся с заднего сиденья и схватился за него.

– Твою мать! – прохрипел Гарретт, пытаюсь выпутаться из хватки Скэриэла.

Он нажал на педаль тормоза, и раздался оглушительный визг тормозящих шин. Я всем телом врезался в приборную панель – правый висок и скула взорвались болью. Кажется, вывихнул руку.

Скэриэл впечатался в водительское сиденье. Я поднял взгляд и первым делом увидел чёрную копну волос. Он громко выругался и вцепился в Гарретта – того спас ремень безопасности, иначе он бы пробил головой лобовое стекло. Нож всё ещё торчал из его плеча.

Я пролез, скинул ногу Гарретта с тормоза и рукой надавил на педаль газа. Машина вновь рванула и набрала скорость. Я окончательно перелез вперёд на пассажирское сиденье. Требовалось больше места для манёвра, чтобы дотянуться ногой до газа.

Гарретт бил по всему, что попадалось под руку. Два тяжёлых удара пришлись мне в спину. Я не удержался и врезал ему локтем в нос; краем глаза заметил одобрительную улыбку Скэриэла. Спина и локоть болезненно ныли, но то, как Скэриэл оценил мой удар... Это того стоило.

Гарретт взревел, схватился за нос, но вскоре начал хрипеть, когда Скэриэл усилил хватку на шее. Капли крови размазались по лицу Гарретта и рукавам Скэриэла. Рукоять ножа торчала из плеча водителя. Я держал руль прямо, стараясь следить за дорогой. Гарретт хотел вытащить нож, но у него не получалось. Кажется, Скэриэл всадил лезвие очень глубоко, и при этом он не выпускал рукоять, вдавливая сильнее.

Он душил и мучил водителя так уверенно, что не оставалось сомнений: Скэриэл действительно опасен, как и говорил Эдвард.

Взглянув назад, я вздрогнул. Преследователи пошли на обгон.

– Они догоняют! – прокричал я, изо всех сил держась за руль.

– Возьми нож, – сказал Скэриэл.

Я посмотрел на Гарретта и ужаснулся. Скэриэл придушил водителя, и тот отключился или умер, разобрать было сложно; он сполз с водительского сиденья и, если бы не ремень безопасности, точно бы завалился на меня.

– Что? – в панике спросил я.

– Вот, – Скэриэл вытащил из плеча Гарретта окровавленный нож и приставил его к водителю, – смотри, он может очнуться в любой момент. Держи его у горла.

Я продолжал цепляться за руль и завис, глядя на Скэриэла.

– Живее! – взревел он, раздражённый моей нерешительностью.

Схватив нож из окровавленных рук, я приставил его к шее обмякшего водителя.

– Веди ровно, – приказал он и повернулся к заднему окну.

Я хотел было оглянуться, но мне нужно было следить и за дорогой, и за Гарреттом. Боялся, что он в любую минуту очнётся. Что бы там ни задумал Скэриэл, я надеялся, он понимает, что творит.

Скэриэл опустил на колени на сиденье и посмотрел на преследователей. Они, почти поравнявшись с нами, открыли окна. Тот, что сидел на месте пассажира, достал пистолет.

– Он сейчас пристрелит нас! – крикнул я в панике.

Скэриэл не ответил. Он поднял руку и напрягся. В его ладони появилось тёмное пламя.

– О боже, – тихо простонал я.

Пока я пытался одновременно вести машину и не врезаться в дерево или не слететь в реку, Скэриэл открыл окно, и холодный ветер ворвался в салон. Он вытянул руку, в ладони у него струилось тёмное пламя – оно раздувалось всё больше и больше. Я видел удивление на лицах преследователей. Они явно такого не ожидали. Всё произошло в считанные секунды. Один из них наставил на Скэриэла дуло пистолета. Целился он точно ему в голову, но стрелять не спешил.

Скэриэл вцепился в сиденье свободной рукой, да так сильно, что казалось, ещё чуть-чуть, и он порвёт старую обивку. Когда тёмная материя выросла до размеров баскетбольного мяча, он резким движением направил её на преследовавшую машину.

Раздался пронзительный удар и в ту же секунду выстрел. Скэриэл вскрикнул, вцепившись в плечо. Машина пропала из моего поля зрения. И тут мы налетели на яму. Нас всех подбросило. Нож выпал из

моей руки. А я сам чуть было не свернул в сторону обрыва, но вовремя вывернул руль. Ещё одна яма, но я держался крепко, пытаюсь рукой внизу слепо нащупать нож. В таком положении я не мог его достать. Кажется, он упал к ногам Гарретта.

Я взглянул назад, ища глазами джип. Машина стояла посреди дороги – с разбитым капотом, словно врезалась в бетонную плиту. Сработали подушки безопасности, но люди в салоне, скорее всего, потеряли сознание при столкновении. Один из них всё же успел выстрелить.

– Скэриэл! – крикнул я.

– Жив я, жив, – бросил он и вновь сел так, чтобы видеть преследователей.

Я плавно затормозил. Покинув салон, Скэриэл поднял руку и напряг её, заставляя остановившуюся машину сдвинуться к реке. Я весь похолодел от ужаса.

Он напряжённо продолжал выталкивать машину с дороги. Огромный джип дюйм за дюймом приближался к обрыву. Я открыл окно и высунулся – слышал, как Скэриэл вымученно дышит. Это было ему не по силам. Машина весила слишком много. Он закричал от боли, держа руки перед собой.

Водитель начал приходить в себя. Скэриэл, не оглядываясь, сосредоточившись на своей цели, направился в сторону преследователей. Он продолжал держать руки на весу, толкая автомобиль с помощью тёмной материи. Внизу река с сильным течением могла поглотить их. Скэриэл решил во что бы то ни стало избавиться от джипа.

Когда машина уже балансировала на краю – я отвлёкся и не заметил происходящего рядом, – водитель очнулся и заехал мне кулаком в ухо. Удар у него был что надо. В глазах потемнело, и зашумело в голове, да так сильно, что я чуть не потерял сознание.

– Скэриэл, – простонал я, желая его предупредить.

Водитель охнул от боли в плече и с трудом вылез из салона, успев схватить нож. Я из последних сил нажал на клаксон на руле – раздался долгий пронзительный звук.

Не знаю, сколько прошло времени, но когда я вновь смог посмотреть по сторонам и при этом у меня больше не шумело в

голове, водитель лежал примерно в трёх метрах от машины. Кажется, Скэриэл сбил его тёмной материей.

Я глянул назад, но машины преследователей больше не было на дороге. Где-то вдалеке раздалась серия громких ударов, и вскоре что-то массивное с шумом плюхнулось в воду.

Скэриэл держался за плечо, куртка его была порвана и запачкана кровью. Ослабевший, он стоял, прислонившись к багажнику.

Я вылез из салона. Он кивком указал на Гарретта:

– Придётся тебе стать моим водителем раньше, чем мы думали. Затащи его в салон. Нужно избавиться от машины.

– Ты столкнул их в воду? – спросил я, продолжая всматриваться в то место, где чуть ранее находился джип.

– Да, – устало подтвердил он. – Надеюсь, потонули. Я видел, как их машина пошла ко дну. Нужно будет потом проверить.

– Как ты? Что с плечом?

– Сойдёт, – простонал Скэриэл.

Он медленно прошёл мимо меня.

– Проверь пульс, – устало произнёс Скэриэл, оперевшись о капот; судя по тяжёлому дыханию, дальше идти он не мог. – Если мёртв, то проверь его карманы.

– А если жив?

– Затащи в салон и прирежь.

Я закусил губу. Убийства на моих руках ещё не было, но я знал, на что шёл, когда согласился работать со Скэриэлом.

Я поплёлся к распростёртому на дороге Гарретту. Кажется, при падении он разбил себе голову. И он, вне всяких сомнений, был мёртв. Кровавая лужа образовалась у его головы. Я с отвращением опустился на колено и проверил пульс. Пальцы испачкались в крови. Из маленького пореза на шее стекала тонкая струйка. Стоял неприятный металлический запах, от которого подташнивало.

– Ну что? – поторопил Скэриэл.

– Мёртв! – Я был рад, что мне не пришлось его убивать.

– Проверь карманы! – напомнил он.

Улов был неплохим: смартфон, документы, водительские права, полупустая пачка сигарет, невскрытая упаковка жвачки, кошелек с наличкой и банковской картой на имя Джейка Вайлонда.

Я распихал всё это по карманам и потащил Гарретта-Джейка за ноги к машине. Он был тяжёлым. Я пыхтел, цеплялся за его ступни; следом по дороге за нами прочертилась кровавая линия, которая вопила о том, что здесь произошло убийство. Слава богу, что дорога была не слишком популярна у местных.

Местные. Им был и я. Теперь уже сложно сказать, где я считался своим, а где чужим.

— Его, судя по банковской карте, зовут Джейк, — проговорил я, когда поравнялся со Скэриэлом.

— Затащи его в салон, — чуть живее ответил он.

Скэриэл выглядел намного лучше, хотя всё ещё держался за простреленное плечо.

— Что ты задумал?

— Столкну его тоже в реку.

— Ты уверен, что он работает на мистера Эна?

— Мне кажется, я его видел среди людей мистера Эна, — зевнул он. — Да они там все на одно лицо.

— Так ты не уверен был, когда начал его душить?

— Тут ни в чём нельзя быть уверенным. — Скэриэл помрачнел. — Но в итоге я оказался прав.

Я затащил тело в машину и хлопнул дверью. Мои руки и куртка были в крови.

— Деньги наши не забудь, — буднично добавил Скэриэл.

— А, точно. — Я метнулся к задним сиденьям и достал сумку. — Как ты понял, что за нами следят?

— Заприметил его ещё в окне, когда примерял бабочки. Показался мне подозрительным типом. Стоял, курил, скрывался в соседних магазинах, а когда мы вышли из ателье, бросился к машине.

— Ты всегда такой мнительный?

— Только когда перевожу большую сумму денег, — усмехнулся Скэр. — Что там у него было в карманах?

Когда я показал улов, он выхватил сигареты и закурил.

— Деньги можешь забрать себе, — произнёс он, перед тем как выпустить табачный дым.

— Мне его деньги не нужны, — огрызнулся я.

Скэриэл затянулся сигаретой.

— Позвони Эдварду, сообщи, где мы, пусть заберёт.

– А что с его вещами делать? – Я указал на телефон, кошелёк и документы.

– Какое же говно он курит, – выдал Скэриэл, рассматривая пачку.

Он затушил сигарету о капот и бросил полупустую пачку в траву.

– Дай сюда. – Скэриэл протянул руку.

Пока я пытался завалявшимися в бардачке влажными салфетками стереть кровь, Скэриэл надувал пузыри из жвачки и копался в чужих документах и телефоне.

– Лучше это сжечь, – задумчиво произнёс он, возвращая вещи. – Отойди, нужно избавиться от машины.

Скэриэл поднял руки и вновь напрягся, стиснув зубы. Глядя на это, я физически ощущал его боль в плече. Машина начала сдвигаться, громко шаркая по гравию. Скэриэл действовал медленно, сосредоточенно вглядываясь вперёд. В его руках то и дело вспыхивала тёмная материя. Не прошло и двух минут, как вымотанный, вспотевший Скэриэл столкнул машину в реку. Та повторила участь своей предшественницы и с громкими ударами покатила вниз. Раздался мощный всплеск.

Я подбежал к краю обрыва. Автомобиль, колёсами вверх, плыл, гонимый сильным течением. Вскоре под тяжестью наполняемого водой салона машина пошла ко дну.

– Офигенно, – восторженно протянул я и, повернувшись к Скэриэлу, добавил: – Как у тебя это выходит...

Он лежал посреди дороги без сознания.

XIII

– Выглядишь дерьмово. – Скэриэл улыбнулся, заваливаясь на диван.

– Кто бы говорил, – усмехнулся я в ответ.

В синем поношенном свитере, в серых, растянутых на коленях домашних штанах он сидел, сгорбившись, и смотрел на меня с задорной улыбкой.

– Что? – Я неловко потёр подбородок. Рана уже затянулась, осталась лишь маленькая ссадина. – У меня что-то на лице?

Он отрицательно замотал головой и прислонился к спинке дивана. Кожа у него была бледнее обычного, круги под глазами, да и в целом казалось, что он неприлично схуднул с нашей последней встречи. Когда Скэр вытянул руку, под рукавом я заметил выпирающее тонкое запястье.

– Просто... – Скэриэл задумался, помолчал и добавил: – Кажется, что мы с тобой давно не виделись. Как будто целая вечность прошла.

– Ага, точно. Я был занят подготовкой к экзаменам. – Присев рядом, я шумно выдохнул. На глаза упала прядь, и я раздражённо отбросил её. Кажется, нужно постричься. – А ты что делал?

– Тоже был занят подготовкой. Хотя я учусь на дому, но у меня тоже есть экзамены, – поддразнивая, проговорил он. – Как встреча с психиатром?

Я закатил глаза и махнул рукой. Прядь вновь упала мне на лицо, но, прежде чем я успел поднять руку, Скэриэл резко потянулся ко мне и сам небрежно заправил мои волосы за ухо.

– Ага, спасибо. – Смутившись, я повторно зачесал их назад. – Так и не попал на приём. Плохо себя чувствовал в тот день.

– Болел? – Он прикоснулся к моему лбу, как будто сейчас у меня могла быть температура.

Сначала я хотел избежать прикосновения, ведь чувствовал себя значительно лучше, да и температуры не было ни тогда, ни уж тем более сейчас. Но в последний момент одумался, сетуя на то, что мы и так мало виделись в последнее время. Если он хотел потрогать мой лоб, убедиться, что я в порядке, то почему бы и нет.

– Немного. Сейчас в норме.

– Ты слишком бледный и какой-то уставший. Как будто ночами вагоны разгружаешь, – прыснул Скэриэл.

– Это так на меня влияет предстоящий экзамен по тёмной материи.

А ещё у меня сердце отказало. В этом меня уверял Гедеон, но самому слабо верилось. Произошедшее в столовой сейчас казалось чем-то нереальным.

– Когда он?

– На следующей неделе.

– Ого. У тебя мало времени.

Я посмотрел на Скэриэла убийственным взглядом, как бы говоря: «Серьёзно? Ты думаешь, я не в курсе?»

Он захохотал в голос. Я продолжал смотреть на него, стараясь удержать серьёзное выражение лица, но залиvistый смех Скэриэла не оставил шансов. Я рассмеялся вместе с ним. Не помню, когда уже в последний раз было так легко на душе. Наверное, только в его компании всё становилось проще.

– Ладно, – отсмеявшись, проговорил он. – Что входит в экзамен по тёмной материи?

– Главное задание – преобразовать материю в лук и стрелу. На занятии нужно было выстрелить и попасть в два кольца. На экзамене их может быть три или пять.

– Всего лишь?

– Ты сейчас получишь в глаз.

Скэриэл шутливо выставил ладони в защитном жесте.

– Молчу-молчу.

– Я знаю, что это не так сложно, если тренироваться, но... – Я тяжело выдохнул и развёл руками. – Я просто... не знаю... не хочу вообще это делать.

– Не хочешь использовать тёмную материю?

– Да, точно, – уверенно закивал я. – Мне, как это объяснить... хм... не нравится эта способность.

– Потрясающе, – выдохнул Скэриэл, смотря заворожённо.

– Чё? – Я нахмурил брови и приготовился отразить насмешку.

– Тебя надо в музей на выставках показывать. И на табличке написать: «Первый чистокровный, отказавшийся от тёмной материи».

Я недовольно цокнул языком.

– Тогда и тебя рядом посадить с надписью: «Первый полукровка, добившийся высокого уровня тёмной материи».

– О да, мы будем хорошей парочкой, – хихикнул Скэриэл.

«Парочкой». Он так шутит. Смеяться, правда, не хотелось.

– А ты когда-нибудь стрелял из лука? – внезапно спросил Скэриэл.

– Из лука? С помощью материи?

– Нет, я про настоящий лук. – Он привстал и изобразил, как натягивает тетиву и запускает стрелу в стену.

– Нет.

– Так надо сначала попрактиковаться на настоящем луке, чтобы преобразовать в него материю.

– Скэр, но другие так не делали. Они сразу оформляли сгусток.

– Мне без разницы, что делали другие. Мы сейчас должны помочь тебе. – Он встал и решительно направился в сторону кухни. – Я закажу доставку лука и стрел, а потом мы потренируемся.

– Мне кажется, это глупая затея, – без энтузиазма проговорил я, наблюдая за тем, как Скэриэл берёт с кухонного стола свой телефон. – Ничего не выйдет. Я просто не способен управлять материей.

– Ой, ну чё ты разнылся. – Скэриэл скорчил мину. – Хуже точно не будет. Во, нашёл, доставка на завтра. Заказываю.

– Ты серьёзно сейчас?

– Серьёзнее некуда, – не глядя на меня, ответил он, увлечённо что-то печатая в телефоне, и вновь повторил: – Уверяю, хуже не будет.

– Да куда уж хуже. – Я улёгся на диване, прикрыв глаза. – Я самый ужасный в классе по практике. Вместе с Мартином Киджом. – И произнёс громче: – А он самый тупой в нашем классе. Так вот, я с ним на одном уровне по материи!

На меня упала чья-то тень. Я открыл глаза и увидел Скэриэла, свесившегося надо мной со спинки дивана.

– Ну и чего мы распустили нюни? – весело спросил он. – Хочешь на ручки и чтобы тебя жалели?

– Отвали, – буркнул я и повернулся на бок, отвернувшись от него. Удобно улёгшись, вновь прикрыл глаза. – Я уже морально готов провалить экзамен.

Что-то массивное упало на меня и придавило.

– Скэриэл! Блин, ты тяжёлый! – Я брыкался, пытаюсь отодвинуться от него, но Скэриэл, скатившись со спинки дивана, втиснулся в небольшое пространство за моей спиной и обнял, почти полностью подмяв под себя, горячо дыша в затылок. – Ай, локоть убери, прямо в спину тычешь.

– Так? – Он подвинул руку, и я почувствовал тепло его тела, когда он прижался ближе.

– Чё ты, блин, творишь, – недовольно пробормотал я, пытаюсь сдвинуться. – Мне жарко.

– Ты хотел, чтобы тебя пожалели, вот я и жалею. – Тёплая ладонь легла мне на макушку, и он пару раз провёл по волосам. – Лучше?

Я смущённо зарылся в подушку.

– Детский сад...

– Зато ворчишь, как старик, – усмехнулся Скэриэл. – Просто полежи немного.

Я затих. Честно признаться, мне нравилось, когда он гладил меня по голове.

– Ну что? Получше?

– Да... немного.

Он больше ничего не говорил, да и мне не хотелось. Скэриэл продолжал гладить по волосам, отчего захотелось спать. Я ощущал его тепло, защиту и заботу. Чувствовал, что эти прикосновения были нужны и ему.

Быть может, в этом было виновато наше одиночество. Я потерял маму, Скэриэл – обоих родителей. Возможно, мы оба тянулись к тем, кто мог о нас заботиться, а не находя отклика, заботились друг о друге.

– Как себя чувствуешь? – тихо спросил он на ухо.

Трудно было сказать, сколько прошло времени: пара минут или пара часов. Меня разморило.

– Хочу спать, – сонно ответил я, зевая.

– Поспи.

– А ты?

– Тоже.

– А как же практика тёмной материи? – заплетающимся языком произнёс я. Думать сейчас о практике совсем не хотелось.

– Через час продолжим. – Он сжал и легонько потянул волосы на затылке, отчего у меня мурашки пошли по коже, а затем одним

ласкающим движением плавно перешёл на шею. – Спи, Готи.

Последнее, что я помнил, прежде чем заснуть, – Скэриэл, лёжа рядом, осторожно массировал мне шею и левое плечо. Диван был узким, и, чтобы не упасть, я придвинулся к нему ближе. Он в ответ обнял меня за талию.

Почему-то спать в доме Скэриэла было приятнее, чем у себя. Диван узкий, немного жёсткий, пропахший сигаретами, но я так хорошо выспался на нём, что давно следовало узнать, где Скэриэл его приобрёл. Но, думается мне, не в диване было дело.

Когда я проснулся, на улице было ещё светло. Скэриэл, похоже, накрыл меня покрывалом, а сам ушёл. Я зевнул, потягиваясь.

– Я тебя разбудил?

Он сидел за столом, поджав ногу. Перед ним на столе лежала толстая книга.

– Нет, я, кажется, выспался. Что читаешь?

Было немного холодно, поэтому я накинул на себя покрывало.

– У меня сейчас такое чувство дежавю. Помнишь, как Оскар потащил тебя в клуб и ты ночевал в моей комнате? Утром ты спустился, замотанный в простыню. Я тогда читал Эдгара Аллана По.

– «Падение дома Ашеров», я помню.

– Как ты это запомнил? – удивился он.

Я почесал нос и плотнее закутался в покрывало.

– Тогда ты сказал название, и у меня была первая мысль, что за вылазку в Запретные земли у меня точно произойдёт «Падение дома Хитклифов».

Скэриэл прыснул от смеха.

– Ты ещё тогда курил.

– А потом ворвался Гедеон.

– Не вспоминай, – поёжился я. – Есть что-то горячее?

– Типа меня? – лукаво спросил Скэриэл.

Я закатил глаза, а Скэр захихикал.

– Ты всегда так бурно реагируешь на мои шутки, – пожал плечами он. – Ничего не могу с собой поделать.

– Просто дай мне кофе или чай.

Скэриэл поднялся и зашумел чашками.

– Что читал? – Я подошёл ближе, повторяя вопрос. На развороте красовалась картина Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ».

Французская революция не отпускала Скэриэла. Перевернув обложку, я прочитал название на французском, переводившееся как «Лувр. Коллекция живописи». Мой уровень владения языком был крайне низок, но по обложке можно было легко догадаться о содержании. – Тут всё на французском.

– Да, я специально заказал в оригинале. Посещал Лувр?

– Ага, с Леоном ездили. Вроде мы тогда ещё учились в средних классах, если я не путаю.

– Классно. – Скэриэл подал дымящуюся кружку с чаем. – Осторожно, горячо.

– А ты не был в Лувре? – Я рассматривал иллюстрации в книге: Леонардо да Винчи, Пауль Рубенс, Тициан, Франсиско Гойя.

– Шутишь? – вдруг едко произнёс Скэриэл. – Я же полукровка.

– Прости?

– Ты правда не понимаешь?

– Чего?

Скэриэл смерил меня недовольным взглядом.

– Забудь, – бросил он, отворачиваясь.

– Да что не так? – громче, чем стоило бы, спросил я.

– Полукровкам запрещено самостоятельно выезжать за пределы Октавии. Можно только с разрешения Совета старейшин, или кто там за это отвечает. И нужно иметь на руках рекомендательное письмо от совершеннолетнего чистокровного. Учитывая, что многие полукровки и низшие хотят сбежать отсюда, нет такого чистокровного идиота, который захочет составить рекомендацию. Если полукровка сбежит за границу, то чистокровного ждёт штраф.

– Не знал этого, – удивлённо произнёс я. Взгляд Скэриэла прояснился, он уже не смотрел затравленным волком.

– Прости. Конечно, ты этого мог не знать. Ты чистокровный и тем более несовершеннолетний. Тебя это никаким боком не касается.

– Послушай, Сильвия часто с нами летала за границу, она полукровка. Получается, кто-то из нашей семьи писал ей рекомендательное письмо?

– Конечно, иначе её бы не выпустили из страны.

– Не укладывается в голове. Как можно запретить выезжать за границу?

– Это только у нас так. Хотя нет... Слышал, что ещё в ряде закрытых стран помимо Октавии есть запрет на выезд полукровкам и низшим. Но в остальных странах можно свободно перемещаться и не ждать разрешения.

– Октавия действительно такая тоталитарная?

– Смотря для кого, – хмыкнул Скэриэл. – Вот для чистокровных всё замечательно. Вы живёте припеваючи. Поэтому во главе страны стоит Совет старейшин из чистокровных. Ни один полукровка не занимает политическую должность.

– «Все животные равны, но некоторые более равны, чем другие», – вспомнил я Гедеона, цитировавшего заповедь из «Скотного двора» Джорджа Оруэлла.

– Что?

– Почитай «Скотный двор» Оруэлла. Найдёшь там много схожего... Получается, ты никуда не можешь выехать? Ни ты, ни Эдвард?

– Ага.

– Про это не говорят в лицее.

– А зачем? В лицее учатся чистокровные. К чему им проблемы низших?

– Если не говорить о проблеме, это не значит, что её нет.

– Другие чистокровные с тобой не согласятся.

– Люмьер говорил, что император Бёрко хорошо относился к полукровкам и низшим в Октавианской империи, – задумчиво произнёс я и сразу пожалел о сказанном.

– А Люмьер был приятелем императора, чтобы так разбрасываться словами? – проворчал Скэриэл.

– Его отец, кажется, Маркус Уолдин, был приближённым императора и умер во время переворота. Но сам Люмьер фанатик императорской династии. Он не может быть объективным.

– Интересно, – протянул Скэриэл, подсаживаясь ближе. – Он из тех, кто верит, что есть наследник Бёрко?

Я невнятно что-то пробурчал под нос. Тему наследников поднимать не хотелось.

– Чего? – переспросил Скэриэл, а затем хитро уставился на меня. – Ты что-то скрываешь!

– Нет, нет... – помотал я головой. – Просто я ничего толком не знаю о Люмьере и не хочу его обсуждать.

– Ну да, ну да, – протянул Скэриэл, заговорщически кивая. – Он дружит с Гедеоном, да? Тот самый парень, что следил за мной.

– Ага. Но это всё, что я о нём знаю.

– А ты сам как думаешь? Существует ли этот наследник?

– Что?

– Наследник Лукиана Бёрко, которого могли спасти... Думаешь, что это всё городские сплетни?

– Честно говоря, не знаю. А что?

– Если он жив, то ему должно быть сейчас шестнадцать или семнадцать лет. Прямо как нам. – Скэриэл улыбнулся. – Я просто иногда думал об этом. То, что я владею тёмной материей. Вдруг наследником мог быть и я.

– Но у тебя же были родители. Семья.

– Ну, а вдруг мои родители как раз и спасли меня во время переворота и забрали себе, – хмыкнул он, затем серьёзно добавил: – Шучу я. Просто мысли вслух. Конечно, прикольно было бы стать наследником империи, но это всё только слухи.

– Ага, – напряжённо кивнул я, мечтая поскорее сменить тему. – Кстати, по поводу Оливера...

– М?

– Я про то, что ты помог Оливеру. Достал фотографию и сходил с ним на встречу с Бернардом... Он, наверное, тебя благодарил, но и я хочу сказать спасибо. Ты правда спас его.

– Не за что, – тепло улыбнулся Скэриэл. – Я всегда помогу твоим друзьям.

– Спасибо, – чуть тише повторил я.

– Да всегда пожалуйста. – Он вновь уткнулся в экран. – Всё ради тебя.

Я замолчал, смутившись, и уставился на свои плотно сжатые в замок руки. Скэриэл поднял взгляд и, заметив мою неестественную позу, спросил:

– Что? – Он убрал телефон в карман. – Что-то случилось...

– Давай начнём практику. – Грубо прервав его, я поднялся со стула и, скомкав в руках покрывало, направился к дивану.

– Чего ты?

– Всё нормально, – отмахнулся я. – Мы можем потренироваться пока без лука и стрел? Мне нужно для начала оформить материю во что-то более лёгкое. Типа, ну, не знаю, треугольника?

– Ладно. – Он подошёл ближе. – Уж треугольник ты можешь легко представить.

Я сделал пару глубоких вдохов, размял кисти рук и попрыгал на месте. Скэриэл наблюдал за мной с приподнятой бровью и приоткрытым ртом.

– Ну что? – раздражённо выдал я.

– Да ты прям в олимпийскую сборную готовишься...

– А как готовишься ты? – огрызнулся я в ответ.

– А ты готовишься к тому, чтобы почистить зубы или расчесать волосы?

– Я не понимаю, к чему ты клонишь, – бросил я, хотя, уж если быть честным, понимал.

– Твоя способность врождённая. – Скэр принялся разговаривать со мной как с ребёнком. – Это как пользоваться рукой или ногой. Ты просто чувствуешь её и знаешь, что сможешь ею управлять.

– А я вот не могу. Я ощущаю тёмную материю как лишнюю конечность, которая отравляет мне жизнь.

– Но без тёмной материи ты бы не мог быть чистокровным. Даже твой цвет волос и статус твоей семьи тебя бы не спасли. Был бы обычным полукровкой.

– Не вижу в этом ничего плохого, – грозно выдал я.

Скэриэл одарил меня благодарным взглядом, но я даже не понял, за какие заслуги. Он сел на диван и принялся не спеша меня разглядывать, как будто мы не виделись много лет.

– Ты мне нравишься, – вдруг тихо произнёс он.

XIV

Я оцепенел. Мне не хотелось пугать его неоднозначной реакцией. Но, вместо того чтобы смутиться, Скэриэл с любопытством наблюдал за мной, словно за какой-то диковинной зверушкой. Как будто это была не более чем забава, шутка, которую я не признал с первых строк.

Я напряжённо хмыкнул, хотя больше хотелось провалиться под землю. Иногда я просто не мог понять, что там в голове у Лоу, когда он вытворял странные вещи. Он был мне лучшим другом, наверное, самым близким сейчас человеком, но это признание перевернуло всё с ног на голову.

– Ага, конечно.

Скэриэл зажмурился, словно от яркого света, и наклонил голову набок, как будто флиртуя, ну или как будто у него защемило шею. Из-за полного отсутствия опыта на любовном фронте я был плох в распознавании всего, что касалось романтики. Но, уверен, даже если бы кто-то растянул транспарант с признанием в любви, я бы и тогда воспринял это как шутку.

– Ты мне не веришь? – спросил он беззаботным голосом, и меня это немного успокоило.

Не верю? Как бы помягче выразиться, я даже не уверен, правильно ли воспринял эти слова. Нравиться человек может по-разному. Скэриэл мне нравился как друг, как человек. О какой симпатии говорил он? Спросить так в лоб – значит поставить себя в неловкое положение. Нравлюсь ли я ему как парень? Я уже давно замечал, что Скэриэл не против подобных отношений, да и я не чувствовал неприязни. Испытывал ли я к нему романтические чувства? Нет, но обижать отказом не хотелось. Лучше бы и вовсе избежать этого разговора.

– Верю. – Я уставился в окно и с запинкой произнёс: – Ты мне тоже...

– Как друг? – перебил он.

– Что?

– «Ты мне тоже», – проблеял он, явно пародируя меня. – Нравлюсь как друг?

Скрестив руки на груди, я с лёгким негодованием посмотрел на него.

– Не смешно, Скэр. – Попытка задеть меня увенчалась успехом. – Да, нравишься, но как друг.

– Я так и думал, – улыбнулся он, но улыбка вышла вымученной. – Оливия?

– М?

– Нравится тебе?

Почему-то у нас совершенно не клеился разговор. Меня это потихоньку выводило из себя.

– Скорее нет, чем да, – чуть тише произнёс я. Вот говорить о ней совсем не хотелось.

– Ого, – охнул Скэриэл. – Даже так... Что произошло? Встретил кого-то ещё?

– Нет-нет. – Я скривился, как от зубной боли, помолчал и добавил, пожав плечами: – Ну, так вышло.

– Да ты два года по ней сох! С чего такие перемены?

С другой стороны, говорить об Оливии Брум было безопаснее, чем обсуждать наши с ним отношения.

– Не знаю. – Я нервно дёрнул плечом.

Сама мысль о том, что я был влюблён в неё два года, показалась мне сейчас на редкость утомительной. Была ли в этом вина Оливии? Скорее, тут дело в моих несбывшихся ожиданиях, в том недостижимом образе, что я собственноручно сотворил в своей голове, воздвиг алтарь и сам же теперь жаждал его сжечь, растоптать и навсегда забыть. Оливия оказалась не такой, какой я её себе представлял. Сейчас мои чувства к ней походили, скорее, на обожание неприметного поклонника актрисы любимых постановок. Будучи примой, она очаровывала на подмостках сцены, притягивала внимание всех зрителей, играя нужный образ. И, лишь столкнувшись с ней лицом к лицу, настоящей, живой, из плоти и крови, я осознал, как жестоко ошибался.

Скэриэл изобразил удивление, но промолчал.

– Просто прошла влюблённость, – закончил я.

Он поднялся и подошёл ближе, я же из чистого упрямства остался на месте. Скэриэл не вынудит меня смутиться. Наша дружба не пошатнётся из-за этого мимолётного признания. Оно вскоре забудется,

и всё станет как прежде. Если я сумел изменить отношение к Оливии, то ничего не стоит и ему смириться с тем, что мы останемся не более чем близкими друзьями. Я страстно желал, чтобы Скэриэл никогда не говорил о своих чувствах ко мне. Пусть всё будет как раньше. Мне жизненно необходима стабильность хотя бы с ним. За последнее время я узнал столько всего: моя семья – фальшивка, настоящие родители мертвы, а я – наследник Октавианской империи, за которую должен биться – вот только совсем этого не хотел. Помимо всего этого Геден утверждал, что мне подвластно извлечение тёмной материи. Я бы предпочёл поменяться местами с каким-нибудь полукровкой. Мне не нужны власть, тёмная материя и Академия Святых и Великих.

Между тем Скэриэл обнял меня, да так крепко, что стало больно, но я не издал ни звука.

– Прости, что признался, – горячий шёпот опалил ухо, – надо было скрывать это.

– Всё нормально, не надо извинений. – Я понизил голос до шёпота. – Это я, наверное, задел тебя, прости. – Не знаю, как так вышло, что Скэриэл своими словами довёл меня до мук совести. – Всё в порядке. Мы останемся друзьями, как прежде. – Я обнял его в ответ.

Он был выше. Я чувствовал его парфюм, что-то смутно знакомое, навсегда отпечатанное в подсознании. Его волосы отдавали мятой. Я уткнулся ему в шею и крепко зажмурился.

«Пусть всё будет как прежде», – повторял я вновь и вновь, сам не понимая, о каком «прежде» просил. Прежде, когда мама была жива? Прежде, пока я не узнал, что всё вокруг ложь? Прежде, чем Геден напал на меня? Прежде, чем Скэриэл признался?

– Спасибо, Готи. – Он чуть отодвинулся, но наши лица всё ещё были безобразно близко. – Не знаю, что бы делал в центре без тебя. Ты мой единственный друг.

Для настоящего друга он прижимался слишком сильно. Впрочем, раньше он часто меня трогал, и я не видел в этом проблемы. Неужели я теперь всегда буду воспринимать его прикосновения иначе, искать в них подтекст... Он отстранился до того, как я успел что-то сказать. Честно говоря, горячие объятия мне даже понравились.

Скэриэл протянул руку, и на его ладони вспыхнуло тёмное пламя.

– О чём ты там говорил? Треугольник? – Он мигом изобразил фигуру: бурлящие языки тёмной материи преобразовались с завидной

точностью.

Я вытянул руку, последовав его примеру. Мой треугольник вышел нечётким: концы то и дело съезжались, не желая подстраиваться.

– Это просто не моё, – выдохнул я, сжав ладонь в кулак. Материя испарилась.

– У тебя проблемы, да? – внезапно спросил Скэриэл.

– С материей?

– Да нет. – Он больно ткнул меня в лоб. – Проблемы здесь.

– С чего ты взял? – буркнул я, отталкивая его руку.

Вибрирующий телефон на диване отвлёк нас. Скэриэл взглянул на дисплей и живо ответил, чему я несказанно удивился. Обычно при мне он сбрасывал звонки.

– Привет, – довольным тоном проговорил Скэриэл; я услышал знакомый голос из динамиков. – Нормально, да так. Занят немного.

Я сразу понял, что это Оливер Брум. Его звонкий голос было несложно распознать. Говорил он торопливо, его явно что-то взбудоражило.

– А, ну да. – Скэриэл игриво посмотрел на меня. – Здесь он, сейчас. – И протянул мне смартфон: – Это Оливер, и он тебя ищет.

Я как-то заторможенно взял телефон.

– Готье?! – громко раздалось из динамика. – Где тебя носит? Я тебя с утра ищу! Звоню, но ты не берёшь трубку. Раз десять уже позвонил.

– Хм, я, кажется, отключил звук. – Я пошёл к своей куртке, висевшей в холле. Кажется, я оставил телефон в кармане. – Что-то произошло?

– Ну, как тебе сказать... Помнишь про Лаванду и её занятия вальсом?

– И? – выжидательно спросил я, прекрасно понимая, что влип.

Вальс! Как я мог забыть. Мы встретили Лаванду Фло в библиотеке, и она что-то там говорила про общий чат и про дополнительные занятия по вальсу.

– Эта ненормальная послезавтра всех собирает в актовом зале после второй пары для репетиции вальса. У меня из головы вылетело, что я обещал тебе помочь с танцами.

– Честно говоря, у меня тоже вылетело... – Одиннадцать пропущенных звонков и пять сообщений от Брума высветились на

дисплее телефона.

– Ты ещё долго будешь у Скэриэла? Может, я сейчас приеду и мы хоть немного порепетируем? Это совсем несложно. Не хочу, чтобы завтра Фло опять устраивала истерику мирового масштаба.

– Да, в принципе я согласен, сейчас только спрошу у Скэра. – Я повернулся к Лоу, и тот мне сразу кивнул, не дожидаясь вопроса.

– Да, давай. Я буду не один. Угадай, кого я встретил у кинотеатра?

– Кого? – Играть в угадайку я не любил.

– Нашего потерянного танцора! – торжественно завопил Оливер. – Леона встретил! К нему опять Клив приставал. Чуть подножку не поставил, мерзавец. Ему снова надо преподать урок. – На фоне я услышал чей-то тихий голос, в ответ Оливер протараторил: – Что? Да я шучу, Леон. Никто никого и пальцем не тронет.

Кажется, Оливер забыл о том, что наша стычка с Кливом осталась вне поля зрения Леона. Мы держали всё в секрете, но теперь, видимо, уже нет.

– Ладно, ладно, – вздохнул Оливер. – Леон просит не влезать, потому что может стать только хуже. Говорит, что сам справится, – недовольно закончил он, кажется, обращаясь к Кагеру: – Всё? Проблема решена?

Я услышал короткий ответ Леона.

– Короче, мы сейчас к вам приедем, – уверенно заявил он. – Не хочу Леона оставлять тут шататься, когда где-то рядом ходит Клив и его дружки, – произнёс он, понизив голос.

– Леон рядом сейчас? – спросил я так же тихо.

– Зашёл в аптеку за мазью. Я его отправил. У него синяк на запястье. Как будто кто-то грубо схватил за руку. Прямо больно схватил. – Оливер смаковал эту деталь, нагнетая обстановку. – Выглядит синяк кошмарно.

– Думаешь, это Клив? – спросил я, возвращаясь к Скэриэлу.

– А кто ещё? Клив или... – Оливер затих, а у меня в голове появился образ дяди Леона – главы полиции. – Мистер Кагер?

– Не знаю... – Я вздохнул. – Ладно, давайте, жду вас. Скэриэл одобрил.

– Договорились.

Я молча протянул Скэриэлу смартфон.

– Вальс? – насмешливо спросил он.

– Не спрашивай. Это была идея Лаванды, нашей старосты. Она хочет, чтобы на выпускном у каждого была пара и мы все танцевали.

– А у тебя есть пара?

– Нет, я даже об этом забыл. Но можно пригласить кого-то со стороны. Правда, мне всё равно некого приглашать. Хоть Габриэлле тащи.

– А Лора? Она почти твоя ровесница.

Я потёр виски.

– Лора точно не умеет танцевать, и ей будет некомфортно. Никто не приглашает на выпускной полукровок.

– Я бы пошёл, если бы ты меня пригласил.

– В качестве пары? – хмыкнул я. Идея о том, чтобы танцевать на выпускном со Скэриэлом, забавляла. Там не то что удивятся, а скорее упадут в обморок от одного только нашего вида.

– Да хоть в качестве твоего дворецкого. Дверь тебе буду открывать и бокалы с шампанским носить. – Скэриэл поднялся и грациозно поклонился мне.

– Там не будет бокалов с шампанским, – хихикнул я.

– Ну, тогда буду танцевать с тобой. – Он взял меня под руку и придвинулся ближе.

– Ты точно хочешь довести моего отца до инфаркта, – рассмеялся я. Отчего-то наша поза показалась мне до ужаса нелепой и оттого очень смешной. Я вдруг всерьёз представил лица одноклассников и учителей, увидевших танцующего меня со Скэриэлом на выпускном. Такого скандала лицей давно не видел.

– Я всё ещё помню твоё обещание про вечер в стиле Александра Македонского, мой филэ.

Прикрыв лицо рукой, я в шутку застонал. Скэриэл разразился громким смехом.

– Не против, что Оливер и Леон сейчас приедут? – спросил я, когда мы сели на диван. Вроде бы разрешение уже получено, но мне будет спокойнее, если озвучу просьбу.

– Все окей, только когда мы продолжим тренировку?

– Лук и стрелы приедут завтра утром?

– С девяти до двенадцати.

– Завтра выходной, давай я приеду к девяти. Но вечером у меня психиатр.

Скэриэл кивнул, и оставшееся до появления друзей время мы потратили на мои попытки оформить тёмную материю в треугольник. К концу у меня даже стало сносно выходить. Разница между занятиями со Скэром и в лицее была огромной. Там я чувствовал соперничество, давление со всех сторон. Здесь мы просто болтали, веселились, попутно осваивая материю. Мне было легче принять способности, зная, что меня не оценивают, не сравнивают с другими и не требуют высоких результатов.

Мои преподаватели были знакомы с Гедеоном и восхищались его способностями – на его фоне я себя чувствовал белой вороной, не способной поддержать репутацию семьи Хитклиф.

С приходом Оливера и Леона дом наполнился радостным шумом, по большей части из-за Оливера. Он громко поприветствовал меня, приобнял Скэриэла – видимо, после истории с Бернардом они очень сблизились, – и долго причитал о том, как на улице холодно и что лучше бы Лаванда Фло оставила всех в покое.

Леон был тих, но улыбнулся мне, а затем смущённо кивнул Скэриэлу. Он тоже заметно сдружился с ним, отчего я почувствовал гордость, граничащую с ревностью.

– У нас нет дамы, так что сегодня вместо дамы будет... Леон! – торжественно объявил Оливер и указал на Кагера.

– Я на это не подписывался, – попытался воспротивиться Леон.

– Ты артист, тебе не привыкать, – елеинным голосом добавил Оливер. – Пострадай ещё немного ради искусства. – Он повернулся ко мне: – Значит, так, венский вальс. Он очень лёгкий, – проворчал Оливер, подходя ближе, – я не знаю, зачем Фло решила устроить дополнительные занятия. Спина прямая, подтянись, плечи назад.

– Может, не все так быстро осваивают танцы, как ты, – проговорил я.

– Да что тут осваивать... – пробурчал он, включая музыку на смартфоне.

Учитель из Оливера был строгий, требовательный, он повышал голос без повода и быстро выходил из себя. Кажется, он решил, что я читаю его мысли, раз посчитал достаточным показать движения один раз и сразу потребовать повторить в точности под его счёт.

Леон быстро сообразил, что я не выучу движения, если Оливер будет злиться на меня за каждую ошибку, и взял всё в свои руки.

Доходило до того, что Леон опускался на корточки передо мной и руками показывал, куда я должен ставить ногу. С Кагером у меня хоть что-то начало получаться, и в итоге он взял меня за талию, придвинулся чуть ближе, смущённо улыбаясь, и повёл в танце. Сначала он показывал, как вести даму, но вскоре мы поменялись местами, и вёл уже я. Когда мы танцевали, я то и дело поглядывал на его синяк на запястье, смазанный лечебной мазью, издающей не самый приятный запах.

– Молодец, – оценил Леон, когда мы закончили.

Скэриэл похлопал, а Оливер вновь указал на мою сгорбленную спину и напряжённые плечи.

Прошёл час; я успел станцевать четыре раза с Леоном и два с Оливером, прежде чем великий мастер Брум снизошёл до похвалы. Даже Скэриэл присоединился к нам. Учился он быстро, чему я был совсем не удивлён, в отличие от других. Оливер больше хвалил его, но это меня не задевало. Как говорила Оливия, если Оливер привязывался, то у него напрочь отключалось критическое мышление. Спорить с ним не хотелось. Быть может, ко мне он был строг, потому что я чистокровный.

– *Vene laborātis!* – изрёк Оливер, затем повторил: – Хорошо потрудились.

– *Ita vero*^[4], – согласился Леон.

– Не хотите как-нибудь вместе позаниматься латинским? – внезапно предложил Скэриэл.

– Ты тоже его учишь? – удивился Оливер.

– Да, не хотелось бы отставать.

– Хорошая идея, – мигом отозвался я. Скэриэл и латынь? Почему я не знал об этом?

– Я не против, – кивнул Леон.

– Оливию приглашаем или у нас будет чисто мужская тусовка? – Оливер деловито потянулся к своему рюкзаку.

– Я ей буду только рад, – ответил Скэриэл.

Мы с Леоном согласились.

– Тогда я позвоню ей и предложу. В какой день? Может, завтра? Как раз воскресенье.

Я бросил на Скэриэла быстрый взгляд. Он закусил губу, затем нерешительно сказал:

– Честно говоря, завтра с утра у меня другие планы. Может, на неделе?

– В понедельник? – предложил Оливер.

– В понедельник у меня репетиция, – отозвался Леон. – Но вы можете собраться без меня.

– Так дело не пойдёт, – проворчал Брум. – Мы должны собраться все вместе. Вторник после занятий?

К несчастью, был выбран вторник. В пятницу намечался экзамен по тёмной материи, и мне хотелось больше времени посвятить подготовке, но Оливер и Леон не воспринимали этот предмет всерьёз, с лёгкостью справляясь с любым заданием. А вот для меня это был сплошной стресс.

– Ви-и? – протянул Оливер, прижимая телефон к уху. – Мы тут хотим собраться во вторник и позаниматься латынью у Скэриэла... Что? – Он осёкся, а затем испуганно проговорил: – В смысле?

Оливер занервничал и повернулся к нам спиной, стараясь скрыть лицо. Я не придавал этому значения, пока не увидел встревоженного Скэра. Леон дотронулся до моего плеча:

– Что-то случилось?

Я пожал плечами.

– В чатах? Во всех чатах лица? Ты уверена? – нервно протараторил Оливер. Он повернулся к нам; выглядел жутко испуганным и потерянным. – Я не знаю ничего про это... Сейчас? Жду.

Он отключил смартфон и уставился в пол, шумно дыша. Кажется, Оливер начал задыхаться. У него задрожали руки. Первым не выдержал Скэриэл:

– Что произошло?

– Кто-нибудь сидит в чатах нашей группы? Или лица? Оливия говорит, что ещё есть общая анонимная группа лица. – Брум принялся что-то набирать в смартфоне, но пальцы так тряслись, словно у него начался припадок.

– И что там? – Я подошёл ближе.

Лицо Оливера до боли исказилось: брови надломились, губы задрожали, в глазах стояли слёзы – он был готов вот-вот разреветься.

– Кто-то скинул... – Он осёкся, боясь произнести это вслух. – Кто-то... Я не знаю, кто... Сфотографировал нас с Бернардом, когда мы

ещё гуляли вместе. Мы целовались. Не знаю, когда была сделана фотография. Про нас написали. Про наши отношения. Всё слили в Сеть.

И в эту секунду раздалась мелодия вызова. Оливер со страхом посмотрел на свой смартфон. Мы троём застыли, наблюдая за ним и боясь произнести хоть слово.

– Это мой отец... – упавшим голосом проговорил Оливер.

Когда поздно вечером к дому подъехало такси, я увидел из окна, как Скэриэл стремительно покинул салон автомобиля – с громким хлопком закрыл дверцу, отчего водитель что-то гневно прокричал ему вслед, – и направился к входной двери. Я стоял на втором этаже; заметив меня, он обычно махал рукой и пальцем указывал вниз, прося спуститься, но сегодня этого не произошло. По его выражению лица было сложно что-то понять. Я закусил губу, размышляя, что могло случиться. В голову закралась шальная мысль: что-то пошло не по плану.

Отложив тряпку и средство для мытья окон, я стянул резиновые перчатки, поправил свитер и поспешил к лестнице.

В холле раздался шум, словно чем-то тяжёлым ударили по стене, и крики Эдварда.

– Да что с тобой?!

Я с опаской спускался по лестнице, наблюдая за тем, как в холле Скэриэл в ярости прижимал Эдварда к стене, приставив к горлу нож. Он почти сшиб Эдварда с ног, задев стоящую рядом металлическую подставку для зонта. Подставка перевернулась, и четыре зонта вывалились прямо к их ногам.

Слава богу, что все работники уже ушли. Скэриэл нечасто навещал нас в Запретных землях и обычно заранее предупреждал о своём приезде. И, конечно, он никогда не устраивал сцены у всех на глазах. Особенно если это могло подмочить его репутацию. Последний работник – полукровка, бывший учитель истории – покинул нас полчаса назад. Задержись он, было бы сложно объяснить, что здесь происходит.

Я опешил, не зная, что делать. Это был первый на моей памяти случай, когда Скэриэл и Эдвард ссорились. Я уже не говорю о приставленном к шее ноже.

Я не видел лица Скэриэла, но Эдвард выглядел возмущённым. Он схватился за его запястье и крепко сжал, пытаясь увернуться от лезвия. Лоу шумно дышал, как будто всё никак не мог успокоиться. Эдвард,

наоборот, пытался сохранять спокойствие, хоть это и выходило с трудом. Они неотрывно смотрели друг другу в глаза.

– Скэриэл? – позвал я в напряжённой тишине. Первым порывом было броситься к ним, разнять, но оба затихли, и я понадеялся, что Скэриэл вскоре успокоится и прояснит ситуацию.

– Ты с ума сошёл, – процедил сквозь зубы Эдвард.

Скэриэл отпустил его и повернулся ко мне. Я замер на первой ступеньке лестницы в ожидании.

– Ты знал про фотографии, – низким голосом произнёс Скэриэл, подходя ближе. – Точно знал.

– Фотографии? – Я лихорадочно соображал, о чём именно он говорит. – Чьи?

Скэриэл всё ещё держал в руке нож. Он подходил медленно, точно хищная кошка в засаде. Шаги его сделались бесшумными, в то время как моё дыхание казалось оглушительно громким. Сработала ли это клятва на крови или нет, но я чувствовал его агрессию. Она заполняла каждую клеточку моего тела. Я боялся двинуться с места.

– Фотографии Бернарда. Ты знал о том, что Бернард и Оливер встречались.

– Ты сам мне это сказал, – нервно выдал я; голос трусливо дрожал. – Когда попросил найти компромат на Бернарда в клубе.

– Всё верно, – кивнул он. – А теперь кто-то слил информацию про них.

– Ты думаешь, что я мог это сделать? – Внезапно меня охватил гнев. – Я бы не стал!

– Да неужели? – издевательски проговорил Скэриэл.

– Мне больше нечего сказать, – отрезал я. – Я этого не делал. Ищи того, кто за этим стоит.

Я направился в сторону подсобки – нужно было взять тряпку и отмыть холл. Скэриэл успел наследить, ведь, придя с улицы, обувь он не снял, – хотя, по правде говоря, я просто хотел уйти от него на безопасное расстояние. Краем глаза я наблюдал за ним, но всё равно не успел среагировать, когда он ударил меня по внутренней стороне колена. От резкой боли нога подогнулась, и я завалился на пол, успев в последнюю секунду сгруппироваться. Скэриэл грубо перевернул меня на спину, сел на живот и... приставил нож к шее.

– В этом доме только я заканчиваю разговор. И нет, – выделил он громче, жёстко сжав подбородок, – мы не закончили.

Я попытался возмущённо завопить: «Что ты делаешь?!» – но получилось только нечленораздельное мычание. Его пальцы, впившиеся в кожу, как тиски, сдерживали меня.

– Скэриэл, прекрати сходить с ума, у тебя уже паранойя, – раздался сзади недовольный голос Эдварда. Я слышал, как он спешит на помощь.

Скэриэл, не поворачиваясь, отпустил мой подбородок – о, это прекрасное чувство свободы! – и взмахнул рукой назад. Послышался грохот. Кажется, он сбил Эдварда с ног тёмной материей.

– Кто-то слил в Сеть фотографии Бернарда с Оливером. – Он нагнулся ко мне. – Я спрошу только один раз. Это сделал ты?

– О чём ты? У меня... – Я сглотнул и кожей почувствовал острое лезвие. – У меня не было этих фотографий. Только Бернард в клубе.

– Ты умеешь доставать любую информацию, – почти нежно проговорил он, вплетая пальцы в мои волосы. – Тебе не составит труда достать их старые фотки.

– Но я этого не делал! – истерично крикнул в ответ я. Тут он, видимо, решив наказать за повышенный тон, больно схватил меня за волосы и потянул; было трудно дышать, он сидел на мне, а весил Скэриэл прилично. Его ноги по бокам сдавливали, да так сильно, что я не мог даже шевельнуть рукой. – Я дал клятву, помнишь? Как я мог сделать что-то, что может помешать тебе?

Он долго вглядывался в мое лицо, словно пытался отыскать в нем правду. Как он был разъярён! Я впервые видел его в таком состоянии. Что бы там ни произошло, это вывело Скэриэла из себя. Вскоре звериный оскал сменился гримасой недовольства, а затем и складки между бровей разгладились. Больше не было этого пристального взгляда, готового уличить меня во всех грехах, плотно сжатые губы приоткрылись, и Скэриэл издал вздох отчаяния. Теперь он выглядел растерянным. Глаза его беспокойно метались, он словно размышлял, забыв обо всём.

Я почувствовал облегчение, когда он медленно, словно в прострации, убрал нож и встал, протягивая мне руку. Я нерешительно поднялся, не принимая помощи.

– Прости, – виновато произнёс он, когда я встал, разминая шею. Было странно тереть кожу там, куда секундой ранее упирался нож. – Не знаю, что на меня нашло.

Я не издал ни звука, продолжая свой путь до подсобки. Волосы вставали дыбом, а по коже бегали мурашки, как только я вспоминал о том, как он чуть было не зарезал меня. Ему это ничего не стоило. Скэриэл был так зол, что мог в любую минуту убить, просто заподозрив в предательстве.

– Ты должен был поговорить с нами, – сердито выдал Эдвард.

Вернувшись в холл, я опустил голову, чувствуя, что Скэриэл смотрит на меня и жалеет о содеянном, и начал вытирать грязные разводы на паркете. Скэриэл успел повесить куртку, обувь аккуратно поставить в прихожей, а зонты вернуть на место. Выглядел он как нашкодивший ребёнок, испытывавший чувство стыда. Эдвард сложил руки на груди и смотрел на него в ожидании объяснений. Я неторопливо натирал паркет, то и дело бросая на них осторожные взгляды. Кожу на подбородке ещё словно жгло в тех местах, которые он сжимал своими пальцами-тисками. Я машинально потёр шею и подбородок. Подумать только, ещё пару секунд, и я бы лежал на этом паркете в луже собственной крови. Прямо как тот водитель на дороге. Меня бросило в жар.

Скэриэл слишком опасен.

К моему удивлению, он сел, скрестив ноги, между мной и Эдвардом и, поникший, схватился за голову. Мы молчали. Я протёр все разводы, но не спешил относить тряпку, просто, нахмурившись, стоял с ней в руках.

– Простите меня, – проговорил Скэриэл.

Эдвард шумно вздохнул. Я промолчал, прикусывая внутреннюю часть щеки.

– Кто-то копает под меня, – в отчаянии бросил Скэриэл.

– Адам? – спросил я.

– Мистер Эн? – предположил Эдвард.

– Слишком осторожно копает. Не в их стиле. Помните ту дерьмовую слежку? – скривился он. – Вот это в их духе. А тут практически ювелирная работа. – Он устало потёр переносицу. – Ни одной зацепки.

– Никаких подозреваемых? – спросил Эдвард; выглядел он всё ещё сердитым, но, очевидно, обида потихоньку проходила. – Помимо Адама и мистера Эна? Может, Кэмерон? Напарник Адама.

– Это чистокровный, – заключил Скэриэл. – Под меня копает чистокровный. Вне всяких сомнений.

– Что именно он сделал? – спросил я.

– Или она, – вздохнул Скэриэл. – Кто-то слил фотографии Оливера с Бернардом во все социальные сети, связанные с лицом и Академией Святых и Великих. Откуда эти фотографии, ума не приложу. Я пытался сделать так, чтобы никто не узнал об их отношениях, вывести из-под удара Оливера, но... – Он стукнул кулаком по паркету. – Всё зря. Нужно пересмотреть планы и теперь подстраиваться на ходу.

– У тебя есть подозреваемые? Какому чистокровному ты перешёл дорогу? – спросил Эдвард.

– Ха. – Скэриэл скривился в усмешке. – Тебе в алфавитном порядке? Или в хронологическом? Проще сказать, какому чистокровному я не переходил дорогу.

– С таким послужным списком как ты ещё в живых остаёшься? – Голос Эдварда звучал доброжелательно.

Хоть он попытался всё свести к шутке и разрядить тем самым гнетущую обстановку, но ничего не вышло.

– Каждый день задаю себе этот вопрос, – угрюмо ответил Лоу.

Он поднялся и зашагал, наматывая круги между нами и рассуждая вслух:

– Если бы не эта слитая фотография, то близнецы Брум могли бы вступить за меня перед своим отцом и подписать рекомендательное письмо за то, что я помог с Бернардом. Но сейчас, – он с раздражением взмахнул рукой, – какая, к чёрту, разница, помогал я или нет. Им теперь не до меня.

Мы с Эдвардом напряжённо наблюдали.

– С другой стороны, раз положение ухудшилось, то нужно теперь повлиять на Оливера. Он как раз в убитом состоянии. Манипулировать им будет проще...

Подняв бровь, Эдвард посмотрел на меня. Я в ответ пожал плечами. Скэриэл не замечал нас, продолжая размышлять.

– Как теперь поступит их отец? Он точно не выгонит Бернарда. В уставе Академии написано, что исключить можно за преступление. За поведение, порочащее честь и достоинство учащегося, могут отстранить на время от учёбы. И это если проступки случаются нечасто. Так уже несколько раз отстраняли Оскара Вотермила. Но у Бернарда точно хорошая посещаемость. А Оливер даже ещё не учится в Академии...

Эдвард задумчиво потёр лоб, а затем направился в свой кабинет. Он занимался документацией и по полдня пропадал, утопая в бюрократическом болоте. Я же по большей части следил за кем-то, доставал материалы, а в оставшееся время убирался, успокаивая себя тем, что в доме становится чище. Я видел результат своих трудов, только когда брал в руки швабру и тряпку. Уборка для меня стала способом снять стресс.

Я прошёл мимо Скэриэла. Как бы странно это ни звучало, но в детстве, я помню, он тоже, бывало, так наворачивал круги и что-то шептал себе под нос. Это очень нервировало других детей, особенно Ноэля Джонса, – и тот всегда ставил подножку Скэриэлу. Не проходило ни дня, чтобы Ноэль не приставал к Скэриэлу. И поглядите-ка, что теперь с ним стало... По развитию он недалеко ушёл от ребёнка.

В доме каждому выделили по маленькой комнате, больше похожей на кладовку, – там мы могли ночевать, если допоздна задерживались в Запретных землях. Уставший, я собирался через пару часов пойти спать, как вдруг тихо постучали в дверь. Я крикнул: «Входите», – но стук повторился. Вздохнув, я поднялся с кровати и направился к двери.

– Привет, – смущённо проговорил Скэриэл, сидя на полу. Он уткнулся в колени, как маленький ребёнок.

– Привет, – удивлённо протянул я.

– Уже десять минут сижу здесь. Всё не решался постучать.

– Почему? – Я знал ответ, но мне хотелось, чтобы он сказал это вслух.

– Мне очень стыдно. – Он опустил голову. – За то, что произошло внизу.

Я зажмурился и сжал ладони в кулаки.

– Да, вышло хреново.

То, что произошло внизу, было не просто хреново... Я был зол на него, но ничего не мог с собой поделать. Как можно было злиться, когда он вот так сидел и раскаивался. Трудно было понять, раскаивался ли он искренне или это было очередной игрой на публику. Я принимал его извинения, глотая обиды, а время делало своё дело – вскоре я забывал все унижения и оскорбления. Из дня в день я пытался узнать, есть ли у меня предел терпения. Как долго я буду верен Скэриэлу? Или, даже оказавшись в аду, погибнув от его руки, буду оправдывать его?

– Мне правда стыдно. Даже в глаза смотреть не могу, – проговорил он тихо, всё так же сидя на полу. Я рассматривал его макушку, чёрные спутанные волосы, прикрывшие лицо, широкие плечи и острые голые коленки. Если бы он не напал на меня пару часов назад, то я бы сейчас его пожурил за отсутствие носков. В этом здании с отоплением были проблемы – то и дело отключали.

– Ты извинился перед Эдвардом?

Он кивнул, не поднимая головы.

– Почему ты решил, что это был я? Ты меня в чём-то подозреваешь? – набравшись храбрости, спросил я.

– Ни в чём, – помотал головой он.

– Тогда?..

– Я вспылел.

– Ладно, – слабо улыбнулся я. – Хочешь войти?

Скэриэлу только виляющего хвоста за спиной не хватало. Он бодро поднялся, словно не мучился только что угрызениями совести.

– Мне надо обратно, – улыбнулся Лоу. – Утром приедет курьер. Я сделал заказ. Да и завтра полно дел.

Я издал разочарованный вздох, после чего Скэриэл полез обниматься.

– Не обижайся, ладно?

Я крепко его обнял, зарывшись носом в шею.

После того инцидента на дороге я сутки приходил в себя. Той ночью Скэриэл пришёл ко мне. Мы лежали на кровати, и он долго молча гладил меня по спине. Я забылся тяжёлым тревожным сном под утро. Мне снились погоня, обрыв, кровь и Скэриэл, умирающий на дороге. В руках я держал пистолет и рыдал у его тела.

Я проснулся от собственного крика, напуганный и измученный. Скэриэл принёс стакан воды, а затем битый час болтал о рождественской ёлке, которую видел в магазине. Говорил о том, как хочет её поставить у нас дома в центре. Я почти не слушал, лишь изредка соглашался, стараясь поддерживать разговор. Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я заснул под его голос, но мне снилась эта нарядная ель.

«Ты мог убить меня сегодня», – то и дело проносилось в голове. Был ли у меня выбор, мог ли я уйти и оставить его? День и ночь я корил себя за то, что не могу найти силы бросить всё, сжечь мосты между нами. Была ли клятва на крови ошибкой всей моей жизни?

Он мог сколько угодно убеждать меня, что всё будет хорошо, но я знал, что рано или поздно умру: либо от рук его врагов, либо от его руки. Третьего не дано.

– Хорошо, – кивнул я в ответ, – когда ты вернёшься?

– На этой неделе мне надо быть в центре, но мы на связи. Приезжай, как будет время и желание, – непринуждённо проговорил Скэриэл.

– У меня тут много дел... – растерянно ответил я.

– Конечно, – кивнул он. – Спасибо.

И обнял ещё раз, как будто не верил, что я его простил.

Работала ли у него клятва на крови? Испытывал ли он сейчас сильные эмоции, находясь рядом, прикасаясь ко мне? Я не спрашивал – не хотел слушать ложь.

– Я больше не причиню тебе боли, – прошептал он мне на ухо.

Мне стоило больших усилий не рассмеяться – громко и отчаянно. Возможно, он был удивительно хорош во лжи, потому что сам искренне верил в те слова, что говорил. Но я знал, что Скэриэл искусно причиняет людям боль. Его обещания ничего не стоили. Он мог это пообещать и Хитклифу, и той девчонке-служанке, и бог знает ещё кому.

– Я тебе верю.

Услышав это, Скэриэл крепко стиснул меня в объятиях.

Мне очень хотелось верить в те слова, что произносил я.

XVI

В воскресенье утром мы со Скэриэлом учились стрелять из лука прямо в гостиной. Он успел ознакомиться с теорией, поэтому, когда мы приступили к делу, он сразу взял на себя роль тренера. Я же был в подавленном состоянии: всё валилось из рук, а в голове не задерживалась ни одна здравая мысль. В какой-то момент мне даже стало стыдно. Скэриэл из кожи вон лез, чтобы помочь мне, а я всё никак не мог отпустить произошедшее накануне с Оливером.

– Твои плечи должны быть направлены в сторону мишени, – авторитетно заявил Скэриэл. – Ладонь нужно держать позади рукоятки. Нет, не так, Готи.

Чуть сдвинув мою ладонь, он сжал её. Тёплое прикосновение вернуло меня в реальность. Я мотнул головой, прогоняя лишние мысли прочь.

– Прости, – небрежно буркнул в ответ.

– Я же сказал – позади, – повторил Скэриэл и вновь сдвинул на рукояти мою ладонь, которую я, видимо, мигом отвлёкшись, успел сместить. – А то всё давление будет на большой палец, от этого ты сильнее начнёшь сжимать рукоять и тогда не попадёшь в цель.

– Ага, – рассеянно ответил я, пытаюсь сосредоточиться на том, о чём он говорил.

– За тетиву держись тремя пальцами, – раздражённо вздохнул он. – Готье, ты меня слышишь? Я сказал – тремя.

– Прости. – Я опустил лук и виновато посмотрел на него. – Не могу никак перестать думать об Оливере. Я зашёл вчера в эти чаты, и там ему все перебивают косточки. Меня чуть не стошнило.

– Всё так плохо? – Он не спеша забрал у меня лук, видимо, решив устроить перерыв.

– Чёрт побери, да! – возмущённо выругался я. – Они все обсуждали, кто с кем, и когда, и по сколько раз, боже правый. – Опустившись на диван, я поморщился.

– Как Оливер?

– Ни малейшего понятия. Он не отвечает на сообщения и звонки.

– А Оливия? Спрашивал у неё?

– Нет. – Я старался не встречаться взглядом со Скэриэлом. – Честно говоря, мы с ней немного не ладим в последнее время. – Я зацепился пальцами за нитку, торчащую из дивана, и принялся с ней играть. – Или это только я так думаю.

– Что-то произошло между вами?

Я неуверенно пожал плечами и провёл пятернёй по растрёпанным волосам.

– Сейчас меня больше волнует состояние Оливера. – И вновь вернулся к торчащей нитке, нервно теребя её время от времени.

Мы ещё немного поговорили, и Скэриэл заверил меня, что всё устаканится и со временем люди забудут об этом инциденте с фотографиями. Я охотно соглашался, но на душе кошки скребли. Перед глазами всё ещё стояла сцена, когда Оливер ответил на звонок отца. Бледный и разбитый, рука тряслась, он с удвоенной силой пытался удержать телефон, словно сжимал раскалённое железо. «Да, отец, – севшим голосом произнёс Оливер и кивнул, словно собеседник его видел. – Да, я понял».

Вскоре за ним приехала машина. Прощаясь на крыльце, я попросил Оливера не пропадать и по мере возможности отвечать на звонки – он заверил меня, что обязательно ответит, сел в машину и, скрывшись из виду, пропал, как в воду канул.

Полночи я провёл за чтением сообщений в чатах; от ужаса волосы вставали дыбом, я сдерживался, чтобы не влезть в споры и не разругаться со всеми в пух и прах. Это бы ни к чему хорошему не привело, а только усугубило положение Оливера.

Они перемывали косточки не только ему, но и Бернаруду. Внезапно появилось много знакомых; двоюродные братья по маминой линии и троюродные сёстры по папиной, бывшие одноклассники, те, с кем он посещал один теннисный клуб или делил поле для гольфа каждое третье воскресенье месяца. Все они жаждали подлить масла в огонь.

Выяснилось, что Бернارد тот ещё негодяй: в начальной школе разрисовывал парты и стены, а в средней его ловили с сигаретами. Помимо всего этого, когда Бернаруду было тринадцать, в его шкафчике обнаружили залежи порнографических журналов. Кто-то самозабвенно утверждал, что видел его недавно в Запретных землях в клубе. На вопрос: «А как ты сам оказался там, ведь

несовершеннолетним вход воспрещён?» – информатор увильнул от ответа и вышел из чата.

Все внезапно стали очень близки кто с Оливером, кто с Бернардом, и у каждого из присутствующих был свой достоверный источник информации. Они обменивались сообщениями, скриншотами чужих переписок, пересказами слухов и голосовых сообщений, полных неимоверно глупых историй. Складывалось впечатление, что каждый пытался заполучить минуту славы, используя скандал. Следить за этим было противно, но я продолжал мучительную пытку.

В голове не укладывалось, как можно с чистой совестью плести эти гадкие истории, обсасывая каждую деталь, дополняя и увеличивая в геометрической прогрессии то, что минутой ранее было мимолётно брошенной фразой. После очередного наиглупейшего предположения, что Оливер падок на парней постарше, я сгоряча написал гневное послание о том, что о них всех думаю, и, злясь в первую очередь на себя, вышел из чата. Нужно было с самого начала уйти и не вникать в этот первобытный хаос.

К обеду мы закончили со стрельбой из лука. К моему удивлению, я даже смог попасть в цель.

– Получилось! – победоносно взревел Скэриэл.

– Новичкам везёт.

Честно говоря, стрелять из лука мне даже понравилось. Тут необходимо было отвлечься от лишних мыслей и сосредоточиться на правильной стойке и расположении рук. Если бы не история с Оливером, я бы смог сполна насладиться процессом.

После стрельбы мы долго обсуждали размер и материал рукояти, щупали стрелу, натягивали тетиву, изображая выстрел, прежде чем приступили к тёмной материи. Я не ждал ничего полезного от затей Скэриэла. Казалось, что он просто пытается отвлечься от более серьёзных проблем, но каково было моё удивление, когда у меня получилось оформить материю в лук, а затем и в стрелу.

– Тебе нужно больше тактильных ощущений, чтобы вышло.

– Это ты так красиво завуалировал, что у меня проблемы с воображением? – рассмеялся я.

Скэриэл улыбнулся в ответ.

После обеда меня ждал приём у психиатра. Я пообещал себе быть предельно любезным, не спорить и не перечить. Отец предложил

посетить специалиста, чтобы выговориться, понять причину моих неудач с тёмной материей, но я считал иначе. Что, если через психиатра отец хотел внушить мне неприязнь к полукровкам в общем и к Скэриэлу в частности?

На дверной табличке вычурным шрифтом было выгравировано: «Скарлетт Рипли. Психиатр». Я не успел постучать, как дверь распахнулась и на пороге меня встретила женщина, жестом пригласившая в кабинет. Я ожидал увидеть противную отталкивающую особу, цедящую слова сквозь зубы и готовую с ходу поставить диагноз, – меня огорчило то, что я оказался не прав.

– Готье Хитклиф, рада с вами познакомиться, – раздался приятный голос.

Её кабинет был больше, чем я ожидал. И тут не было кушетки. Я много раз видел в фильмах, как пациент лежит на кушетке, а психиатр выслушивает его, что-то черкая в блокноте, поэтому обстановка меня порядком удивила.

Я решил избегать дивана, потому что миссис Рипли могла сесть со мной, а я бы не хотел столь быстрого сближения на первом сеансе. Впрочем, как и на последующих. После того как она предложила с комфортом расположиться, я сел в кресло и выжидательно посмотрел на неё.

– Сложно учиться в выпускном классе? – как бы невзначай спросила она, усаживаясь за свой письменный стол.

– Да, очень устаю и не успеваю.

– Ваш отец был инициатором наших встреч, и я совру, если не скажу, что он рассказал вкратце о вашей проблеме с одним из предметов. Можете поподробнее рассказать?

Кресло оказалось на редкость удобным. Я даже подумал о том, что хочу такое в свою комнату. Я принялся осматриваться, попутно вкратце описывая практические занятия по тёмной материи в лицее.

Весь кабинет утопал в тёмно-зелёных оттенках. Где-то читал, что зелёный цвет помогает сосредоточиться. Книжные шкафы, стеллажи и письменный стол были в одном стиле – благородное дерево сразу бросалось в глаза. Классический стиль, который мне приелся, но считался признаком хорошего вкуса. Эта комната напоминала мне кабинет отца, вот только здесь было много растений и цветов, гармонично вписывавшихся в общую обстановку. Цветы в круглых

горшках на широком подоконнике, по обе стороны от дивана два крупных куста в деревянных кадках. Я всё хотел дотронуться до листа и на ощупь понять, настоящий он или искусственный.

– Что отец вам рассказал про меня? – Я рассматривал картины на стене.

Чего я не ожидал, так это репродукций картин Жака Луи Давида. Когда мы готовились к защите проекта по Французской революции, то с Леоном и близнецами много обсуждали его работы. Он был нашим любимым «живописцем революции». Я любил «Смерть Марата», а вот Оливеру очень нравились «Гнев Ахилла» и «Погребение Патрокла». Иначе и быть не могло. Было неожиданно увидеть здесь картину «Бонапарт на перевале Сен-Бернар».

– Только про ситуацию с лицом. Нравятся картины? – Скарлетт указала на них.

– Да.

– Мне тоже. Конечно, это не оригиналы, а хорошо сделанные репродукции, но смотрятся потрясающе.

Я молчал.

– Какие предметы вам нравятся в лице? – откинувшись на спинку стула, спросила она.

Я задумался. Взрослые никогда не спрашивали о том, что мне нравится изучать. Сейчас я начал понимать, что хотел бы посвятить свою жизнь изучению литературы или истории. Меня также интересовало искусство.

– Литература, – чуть помедлив, ответил я.

– Помимо предметов что ещё вам нравится в лице? Быть может, отдельные аудитории или спортивный зал?

Мы проговорили около часа, успев обсудить моё отношение к лицу, одноклассникам, обучению, отдельным предметам и преподавателям. Она не давала никаких советов, только слушала и задавала наводящие вопросы. Я же говорил кратко, но старался отвечать честно, насколько позволяла ситуация. Уходил от неё с лёгким сердцем, но вскоре вновь накрутил себя: не сболтнул ли чего-то лишнего, что могло в будущем быть использовано против Скэриэла? Так или иначе, первый сеанс с психиатром был успешно завершён. На улице я вздохнул с облегчением.

В понедельник утром Сильвия поймала меня после завтрака, когда я собирался схватить рюкзак и выйти из дома. Я уже было полез за смартфоном: к этому времени у меня вошло в привычку заказывать такси до лица. Мне нравилось управлять своим временем, самому отвечать за передвижение. Так я чувствовал себя самостоятельным и взрослым.

– Господин Готье, будьте так добры подняться к господину Уильяму в кабинет.

Я знал, что отец встал рано и успел позавтракать, но то, что он всё ещё в своём кабинете, удивило. Габриэлла рядом шумно капризничала за столом и никак не хотела доедать кашу. Геден покинул дом раньше всех. После того случая в столовой он почти не показывался мне на глаза, предпочитая углубиться в учёбу.

– Почему отец не в банке? – спросил я у Сильвии, прежде чем подняться в кабинет.

– Он неважно себя чувствует и решил сегодня работать из дома. Пожалуйста, будьте с ним любезны, – она аккуратно взяла меня под руку, и мы вместе направились к лестнице, – ради его самочувствия. Господин Уильям очень за вас беспокоится. Буду вам признательна, если вы будете держать себя в руках.

Я растерянно кивнул. Знать бы, что меня ждёт в кабинете отца. Как чувствовал, новость меня не обрадует...

С первой минуты я невзлюбил нового шофёра. Отец сообщил, что Чарли наняли по рекомендации Сильвии – угроза пришла откуда не ждали, – у него хороший водительский стаж, ни одного штрафа и гора положительных рекомендаций от прошлых работодателей. Не шофёр, а золото.

Выглядел он при этом довольно молодо, быть может, старше меня всего лет на десять, а то и ещё меньше. Прилизанный, с гладко выбритым лицом, в униформе, он словно сошёл с первой страницы буклета, рекламирующего первоклассное агентство по подбору домашнего персонала.

Полукровка, работал водителем в Запретных землях, затем получил повышение и теперь устроился в центре Ромуса. Ответственный, спокойный, молчаливый. Отцу он пришёлся очень по душе.

– Чарли, можешь спуститься к машине. Готье подойдёт через пару минут.

– Да, господин Хитклиф. – Внезапно тот вежливо поклонился отцу и направился к двери.

– Обращайся ко мне «господин Уильям». Этого будет достаточно. Чарли обернулся.

– Хорошо, господин Уильям. – Он ещё раз поклонился и тихо прикрыл за собой дверь.

– Вот так раньше полукровки вели себя по отношению к нам, – довольным голосом проговорил отец, когда за Чарли закрылась дверь. – Они нам кланялись всякий раз, как получали задание. Сейчас редко встретишь полукровку, соблюдающего старые правила этикета.

Оставшись наедине с отцом, я не сдержался – не в силах совладать с эмоциями, просил вернуть Кевина, потому что считал его другом, или позволить мне и дальше ездить одному. Отец лишь смерил меня недоумевающим взглядом и осадил:

– Чарли здесь не дружить с тобой приехал, а работать.

– Зачем мне шофёр? Я всё это время пользовался такси, и у меня не было с этим проблем.

– Готье, только не начинай, – грозно предостерёг отец. – Будь благодарен мне, что я вообще позволил тебе ездить одному. Это была идея Гедона дать тебе свободы, о чём я уже успел пожалеть. У тебя должен быть свой водитель, нравится тебе это или нет.

В подавленном состоянии я вышел из дома. Чарли не открыл мне дверцу машины, как это делал Кевин, не поинтересовался, нужно ли включить радио, кондиционер, да и вообще вёл машину так, словно меня там и в помине не было. Я решил списать всё на то, что он долгое время работал в Запретных землях, вот и не привык общаться с чистокровными, но его послушной список говорил об обратном.

Когда мы припарковались у лица, Чарли закурил прямо в салоне, игнорируя моё присутствие.

– Вообще-то в машине нельзя курить, – сердито произнёс я.

– Вообще-то у тебя уроки скоро начнутся, так что вылезай из тачки.

Я аж опешил от такого отношения. Хотел было сказать что-то резкое, но, кроме удивлённого «э», ничего путного не вышло.

Он посмотрел на меня в зеркало заднего вида и добавил:

– Эй, давай не будем создавать друг другу проблемы в первый день, хорошо? – Чарли выпустил табачный дым. – Я буду подвозить тебя до школы и закрывать глаза на твои подростковые тусовки. Если ты куришь или принимаешь что-то покрепче, только не блюй в салоне, – покрутил рукой он. – Я не собираюсь за тобой потом это всё убирать. А ты будешь и дальше вести себя как богатенький избалованный сыночек и молчать в тряпочку, договорились?

– Я учусь в лицее, а не в школе. Послушай... – я замялся, но всё же добавил с негодованием: – Те... Я пожалуюсь на вас отцу.

– Да? И что ты ему скажешь? Ты не с тем связался, парень, ведь я всегда могу сделать так. – Он повернулся ко мне, изобразив расстроенное выражение лица, и взволнованно пробормотал: – Господин Уильям, сэр, я не понимаю, о чём говорит молодой господин. Он что-то сказал о старом водителе, вроде бы что вернёт его любой ценой и добьётся того, чтобы меня выгнали. Сэр, но я ничего плохого не делал, прошу вас выслушать меня.

Я разинул рот от удивления.

– Ты же хороший парень. – Развернувшись, Чарли вновь обратился к моему отражению в зеркале. – Ты ведь не выгонишь второго водителя, как это сделал с Кевином.

– Откуда вы... – начал я, но затем исправился, – ты знаешь о Кевине?

– Услышал, как утром ваши кухарки обсуждали. Как зовут одну из них, такую в теле? – Он изобразил рукой в воздухе плавные формы. – Она ничего так. Фанни, да? – Чарли почесал шею и произнёс: – Всё, малыш, ладно уже языками трепать, знаю, что я собеседник что надо, но давай живее. Я отлить хочу. Вылезай и топай на свои уроки. Будь паинькой, и дядя Чарли научит тебя водить машину.

У меня возникло дикое желание ударить его чем-нибудь тяжёлым по голове. Я посмотрел на наручные часы и с огорчением понял, что водитель прав: стоило поспешить.

– Мы ещё не закончили, – буркнул я, покидая салон.

– Конечно, малыш, – хмыкнул он не глядя. – Дверью только не хлопай.

Это он зря. Я приложил максимум усилий, чтобы как можно громче закрыть дверцу, на что услышал в ответ, как Чарли взвыл от негодования.

— Маленький засранец, — тихо прорычал он мне вслед из окна. — Ты у меня ещё пожалеешь об этом.

С чувством полного удовлетворения я показал ему средний палец. Удивительно, но эта маленькая перепалка подняла мне настроение.

XVII

В лицее было беспокойно. Подходя к зданию, я чувствовал, как с каждым шагом моё нервное состояние усиливалось. Не терпелось увидеть Оливера, но при этом я боялся встречи, словно входил в число его недоброжелателей. Честно говоря, в лицее в принципе не бывает спокойно, но сегодня казалось, будто он представляет собой гудящий улей, готовый вот-вот разойтись по швам.

Когда я вошёл и появился у всех на виду, произошёл ряд странных событий. Во-первых, все уставились на меня, словно я пришёл нагишом; на всякий случай я бегло осмотрел себя. Во-вторых, шёпот усилился; тут и там я слышал упоминание своего имени или фамилии, причём не в самой лестной форме. В-третьих, каждый, кто бросал на меня настороженный взгляд, тут же отводил глаза, стоило мне посмотреть в упор.

– Все наслышаны о твоём ночном сообщении, – с довольным видом проговорил Леон, встретившийся мне на пути.

Мы двинулись по лестнице на второй этаж. Кто-то грубо задел меня плечом, проходя мимо. Я свирепо крикнул ему вслед, но парень не остановился.

– Сообщении? – переспросил, потирая ушибленное плечо, затем опомнился: – Блин, точно.

– Ага, – усмехнулся Леон. – То самое сообщение, где ты сравнил их с клубком ядовитых змей... – понизив голос, он продолжил: – И пожелал всем гореть в аду. Это, конечно, выше всяких похвал. – Леон мягко сжал мою руку выше локтя. – Нет, серьёзно, это лучшее, что я только мог прочитать с утра в чате.

– Я уже забыл об этом. Но моё мнение не поменялось, если это сейчас имеет хоть какое-то значение.

– Я с тобой полностью согласен. – Он поправил лямку рюкзака. – Кто-то должен был это сказать. – Леон огляделся и вновь повернулся ко мне. – Как ты заметил, теперь все обсуждают и тебя.

– Польщён, – скривился я в ответ. – Оливера видел?

– Ни его, ни Оливии нет.

Направившись к нужному кабинету, мы влились в плотный поток людей на этаже. На меня продолжали бросать неодобрительные взгляды, а кто-то ещё умудрялся перешёптываться, когда я оказывался рядом. В такой ситуации слышать свою фамилию из чужих уст было, мягко говоря, неприятно. Меня это нервировало, но я не подавал виду. Уверен, Оливеру сейчас приходилось намного сложнее. Если меньшее, что я могу сделать, это перетянуть часть внимания обезумевшей толпы на себя, то, значит, так тому и быть.

– Как думаешь, они придут? – с сомнением в голосе спросил я.

– Не знаю, – вздохнул Леон. – Ты же видел новости? А газеты? Это перешло все границы.

– Новости? Газеты? О чём ты?

Остановившись, я перегородил дорогу, и сзади недовольно шикнули, а затем, обходя, проворчали:

– Хитклиф, блин, придурок, встал посреди коридора.

– Ага, – поддакнул кто-то, – достал уже.

Леон подтолкнул меня к окну.

– О боже, Готье, – расстроено произнёс Леон, затем достал смартфон и принялся торопливо что-то искать. – Только не горячись, ладно? – Он показал экран, на котором я увидел заголовки новостных статей.

«Несовершеннолетний сын Хантера Брума, директора Академии Святых и Великих, пойман на свидании со студентом». А рядом приписка, что Бернард Дон – сын владельца Центральной больницы. На тех самых фотографиях лицо Оливера было размыто, видимо, в связи с тем, что он был несовершеннолетний.

– Твою ж мать, – ёмко заключил я, вчитываясь.

Конечно, стоило ожидать, что фотографии привлекут внимание папарацци. Тут тебе идеальный материал для первой полосы. Но я всё надеялся, что это уляжется само собой. В статье журналист подробно расписывал, кем являются семьи Брум и Дон. Он несколько раз упомянул, что они входят в Совет старейшин, занимают высокие должности и от их решений зависит благосостояние страны. Если в чатах все обсуждали Оливера и Бернарда, смакуя их личную жизнь, то в статье акценты сместились на старших представителей.

– Таких статей полно. Это всё жёлтая пресса... – Леон убрал телефон в карман и горько добавил: – Скандал вышел нешуточный.

– Твою ж мать, – присев на широкий подоконник, повторил я. Рядом уже кто-то сидел, но стремительно ретировался, стоило мне выругаться. Я недовольно потёр переносицу. – Что теперь делать? Все уже видели эти статьи?

– Не знаю... Мне кажется, да.

Я впал в отчаяние. Ночью казалось, что хуже уже и быть не может, но жизнь неожиданно подкидывала ещё больше проблем.

– Ты что-нибудь знаешь про отношения Оливера с отцом? – нерешительно спросил я.

– Только то, что отношения у них натянутые. – Он с волнением посмотрел на проходящих мимо учеников. – Нужно идти. Через пару минут начнётся история.

Мы поторопились, но тут я увидел Клива. Он неотрывно наблюдал за мной, а поравнявшись, бросил что-то едкое.

– Что ты сказал? – громко произнёс я.

Я был на взводе, а Клив, по рассказам Оливера, опять приставал к Леону. Теперь и Оливер пострадал, поэтому, само собой, я принял решение, что, если этот придурок ляпнет хоть что-то в адрес Брума, ему не поздоровится.

– Попался твой дружок, – повысил голос Клив, довольно щурясь. – Много выпендривался, вот и получил. Есть на свете справедливость, да, Хитклиф?

– Не слушай его. – Леон потянул меня за пиджак. – Идём.

– Нет. – Я отдернул руку и подошёл к Кливу.

Головой-то я соображал, что он никак не замешан в скандале с Оливером, но уж больно бесило его довольное выражение лица. Клив стоял, оперевшись спиной о стену, и победоносно смотрел на меня, словно обошёл по всем фронтам.

– Если ты ещё хоть слово скажешь про Оливера, тебе не жить, – гневно прорычал я.

– Чего?! – Он рассмеялся, а затем смерил меня насмешливым взглядом. – А ты, я смотрю, храбрым заделался. Хочешь помериться тёмной материей, а? – Затем он презрительно бросил: – Хитклиф, да ты же слабак.

– Готье, идём, – настойчиво проговорил Леон.

– Иди без меня, – отрезал я не глядя.

Леон встал напротив, приблизившись ко мне вплотную.

– Не слушай его, прошу тебя. Не ведись на провокацию. У тебя будут проблемы. – Он попытался заслонить собой Клива, его яростный шепот стремительно скатывался в мольбу: – Пожалуйста, Готье.

Он в отчаянии ловил мой разъярённый взгляд и что-то ещё шептал, вцепившись в мои руки, подтолкнул в сторону, желая увести, но я стоял на своём. Я слышал его, но не слушал. Передо мной, как на плёнке, пронеслись все сцены, когда Клив обижал Леона. Я был в ярости скорее из-за своей беспомощности, чем из-за него. Он просто удачно попался под горячую руку.

– Вы чего тут устроили, голубки? – гоготал он. – Ещё пососитесь. Так ты тоже такой, как и Оливер, да? – не унимался Клив. – А папаша твой в курсе, что ты по парням?

– Отойди. – бросил я Леону и сам грубо оттолкнул его.

– Давай, Хитклиф, покажи мне свою материю. – Клив вытянул руку; на ладони возникло тёмное пламя. – Слышал, что ты на последнем месте по практике.

Он угрожающе поднял руку, и тут я уже не сдержался.

– О нет, – широко улыбнулся я в ответ. – У меня для тебя приготовлено что-то получше.

Я ударил его кулаком в нос. Его рука дёрнулась, и тёмная материя растворилась. Возможно, он думал, что ситуация в туалете повторится, и хотел взять реванш, вот только сегодня всё шло по другому сценарию.

Это лучшее чувство, которое я только мог испытать. Рука гудела от удара. Мне стоило огромных усилий не взвыть от боли. Я лишь плотно сжал челюсти, подавляя звуки. Кажется, я сломал себе большой палец, но вид шокированного Клива, прижимающего ладонь к лицу и стонущего от боли, показался мне поистине идеальным началом дня. Через секунду из его левой ноздри потекла, очерчивая губы и подбородок, тонкая алая струйка. Он медленно, словно в прострации, оторвал от меня рассеянный взгляд и посмотрел на испачканную ладонь. Его глаза расширились, как будто он никогда прежде не видел крови. Некоторое время я с садистским удовольствием наблюдал за ним, желая запечатлеть этот момент в памяти, чтобы возвращаться к нему снова и снова в минуты печали.

Кровь просачивалась между его пальцами, капала на пол, пачкала рубашку и брюки. Клив пытался что-то грозно говорить, но выходило

невнятно. Нос подозрительно сместился чуть в сторону. Большой кровавый пузырь вырос из ноздри и лопнул. Выглядел Клив уродливо и жалко.

Теперь уже он испуганно смотрел на меня, не веря своим глазам. Кажется, он всё ещё не мог осознать происходящее.

Я больше не улыбался. Удовольствие притупилось. Теперь, глядя на него, я чувствовал только сожаление. Конечно, Клив тот ещё ублюдок, но именно сейчас он был ни при чём, а я просто воспользовался моментом. Мне стоило огромных усилий не броситься к нему с извинениями. Если вначале меня обуревала ярость, готовая вырваться наружу и обрушиться на любого, кто попадётся под горячую руку, то сейчас я чувствовал себя последним негодяем. Я больше не испытывал удовлетворения из-за того, что ударил его. Хуже того, теперь мне казалось, что я ничем не лучше Клива.

Как цунами, на меня обрушились все звуки и голоса, отчего виски пронзила резкая боль. Позади и по сторонам собралась толпа. Зеваки голосили, охали и шептались. Кто-то показывал на меня пальцем. Какая-то девчонка из младших классов подскочила и протянула Кливу платок. Одноклассник Клива, имени которого я не знал, подошёл к нему и попробовал утащить в сторону. Я выдохнул, словно долгое время находился под водой.

– Ты... – прошептал сбоку Леон севшим голосом, обращаясь к Кливу. – Ты как?

Я с досадой повернулся к Кагеру. Леон выглядел расстроенным. Он... что-то чувствовал к Кливу? Меня это привело в смятение, но я не мог сейчас позволить этим мыслям отвлечь меня. Никто не собирался расходиться. Клив безуспешно пытался остановить кровь. Он запачкал платок, прижимая его к носу. К этому времени подоспел кто-то из преподавателей. Кажется, картина перед ним предстала прескверная, раз даже он опешил и растерялся. За всем случившимся я не заметил, когда успел прозвенеть звонок. Клива увели два его одноклассника, быть может, в медчасть. Я смотрел им вслед, не реагируя на строгий голос преподавателя, обращавшегося ко мне; Клив оставлял после себя кровавые капли на паркете, словно Гензель со своими хлебными крошками. А меня под негодующие замечания повели в кабинет директора.

Впервые представ перед ним и ещё двумя преподавателями, я не мог вымолвить ни слова. Мне, впрочем, нечего было им сказать. Я не собирался отчитываться, по какому такому праву вздумал ударить ученика. Почему я посмел прибегнуть к ударам, словно – цитирую – «неотёсанный низший». Как будто за использование тёмной материи и дуэль меня бы по головке погладили. Они мучили меня около двадцати минут, прежде чем пришли к единственному логичному и кошмарному выводу – вызвать моего отца в лицей.

Я сидел в приёмной в дальнем углу, спрятавшись за высоким пышным кустом, подальше от цепкого взгляда секретаря. К костяшкам пальцев прикладывал пакет со льдом, заботливо выданный мистером Аврелем. Кажется, он очень прикипел ко мне ещё с того дня, как я случайно сжёг его кабинет. Мистер Аврель ничего не сказал, но тихонько улыбнулся мне, пока никто не видел.

Хотелось исчезнуть с лица земли, но не потому, что сейчас приедет отец и мне влетит. А потому, что вся моя жизнь летела под откос, так ещё и я активно этому способствовал. Сожаление по поводу Клива потихоньку сходило на нет. Я мысленно успокаивал себя тем, что он дрянной человек и ему полезно пару-тройку раз получить в нос.

Отец ворвался в приёмную, испугав секретаря и молоденькую учительницу. Я еле держал себя в руках; сердце бешено билось и готово было от страха выпрыгнуть из груди. Сухо поздоровавшись со взрослыми, отец взволнованно посмотрел на меня, отчего мой желудок прилип к позвоночнику и меня чуть не стошнило. Нужно будет пожаловаться на это миссис Рипли. Подумать только, у меня свой психиатр. Вот это достижение к семнадцати годам.

Отец постучал в дверь и, не дождавшись ответа, скрылся в кабинете директора. Прошло ещё двадцать минут, а потом меня внезапно пригласили.

– Ты ударил этого парня? Кливленда Маккинзи? – спросил отец, как только я вошёл.

Он сидел в кресле, закинув ногу на ногу, как это делал Гедеон.

Я молчал, опустив голову.

– Вот видите, ни словечка, – проговорил директор, мистер Сандо. – Мы уже пытались. Вы должны понимать, что отец Маккинзи не последний человек в центре...

– Мы разберёмся и, если потребуется, выплатим компенсацию, – грубо оборвал его отец и вновь обратился ко мне: – Кто научил тебя лезть в драку, Готье?

Он что, намекает на Скэриэла? Да я ни разу не видел, чтобы тот дрался. А вот наша семейка в этом хороша: Гедеон успел избить Оскара, да и отец как-то дал пощёчину Скэриэлу. Почему они все думают, будто Скэриэл плохо на меня влияет, когда они сами творят бог знает что? Конечно, я промолчал. Не хотелось устраивать разборки. По крайней мере сейчас.

– Вы можете забрать его домой. Маккинзи увезли в больницу, таковы правила. Будем надеяться, что его нос в порядке и сотрясения мозга нет. Но то, что произошло, это, конечно, большая проблема для всех нас...

– Я вас услышал, мистер Сандо, – надавил отец, и директор умолк. – Я всё решу, будьте спокойны. Репутация лицея не пострадает.

Он поднялся, следом торопливо привстал мистер Сандо. Они пожали друг другу руки, и отец первым вышел из кабинета, поправляя на ходу пальто. Он в спешке даже не снял его. Я буркнул: «До свидания» – и вышел, стараясь поспеть за отцом.

Мы шли молча, спускаясь по лестнице. Я отставал ровно на два шага. В холле отец чуть замедлился, и, поравнявшись, мы вместе вышли из здания. В напряжённом молчании добрались до парковки, где меня ждал Чарли, а отца – его водитель.

– Поговорим дома. Я на работу, – отчеканил он и сел на заднее сиденье. – Я сказал Чарли отвезти тебя в больницу и проверить руку. Сильвия будет тебя там ждать.

– Я в порядке.

– Это не обсуждается.

Я закусил губу. Дождавшись, когда его машина покинет парковку, медленно побрёл к своей.

От Чарли пахло табаком. Я без настроения сел в машину и прикрыл глаза.

– Плохое утро, малыш? – сочувственно спросил Чарли, садясь на водительское сиденье. Я только тяжело вздохнул. – Что случилось? Тебя кто-то обидел? Мне сказали отвезти тебя в больницу.

– Я кое-кого обидел, – внезапно произнёс я, хотя не собирался с ним разговаривать.

– И как? Сильно обидел?

– Кажется, я ему нос сломал.

– Ну, может, этот кусок дерьма заслуженно получил в нос, – довольным тоном проговорил Чарли, выезжая с парковки. – А ты его прям ударил? Ну молодца! Кому скажешь – не поверят. Чистокровный, – неверяще покачал головой он, не переставая улыбаться. – Бывает же... – усмехнулся. – Наверное, этот чувак был полным мудаком и заслужил удар.

– Надеюсь, – поморщился я.

В голову вдруг пришла забавная мысль, что мы с Оливером очень не хотели идти на репетицию вальса к Лаванде. Так и вышло, что мы оба на репетицию не попали.

XVIII

– Не было красных, я взял оранжевые, – проговорил Эдвард, раскладывая на столе в ряд горизонтальные пластиковые лотки для хранения бумаги. – Синие и зелёные купил, как ты и просил.

Скэриэл подошёл ближе, подбрасывая в руке крупное яблоко.

– Подойдёт, – удовлетворённо произнёс он, рассматривая покупку. Оставив яблоко на краю стола, Скэриэл расставил лотки по цветам: сперва оранжевые, затем синие и чуть дальше зелёные. Он о чём-то задумался, опёрся руками о стол, качнулся раз-другой на пятках и кивнул сам себе, как будто соглашаясь с чем-то. Украдкой я любовался им, но старался не попадаться. Скэриэл, словно почувствовав мой взгляд, расправил плечи, ловким движением подхватил яблоко и, красуясь, смачно откусил. Ухмыляясь, он взглянул на меня. По его подбородку потекла капля сока, которую он наскоро стёр ребром ладони. – В самый раз.

– Для чего тебе они? – спросил я нервно.

Опять отвлёкшись, я сбился, и мне предстояло заново пересчитать анкеты. На однотипных листах разные, порой неразборчивые почерки. Некоторые заполнены мной: не все из опрошенных владели навыками письма.

Скэриэл назвал этот дом в Запретных землях «Домом Спасения и Поддержки». Под таким громким именем он бесхитростно спрятал название организации, ради которой и начал всё, – «Союз Проклятых».

Как только Эдвард вернулся с документами, на которых значилось официальное название – по всем юридическим бумажкам здание, как и земля, принадлежали ему, – Скэриэл довольным голосом проговорил:

– Этот дом будет не просто домом на холме. Это «Дом Союза Проклятых». – Он взволнованно постучал пальцем по столу, за которым мы сидели. – Здесь всё и зародится. Здесь мы отберём лучших. – Он откинулся на спинку дивана. – Чистокровные считают, что Запретные земли – как поганое болото, в котором страшно сделать шаг. Но Запретные земли – как бескрайняя Аляска с её спрятанным золотом. – И добавил чуть тише: – И я первым начну эту золотую лихорадку.

К нам приходили полукровки и низшие с разным уровнем образования. Кто-то читал по слогам, и мне, чтобы ускорить процесс, приходилось сидеть рядом и помогать. Это отнимало много времени, да и не хотелось иметь с ними дело, но, что странно, некоторые, кому я помог, сразу после знакомства решили, что отныне мы с ними друзья. Они приветствовали меня при встрече, знакомили с другими и в целом вели себя чересчур дружелюбно.

Будучи тенью Скэриэла, я, вечно ожидающий подвоха, не привык к такому тёплому отношению. В каждом приветливом жесте я искал второе дно, пытался разобраться, с какой целью со мной хотят сблизиться; быть может, так они желали заполучить ещё один бесплатный обед или дополнительную возможность посетить наш импровизированный кинотеатр, а может, сойтись со Скэриэлом, быстро набравшим популярность среди посетителей. Все знали, что мы напарники и оба работаем в «Доме Спасения и Поддержки».

Но глубоко в душе, настолько глубоко, что и сам сомневался в наличии этих чувств, я испытывал что-то отдалённо похожее на радость.

– Всё просто. В зелёных лотках мы будем хранить анкеты тех, у кого есть все шансы войти в «Союз Проклятых». В синих – середнячок. Они пока ничем не выделились. – Скэриэл указывал пальцем. – В красных, то есть в оранжевых, будут лежать анкеты тех, кто плохо себя зарекомендовал. Их скоро исключим.

– Анкеты тех, кто нам не подходит, потом выбросим?

– Нет. Если они у нас засветились, то я хотел бы иметь под рукой как можно больше информации. Возможно, в будущем они ещё пригодятся.

– Ты будешь сортировать всех по цветам? – спросил я, выделив интонацией первое слово.

– Все вместе, – непринуждённо проговорил Скэриэл, откусывая яблоко. – Я нечасто здесь бываю и не за всеми могу наблюдать. Ваше мнение поможет определиться. Но, – он поднял указательный палец, привлекая внимание, – я выбрал трёх первых кандидатов в зелёный лоток.

– Уже? Быстро ты, – отозвался Эдвард, садясь за стол. – Ну и кто же это?

– Анкеты под номерами двадцать три, – Скэриэл поднял взгляд к потолку, силясь вспомнить цифры, – двадцать девять и одиннадцать.

Я закончил подсчитывать анкеты и с облегчением выдохнул. Поправив стопку, аккуратно сложил её рядом на диване. Сейчас к нам на бесплатные обеды ходит тридцать один человек. И с каждым днём число желающих увеличивается. Как Скэриэл и говорил, бесплатные обеды дважды в неделю быстро привлекли внимание в Запретных землях.

– Джером, подай стопку. – Эдвард протянул ко мне руку.

Я поднялся, вручил ему заполненные листы и сел на место.

– Двадцать девять? – уточнил Эдвард, перебирая листы. – Аллен? Полукровка. Фамилия не указана.

– Он из секты «Приближённые к истине»? – поморщился я.

Я помнил Аллена с первого дня открытия «Дома Спасения и Поддержки». При заполнении листа он наотрез отказывался писать свою фамилию, объясняя это тем, что в их «семье» – малопопулярная секта, о которой ходили дурные слухи, – есть только два имени: первое, данное при рождении, и второе, известное членам коммуны после посвящения.

– Ага. – Скэриэл изобразил пальцами воздушные кавычки. – Утверждает, что скоро придёт мессия и спасёт их.

– Спасёт от чего? – спросил Эдвард, рассматривая анкету Аллена.

Скэриэл пожал плечами.

– От чистокровных, может? – Он почти прикончил яблоко. Не поднимаясь, нашёл глазами мусорную корзину у двери и закинул туда огрызок. – О да! Трёхочковый!

– Ты в это веришь? – нахмурившись, спросил уже я.

– Во что? – Скэр повернулся ко мне. – Что придёт мессия? Конечно, нет. Но я могу притвориться им в будущем и взять секту под свой контроль.

– Тебе по этой причине нужен Аллен? – Эдвард опустил лист в зелёный лоток.

– Он фанатик. – Скэриэл потёр ладонь, в которой держал яблоко. – Пусть всю энергию направит в нужное нам русло. Тут у кого-нибудь есть влажные салфетки?

Эдвард выдвинул один из ящиков письменного стола и кинул ему пачку салфеток.

– Аллен не выглядит умным, – скептически отметил я.

– Смелость или безрассудство, – рассуждал Скэриэл, вытирая руки. – Я ещё не определился с ним, но он легко загорается делом, если надо. Ему шестнадцать. Поумнеет.

– Его поддерживает эта секта, зачем тогда наши бесплатные обеды? – задумался я.

– Я задал ему тот же вопрос. – Скэриэл подмигнул мне, а затем с иронией добавил, высмеивая Аллена: – Он ответил, что хочет найти здесь заблудшие души, которым поможет присоединиться к своей коммуне.

Он бросил использованную салфетку в корзину вслед за огрызком.

– Смешно, – хмыкнул Эдвард, качая головой. – Он хочет завербовать нас в свою секту, в то время как мы уже вербуем его в «Союз Проклятых».

Скэриэл потянулся, зевнул и с размаху сел на диван.

– Двадцать три – Виктор Ронью, полукровка, – прочитал Эдвард во второй анкете.

– Постой, это тот худой в очках? – задумавшись, спросил я и повернулся к Скэриэлу.

– Да, – потирая глаза, произнёс он. – Его папаша толкает дурь в развлекательных районах. Но не у «Глубокой ямы». Это же территория Тони.

– Уверен? – Эдвард продолжал вчитываться в анкету.

– Я проверил. А ты думаешь, почему он не появляется на обедах? Ходит к нам только смотреть кино, остаётся после просмотра на обсуждение. Ты его видел? Приглядишься. Шмотки неплохие, а очки? Выглядит ухоженным, не то что остальные. Ему семнадцать, – Скэриэл постучал себя пальцем по виску, – и он опережает многих по мозгам.

– Я с ним лично не общался. Он сам заполнил анкету. Если у него всё в порядке с деньгами, то зачем он приходит?

– Ему скучно. Окружение из тупых низших заставило его прийти сюда.

– Это он тебе так сказал? – уточнил Эдвард.

– Нет. Он ничего не ответил, а просто сменил тему.

– Тогда он недолго задержится в Запретных землях, – задумчиво произнёс Эдвард. – Умён, хочет большего, семья при деньгах.

– Да, ты прав. Он рано или поздно переедет ближе к центру или в центр. Зависит от его отца.

– Ты хочешь его завербовать в «Союз Проклятых» до этого момента?

– Да.

– Понял. Одиннадцатая – Валери, низшая, – прочёл Эдвард и затем, усмехнувшись, добавил: – Фамилии нет. Она подписала в анкете, что если кто-то назовёт её Вэл, то она надерёт ему задницу. – Он вальяжно откинулся на спинку стула. – Она мне уже нравится.

– Да, мне тоже, – улыбнулся Скэриэл. – Валери быстро схватывает материал. И плюс она знает всех детей на восточной стороне Запретных земель, выросла там. – Он достал из кармана пачку сигарет. – Может приводить к нам их в дальнейшем.

Чуть позже я прочёл анкету Валери: ей шестнадцать, росла в детском доме на востоке Запретных земель, интересовалась огнестрельным оружием. В графе «Мечта» написала, что хочет найти подонка, что обрюхатил и бросил ее мать, чтобы пристрелить его.

Скэриэл обладал удивительной способностью быстро сближаться с людьми. Он нечасто появлялся в «Доме Спасения и Поддержки», но всякий раз его появление вызывало ажиотаж. Я долго наблюдал за ним со стороны, пытаясь понять, как именно Скэриэл отбирает людей в «Союз Проклятых».

По вторникам и четвергам в столовой центра кормили в общей сложности около тридцати пяти человек, включая нанятых работников. Прежде чем детям и подросткам разрешалось питаться у нас, каждый должен был заполнить ту самую анкету, состоящую из простых вопросов, – её Скэриэл затем использовал в качестве досье. Имя, возраст, статус, адрес, отношение к обучению, к Совету старейшин, мечты, навыки, интересы, увлечения, пожелания – всё это Скэриэл запоминал, для того чтобы в дальнейшем найти общие темы для разговоров. Конечно, не на все вопросы были получены ответы. Я просматривал анкеты, и то и дело в графе «Адрес» или «Возраст» стоял прочерк; некоторые, особенно с богатой фантазией, писали вычурные диковинные имена; кто-то оставлял нецензурные надписи и порнографические картинки, считая, что это позабавит или разозлит меня. Подобные анкеты сразу летели в оранжевый лоток. Но Скэриэл

не сбрасывал таких кандидатов со счетов, считая, что сможет повлиять на них в будущем.

С каждой неделей количество желающих подкрепиться только увеличивалось. Скэриэл предупредил, что нам достаточно набрать около ста человек, ведь скоро он начнёт отсеивать ленивых, грубых, не контролирующих своё поведение, не способных к перевоспитанию – всех тех, кто не видит в нём лидера, а значит, может помешать в будущем. Затем мы вновь откроем двери для желающих, чтобы компенсировать уход неподходящих кандидатур. К концу лета Скэриэл планирует работать только с пятьюдесятью людьми. Как именно работать, не уточнял. Не исключалось, что и прошедшие ранее кандидаты могут отсеяться. Скэриэл строил большие планы, на которые я смотрел скептически, но прилежно выполнял свою работу.

В первую неделю открытия «Дома Спасения и Поддержки» Скэриэл устроил так, что при каждом своём шумном приезде он привозил сладости, газировку, фастфуд – всё то, что любят дети и подростки. Самым старшим из наших посетителей было около восемнадцати лет, но они так же радовались подачкам, как и младшие, которым только-только должно было стукнуть десять. Посетителей было ещё мало, около двенадцати, но молва о щедрости Скэриэла, подкрепляемая восторженными словами детей, облетела ближайшие улицы и стала маркетинговым ходом.

После четырёх подобных приездов у многих выработалась привычка радостно ждать его после обеда. Как потом он меня заверил, это нужно было, чтобы за его образом закрепились положительные эмоции. Он быстро привлёк внимание, но на одной еде Скэриэл останавливаться не собирался. Во второй месяц он стал приезжать реже, и все то и дело спрашивали о нём то у меня, то у Эдварда, то у остальных работников.

Во время обеда в прошлый четверг Скэриэл неожиданно появился в столовой под одобрительный гул. Он встал во главе центрального стола, чтобы его видели даже с дальних мест, и, взяв в руки чужую ложку, принялся отбивать ритм, ударяя ею о столешницу. Его призыв был прост – поторопить поваров с раздачей еды. Он лукаво улыбался, подначивая присоединиться близко сидящих низших.

Я в ужасе наблюдал за тем, как весь стол торопливо подхватил свои ложки и все присоединились к импровизированному ритму; глаза

у сидящих горели, они смотрели на торжествующего Скэриэла. Девочка, у которой он забрал ложку, была по столешнице маленьким кулачком. За это Скэриэл заговорщически подмигнул ей. Вскоре к ним присоединились подростки справа – они тоже принялись отбивать ритм ложками. В первые секунды выходило сбивчиво, но затем они приноровились и вошли во вкус. Следом за правым длинным столом присоединились подростки с левого стола. Гул стоял ошеломительный, как будто началось землетрясение. Мне казалось, что я чувствую, как дрожит с ними в одном ритме земля под ногами.

Рядом тихо хмыкнул Эдвард; мне пришлось подойти к нему ближе, чтобы понять, о чём он говорит:

– Нет, ты глянь. Они его уже слушаются.

Я удивлённо наблюдал за тем, как тихие низшие, которые прежде никак себя не проявляли и обычно держались в стороне, громко стучали ложками вместе с остальными.

Когда начали разносить еду, Скэриэл уверенно поднял руку – все издали победный клич. Сначала замолк центральный стол. Чуть погодя смолкли и соседние. Сейчас они уже больше походили на сплочённый коллектив, о котором так грезил Лоу.

Около минуты дети и подростки возбуждённо верещали, но быстро успокоились, когда Скэриэл громко ударил пару раз кулаком по столу, а затем поднёс к губам палец, призывая всех молчать.

Это было невероятное зрелище. Они только что голосили, как невменяемые, а затем один за другим затихли, заинтересованно поглядывая на Скэриэла. Все воспринимали происходящее как игру и активно участвовали в ней.

– После обеда вас угостят пирожными из Центрального района! – громко объявил Скэриэл, когда наступила тишина. – Приятного аппетита!

Он театрально поклонился и под аплодисменты и одобрительные крики покинул столовую.

– Вот актёр, – довольным тоном протянул Эдвард.

Позже Скэриэл объяснил, что управлять толпой подростков проще, если сначала ты зарекомендуешь себя с положительной стороны, проявишь лидерские качества.

– Ты их видел? Они наслаждались. Им нравилось быть частью чего-то большего. Если бы я сказал разгромить столовую и первым

подал пример, они бы тоже вскочили. – Он провёл пятернёй по волосам и зевнул. – В конце за послушание я наградил их.

– Как собак, – буркнул я. – Даёшь вкусняшку после выполнения команды.

– Ну да, вспомни, как ты выгуливал пуделей мистера Гроссо. Вроде бы ты с ними даже учил команды.

– Мы только повторяли команду «дай лапу», – пожал плечами я. – Вообще мистер Гроссо нанял кинолога для обучения.

– Почему пудели тебя слушались? Как ты с ними поладил?

– Ну... – я попытался вспомнить тот день, – дал себя обнюхать для начала. Мистер Гроссо сказал угостить их и поиграть с ними на улице в мяч.

– А потом что он говорил? Были правила или запреты?

– На прогулке быть строгим, иначе они сядут на шею. Хвалить только по делу, например если они выполнили команду, – перечислял я, загибая пальцы. – Следить, чтобы не лаяли на прохожих, не реагировали на белок в парке.

– Всё верно, – хитро улыбнулся Скэриэл.

По средам у нас был день просмотра фильмов. В одной из комнат «Дома Спасения и Поддержки» мы поставили экран и расставили стулья на двадцать мест. Сначала посмотреть фильм мог любой желающий, но вскоре популярность любительского кинотеатра возросла. Приходилось смотреть по системе «кто не успел, тот опоздал».

Мы проводили по два сеанса, и выбор фильма всегда был за Скэриэлом. Он предпочитал зарубежные военные фильмы о революциях, о неравенстве, о смелости подпольных организаций. Иногда Скэриэл тоже присутствовал при просмотре, а затем собирал желающих поделиться впечатлениями о фильме в другом помещении, и они засиживались там допоздна за закрытыми дверями, бурно и громко обсуждая увиденное. Это случалось редко, но после таких посиделок Скэриэл всегда просил повторно взглянуть на анкеты некоторых ребят. Он искал самых увлечённых, развитых не по годам или тех, кто стремился к большему, чем просто развлекаться в свободное время. Так он заметил Виктора, Валери и Аллена.

Скэриэл мог подойти к любому посетителю дома и завести непринуждённый разговор, поднять настроение и подбодрить. Он не

скупился на добрые слова, но жёстко обращался с теми, кто пытался задеть его. Была пара отбросов, что посмели устанавливать свои порядки, но Скэриэл безжалостно ставил таких на место.

Одного низшего по имени Эрик, который приставал к младшим и намеренно разбил окно в столовой, Скэриэл при всех ударил кулаком в живот. Эрик сложился пополам от боли и застонал, в то время как Скэриэл хладнокровно смотрел на него сверху вниз. Эдвард, наблюдавший за этой картиной, попросил двух работников вывести низшего за ворота.

– Надеюсь, это станет для всех вас уроком, – громко проговорил Эдвард, обращаясь к присутствующим. – Мы не потерпим в «Доме Спасения и Поддержки» хулиганов. Здесь вас кормят и развлекают, взамен вы должны уважать нас и это место.

На заднем дворе мы организовали баскетбольное поле. В мячах у нас недостатка не было. Корзин было шесть, как в спортивных залах. Всегда можно было разбиться на пары и перебрасывать друг другу мячи или оккупировать корзину в одиночку, делая броски.

Также чуть дальше, за высокой деревянной перегородкой, было место для метания ножей. Это была прихоть Скэриэла. Для метания необходимы особые ножи, которых у нас было только три штуки. Я не желал давать в руки малолетних низших и полукровок холодное оружие, так что было негласно решено, что заниматься метанием будет только Скэриэл. То, что только ему было это разрешено, произвело сильный эффект на всех посетителей.

Скэриэл устраивал целое шоу, когда на заднем дворе появлялось достаточно зрителей. Даже игроки в баскетбол вскоре забывали о своём мяче, стоило ему появиться с ножами.

– Ты сегодня в ударе, – проговорил я после того, как с трудом вытащил нож из деревянного стенда. Рукоять была замотана в жёлтую изоленту, чтобы легче найти, если отскочит.

За нами наблюдали человек пятнадцать, каждый раз охая, стоило Скэриэлу запустить нож.

– Настроение хорошее, – щурясь на солнце, довольно произнёс он. – Да и погода радует.

– Как долго планируешь их развлекать? – Я уже замёрз. Из рта при разговоре вылетало облачко пара.

– Ещё пару раз, и расходимся. – Из его рта тоже шёл пар, но он не выглядел замёрзшим. Наоборот, Скэриэл выглядел довольным и счастливым, когда мог вот так покрасоваться перед остальными.

– Не забудь напомнить им о том, чтобы не пытались повторить это дома. Или если уж пытаются, то ни слова о том, где этого насмотрелись.

Скэриэл хихикнул в ответ.

– Ладно, шучу, – добавил я, рассуждая вслух. – У одной половины нет родителей, а у второй родители в запое. Но ты всё равно напомни им о правилах безопасности. Так будет лучше.

– Само собой.

На днях Скэриэл загорелся стрельбой из лука, поставил ещё один деревянный стенд и добавил, что хочет приобщить всех к этому занятию. В отличие от ножей, луки, по его мнению, были менее опасны. Я смутно догадывался, что его новое увлечение как-то связано с Хитклифом.

Помимо кинотеатра в «Доме Спасения и Поддержки» была неплохая библиотека – маленькая гордость Скэриэла. Ей пока меньше всего интересовались посетители, но Скэриэл заявил, что это временно. Также мы поставили стол для настольного тенниса в одной из комнат. К моему удивлению, теннис быстро набрал популярность, особенно в холодные дни.

Скэриэл не был образцом для подражания, но он всё ещё хотел привить низшим и полукровкам простые правила этикета и периодически напоминал о них. Я понимал, что жизнь в Центральном районе не проходила для него бесследно. Общение с чистокровными оставляло свои следы в его характере и привычках.

Как-то мы сидели у Эдварда в кабинете, пока он отъехал по делам – делал он это с каждым днём всё чаще, – и разбирали накладные, когда дверь распахнулась и на пороге появился запыхавшийся низший лет десяти.

– Райли, мы это обговаривали, – спокойно начал Скэриэл, не поднимая глаз от накладной. – Выйди, пожалуйста, за дверь, закрой её, постучи и только тогда входи.

Райли растерянно уставился на нас, вытер грязные руки о не менее грязную футболку и медленно закрыл за собой дверь. Через секунду мы услышали три громких стука, дверь вновь распахнулась, и

перед нами предстал Райли. Выглядел он неуверенно, как будто не мог взять в толк, зачем Скэриэл из раза в раз делал подобные замечания.

– Молодец, – улыбнулся на это Скэриэл, взглянув на него. – Что ты хотел, Райли?

На чумазом лице появилась широкая улыбка от похвалы, но затем потухла.

– Там старшие пацаны отбирают наши ракетки. Мы, короче, хотели с Филом поиграть в настольный теннис в зале, а этот сукин сын...

– Без ругательств. – Скэриэл поморщился.

– А, точно, да, – торопливо пробурчал Райли. – Там этот, э-э-э, ну, один из старших пацанов отбирает у нас ракетки.

– Спасибо, что доложил, Райли, – серьёзно проговорил Скэриэл. – Я сейчас приду и разберусь.

Низший засмутился и, довольный, вышел, но Скэриэл его окликнул:

– Сходи в ванную и помой руки и лицо. Ты испачкался.

– А, хорошо, ладно. – Райли вытер нос рукой и скрылся за дверью.

– Прямо пансионат благородных девиц, – присвистнул я.

Скэриэл поднялся и хмыкнул.

– До благородных девиц ещё далеко, но воспитанные низшие нам не помешают. Ты помнишь, в каком лотке анкета Райли?

– Кажется, в синем.

– Возможно, через пару месяцев перенесём его в зелёный. Он не противится перевоспитанию.

По понедельникам у нас выходной. В этот день я обычно присматривал за домом; вместе с нанятыми работниками мы драили комнаты и залы, убирали снег на заднем дворе и проверяли продукты на кухне. Работников я отпускал в шесть вечера и сам заканчивал с уборкой.

Сегодня Скэриэл остался в Центральном районе, что-то там упомянув про Хитклифа и Брума. Эдвард уехал в местный филиал банка с документами, а затем тоже планировал поехать к Скэриэлу. Я отпустил двух полукровок, которые с утра помогали наводить порядок, и решил самостоятельно докрасить стену в одной из дальних комнат.

Освободился я поздно, часов в десять; увлечшись покраской, не заметил, как пролетело время. Сходил в душ, оделся и с чувством

выполненного долга хотел посмотреть телевизор, когда позвонили в дверь. На часах почти полночь, и я с подозрением высунулся в окно, чтобы посмотреть, на какой машине приехал столь поздний посетитель.

Машины поблизости не обнаружилось, но я решил, что это кто-то из детворы хочет переночевать у нас. Случаи довольно редкие, но всё же иногда бывало. Если кто-то из родителей бил или морил голодом, то ребёнок приходил к нам за помощью. Так у нас уже пару раз ночевал Райли.

Спустившись, я открыл дверь. На пороге стоял крупный мужчина.

– Привет, у меня тут рядом спустило колесо. – Он указал на дорогу, но в темноте плохо было видно, и потряс проводом перед моим носом. – И телефон сел. Можно, я у вас заряджу и позвоню в выездной автосервис?

– Я простой работник, и нам запрещено впускать кого-то с улицы, – настороженно проговорил я, желая закрыть дверь.

– Мой сын к вам на обеды ходит, пока я на работе, – не унимался мужчина, подходя ближе. – Не такой уж я и чужой.

– Нет, мы только детей и подростков пускаем. – Я хотел было вежливо послать его, но он быстрым движением выставил ногу вперёд, блокируя дверь.

– О, простите, ваш работник меня не впускает. – Он громко обратился к кому-то за моей спиной.

Я удивлённо обернулся, и в этот момент мужчина со всей силы толкнул дверь. Я отпрянул назад. Дела плохи. Возможно, это кто-то из людей мистера Эна.

– Ты вынуждаешь меня, парень, – низким голосом проговорил он, доставая что-то из кармана.

Я услышал громкое потрескивание в его руках. Живя в Запретных землях, этот звук ни с чем не спутаешь. Электрошокер. Вскрикнув, я почувствовав резкую боль в шее. В глазах поплыло, и я провалился во тьму.

XIX

Первое, что я услышал, – стон отчаяния. Потом до меня дошло, что стонал я сам.

Всё тело затекло от неудобной позы. Грудную клетку сдавило, шея ныла, дышать было затруднительно. Вокруг темнота. Мне даже показалось, что на глазах повязка – я пару раз зажмурился, пока не пришло осознание, что в том месте, где я очнулся, попросту нет ни единого источника света. По мере того как глаза привыкали к темноте, накатившая волна паники постепенно сходила. Я медленно приподнял голову и часто задышал. Скулу свело от боли. Наверное, неудачно упал, ударился лицом. Попытался встать – не вышло. Без помощи рук сделать это было сложно. Кажется, меня вырубили электрошокером на пороге, затем приволокли куда-то и нацепили наручники. Я неуклюже повернулся, ложась полубоком, чтобы не переносить вес тела на руки, сцепленные за спиной.

И тут я увидел её: тонкую полоску света из-под двери. Обрадовался, ведь за секунду до этого вдруг стало действительно страшно: что, если он бросил меня куда-то в подвал? Мрачные мысли заполонили голову, но свет моментально успокоил. Значит, позади меня, скорее всего, окна. Плотные шторы не пропускали лунный свет.

Ориентироваться в пространстве было всё ещё трудно. Я долго вглядывался в полоску света, отчего начало двоиться в глазах. Ни шума чужих шагов, ни тревожных теней по ту сторону – ничего, что свидетельствовало бы о том, что этот мужчина в доме.

Сколько я так лежал?

Задержав дыхание, как перед прыжком, я начал медленно подниматься, стараясь прислушиваться к любым звукам в доме. Он ещё здесь или уже ушёл? Если здесь, то собирается ли он убить меня? Подниматься с онемевшими руками за спиной было сложно.

Я ругал себя за то, что не закрыл железные ворота раньше. Быть может, тогда бы всего этого не произошло. Он бы не смог приблизиться и ударить электрошокером через толстые прутья. Это была только моя вина. Всегда ведь помнил, что в Запретных землях нужно следить за безопасностью.

Над головой раздался едва заметный скрип. Я замер и поднял голову, словно мог увидеть чужака. Он на втором этаже, прямо надо мной.

– Чёрт, – злобным шёпотом выдавил я. – Чёрт, чёрт, чёрт.

Нужно связаться со Скэриэлом или Эдвардом, но мой телефон остался там же, наверху. Я подошёл к двери, вновь прислушался. Тишина. Без рук я беспомощный. Если не избавлюсь от того, что сковывает их за спиной, то не смогу остановить этого типа. Я дотронулся пальцами до запястья – к этому времени онемение прошло, осталось лишь лёгкое покалывание ниже локтя – и наткнулся на что-то тонкое, плотное.

– Чёрт возьми, – с облегчением выдохнул я.

Это были не наручники. В жизни так не радовался тому, что мне сковали руки пластиковыми стяжками. Дёшево и сердито. Если правильно всё сделать, то их можно снять. Нужна была твёрдая поверхность, о которую я смогу ударить запястьями, чтобы порвать стяжку и освободиться.

Я шёл в сторону окон. Шаг за шагом, медленно, словно имел вагон времени впереди. Тут что-то мягкое коснулось моего лба. Шторы? Я помотал головой, пытаюсь отодвинуть ткань. Лунный свет на секунду ослепил. Я был на верном пути. Вцепился зубами в ткань и потянул в сторону. За окном глубокая ночь или это только казалось? Огляделся: очертания мебели в лунном свете. Я сам её покупал. Это окончательно успокоило. Чужак оставил меня в зале, который находился справа от входной двери. Надо мной комната Скэриэла. В другом конце моя комната и кабинет Эдварда.

Лунный свет выхватывал только маленькую часть зала. У дальней стены шкафы, значит, слева от них четыре стола. Они скрывались в темноте. Я мог дойти до остальных окон, отодвинуть шторы, мог найти выключатель света, он прямо у двери, но боялся, что это не ускользнет от внимания чужака. Стоит ему выглянуть в окно, и он увидит, как снизу появилось освещение. Слишком рискованно. Пусть лучше думает, что я всё ещё без сознания.

Приходилось довольствоваться тем, что я видел только малую часть комнаты. Пройдя по светлому участку, пришлось замедлиться. Нужно быть осторожнее. Не хватало ещё упасть в самый ответственный момент. Я снова ничего не видел, шёл вслепую, а задев

что-то крупное, чуть не упал. Стул. Сделал ещё шаг и ударился коленом.

– Твою ж мать, – тихо взвыл я от боли.

Стол. Он оказался ближе, чем я думал. Повернулся, пригнулся и ударил запястьями. Ничего не вышло. Пройдя вдоль стола, пальцами нашёл угол. Попытался ещё раз. Пластиковые стяжки впивались в кожу при каждом резком движении. Ещё раз. Бесполезно. Я прикладывал недостаточно сил.

Скрип над головой повторился. Он всё ещё в комнате Скэриэла, видимо, что-то ищет, а не найдя, может вернуться за мной. Я в сотый раз порадовался, что здание старое, поэтому что-то где-то могло ещё скрипеть. Раньше это бесило, но не сейчас. Я лишь надеялся на то, что стены достаточно толстые и он не слышит моих попыток освободиться.

– Давай, идиот, ты сможешь, – жёстко прошептал я себе.

Зажмурился и со всей силы ударил по столу, стискивая зубы, – плечи дрогнули от боли, когда я смог освободить руки. Кисти болезненно гудели. Я потёр их, с наслаждением разминая; кажется, даже почувствовал, как кровь циркулирует по жилам.

Направившись было к двери, вновь замер. Я не слышал чужака, но и сидеть здесь дальше было бессмысленно. Он мог вернуться в любую минуту. У него электрошокер, а может быть, ещё и нож или пистолет.

Тихо, насколько позволяла дверная ручка, я приоткрыл дверь. В холле никого. На лестнице тоже. Вышел и огляделся. Он что-то искал. В других комнатах двери нараспашку, и внутри суший бедлам. Он переворачивал всё, что попадалось под руку. Книги, журналы, настольные игры – всё валялось на полу; он шёл прямо по ним, ломая корешки, сминая коробки от игр. Удивительно, как он не разрушил зал, в котором бросил меня.

Я подошёл к лестнице и поднялся на три ступеньки, опираясь на стену и прислушиваясь. Он с кем-то говорил. Кажется, по телефону, иначе мне крышка, если их двое. Я слышал только отзвуки его низкого голоса, он вещал недовольным тоном. Я поднялся ещё на три ступеньки, голос чужака усилился, но всё так же было плохо слышно. Не разобрать ни слова.

Спустившись, я встал у входной двери. Можно было убежать. Бросить всё, выбежать прямо сейчас, и я спасён. Но нет. Это также и мой дом. Я вложил сюда много сил, а этот сукин сын пришёл и вырубил меня, точно какого-то сосунка. Нужно добыть какое-нибудь оружие, чтобы остановить его; а затем сообщить обо всём Скэриэлу. Пусть сам решает, что с ним делать.

Я опомнился, когда услышал приближающиеся шаги. Времени мало. Бежать или защищать свою территорию? Выбор очевиден. Я огляделся, схватил металлическую подставку, стоявшую у дверей, тихо вытащил зонт и бесшумно положил рядом. Голос стал громче.

– Говорю же, ничего. – Он выслушал ответ и проговорил: – Я всё обыскал. Ни сейфа, ни каких-то потайных мест. Денег здесь нет. – Чужак остановился на лестнице. – Ты меня за новичка держишь? Ах ты ублюдок, вот сам бы и занялся этим!

Я сильнее сжал подставку в руках и встал у начала лестницы за углом.

– Мне похер, что там тебе Тони наплёл! Если пацан прячет деньги здесь, то я их не нашёл. Пусто, ты меня понял?

Он снова начал спускаться, останавливаясь через каждые два шага и ругаясь с собеседником.

– Да какого хрена, я к тебе в работники не нанимался! Если Тони дал тебе задание надрать ему жопу и найти деньги, то так бы этим и занялся. Что это ещё за херня? А ты думаешь, у меня много свободного времени, чтобы всякими сопляками заниматься?

Я молился, чтобы он закончил разговор раньше, чем спустится. Он был уже рядом, продолжая ругаться. Я держал подставку, готовый к удару.

– Да пошёл ты, мудила. Что слышал! Ты меня запугивать решил? Думаешь, я больше себе работы не найду? Да в Запретных землях её навалом. Грабь любого. Ты, сука, кто ещё такой? Я всё сказал. Пошёл ты на хер вместе со своим Тони!

Увидев его ногу, я замахнулся. Удар был таким мощным, что мужик упал на ступеньки, а телефон вылетел из рук. Я слышал, как на том конце орали матом, и подумал, что будет лучше просто сбросить звонок.

Он лежал на ступеньках, схватившись за голову. Простонал что-то бессвязное. Я бросил телефон, поднялся выше и ещё раз ударил его по

голове. Он продолжал стонать, но уже не так громко. Я ударил ещё раз, желая, чтобы он просто заткнулся. Его тело дрожало, и казалось, что он вот-вот поднимется, поэтому я ударил ещё.

И ещё.

Его голова превратилась в кровавое месиво. Я проломил ему череп, а лицо было не узнать. Он давно уже не стонал и не двигался. Кровь стекала по ступенькам, и внизу образовалась большая лужа.

Я убил человека.

Подставка выпала из рук и с громким стуком покатила по лестнице. Кажется, этот звук слышала вся улица. Мои ноги и штанины были в крови. Я поднялся выше, осматривая, что натворил.

– Твою ж мать, – выдохнул я. – Мне это ещё отмывать.

Я сел на ступеньки, вглядываясь в мёртвое тело. Пару минут назад это был живой человек, он разговаривал, ссорился с кем-то по телефону. Дышал. Теперь его и в лицо не узнаешь. А я только переживаю о том, что мне потом ещё драить лестницу и пол. Когда я успел так измениться?

Руки дрожали. Нужно позвонить Скэриэлу. Нужно закрыть ворота. Что, если Райли или кто-то ещё придёт, а тут труп? Нужно что-то делать, но я только и мог, что сидеть и смотреть на результат своих действий.

– Я поступил правильно, – повторял я самому себе.

Я защитил свой дом. Защитил то, что важно для Скэриэла. То, что важно для него, становится важным и для меня. Это наша территория. Наверное, этот мертвец ещё долго будет сниться мне в кошмарах.

Первым делом я закрыл ворота. На улице ни души. Морозный воздух взбодрил. Вернувшись в дом, я собрал все ненужные тряпки, принёс таз с водой и начал отмывать кровь. Голову чужака замотал в пакеты, затем спустил его вниз и уложил на толстый слой газет и бумаги. После того как смыл кровь, сбегал за своим телефоном.

Когда начал нажимать на сенсорный экран, понял, что руки всё ещё дрожат.

– Да? – беззаботно произнёс Скэриэл.

– У меня проблема. – Я не узнал свой голос.

– По шкале от одного до десяти?

– На десятку.

– Как интересно, – проговорил Скэриэл и, не меняя тона, добавил: – Я буду через два часа. Постараюсь не пропустить всё веселье.

– Поторопись. Веселье в самом разгаре.

Удивительно, как я ещё находил силы на шутки.

Скэриэл приехал через час и сорок девять минут. Всё это время я судорожно следил то за телом, то за стрелкой часов. Когда раздался звонок, я чуть было не подпрыгнул. На пороге стоял Скэриэл: куртка нараспашку, на ботинках развязаны шнурки, на голове гнездо. Наверное, он нёсся на всех парах, подгоняя водителя такси, хотя по голосу был само спокойствие.

– Я, кажется, закрывал ворота...

– Я перелез, – ответил он, входя. – По правде сказать, нам нужен забор повыше... О, – Скэриэл увидел труп на полу и заулыбался. – Это твоя десятка?

– Она самая.

– Скажи мне, что это не Эдвард. Ради всего святого. Вы же вроде отлично ладили.

Я слышал задорные нотки в его голосе. Он пытался разрядить обстановку.

– Эдвард не доводит меня до того, что я хочу проломить ему голову.

– И это не кто-то из чистокровных? – продолжил Скэриэл, опустившись на корточки перед замотанной головой.

– Это не Хитклиф. Я могу держать себя в руках. Я ведь обещал.

Только слепой мог спутать тело с Хитклифом, но я поддержал шутку Скэриэла. Он в ответ улыбнулся.

– Так кто же наш прекрасный незнакомец?

– Я не знаю. Он вырубил меня электрошокером.

– А ты в отместку вырубил его навсегда. – Скэриэл оглянулся, увидел подставку в крови и указал на неё пальцем: – Вот этим ты убил его? Оригинально.

– Он ругался с кем-то по телефону. Искал у нас деньги. Кажется, его нанял Тони.

Скэриэл поднял металлическую подставку и принялся осматривать её.

– Конечно, это был Тони. Наш дорогой мистер Эн. – Он вертел тяжёлую подставку в руках. – Тони такой тормоз, ты бы знал. Как он вообще управляет своей бандой?

– Он сказал что-то про деньги. Ему нужны твои деньги?

– Поправка: ему нужны его деньги.

– Что?

– Ты всё правильно понял. – Скэриэл опустил подставку и взял в руки телефон чужака, лежавший рядом. – Я периодически ворую у мистера Эна. Я же говорил тебе, он нереальный тормоз. Всё никак не может понять, где утечка.

– Много уже... украл?

– Ну. – Скэриэл прикинул цифры в голове. – Точных сумм не скажу, но это здание куплено на его деньги. У него есть несколько точек, где он хранит наличку. Не счета, не банковские ячейки. В этом он немного старомоден. Время от времени я делаю набеги на эти точки. Беру так, чтобы было незаметно. Почти полгода прошло, но мистер Эн начал подозревать только сейчас.

– Я думал, что ты зарабатывал как переносчик.

– Этих денег всё равно было бы недостаточно. – Он говорил так спокойно, словно воровал не деньги, а газеты из почтового ящика. – Приходится брать у мистера Эна.

– Он убьёт тебя.

– Пока не убил. Видимо, только начал подозревать, так что нам всем надо быть начеку.

– А с ним что делать? – Я указал на тело.

– Доставай лопаты, закопаем во дворе. Только нужно везде свет отключить.

– Во дворе?

– У тебя есть идея получше?

– Ну, может, где-то подальше отсюда?

– Ой, прости, конечно, сейчас я вызову такси. – Скэр театрально вытащил телефон из кармана куртки. – Давай в ковёр его и в багажник. По старинке.

– А вызвать Эдварда? Он-то на машине, – не унимался я.

– Джером, ты всё усложняешь. Мы просто закопаем его во дворе и забудем об этом.

– Земля там промёрзла...

– Предлагаешь дожидаться весны? А пока можем запихнуть тело в холодильник на кухне. Работники придут, а там этот с пакетом на голове.

– Ладно, тогда я за лопатами, – сдался я.

– Вот и чудненько. – Скэриэл ухватился за ноги трупа и приподнял. – А я затащу его во двор. Выруби везде свет. Найдёшь нас по красным полосам.

Скэриэл потащил тело к двери, и за ним правда оставались тонкие кровавые полосы, размазанные по полу.

– Пойду возьму и тряпку, – устало произнёс я, направляясь к кладовке.

На улице стало темно, как только мы выключили все лампочки. Спасал только лунный свет.

– Как насчёт закопать под деревом? – Я остановился рядом, держа лопаты.

Сейчас дерево выглядело особенно мрачно и зловеще.

– Лучше подальше, – задумался Скэриэл.

– Почему? Под деревом земля хуже? Типа корни мешают?

– Не в этом дело. – Я молчал, и он добавил, понизив голос: – Просто я уже там похоронил одного.

– Как это? – Я удивлённо уставился на него. Шутит, что ли?

– Да так, глупость получилась. – Скэриэл махнул рукой, мол, пустяки. – Каждый может ошибиться.

– Кто там похоронен?

Мне стало тревожно, что всё это время дети бегали и скакали над чьим-то телом.

– Какой-то бездомный. Они жили тут до покупки дома. Я приехал и всех выгнал. Один всё никак уходить не хотел, – пожаловался Скэриэл. – Сначала я был с ним даже вежлив, но он меня вконец разозлил, и я подумал применить тёмную материю, да не рассчитал силы. Но знаешь, а ведь и он оказался некрепким стариком. – И грустно закончил: – От одного удара сразу помер.

– Ужасно, – произнёс я потрясённо. Хотя, казалось бы, чему удивляться. Я два часа назад превратил чужое лицо в кровавую кашу.

– Самому неприятно... Говорю же, все ошибаются. В том числе и я.

Вот только от чужих ошибок не умирают.

– Значит, не под деревом, – подытожил я.

– Ага. И не у забора. Нам надо его поменять.

Мы выбрали место и принялись копать. Земля еле поддавалась. Как я и думал, она промёрзла. Скэриэл усердно работал, так что я тоже отбросил лишние мысли. Не знаю, сколько прошло времени, но мы оба вспотели, сбросили куртки и копали, пока не образовалась метровая яма.

– Скоро уже будет светать, – проговорил Скэриэл, вытирая тыльной стороной руки пот со лба. – Нужно быстрее похоронить.

Руки у нас были вымазаны в грязи, поэтому лоб Скэриэл тоже запачкал, как и лицо. Наверное, выглядели мы так, словно работали в шахте. Не знаю почему, но вид чумазого Скэриэла поднял мне настроение.

Мы опустили труп в яму и закопали. Вышло уже быстрее. К рассвету дело было сделано. Я валился с ног от усталости, но Скэриэл был бодр и полон сил.

– Иди поспи, – кивнул он, когда мы вошли в дом: оба грязные, потные, с лопатами в руках.

– А ты?

– Хочу прибраться до открытия.

Я был так измучен, что не осталось сил на споры.

– Ладно. – Я медленно двинулся по лестнице, как вдруг он меня окликнул:

– Джером?

Скэриэл поднялся за мной, притянул к себе и крепко обнял.

– Спасибо. – Горячий шёпот опалил мне ухо.

– За то, что остановил его? – уточнил я, стоя столбом.

За то, что не сбежал, как трус. Не бросил наш дом. А ведь такие мысли у меня были.

– Нет, – прошептал Скэриэл, стискивая меня крепче. – Спасибо, что остался жив.

Оркестр играл очередную симфонию Бетховена. Музыканты были в тёмно-синих костюмах и украшенных чёрными перьями пилотках. Под высоким расписным потолком исполняли трюки воздушные гимнасты в белых, сверкающих в темноте костюмах. Тут и там слышались восторженные вздохи впечатлительной публики. Вокруг, огибая весь зал, под потолком парили два огромных дирижабля. Один плыл в воздухе по часовой стрелке, второй – против. Они пересекались каждые полчаса, возвещая об этом взрывом конфетти. Гости только и успевали, что вовремя прикрывать ладонями свои бокалы.

В центре, на специально возведённом небольшом помосте, факиры создавали из огня гигантские фигуры: двухметровых огненных тигров и львов, временами прыгавших над головами гостей и издававших безмолвный рык; грациозных фениксов, чьё оперение состояло сплошь из языков пламени; и в завершение бабочек, порхавших с подноса на поднос и похожих на искристые бенгальские огоньки. К ним лучше не протягивать руки – можно получить ожог, о чём предупредили с самого начала фаер-шоу.

Я не приближался к факирам, предпочитая смотреть издалека. Меня пугал огненный лев, лихо напомнивший того, которого создал из тёмной материи Гедеон. Огромный хищник прыгал через огненный круг, грозно бегал по помосту, держа зрителей у импровизированной сцены в напряжении, свирепо рычал на факира (всё так же не издавая ни единого звука), и тот эффектно умирал его ударами пылающего хлыста.

– Великолепно, – восхитился чистокровный, стоявший впереди; он похлопал и обратился к остальным: – Вы это видели? Прямо как настоящий.

Факир взмахнул рукой, и лев обернулся птицей, восторженно широко раскинул крылья, позируя, и взмыл ввысь, а после стремительно ринулся на гостей, которые в ужасе вскрикнули. Факир взмахнул ещё раз, и птица исчезла под бурные аплодисменты и возгласы облегчения, так и не задев зрителей.

Сверху крупными хлопьями падал снег, но не долетал до нас, а растворялся прямо на глазах. Он никак не беспокоил гимнастов, из чего я сделал вывод, что снег – не более чем световое шоу. Рядом с оркестром стояла большая пышная нарядная ель, макушкой достававшая до потолка. Под елью – гора подарков в яркой упаковке.

Из года в год программа рождественского бала менялась. В прошлом году были русалки, фонтаны и киты изо льда, в этом темой стал цирк во всех его проявлениях. Неизменным оставалось только одно – наличие масок, скрывающих лицо. Ровно в полночь мы были обязаны снять их и открыться друг другу.

Маски чистокровных заранее изготавливались по индивидуальным слепкам. Ни у кого не было повторяющегося дизайна. У кого-то маска вычурная, расписная, с пышными перьями и лентами, кто-то предпочёл более скромный вариант и обошёлся только позолотой.

На золотой маске одной чистокровной красовались розовощёкие ангелы с крыльями за спиной – в стиле потолочных фресок Пауля Трогера. На маске у другой я разглядел балерин, копию «Голубых танцовщиц» Эдгара Дега.

Мама любила рождественский бал, и ей нравилось наносить собственный рисунок на маску.

– А здесь у нас будет Луна. – Она улыбалась мне; на её носу и щеках остались блёстки. – Тебе нравится Луна? Могу ещё нарисовать и Землю. В этом году на каждой нашей маске будут планеты Солнечной системы. Отцу я нарисую Марс. – Мама говорила шёпотом, а я наблюдал за тем, как переливались блёстки на свету. – Ты ведь помнишь, что на его маске рисовать нельзя? Таковы правила для старейшин, но я нарисую незаметно, чтобы только мы знали об этом. Здорово, правда?

И как бы больно ни было, всё же я с нежностью вспоминал её руки, испачканные в жёлтой краске. Золото на светлой коже. Пальцы в розовом, а локти в белом – она не аккуратная, но такая забавная. Чесала нос, и блёстки оставались на пальцах, смешиваясь с краской. Она тянула ко мне руку, ласково гладила по щеке, а я уже чувствовал, как окрасилась и моя кожа.

Я мотнул головой, отгоняя воспоминания.

На рождественском балу-маскараде всех нас связывали три цвета, ставшие традицией: серебряный, золотой и красный.

– Я думал, ты будешь под домашним арестом, – проговорил Леон, подходя с бокалом какого-то оранжевого напитка. Расписную серебряную маску он держал в руке.

Он был одет в смокинг с чёрной шёлковой сорочкой и белой бабочкой. Я впервые видел его в тёмном костюме.

– Сам удивляюсь тому, что нахожусь здесь, – раздражённо ответил я, хотя собирался не подавать виду, как мне претит это мероприятие. – И кстати, как ты меня узнал?

Свою маску я старался лишний раз не снимать, чтобы не привлечь ещё больше внимания, но, кажется, это мне плохо удавалось.

– Ты один стоишь в стороне с кислой миной.

– Но ты же не видишь моего выражения лица, – не унимался я чисто из упрямства.

– Поверь мне, тебя легко узнать даже по недовольной позе, – усмехнулся Леон, и я снисходительно улыбнулся в ответ.

На костяшках пальцев образовалась корочка. Я периодически трогал её, напоминая себе о том, что не сдержался и ударил Клива. Двоякие ощущения. Я не слышал ничего про него с того дня и не горел желанием спрашивать.

Как и Леон, я сделал маленький глоток из своего бокала. Старшие в это время пили шампанское, тогда как у меня был яблочный сок.

– Отец не сильно ругал? – поинтересовался Леон.

– Мы ещё не обсуждали драку. – По привычке я поднял взгляд на амфитеатр, но там пока было пусто. – Он очень занят.

– А мистер Хитклиф тоже здесь? – Леон тоже посмотрел вверх.

Мы никогда не были в амфитеатре. Вход туда строго воспрещён.

– Да. Твой дядя с ними?

– Ага. – Леон оглянулся: – А остальные из твоей семьи?

– Гедеон и Габриэлла где-то здесь. – Я нахмурился, наткнувшись взглядом на старшего брата.

Гедеон с Люмьером и Николасом стояли далеко впереди, что-то бурно обсуждая. Если быть точнее, Люмьер спорил с Николасом, в то время как Гедеон медленно подносил к губам бокал и делал глоток шампанского. Кажется, он их даже не слушал. На них были золотые маски, какие разрешено носить на балу с девятнадцати лет. Он повернул голову и посмотрел прямо на меня. Я растерялся. Сок попал не в то горло, и я кашлянул в кулак, отвернувшись.

– Ты как?

Кажется, Леон что-то говорил до этого, но я пропустил мимо ушей.

– Что, прости? – Я повернулся к нему и одним большим глотком осушил бокал.

В горле ещё першило. Краем глаза я видел Гедеона, но он уже повернулся ко мне спиной. С ним разговаривала чистокровная, возможно, его однокурсница. Она смеялась, прикрывая рот ладонью, и зачарованно смотрела на брата.

Подняв пустой бокал, я кивнул на него официанту. Высокий полукровка в чёрной маске, скрывавшей пол-лица, с зализанными назад волосами и в белых перчатках подошёл, держа в руках поднос с наполненными бокалами.

– Ты что-то говорил?

– Говорю, где Габриэлла? Я так давно её не видел. – Леон тоже допил апельсиновый сок и оставил пустой бокал на подносе. Он вновь надел маску.

– Возможно, она с аниматорами в соседнем зале. Или где-то гуляет с Сильвией. Честно говоря, мне всё равно.

Габриэлле восемь лет, и она вправе носить серебряную маску, вот только та вечно слетала и мешала, поэтому отец разрешил время от времени её снимать. Сильвия, как и все полукровки, была в чёрной маске. В последний раз я видел их у входа в главный зал около часа назад.

– Нет настроения?

– Я не хотел приходить. Понадеялся, что раз ударил Клива, то меня накажут и оставят дома.

– А ты не ищешь лёгких путей, – хмыкнул Леон.

– Как видишь, я здесь, а значит, план провалился. И знаешь, что самое странное? Перед тем как сесть в машину, отец сказал, что мне нечего стыдиться и я должен ходить с высоко поднятой головой.

– В какой-то степени он прав, – задумался Леон. – Ты не совершил никакого преступления.

– Вот только Клив на бал не пришёл. Лучше бы мне нос сломали. Хоть избежал бы всего этого. Заметил, как на меня все смотрят? Лучше бы я вообще не приходил.

Леон огляделся.

– Ну, есть немного. Честно говоря, я кое-что подслушал, пока ходил по залу. – Кагер наклонился ко мне. – Все обсуждают твою дружбу со Скэриэлом, думают, что из-за этого ты подрался с Кливом.

– Пусть думают, что хотят, – отмахнулся я. – Хорошо, что хоть Оливера не обсуждают.

– Обсуждают, – добавил Леон, и мы оба замолчали.

Оркестр заиграл торжественную музыку, и все подняли головы, встречая появление старейшин. Они были в красных бархатных с позолотой масках и чёрных меховых мантиях. Встав на балконах амфитеатра, старейшины выстроились в ряд. Сегодня их было не так много, как можно было ожидать.

– Я пойду, – шепнул Леону.

– Куда?

– Освежусь. Что-то мне нехорошо. – Я медленно направился к выходу, лавируя между гостями.

При появлении старейшин полукровки опустились на одно колено. Джентльмены, в том числе и я, поклонились, дамы сделали реверанс. Старейшины в ответ кивнули нам в знак уважения. Мы все застыли в ожидании. Я успел дойти до парадных дверей, прикидывая в голове, в какой момент лучше всего уйти. Передо мной стоял с опущенной головой полукровка в чёрной маске: он встал на одно колено, продолжая сжимать в руках поднос с шестью наполненными бокалами.

Прежде я не обращал должного внимания на то, что ни один полукровка не смел поднимать голову в присутствии старейшин. Я знал об этом, но не замечал, как если бы знал о существовании радуги, но не замечал её после дождя. Сейчас же я внимательно наблюдал за тем, как все полукровки опустились на одно колено в безоговорочном признании власти старейшин.

Мой отец стоял там, наверху. Уильям Хитклиф. Ещё один из старейшин, перед кем все полукровки должны преклониться.

– Мы рады видеть всех вас в добром здравии! Чистота крови – чистота помыслов! – громко произнёс самый старый из них.

– Чистота крови – чистота помыслов, – вторили все вокруг.

Я плотно сжал губы, чувствуя, как отец неодобрительно смотрит на меня из-под красной маски. Нелепость. Как мысли могут зависеть от того, какая по жилам течёт кровь? Они все априори считают, что

чистокровный никогда не опустится до уровня полукровки или низшего. Потрясающее невежество.

Полукровка передо мной пошатнулся. Бокалы на подносе задребезжали. Он крепче ухватился за поднос. Стоять на одном колене с весом полных бокалов было сложно. Несколько чистокровных, что находились ближе всего, с неодобрением оглянулись на шум.

«Попробуйте и вы постоять в таком положении, идиоты», – пронеслось у меня в голове.

Я незаметно протянул руку, схватил один из бокалов и вылил шампанское в стоящую у дверей кадку с растением. Грунт мигом поглотил игристый напиток. Оставив пустой бокал рядом с толстым стеблем, повторил то же самое ещё с двумя бокалами. Полукровка медленно выдохнул, всё так же не поднимая головы.

– Этот дворец принадлежит императорской семье Бёрко, и мы чтим традиции, сложившиеся...

Раздражённый, я вышел из зала. На подносе у полукровки осталось три бокала. Я бросил на него последний взгляд, отмечая, что юноше стало легче стоять в таком положении.

Мне правда нужно освежиться и успокоиться.

– Чистота помыслов, как же, – хмыкнул я себе под нос.

Я поднялся на второй этаж, где гостей было заметно меньше, и вошёл в уборную. Оскар умывался у раковины, да так яростно, что брызги долетали аж до двери.

– Э-э... хм, Оскар? – Я взял себя в руки; уйти незаметно не получилось бы. – Привет.

Он посмотрел на меня, торопливо закрутил кран и широко улыбнулся. Рубашка липла к телу, а мокрые пряди волос падали на лицо.

– Готье, друг, как поживаешь? – Он схватил сложенное полотенце, наскоро вытер лицо, руки и бросил его в корзину.

– Неплохо. Ты в порядке? – Я прикидывал, как он узнал меня в маске. Неужели по голосу?

– Как видишь, не очень, – вздохнул Оскар и пожаловался: – Люмьер держит оборону и не подпускает меня к Гедону. Ещё и Николас с ними теперь ходит. Все против меня.

– Мне... жаль. – Я неловко подошёл к самой дальней от него раковине и принялся мыть руки.

Оскар снял с крючка свой пиджак и неуклюже натянул его.

– Послушай, Готье, а может, ты их отвлечёшь? Чтобы я смог поговорить с Гедеоном. На этаже здесь есть библиотека. Мы раньше каждый год устраивали тут тайные посиделки во время бала. – Он улыбнулся, отдаваясь приятным воспоминаниям; голос его заметно смягчился. – Курили или выпивали, пока никто не видит. – Он посмеялся, словно вспомнил какую-то особенно запомнившуюся встречу.

– Здесь есть библиотека? Почему я не знал этого раньше... – удивился я, а затем спохватился: – Гедeon курит?!

– Тише ты, не так громко, – рассмеялся Оскар. – Позволяет себе по праздникам. Но обычно сигареты ему не по вкусу. Ну так что? Поможешь мне? Я буду тебе должен. Просто отвлеки Люмьера. Николаса я беру на себя. А потом мы с Гедеоном поговорим. Это правда важно.

Меньше всего мне хотелось помогать Оскару. Так ещё идти против брата и Люмьера.

– Не выйдет. – Отвернувшись к зеркалу, я принялся поправлять и без того идеальную укладку. – Прости, но мы с Люмьером не разговариваем. Поссорились.

Уши горели, но, кажется, Оскар поверил.

– Из-за чего? – участливо спросил он.

– Да ерунда. Даже обсуждать не хочу. – Ничего более толкового придумать не смог. – Я не общаюсь с ним.

– Понятно, – растерянно проговорил Оскар, глядя куда-то в сторону. – Ну ладно. Рад был поболтать. Давно не виделись. Слышал, ты выбрал Люмьера в наставники.

Я прикусил язык от неожиданности. Совсем забыл об этом.

– Да, внезапно вышло... – Если Оскар и не верил мне, то виду не подавал. На его лице застыло разочарование. – А потом мы поссорились. Гедeon, узнав об этом, рвал и метал.

– Представляю, – протянул он. – Помиритесь ещё. Я пойду. – Оскар немного потоптался на месте и вышел, не оглядываясь.

Я выдохнул, только когда за ним захлопнулась дверь.

На втором этаже было много комнат. Некоторые из них закрыты на ключ, но если верить Оскару, то библиотека открыта и мало кто об этом знает. Я бы с удовольствием отсиделся там, посмотрел, какие

книги есть, а затем ушёл бы с бала, заранее предупредив Сильвию. Чем меньше я буду пересекаться с Гедеоном, отцом, Оскаром и Люмбером, тем лучше.

Есть вероятность, что в библиотеке будет и Оскар. Если мы с ним там столкнёмся, то выйдет совсем неловко. Но, скорее всего, он опять вернётся к попыткам поговорить с Гедеоном в зале. Именно сегодня я надеялся, что упрямство Оскара поможет мне в одиночестве отсидеться среди книг.

Я вышел из уборной и медленно побрёл по широкому коридору, осторожно осматривая каждую закрытую дверь. Когда коридор опустел, то я стал подходить и поворачивать ручки. Все двери были заперты. Я дошёл до последней высокой двери, возбуждённый до предела. Если и эта закрыта, то ничего не оставалось, кроме как вернуться в зал, чего я совсем не хотел.

Тяжёлая дверь отворилась, к моему удивлению, без единого звука. Было темно, но я смог различить книжные стеллажи. Это была огромная библиотека, манящая и влекущая в свои недра. Я торопливо прикрыл за собой дверь. В просторном помещении стоял тяжёлый и спёртый воздух. Я подскочил к окну и открыл его настежь, впуская холодный ветер. Сбоку находилась балконная дверца. Я вышел на балкон и вдохнул полной грудью.

Восхитительно. В зале казалось, что я сейчас задохнусь от всего этого высокомерия и снобизма. Тяжело было всё время находиться с теми, кто считает себя пупом земли, просто потому что родился в «правильной» семье.

Я видел, как вдалеке ко дворцу подъезжали опоздавшие гости. По другую сторону открывался прекрасный вид на зимний лес. Возможно, именно в этом лесу император Бёрко охотился на оленей.

Оставив открытым балконную дверь и окно, я наслаждался морозным воздухом. Сел в дальнее кресло, повёрнутое в сторону высоких стеллажей, прихватив одну из книг с полки. «Принц и нищий» Марка Твена. Это была моя любимая книга в детстве. Я светил себе фонариком со смартфона, разглядывая иллюстрации. Удивительно, но книга была выпущена в 1890 году, а значит, это одно из первых изданий.

Дверь бесшумно открылась. Я понял это, когда из окна подул сильный ветер, теребя прозрачный тюль. Обдало сквозняком. Я

выключил фонарик и тихо опустил книгу на пол. Кто-то стоял у открытой двери, будто бы раздумывая над чем-то, а после уверенно шагнул внутрь, подошёл к балкону и закрыл дверцу. Я всем телом вжался в кресло, надеясь, что за ним меня не видно. Некто притворил окно.

Человек оглянулся, но не заметил меня в темноте. Кажется, это был полукровка. Движения его были резкие, торопливые, словно он боялся, что его поймают на месте преступления. Он достал телефон из кармана, и тусклый свет от экрана упал на лицо. Под чёрной маской было трудно различить его черты.

– Я на втором этаже. – Он подошёл к окну, продолжая поправлять тюль. – Ага. Скэриэл внизу, разносит напитки. Нашёл своё призвание, – пошутил он. – Понял. Я знаю. Без понятия, во сколько это всё закончится. Отвечу, как смогу. Давай.

Скэриэл?! Он один из официантов? Только сейчас я понял, что голос был знакомым.

– Джером? – спросил я, приподнявшись с кресла.

Он застыл на месте.

– Это я, Готье, – уточнил я, потому что молчание затянулось.

– Хитклиф? – спросил он упавшим голосом, вглядываясь в темноту.

– Ну да. Что ты тут делаешь? – Я медленно подошёл. – Скэриэл работает официантом?

– Ага, – не сразу ответил он, так что легко можно было догадаться, что Джером врёт. – Подработка.

– Почему он не сказал мне?

– Мне почём знать. – Он пожал плечами, совсем как Скэр.

В коридоре раздался глухой шум, словно что-то швырнули в стену. Мы оба замерли, повернув головы. Шум повторился, но совсем близко. И тут я решил действовать.

– За мной, – шепнул я, схватив Джерома за руку.

Он резким движением вырвался, возмущившись:

– Зачем?

– Сюда кто-то идёт. Скорее. – Я вновь схватил его за руку, и Джером снизошёл до того, чтобы послушаться.

Когда мы спрятались за дальним стеллажом, дверь с грохотом отворилась; кто-то упал и выругался. Судя по звукам, завязалась драка.

– Это был ты! – прошипел кто-то, поднимаясь. – Точно ты.

Я видел их силуэты.

– И? – громко и с вызовом спросил второй, закрывая за собой дверь. – Что ты сделаешь? Сдашь меня?

Голоса знакомые...

– Но зачем?

Теперь их было лучше видно. Один вцепился в другого, но тот не вырывался, как будто его всё устраивало.

– Ответь, Гедеон, зачем?!

Рот мой невольно приоткрылся, и у меня чуть было не вырвался удивлённый возглас, но чужая мозолистая ладонь жёстко опустила на лицо, перекрывая рот и нос.

Гедеон с Люмьером? Но где же Оскар? Он оставил свои попытки?

– Бернард слишком много болтает, – ответил брат, словно это всё объясняло.

Я испуганно толкнул Джерома в глубь стеллажей, боясь, что нас заметят. Он толкнул меня в ответ, но отступил, убирая руку с лица.

– А что насчёт Брума? Он ведь тоже пострадал, – произнёс Люмьер, но в голосе не было ни намёка на сочувствие.

– Мне плевать на него, – хладнокровно проговорил Гедеон.

Брат закурил. Я жадно вглядывался в каждый жест, жалея, что не могу подойти ближе. Значит, это был Гедеон. Именно он слил фотографии Оливера с Бернардом. Уму непостижимо.

– Ты снова идёшь по головам, – констатировал Люмьер, поправляя маску.

– Как будто тебя это удивляет. – Гедеон протянул ему свою сигарету.

– Это всё из-за Оскара, верно? – Люмьер затянулся и выпустил табачный дым.

– Да пошёл ты к чёрту. Он вообще к делу не относится. – Гедеон грубо забрал сигарету из рук Люмьера и едко добавил: – Мы с ним не общаемся, если ты не заметил.

– Но ты всё равно продолжаешь его защищать в каждом споре. – Было видно, как Люмьеру неудобно; он тёр щёку, задевая маску. – И о чём болтал Бернард? Распускал слухи про Оскара или про Готье? – Он не выдержал и снял маску. – Или он узнал, что Готье тебе не брат?

Я вцепился в Джерома, сжимая его руку выше локтя, но он не отпрянул, а застыл как статуя. Кажется, низший был поражён.

Только этого мне не хватало.

– Никому ни слова, – прошептал Готье, сжав моё запястье.

Я потянул руку и вырвался из захвата. Он бросил на меня свирепый взгляд, шумно выдохнул через нос – я тихонько цокнул языком, показывая, что мне плевать на его негодование, – и вернулся к слежке за парочкой на балконе. Так и распирало от желания рассмеяться Хитклифу в лицо. Неужели судьба послала мне шанс вдоволь поиздеваться над ним?..

Судя по его лихорадочному состоянию, он сейчас просто не находил себе места. Стало ли услышанное для него новостью? Если Готье не приходился младшим братом Гедеону, значит, он приёмный. Ух, какой из этого можно раздуть скандал! Просочись информация в СМИ, всей семейке Хитклиф не поздоровится. Приёмный ребёнок у аристократов – явление настолько редкое, что Хитклифы надолго станут сенсацией. Разве не у них в почёте поддержание чистоты крови, которой они так хвалятся? Взять на воспитание чужого ребёнка... Такое в порядке вещей у полукровок, но тут чистокровная семья, так ещё Уильям Хитклиф состоит в Совете.

Я нахмурился, улыбка сползла с лица. В любом случае это плохая новость для Скэриэла, ведь он возлагал большие надежды на Хитклифа. Теперь же Готье оказался не таким полезным. Не повредит ли это нашему плану? Наверное, Скэриэл разозлится. Быть может, даже разочаруется в Хитклифе. Но мне это только на руку. Уж слишком долго Скэриэл вился вокруг него.

Признаться честно, вид встревоженного чистокровного поднимал мне настроение. Когда ещё представится случай увидеть испуганного Хитклифа?

Сняв неудобную маску, я кое-как запихнул её в карман. Это была ещё одна безумная идея Скэриэла. Он сказал, что нужно исследовать территорию императорского дворца и мы должны прикинуться прислугой. Такая возможность выпадала пару раз в год, поэтому нельзя было упустить возможность. По большей части Скэриэл работал в зале, разносил напитки, желая попасть к старейшинам.

Когда я помогал в холле – принимал верхнюю одежду гостей, – мне приказали подняться на второй этаж, проверить библиотеку и закрыть окно на балконе. Этот придурок Хитклиф открыл его нараспашку, и тюль, развеваясь на ветру, то и дело выглядывал из окна, портя вид с улицы.

– А то что? – Я повысил голос, но краем глаза следил за спинами старшего Хитклифа и его друга, кажется Люмьера Уолдина, стоящих на балконе, отмечая, что они нас не слышат. Скорее всего, они решили проветриться, после того как выкурили сигарету. Готье нахмурил брови; я видел, что он хочет сказать что-то резкое. Хитклиф растерялся, как будто не ожидал, что я могу не внять его просьбам. Я прищурился, а мой голос источал злорадство.

– Что-то ты не сильно удивлён...

– Не твоё дело, – пробормотал Готье, не сводя глаз с балконной двери.

– Ты знал об этом? – с недоумением спросил я, разглядывая его профиль.

Готье нервно покусывал губы, но молчал.

– Ты что, правда приёмный? И ты всё это время знал об этом, – заключил я.

– Замолчи, Джером. – Хитклиф повернулся ко мне и принялся угрожающе наступать, но я не двинулся с места. – Если ты будешь молчать об этом, то я никому не расскажу, что вы, – тут он уверенно ткнул мне пальцем в грудь, – со Скэриэлом работаете официантами.

Это самая глупая угроза, которую мне только доводилось слышать. Я сдержался, чтобы не расплыться в не менее глупой улыбке. Не хватало ещё рассмеяться в голос.

– Ты меня шантажируешь?! – Я оттолкнул его. Хитклиф бросил гневное «тише». – Как-то не равнозначно, не находишь? И что такого, что мы работаем официантами?

– То есть ты хочешь сейчас сказать, что вы оба оформлены официально? – гневно прошипел он в ответ. – Да Скэриэл даже несовершеннолетний!

– Тише, придурок.

Чёрт. Всё-таки Скэриэл будет не рад, если нас поймают. С другой стороны, разве Хитклиф не его дружок? Почему он собрался сдавать Скэриэла? От этих чистокровных не жди ничего хорошего. Кичатся

своим высоким происхождением, а сами не раздумывая вонзят нож в спину.

– Сам тише, – почти прорычал он мне в лицо. – Они сейчас вернутся.

– Без тебя знаю, тупица.

– Кретин.

Хитклиф опять толкнул меня в глубь стеллажей, после чего я со всей силы пихнул его в грудь. До зубовного скрежета раздражало, что он распускает руки. Чистокровный с шумом упал назад. Если парочка выглянет, то сразу заметит испуганного Готье, распростёршегося на полу.

Он замер, уставившись на балконную дверь. Маска съехала у него с лица, прикрыв один глаз. Хитклиф растерянно перевёл взгляд на меня.

«Чего ты ждёшь? Собрался так лежать до второго пришествия?» – с раздражением подумал я, пока он беспомощно валялся на полу. Я прикрыл лицо руками. Это не чистокровный, а сплошной стыд.

– Ну ты и тупица, – прошептал я, приблизившись.

Я в панике наклонился за ним и ухватил за костюм, а потом рывком потянул на себя. Внезапно Хитклиф подался вперёд – видимо, это позднее зажигание... – да так сильно, что мы оба повалились, но уже за стеллажами. Кажется, я отбил себе копчик. Готье почти лежал на мне, больно упираясь локтем в бок. Мы вызвали такой грохот, что казалось, сейчас весь дворец сбежится поглазеть.

– Тш. – Я сердито прижал палец к губам, и мы замерли.

Кажется, шум не заметили. Они там что, все глухие? Или это норма, что чистокровные не видят дальше своего носа? Первым в помещение вернулся Гедеон. Он с удовольствием потянулся, разминая плечи, и задорным тоном обратился к Люмьеру:

– Не смотри на меня так.

Кажется, у него было хорошее настроение.

Хитклиф шумно дышал мне в шею. Я одёрнул его, но он непонимающе посмотрел на меня.

– Как? – Судя по голосу, Люмьер всё ещё был рассержен.

– Разочарованно.

– Ты не должен был этого делать.

– Тебя забыл спросить.

Я попытался сдвинуть локоть Хитклифа, но чистокровный стрельнул разъярённым взглядом и мотнул головой.

– Что? – одними губами произнёс я.

– Не двигайся, – по слогам отчеканил он.

Хитклиф всё ещё полулежал на мне, неприятно давя на грудь. Мы вообще сейчас находились в очень странной позе. Было бы неловко, если бы нас увидели.

– Встань.

– Не могу, – покачал он головой. – Будет шумно.

– Мне больно. – Я осторожно приподнялся.

– Потерпи, – недовольно проговорил Хитклиф у самого моего уха.

Как я вообще в это вляпался? Пока мы препирались, Геден и Люмьер успели что-то обсудить – Геден был в прекрасном расположении духа, судя по голосу, а Люмьер печален и угрюм – и незаметно выйти из библиотеки. Когда за ними захлопнулась дверь и наступила тишина, в которой мы ещё пару минут сидели, боясь сдвинуться, стреляя друг в друга рассерженными взглядами, я первым делом с силой оттолкнул Хитклифа.

– Ай! – взвыл он, потирая ушибленный локоть.

– У тебя чудесный старший брат, – едко бросил я, отряхивая свой костюм. Мне нужно после бала вернуть его в целостности и сохранности. – О, прости. Сводный старший брат.

– Держись от него подальше, – огрызнулся Хитклиф.

– С радостью. Будь моя воля, я бы вообще не связывался с чистокровными.

Хитклиф усмехнулся, как будто я удачно пошутил.

– Я бы тоже.

Я удивлённо посмотрел на него, не понимая, серьёзен он или нет. Хитклиф всё так же сидел на полу, уставившись в одну точку.

– Мне пора, – зачем-то проговорил я, направляясь к дверям.

– Стой!

– Ну, что ещё?

– Пожалуйста, не говори никому про то, что я приёмный. – Он поднялся и подошёл ближе.

– Конечно, Готье, само собой. – Я изобразил сочувствие, а потом расхохотался. – Ты бы себя видел! Ты что, с луны свалился? Разве

забыл: «Чистота крови...» – бла-бла-бла, помыслы, всякое такое... Я низший, а значит, мне нет веры.

– Брехня всё это, – перебил он.

– Что именно?

– Да всё! «Чистота крови – чистота помыслов». Бред собачий, – процедил Хитклиф.

Я замолчал, не зная, что добавить.

– Послушай меня, Джером. Я знаю, что нам не найти общий язык и ты меня терпеть не можешь.

– Мягко сказано, – закатил глаза я.

Хитклиф устало вздохнул и продолжил:

– Я не враг и не желаю тебе ничего плохого. Мне жаль, что тебя тогда уволили с работы.

Я чуть было не ляпнул: «С какой работы?» – и тут же вспомнил, что в первую нашу встречу со Скэриэлом разыграл сцену. Меня поразило, что он помнил об этом, когда я сам уже запамятовал.

– Правда. Будь у меня возможность, я бы помог тебе с работой. Если ты никому не расскажешь о том, что сегодня сказал Гедеон, я буду тебе должен.

– Хм. – Я задумался. – И что именно ты мне будешь должен?

– Всё, что захочешь. Всё, что я смогу сделать.

– Ты это серьёзно? – изумлённо спросил я, на что он уверенно кивнул. – Кому ты решил довериться? Низшему? Смешно.

– Я доверяю тебе, – проникновенно сказал Готье. – Мне нет никакого дела до статуса – низший или чистокровный.

– Проверь голову, Хитклиф. Тебе, кажется, мозги отшибло. Мне плевать на твои секреты, и уж тем более хранить я их не буду.

– Джером... – опять начал он, но я перебил.

– Ты не должен мне доверять, тупица. – Теперь уже я разозлился не на шутку. – Да кому я говорю... Ты в своём уме? Я тебе ничего не должен.

– Зато я буду у тебя в должниках. Чего тебе надо? Денег?

– Иди на хрен, Хитклиф.

Хотя, если быть честным, деньги – не такой уж и плохой вариант.

– Посмотри на это с другой стороны. Разве было такое, что чистокровный обязан чем-то низшему? А я буду обязан.

– Я не могу понять, ты или тупой, или очень умный.

– Как тебе удобно думать. – Хитклиф улыбнулся.

– Тупой, – заключил я.

– Я не ожидал другого.

– Мне нужно подумать.

– О чём?

– Сливать всем, что ты приёмный, или нет, тупица.

– Кретин, – с улыбкой добавил он.

– Я ещё не согласился.

– А мне кажется, что уже. – Он лыбился с довольным видом, раздражая ещё сильнее.

– Ни фиги, – проворчал я, отвернувшись.

– Тогда я просто оптимист.

– Ты просто отбитый на голову, – огрызнулся я в ответ. – Веришь мне, хотя не должен.

– Но я же никому не сказал, что низший живёт по поддельным документам в центре, – как бы между прочим заявил Готье.

Я поражённо охнул.

– А вот это уже шантаж.

– Ой, Джером, как ты мог такое подумать?! – театрально произнёс он, подражая мне.

– А ты не так уж и туп, – угрюмо добавил я.

Возникло неприятное чувство, словно Хитклиф хотел меня обдурить, да не вышло, и он применил тяжёлую артиллерию. Может, с виду он наивный, но с ним нужно быть начеку.

– Повторюсь, я не желаю тебе зла. Я мог сдать тебя в любое время, но молчал.

– Если ты сдашь меня, то сдашь и Скэриэла, и Эдварда. Они меня укрывают здесь.

– Мне бы не хотелось создавать вам всем проблемы. Поэтому, – Хитклиф протянул руку, – ты молчишь обо мне. Я молчу о тебе. По рукам?

Я с сомнением смотрел на протянутую руку.

– А ты мне всё ещё будешь должен? – спросил я, прищурившись. – Или аттракцион невиданной щедрости закрылся?

– Я всё ещё буду тебе должен. Я ведь обещал.

– Слово чистокровного ничего не значит.

– Может, чистокровного и не значит, а вот моё слово – да.

Ничем не подкреплённая брехня. Он может сейчас пообещать хоть горы свернуть, никому из чистокровных нет веры. Но посмотрим, что из этого выйдет. В любом случае я знаю его большой секрет.

— Тогда по рукам. — Я сжал ладонь чуть сильнее, но Готье не подал виду.

— Мы друг друга сегодня не видели, — серьёзно произнёс Хитклиф. — И я ничего не знаю про вашу со Скэриэлом подработку.

— Договорились. Я выхожу первым. Ты через десять минут после меня.

— А наш сигнал: два коротких удара и один длинный?

— Чего?

— Шучу.

Чёртов шутник.

Я вышел из библиотеки и направился к лестнице. Хитклиф — мой должник. Расскажи кому — не поверят. Скэриэлу не нужно об этом знать. Должен ведь и у меня быть туз в рукаве. Не всегда я буду на вторых ролях в чужих планах. Пока я не знал, что из этого выйдет, ведь впервые решил пойти против Скэриэла, но меня переполняли эмоции. Я докажу, что тоже кое-чего стою.

Вернувшись довольно поздно в «Дом Спасения и Поддержки», я сразу лёг вздремнуть. Сказались события последних двух дней. Скэриэл обещал приехать завтра в обед и обсудить бал чистокровных. Мне хотелось побыстрее отрубиться, чтобы набраться сил, но сна не было ни в одном глазу. Лежал и размышлял о том, что сегодня произошло.

Как так вышло, что мы с Хитклифом объединились? С тем самым Хитклифом, которого я на дух не переносил. Правильно ли я поступил, что решил скрывать важные сведения? Я расскажу Скэриэлу о том, что именно Геден слил те самые фотографии Брума и Дона, но что насчёт Готье? Он приёмный сын. Кто его настоящие родители? Знает ли он о них?

По рассказам Скэриэла, старший брат с Готье пылинки сдувает, мало того что ринулся в клуб, чтобы избавиться от компромата, так ещё избил Оскара Вотермила. Может, он просто защищает честь семьи? Готье точно знал, что приёмный. Наверное, это не секрет в их семье? Так много вопросов, что даже голова заболела.

Что больше всего меня беспокоило, так это клятва на крови. Я никогда не предам Скэриэла, иначе всему конец. Но, если я планирую рассказать только часть того, что узнал, подслушивая Гедеона с Люмбером, будет ли это считаться предательством? Нужно быть очень осторожным с этой клятвой. До этого дня я не думал, что у меня будут секреты от Скэриэла, а потому беспечно согласился на запрещённый ритуал.

Я прислушивался к своим эмоциям. Ничего не изменилось, я всё ещё любил его. Может, даже сильнее, чем прежде. Но я не хотел всегда быть запасным вариантом в его глазах. Он воспринимал Хитклифа как равного – его, но не меня. Для него я всё ещё оставался помощником, мальчиком на побегушках. Но я не хотел ему быть просто сообщником. Незаменимых не бывает. Скэриэл не всегда будет нуждаться в моей помощи. Так больше не могло продолжаться.

Готье Хитклиф – мой должник. Я могу потребовать от него всё, что захочу. Деньги – меньшее, что мне нужно. Он ещё не знает, с кем связался. Возможно, Хитклиф тоже считает меня шестёркой. Пусть они оба думают, что я ничего из себя не представляю. Пусть недооценивают меня.

Заснул я с мыслью, что для меня всё только начинается.

– Ты будешь играть за Дария III, это персидский царь. Я за полководца Александра Македонского. Вот джойстик. – Я сел и протянул ему контроллер. Чарли нерешительно встал на пороге и не спешил присоединиться. В салоне автомобиля, на привычном месте, он вёл себя заметно увереннее, но, очутившись в моих владениях, мигом оробел. Я положил джойстик ближе к нему и в пригластительном жесте указал на место рядом; возникло ощущение, будто я пытался расположить к себе одичавшую собаку. – Ты зайдёшь или так и будешь стоять? – Вышло чуть требовательнее, чем хотелось, поэтому пришлось добавить благожелательным тоном: – Если хочешь, можешь играть за Македонского. Мне не принципиально. Дарий мне тоже нравится. – Это была чистая правда, но, опять же, могло прозвучать двояко, так что я проговорил: – Если его выбрать, то можно прокачать культуру и тогда жители других городов захотят присоединиться к твоей державе. Просто у персов очень древняя история, так что это можно использовать как рычаг давления. – Чарли не спеша вошёл, оставив дверь приоткрытой, словно боялся перекрыть себе пути отхода. – Тут твоя часть экрана. В игре работает шахматный принцип. Ходы идут по очереди, и от каждого хода зависит результат. Ну так что?

– Ты мне мстишь? – настороженно спросил он шёпотом.

По его хмурому лицу было件нятно, что Чарли не ждёт от меня ничего хорошего. Меня это задело, ведь в последние дни мы не вступали в перепалки.

– Не понял, – растерялся я. – Ты о чём?

– Тут прослушка? Решил меня на чём-то подловить, показать это господину Уильяму, чтобы меня уволили с работы? Мстишь за Кевина?

Так вот как полукровки думают о нас? Впрочем, неудивительно. Не от хорошей жизни Чарли ожидает подвоха.

– А-а, – разочарованно протянул я. – Да ничего такого, но если хочешь, вместе перенесём PlayStation на первый этаж в гостиную. Или можешь обыскать комнату, если тебе от этого станет легче.

Он постоял, подумал, взвешивая все за и против, внимательно осмотрел комнату, затем вновь уставился на меня, как будто ждал, что я передумаю. Я изобразил скуку и зевнул, прикрывая рот рукой. Чарли уверенно направился к письменному столу у окна.

– Красивая птица, – сказал он, взглянув на канарейку в клетке.

Я непринуждённо сидел на месте, подперев рукой голову, и старался на него лишний раз не смотреть. Как и ожидалось, Чарли не нашёл ничего подозрительного на поверхности стола и постучал пальцем по выдвижному ящику.

– Можно? – Он настороженно посмотрел, как будто хотел меня в чём-то уличить.

– Да, мне нечего скрывать, – махнул рукой я.

Прошло минут десять, за которые он успел бегло осмотреть ещё книжный шкаф и кровать.

– Вот. – Под конец я протянул свой телефон.

Он не спешил брать в руки мобильный.

– Проверить не хочешь? Может, там диктофон или ещё что. Можешь даже на время игры оставить его у себя.

Чарли нерешительно посмотрел на телефон в моих руках и проговорил:

– Ты очень странный. – Выглядел он немного смущённым. – Ладно, прости. Я просто что-то разнервничался. Находиться в комнате чистокровного всё ещё для меня странно.

– Ага. Но ты всё равно проверь, чтобы теперь и мне было спокойнее. Я разблокировал. Оставь у себя в кармане, пока мы играем.

Не сводя с меня хмурого взгляда, Чарли взял телефон, повертел его в руке, пролистал меню и спрятал мобильный в кармане.

– Тебя подставляли на работе? – предположил я, беря в руки джойстик.

– Не меня, но моих знакомых. Полукровку легко уволить с работы, даже повода не надо. А ещё можно испортить репутацию плохими отзывами.

– Что-то ты не был осторожным в первую нашу встречу, – заметил я.

– Характер такой. – Он почесал шею и с улыбкой проговорил: – Лучшая защита – это нападение. Хамить взрослому чистокровному я бы точно не стал. Себе дороже.

– Хм, – недовольно выдал я. – А, ну, раз я подросток, то на мне срываться можно?

– Прости, я не хотел, – чуть тише добавил Чарли.

– Ладно, играем?

– Давай.

– Ты за кого будешь?

– Ты что-то там про культуру говорил.

– Дарий III. Богатая персидская история и культура.

– Ага. Я буду за Дария, – произнёс Чарли, усаживаясь справа. – Но почему ты не позовёшь друзей поиграть?

– Я под домашним арестом, и мне запрещено принимать гостей, – хмуро проговорил я и подумал о том, что мой недовольный тон, наверное, может его отпугнуть, поэтому добавил более дружелюбно: – И я подумал, почему бы нам не поиграть вместе.

Конечно, будь у меня возможность, я бы навестил Оливера, но мне нельзя выходить из дома. Оливер всё ещё не отвечал на сообщения и звонки, так что я сомневался, хочет ли он вообще меня видеть и слышать. К моему удивлению, молчала и Оливия. Я попытался позвонить ей утром, но она не подняла трубку. Это окончательно испортило мне настроение.

Да и отец ясно дал понять, что не закроет глаза на драку и нам ещё предстоит серьёзный разговор. Я так устал от этого пугающего ожидания, что сам рвался к нему в кабинет.

Скэриэл уехал сдавать школьные экзамены. В последнее время даже он был занят, поэтому не отвечал в Сети. Я знал, что он вернётся только через три дня. Хорошо, что отец не додумался до того, чтобы забрать у меня телефон и PlayStation.

– Но ты вчера был на балу, – возразил Чарли.

– Так захотел отец, – упавшим голосом проговорил я. – Но сегодня я снова наказан.

– За ту драку? – предположил он.

– Да. Но это и дракой сложно назвать. Так, ударил один раз, и этого хватило... Так ты будешь играть или нет?

– Конечно. – Чарли улыбнулся. – Разве я могу отказаться от игры на пятом PlayStation? Я просто в шоке, что ты мне это предложил. Сначала решил, что издеваешься. А потом стало любопытно.

Я с самого утра раздумывал над тем, чтобы позвать его сыграть. Не хотелось оставаться одному, иначе я бы снова занялся самокопанием. Джером теперь знал о том, что я приёмный. Я не верю, что он будет хранить молчание. Скорее всего, об этом уже знают Скэриэл и Эдвард. Перенервничав, я пообещал, что буду его должником. Но Джером прав, я не должен был бросаться столь громкими словами. Оставалось только ждать, когда он воспользуется секретом против меня. Быть может, следовало рассказать Люмьеру. Но тогда пришлось бы объяснять, как именно Джером получил информацию.

«Да, мы подслушали вас в библиотеке. Ага, когда вы с Гедеоном выясняли, кто слил фотографии в СМИ. А курить, кстати, вредно». Я прыснул, представив лицо Люмера в этот момент.

Но это только полбеда. Теперь-то я знал, что Гедеон подставил Оливера и Бернарда. Неужели он настолько опасен, как меня об этом предупреждал Люмер?

«Бернард много болтает».

Кажется, так сказал Гедеон. Допустим, Бернард и правда много трепался, но кого именно Гедеон решил защитить: меня или Оскара? Я видел Оскара на балу, и тот всё никак не мог поговорить с братом. Между ними происходило что-то намного сложнее, чем я думал.

Чарли выжидательно посмотрел на меня.

– Что? А... Нет, не издеваюсь. Одному скучно, – пожал плечами я. – Друзья не могут прийти, Габи слишком мала, Гедеону не до меня. Сильвия не понимает, как играть, я как-то пытался её научить. Лора при мне всё ещё стесняется и сразу отказывается. Кэтрин умеет, но постоянно занята. Фанни даже джойстик неправильно держит. Вот по этой причине выбор пал на тебя. Так что всё в порядке. Не бери в голову.

– Ясно... Тогда играем. – Кажется, он расслабился. – Как от хода может зависеть игра?

– Ну, например, если ты берёшься за земледелие и охоту, то получишь развитие животноводства и стрельбы из лука, – принялся я за объяснения. – И это поможет открыть колесо и даст толчок к появлению верховой езды. И так ты получишь основную военную мощь своей армии. Понятно?

– Всё равно не очень. Можно поконкретнее?

– Вот смотри, – я указал на верхние иконки, – твои люди орошают земли и выращивают, допустим, пшеницу. А другие люди охотятся на диких кабанов, получают мясо и кости, ну и тем самым улучшают навыки ближних и дальних атак. Чтобы перевозить пшеницу или мясо, ты одомашнишь лошадь и откроешь колесо. Всё-таки тащить всё это на спине невозможно. Так повысишь уровень верховой езды. И в конце колесо плюс лучник плюс лошадь равно колесница, а это основная военная сила того времени. Понятнее?

– Вроде да, – неуверенно произнёс Чарли. – Что будет, если я сделаю неправильный ход? Только опять давай поконкретнее.

– Допустим, если ты отправишься в поход без снабжения и воды, то от обезвоживания твои солдаты начнут пить грязную воду прямо из лужи, заболеют дизентерией и умрут. Нужно думать наперёд. Провизия на дальнем расстоянии очень важна.

– А главная цель игры – это победить в войне?

– Не только победить. Необходимо развить свою страну, чтобы в дальнейшем ни одна армия тебя не смогла одолеть.

– Звучит офигенно, – присвистнул он.

– Ага, – с удовольствием протянул я. – Люблю стратегические и исторические игры. Я тут играл и за Аттилу, и за Петра I, и за Наполеона.

Чарли схватывал на лету. В первое время немного раздражало, что он играл молча. Я больше ожидал болтовни, способной меня отвлечь от собственных мыслей. Но по мере того, как мы углублялись в игру, он начал задавать вопросы, комментировал всё подряд и уже не мог замолчать, так что я тоже расслабился и увлёкся происходящим на экране.

– Ты это, – спустя час, когда появилась иконка загрузки, тихо проговорил Чарли, косясь на приоткрытую дверь. – Прости ещё раз, что я в первый день наехал на тебя.

Игра загрузилась, но я нажал на паузу, встал и закрыл дверь.

– Ты уже извинялся, – с досадой напомнил я, но решил высказаться и покончить с этим прямо сейчас. – Но ты закурил прямо в салоне в первую поездку. А потом ещё угрожал мне, упомянув Кевина. – Я осуждающе посмотрел на него. – Да я чуть в глаз тебе не дал.

– Ты уже в тот день успел дать в глаз. Хорошо, что не мне, – хмыкнул Чарли и серьёзно добавил: – Прости, я сорвался. Ты ведь не сказал отцу?

– Я не ябедничаю.

– Спасибо. Я не сдержался. Просто господин Уильям в то утро меня час муштровал...

– Это он умеет, – согласился я. – Продолжим?

– Да, да.

Через полчаса в дверь постучали, и на пороге появилась Лора. Ещё до того, как она предстала передо мной, я сразу понял, что это именно Лора. За то время, что она провела в доме, я научился распознавать эти мечущиеся у двери шаги. Она всегда секунд десять набиралась храбрости, прежде чем нерешительно обратиться ко мне. Было в этом что-то милое.

– Господин Готье, Фанни передаёт, что сегодня вы обедаете один и она может приготовить для вас всё, что пожелаете. – Лора встала на пороге. Её слегка смутило присутствие Чарли, но она стойко не подавала виду.

– Лора, вы сегодня очаровательны. – Голос Чарли так и сочился мёдом.

Вот только этого не хватало.

– Передай Фанни, что я не голоден, – торопливо бросил я.

Но она не сдавалась.

– Фанни была готова к такому ответу и сказала, что тогда она приготовит вам бобовую похлёбку и вам в любом случае нужно будет пообедать.

Я скривился, услышав о бобах. Фанни хорошо меня знала.

– Тогда лучше мясо и овощи, – со вздохом проговорил я. Уж лучше обедать тем, что нравится. Бобовая похлёбка, придумала же такое!

– Отличный выбор, – поддержал меня Чарли.

– Пообедаешь со мной? – вдруг ляпнул я не подумав.

Хотя что в этом такого? Я много раз делил еду со Скэриэлом, а он полукровка. Почему это должно всех удивлять? Плевать на правила.

– Обедать? В столовой? С тобой? – удивился Чарли. – Э-э... Это очень неожиданное предложение, но я, пожалуй, откажусь.

– Как хочешь, – буркнул я и повернулся к Лоре. – Тогда мне мясо и овощи. Лора... – Когда я её окликнул, она уже собиралась уходить. Лора посмотрела на меня, забавно похлопав ресницами. – Принеси нам сок.

– Да, хорошо. Яблочный, апельсиновый, персиковый?

– Любой.

– А можно мне вишнёвый? – игриво проговорил Чарли. Я кивнул, соглашаясь.

Лора тихо прикрыла за собой дверь.

– Красавица, да? – спросил Чарли и, не дожидаясь ответа, произнёс: – Конечно, до Фанни с её прелестями далеко, но всё же...

– Не лезь к Лоре, – отчеканил я. – Ей нет девятнадцати, насколько я помню.

– Да ты чего, я просто так, комплименты и болтовня. Ничего такого, – оправдался Чарли, а затем с улыбкой произнёс: – Но Фанни-то давно есть девятнадцать..

Я ничего не ответил. Лора вернулась с подносом, на котором стояли два высоких стакана, наполненных доверху, и фруктовая нарезка.

– Фрукты? – спросил я.

– Это вам от Фанни. Обед будет готов через два часа, так что это полезный перекус.

– Ладно, поблагодари её от нас.

Чарли принялся строить глазки, за что получил от меня локтем в бок. Мы поиграли ещё минут десять, поедая апельсиновые дольки, затем я спросил:

– Ты часто бываешь в Запретных землях?

– А что? Хочешь туда? – широко улыбнулся Чарли.

– Да просто интересно.

– Таким, как ты, нечего там делать. Пропащее место.

Я хмыкнул, ведь уже успел побывать там. Конечно, знать об этом ему не нужно.

– Спрашиваю как жителя Запретных земель: есть ли у вас негласные правила?

– В смысле?

– Хм, не знаю... – Я задумался. – Например, как себя вести в Запретных землях. Что взрослые говорят детям, чтобы те не попали в

беду.

– А-а-а, – протянул Чарли. – Ну, правил не то чтобы много. Дай-ка подумать. Нельзя светить мобилой на улице. И лучше иметь два телефона под рукой.

– Зачем?

– Нужный телефон надо прятать как можно глубже, хоть в носок, – улыбнулся Чарли. – А вот дешёвый держи под рукой. Если будут грабить, то проще отдать дешёвый. А ещё тебя могут обыскать грабители, поэтому прятать в носке полезно. Так глубоко они не залезут. Ну или в трусы. – Чарли низко рассмеялся.

– Звучит странно...

– Одеваться надо как можно менее приметно, – продолжил он. – Если оденешься ярко и прогуляешься по тихим улочкам, вдалеке от оживлённых, есть большой риск, что к тебе пристанут и ограбят. Шмотки – это вообще опасная вещь. В Запретных землях есть разные группировки, и у каждой свой цвет.

– И что будет, если люди из разных группировок столкнутся?

– Догадайся, – ухмыльнулся Чарли. – Ладно, вру. Они, конечно, могут подраться, устроить резню, но у каждой банды есть что-то типа кодекса. Нельзя просто так напасть на улице без причины. А причину-то найти не так уж и сложно. Но потом после разборок нужно будет доказать, из-за чего всё началось. Типа, предстать на их собственном суде перед главарём. Но, блин, я в этом не сильно разбираюсь. Короче, просто если видишь людей из банд, то лучше не смотри им в глаза, чтобы не нарваться. Старайся поскорее покинуть то место, где они появились. Безопаснее всего находиться на главных улицах, где клубы, бары, рестораны. Там много людей, а значит свидетелей, ещё есть камеры, а это важно. Вот у вас тут полно камер видеонаблюдения на улице. А там только на главных улицах.

– В этом есть смысл, – согласился я.

– Да и грабить все эти бары и клубы всё равно никто не додумается. Только если ищешь смерти. Все здания на главной улице принадлежат бандам. Они деньги получают из этих мест. Ну, знаешь, наркотики, доступные девочки, мальчики, вис. – Тут он осёкся. – Зря я всё это тебе говорю. Не забивай свою светлую голову.

– Мне просто любопытно. Я не покидаю Центральный район.

– Вот это правильно. Живи тут и не суйся в Запретные земли. Все адекватны оттуда хотят сбежать. Никто не захочет жить среди шакалов, – философски изрёк Чарли. – Ну, только если ты сам не шакал.

– А что насчёт детей? Как они там живут?

– Многие дети лет с десяти или двенадцати попадают в эти самые банды. Их учат насилию, работе в клубах и прочей грязи. Да всё как у всех в таких злочных местах. Слушай, я не хочу об этом, – взмолился Чарли. – Давай сменим тему.

– О, прости, – проговорил я. – Просто не все могут это рассказать.

– Да я понимаю, что тебе любопытно. Ты, возможно, видишь что-то похожее по телевизору или в играх, но реальность страшнее.

Мы сменили тему и заговорили о Центральном районе. Чарли жаловался на слишком дорогой по меркам Запретных земель бензин.

– Ты вообще видел цены на сотовую связь? Это же беспредел. Один и тот же тариф здесь и в Запретных землях стоит по-разному. У вас ужас какие завышенные цены.

Из кармана Чарли раздался звонок. Он удивлённо покосился на него и вытащил мобильник.

– А, это твой. – Он протянул мне смартфон. – Я сначала даже не понял. У меня на вибрации стоит.

На дисплее высветилось имя Оливера. Я разинул рот и вскочил, напугав Чарли.

– Что-то срочное? – мигом понял он.

– Да.

– Я пойду тогда, сохрани потом нашу игру. – Он тоже поднялся и торопливо вышел из комнаты, забрав свой пустой стакан.

Нервно, я принял звонок. На другом конце молчали.

– Оливер?

XXIII

Райли с неохотой смотрел в окно, наблюдая за тем, как дети на улице играют в снежки. Я украдкой разглядывал его, пока поливал растения на соседнем подоконнике. У мальчика были потухшие глаза, сероватая кожа в ссадинах, понурые плечи и искусанные под корень ногти. Не хотелось придавать его внешнему виду большое значение, но в последнее время глаз то и дело цеплялся за него. Обычно Райли успешно скрывал проблемы в семье, принимал активное участие в играх, шумел в столовой, но не сегодня.

Одежда на нём была старая, грязная, местами порванная. Оставалось только догадываться, когда в последний раз он принимал ванну. Если так и дальше пойдёт, стоит попробовать искупать его, пока низший не начал источать неприятный запах, отпугивая остальных. А ещё нужно поговорить со Скэриэлом насчёт дополнительной одежды для нуждающихся. Не хотелось бы, чтобы по нашему «Дому Спасения и Поддержки» ходили оборванцы, напоминающие бездомных.

Сегодня было солнечно. Райли наклонил голову набок, подставляя левую щёку под тёплые лучи, и зажмурился.

Я закончил с дальним растением, опустил лейку на пол и бесшумно подошёл к Райли. У меня не было желания застать его врасплох или напугать. Я вообще не планировал как-либо вмешиваться в то, что происходит в его жизни. Мне-то и своих проблем хватает. Но время шло, а я натёкался на его затравленный взгляд то в одной комнате, то в другой. Я сталкивался с ним в столовой и в коридоре. Каждый раз, натёкаясь на Райли, я хмурил брови, мысленно ругался и удалялся прочь.

– Кто тебя так? – ровным голосом спросил я.

Райли вздрогнул. Плечи его напряглись, словно он был готов к очередному удару. Я не делал резких движений, держа руки вдоль тела. Голос и поза не предвещали никакой угрозы.

У мальчика под левым глазом красовались остатки лилового синяка. Он поспешно прикрыл щёку ладонью и отодвинулся.

– Никто, – буркнул он и не раздумывая спросил: – Когда Скэриэл придёт?

Ему не удалось сменить тему.

– Отчим, значит, – догадался я, подперев спиной стену. Жутко хотелось курить. Не знаю, в чём я нуждался больше: во вкусе терпкого табака или в возможности занять чем-то руки.

Повернувшись ко мне спиной, Райли ничего не ответил. По скованной позе было понятно, что продолжать беседу он не намерен.

– Твоя мама знает?

Я уже было решил, что Райли промолчит, но тут он уверенно выдал:

– Да. Это я подрался с пацанами.

– Конечно, – согласился я.

Райли знал, что я ему не верю. Повисло неловкое молчание.

Я не умею утешать, да и не думаю, что ему нужны были сейчас какие-то слова. Мы все привыкли жить в таких условиях. Меня и Скэриэла били в интернате. Отчим бьёт Райли, а мать закрывает глаза на это безобразие. Кажется, что каждый житель Запретных земель проходит через побои как через своего рода обряд инициации.

Райли около десяти лет, но во время заполнения анкеты он затруднялся назвать свой точный возраст. Ничего не оставалось, как в пустой графе написать: «девять или десять». В Запретных землях довольно сложно уследить за подобными вещами. В действительности здесь редко кто праздновал дни рождения.

Райли бродил по «Дому Спасения и Поддержки» подавленным. Сложно было не заметить опухший глаз с бледно-синими разводами. Что я должен был ему сейчас сказать? «Всё будет хорошо»? «Отчим больше тебя не тронет»? Райли и сам знал, что это наглая ложь. Всех детей в Запретных землях не спасти.

Я беспомощно вздохнул. Наверное, Скэриэл справился бы с этим лучше.

– Когда я вырасту, то побью его, – внезапно твёрдым голосом проговорил мальчик.

Кожа да кости. Кажется, что он даже ниже, чем должен быть. Тонкие тёмные волосы, курносый нос, синева, что кляксами обрамляла большие карие глаза. Райли походил на крысёнка. Он и был этим крысёнком, когда блуждал по улицам в поиске еды, пока отчим с матерью топили себя в выпивке.

– Обязательно, – уверенно кивнул я.

Конечно, побьёшь отчима, если тот раньше не сопьётся.

Схватив лейку, я направился в подсобку. Не отпускало ощущение, что я должен что-то сделать; я не мог просто оставить его в одиночестве у окна. Сходил в столовую, взял горсть конфет – они предназначались для всех после обеда – и вернулся к Райли.

– Держи. – Я высыпал конфеты на подоконник перед ним.

– Что это? За что? – Он отпрянул, округлив глаза.

– Просто так. Съешь, пока остальные на улице.

– Мне нужно что-то сделать? – с подозрением проговорил мальчик.

– Что? – Теперь пришла моя очередь удивляться.

– За конфеты. – Райли указал на сладости. – Что-то сделать для тебя?

– Нет, – недовольно бросил я. – Просто так дал. Ешь.

Дети что, видят подвох, когда их безвозмездно угощают? Я плотно сжал губы, чтобы не возмутиться вслух. Наверное, Центральный район повлиял и на моё восприятие. Сейчас задело то, на что прежде я бы не обратил внимания.

– Ладно, – осторожно сказал он. – Я оставлю несколько конфет для Валери.

– Вы подружились?

– Да. – Райли торопливо запихнул сладости в карман брюк. – Она иногда играет со мной в настольный теннис.

Скэриэл приехал поздно вечером, разгневанный и напряжённый. К этому времени я всё же искупал Райли (это оказалось сложнее, чем я ожидал: он сначала наотрез отказывался мыться, а потом дал согласие, лишь убедившись, что останется в помещении один и запрет за мной дверь) и уложил его на матрасе в своей комнате. Мальчик вместе со всеми покинул центр помощи, но, зарёванный, позже вернулся. Не было другого варианта, кроме как в очередной раз дать ему переночевать здесь.

– Что-то случилось? – спросил я.

Скэриэл стянул свитер и бросил на кровать. Волосы наэлектризовались, и он нервно провёл по ним пятернёй.

– Мистер Эн, – кратко объяснил он.

Я протянул ему футболку.

– Может, расскажешь?

– Этот сукин сын подозревает меня уже в открытую. Удивительно, как ещё не убил меня. Дал новое задание. И оно невыполнимое! Видимо, решил так от меня отречься. А ещё Адам подлил масла в огонь. Чёртов мудака.

– Чем мне помочь?

– Пока ничем. Но будь осторожен. За мной теперь слежка. Видел хвост на границе с Центральным районом. Но убить пока не пытались. – Скэриэл сел в кресло и требовательно проговорил: – Есть какие-то сведения с бала?

– Да. Я подслушал старшего брата Хитклифа.

– А вот это уже интересно, – улыбнулся Скэр. – Сам Гедеон попался нам.

– Он говорил с Люмбером Уолдином, – добавил я. Скэриэл нетерпеливо ёрзал в ожидании продолжения.

– И?

– Это Гедеон слил фотографии в СМИ.

Скэриэл изумлённо приоткрыл рот. Мысленно я ликовал. Сдерживался, но то и дело расплывался в довольной улыбке.

– Постой, – Скэриэл поднялся. – Гедеон так и сказал?

– Нет. Люмбер его заподозрил в этом, а Гедеон не стал отпираться.

– И зачем ему подставлять Оливера и Бернарда? – Скэриэл был раздосадован.

– У Гедеона свои счёты с Бернардом Доном.

– Всё это было против Бернарда? Что насчёт Оливера?

– Он сказал, что ему плевать на него.

– Это меняет дело. Я боялся, что кто-то копает под меня, – с облегчением произнёс Скэриэл. – Конечно, я бы не стал верить словам Гедеона.

– Я бы тоже. Он мне показался опасным.

– Больше ты ничего не узнал?

Я сглотнул и задумался, делая вид, что вспоминаю.

– Про Гедеона и Люмбера? – уточнил я. – Нет. Больше ничего.

Я прислушался к своим ощущениям. Клятва на крови никак себя не проявляла. Ложь по крайней мере не могла навредить Скэриэлу, а это значит, что я в безопасности. Главными сведениями поделился и

тем самым успокоил его. Но для собственного успокоения всё же стоило узнать больше об этой клятве.

– Что именно мистер Эн тебе поручил? – Я сменил тему, чтобы у Скэриэла не возникло ещё вопросов.

– Заразить одного чистокровного. – Скэриэл потянулся за сигаретой. Он стал больше курить, быть может, от нервов.

– Не слишком ли часто он прибегает к тебе как к переносчику смерти?

– Ты прав. Мистер Эн в последнее время вообще стал параноиком. Хочет избавиться от всех без разбора.

– И от тебя?

– От меня в первую очередь. – Скэриэл закурил. – Но я ему ещё нужен. Других переносчиков, которые могли бы так осторожно выполнять свою работу, у него, видимо, больше нет.

– Ты не боишься?

– Чего? Смерти?

Я кивнул.

– Конечно, боюсь. Но меня больше злит, что, если меня убьют, я не смогу завершить начатое, – произнёс он, выпустил табачный дым и уставился на закрытую дверь. – Это меня чертовски злит.

– А этот чистокровный, которого тебе заказали, кто он?

Тут Скэриэл ошетинился, словно почувствовал опасность. Не отводя взгляда, он приподнял указательный палец, привлекая моё внимание. Я замолк, прислушиваясь. Он затушил сигарету и медленно подошёл к двери. Я напряжённо всматривался в его спину, гадая, что его так спугнуло.

Скэриэл взялся за дверную ручку и резко толкнул вперёд. Раздался испуганный писк, и в проёме показался растерянный Райли.

– Что ты тут забыл? – грозно спросил Скэриэл. – Шпионишь?

– Я... я... – проблеял мальчик, затем кое-как поднялся и ринулся в сторону лестницы.

Выглядел Райли испуганным, как будто привидение увидел. Я даже не сразу сообразил, что бежал он от нас.

– Нет, нет, – поспешно возразил я, поднимаясь. – Ему нельзя было домой. Отчим опять запил. Бьёт его. Я постелил ему в своей комнате. Думал, что он уже заснул.

– Ты меня не предупредил, – в гневе обвинил меня Скэриэл. – Мы не знаем, как давно он подслушивал и сколько узнал. Нужно поймать его.

Он был прав. Я по полной облажался. Мы поспешили за Райли по лестнице. Скэриэл молчал, пока я звал мальчика.

– Он мог где-то спрятаться? – тихо спросил Лоу.

– Я не знаю. – Голос дрогнул. – Кажется, он просто напуган, только и всего...

– Если он слышал о том, чем я занимаюсь, то это неудивительно, – перебил Скэриэл.

– Если с ним поговорить, то... – Я не знал, как закончить. Просто хотелось отыскать Райли, успокоить его и объяснить происходящее. Вот куда он побежит в таком виде? На нём даже брюк не было.

Я спешно спустился на первый этаж и увидел, как Райли в истерике пытается открыть входную дверь. Замок там непростой, но десятилетний ребёнок мог с ним справиться. Райли же был в панике, и поэтому у него ничего не выходило.

– Райли, всё хорошо. – Я поднял руки, показывая, что безоружен. – Тебе незачем нас бояться.

– Он переносчик смерти! – вскрикнул мальчик, указывая на Скэриэла пальцем. – Он убьёт меня... Не подходи!

– Ты всё неправильно понял. – Я говорил спокойно, делая небольшие шаги. – Райли, посмотри на него. – Я повернулся к Скэриэлу. – Он не переносчик. Мы пошутили. Ты ведь ждал его весь день. Не нужно убегать.

Скэриэл стоял у лестницы, стискивая челюсти. Мне не понравилось его выражение лица. Я боялся худшего: складывалось впечатление, что Скэриэл не планировал успокаивать Райли.

– Он убьёт меня, – повторил низший и в этот момент сумел открыть дверь. От неожиданности Райли упал прямо на крыльцо и, не вставая, сполз со ступенек. Выглядел он настолько забитым и измученным, что у меня сердце сжалось.

– Из-за него весь наш план пойдёт насмарку, – жёстко проговорил Скэриэл за спиной.

– Я поговорю с ним! – крикнул я, кинувшись за Райли.

Спустившись, я остановился в пяти шагах от мальчика. Тот поднялся и оглянулся.

– Помоги, – тихо попросил Райли, обхватив себя руками.

На улице было холодно, а Райли стоял в старой футболке и в потёртых трусах, утопая босыми ногами в снегу. К вечеру дорожку снова замело. Мальчик трясся от холода или от испуга. Он в ужасе смотрел на нас. Скэриэл стоял в дверном проёме и с нечитаемым выражением лица наблюдал за происходящим.

– Я помогу тебе, – произнёс я. – Всё будет хорошо. Он тебя не тронет. Давай зайдём в дом.

– Нет! – вдруг крикнул Райли, и слёзы потекли по его щекам. – Я хочу домой.

Райли до ужаса испугался Скэриэла, как только услышал, что тот переносчик смерти. Наверное, это было нормальной реакцией. Я тоже боялся Скэриэла, даже когда не знал, кто он. Одна история с Ноэлем чего стоила.

– Домой к отчиму? Зачем? – Я подошёл ближе. – Послушай, я тебе обещаю, Скэриэл тебя не тронет.

– Он – переносчик смерти, – твердил Райли, косясь на Скэриэла.

– Тебе слышалось. – Я практически схватил его за руку, но он вскрикнул, ударил меня по руке и бросился к воротам.

– Он нас сдаст, – громко сказал Скэриэл. – От него надо избавляться.

– Нет! – крикнул я в ответ. – Ему нужно успокоиться, и он поймёт.

– Не поймёт, – вынес вердикт Скэриэл.

Когда Райли почти добежал до ворот, тёмная материя подняла его в воздух...

– Нет! Прошу тебя! – истерично прокричал я Скэриэлу.

Вдалеке прогремели фейерверки. Они ярко озарили небо разноцветными огнями. В первые секунды я даже не понял, почему они появились. Может, это запоздало празднуют Рождество? Единственный праздник, о котором ещё не позабыли в Запретных землях.

Как в замедленной съёмке, худое тельце мальчика стремительно полетело в сторону. Райли с размаху ударился о толстый ствол дерева и тряпичной куклой упал в снег.

Фейерверки повторились уже дальше, разрезая золотистыми огоньками ночную гладь. Как мерзко звучали вдалеке радостные крики пьяной толпы.

Мальчик не двигался. Я подбежал к нему, расчищая снег по бокам. Взял его на руки и притянул к себе, проверяя пульс. Тонкая кровавая струйка текла из его рта.

Уже поздно.

И тут я, сам от себя не ожидав, разрыдался, прижимая Райли к себе.

– Что ты наделал? – повторял я, обращаясь к Скэриэлу. – Что ты наделал?

Тот молча встал позади. Как я его сейчас ненавижу! Хотелось наброситься на него. Бить и бить, пока он не поймёт, что поступил неправильно. Так нельзя было делать! Райли – запуганный ребёнок. Скэриэл даже не дал ему шанса!

– Мы могли ему всё объяснить. – Я повернулся к нему, всхлипывая.

– Он нас сдал бы, – произнёс Скэриэл с опущенной головой. – Я не могу так рисковать. И ты тоже.

– Скэриэл...

– Мне жаль.

Глаза его были полны слёз; кажется, он вот-вот готов был разрыдаться. Но я больше не мог ему верить. Действительно ли он сейчас страдал, как и я, или это было сделано, чтобы смягчить мой гнев?

Я провёл рукой по волосам Райли. Он прожил недолгую и тяжёлую жизнь. Он уже не вырастет в сильного мужчину и не отомстит отчиму за все издевательства. Заметит ли его мать после пьянок, что он больше не приходит домой? Будут ли они его искать? Дрожащей рукой я поправил футболку Райли. Продолжая сжимать ребёнка в объятиях, я в сердцах произнёс:

– Ненавижу тебя.

Страх больше не было, только ненависть, обида, чувство несправедливости. Трясло от нахлынувших эмоций. Это моя вина. Нужно было предупредить Скэриэла, убедиться, что Райли спит... Этого всего можно было избежать, не будь я таким глупцом.

Я думал, что Скэриэл промолчит и уйдёт, но вместо этого он тихо проговорил:

– Я себя тоже.

XXIV

Мать и отчим Райли на похороны не пришли. Я и не ожидал иного. В связи с тем что никто из семьи мальчика на кладбище не появился, мне выпала возможность первым бросить горсть промёрзлой земли в могилу. В горле стоял ком, глаза были на мокром месте, и пальцы заоченели. У меня потрескались губы, и я то и дело облизывал их. Под чёрным пуховиком на мне был взятый напрокат тёмный костюм, узкий в плечах, отчего я постоянно чувствовал сковывающий тело дискомфорт. Я жаждал поскорее проститься с Райли, стянуть неудобные вещи, чтобы забиться куда-нибудь в угол и в компании алкоголя дать волю накопившимся эмоциям.

Скэриэл выглядел как человек, убитый горем, словно он потерял близкого родственника и необъятная скорбь съедала его изнутри. Меня терзали смутные сомнения. Я настолько привык к маскам, что уже не различал искренности в его поступках. Всё время казалось, что он играет ту или иную роль. Скэриэл остановился у свежевырытой ямы и долго всматривался в отполированную крышку гроба, прежде чем тоже бросить горсть земли.

Те немногие дети из «Дома Спасения и Поддержки», которые пришли проститься с низшим, чувствовали себя неловко. Они жались друг к другу, словно слепые котята в мороз. Зябли, пытались противостоять сильному ветру. Их щёки и носы покраснели, а тонкие ноги подрагивали. Кто-то умудрялся пританцовывать, чтобы согреться. Они бросали любопытные взгляды на гроб, а затем вновь разглядывали свои прохудившиеся ботинки. Единственной, кто не смог сдержать эмоции, была Валери. Она безмолвно плакала, уткнувшись в грязный платок.

Скэриэл взял все траты на себя. Он выкупил место, находившееся ближе к Центральному району. Земля в этой части кладбища стоила так дорого, что даже Эдвард первое время не мог унять своё недовольство.

— Ты видел цены, Скэриэл? Мальчонку не вернуть, а ты хочешь все деньги на него потратить, — возмущался он.

В таких спорах я обычно не участвовал. Деньги не мои, и не мне решать. Но Эдвард был другого мнения. Он занимался нашими финансами, и сумма, выделенная на Райли, казалась ему космической.

– Одумайся, – настаивал он. – Что сделано, то сделано. Но это слишком. Мы не можем так тратиться на одного низшего.

Массивный гроб из дуба с двойной крышкой действительно выделялся своим видом. Райли в нём смотрелся инородно, но я запретил себе об этом думать. Эдвард разобрался с полицией, приплатил им, так что было проще закрыть глаза на насильственную смерть и воспринимать всё как несчастный случай. Даже наш «Дом Спасения и Поддержки» не засветился на страницах протокола. Родители Райли не требовали вскрытия, расследования и никак о себе не напоминали, после того как Эдвард посетил их с приличной суммой денег в качестве компенсации.

А после, закончив с церемонией, Скэриэл уехал в Центральный район Ромуса. Я разобрался с делами в Запретных землях и ближе к вечеру последовал за ним вместе с Эдвардом, оставив «Дом Спасения и Поддержки» на работников.

– Ты с ним сблизился? – внезапно спросил Эдвард, после того как мы пересекли границу. – С этим мальчишкой.

– Не то чтобы... – неопределённо пробурчал я.

– На тебе лица нет. Злишься на Скэриэла?

– Он тебя отправил со мной поговорить? На разведку? – едко бросил я, чувствуя, как в душе начинается ураган.

– Ты сдурел? Я просто спрашиваю, – живо отозвался Эдвард и замолк.

– Не злюсь я.

– Да по тебе видно. – Он остановился на светофоре.

– А ты не злишься, что он, – я чуть было не ляпнул «убил», но вовремя одумался, – делает такое?

– Какое? – уже веселился Эдвард, повернувшись ко мне с добродушной улыбкой. – Ты про то, что Скэриэл избавился от свидетеля?

– От ребёнка.

– А ребёнок не может быть свидетелем? Или ты думаешь, что полицейские не воспримут всерьёз его слова о переносчике, живущем на холме? Что будешь делать, если они приедут с проверкой,

заинтересуются бумагами, финансами или, что ещё хуже, нашим двором? Напоминаю, возможно, ты запамятовал, но там сейчас два трупа.

– Я знаю!

– Если, конечно, Скэриэл не утаил от нас ещё больше трупов.

– Не хочу об этом даже думать.

– Вот что я тебе скажу, Джером, – хмуро произнёс Эдвард, давя на газ. – Если ты хочешь выйти из дела, так и скажи. Скэриэл брал в команду низшего, а не невинную ромашку, пускающую слезу, когда дело доходит до детей. Мы тут готовимся к перевороту, к революции, и нет времени тосковать по одному убитому.

– Ты на его стороне...

– Я на стороне здравого смысла, если такое вообще может быть в нашей ситуации. Низшие гибнут каждый день: убийства, наркотики, алкоголь, несчастные случаи. Так ещё нормальных больниц нет, да и денег на лечение. Мы все в Запретных землях как тараканы. Выживаем, как можем.

– Скэриэл его убил, – процедил я. – Убил ребёнка.

– Если нас поймают, то всех троих убьют. Прости, но я не готов так рано помирать. На месте Скэриэла я поступил бы точно так же. Этот низший мог нас сдать.

– А мог и не сдать.

– Я бы не хотел проверять и надеяться на лучшее.

Когда мы доехали, Эдвард остановился у дороги, не заезжая на участок, и выбил сигарету из пачки.

– Видел я его мать. И отчима этого тоже видел. Оба пьяные, еле на ногах стояли. Удивительно, как этот пацан вообще дожил до своих лет.

Я вылез из салона, забрал с заднего сиденья сумку и подошёл к Эдварду. Тот сидел, приспустив окно, и курил.

– Ты меня всё равно не переубедишь. Не переживай, из дела я не выйду. Клятва на крови, помнишь?

– Я и не пытался, просто сил уже нет смотреть на твою кислую рожу. Клятва на крови, ха, – усмехнулся Эдвард. – Как будто только это тебя удерживает.

Я молча направился к дому. Открыв ключом, вошёл в холл, скинул сумку на пол и крикнул:

– Я дома!

В ответ тишина. Я повесил куртку и снял обувь, затем подошёл к лестнице и крикнул ещё раз:

– Скэриэл, я приехал!

Меня не отпускало гнетущее предчувствие. Я поднялся на второй этаж и наткнулся на свет из-под закрытой двери ванной комнаты. Скорее всего, он принимает ванну. Наверное, опять нежится в горячей воде и в наушниках слушает очередную заумную лекцию.

Подойдя к двери, я ударил по ней и громко проговорил:

– Скэриэл, я вернулся. Эдвард поехал за продуктами. Я пока внизу приберу. Потом будем ужин готовить.

Он ничего не ответил, и я ударил ещё раз.

– Эй! Ты меня слышишь?

Я покрутил дверную ручку. Закрыто.

Не сделал ли Скэриэл что-то с собой? Я вспомнил, каким разбитым он сегодня был. Меня охватила паника, и на дверь градом обрушились удары. Я звал Скэриэла, а в ответ – только молчание.

– Спокойствие, – пробормотал я себе под нос.

Но паника начала нарастать в геометрической прогрессии, стоило мне набрать номер Скэриэла. Я услышал мелодию по ту сторону двери. Никто не отвечал на звонок. Я бегом спустился вниз, на кухню, схватил нож и поднялся обратно. Руки дрожали, когда я пытался открыть дверь. Я так перепугался, что не мог почувствовать, как язычок скользит по срезу в замке. Всё это время я не оставлял попыток докричаться до него. Пришлось попытаться ещё два раза, прежде чем дверь открылась.

Скэриэл лежал в заполненной до краёв ванне. На нём был сегодняшний костюм с похоронной процессии. Тяжёлые влажные пряди облепили бледное лицо. Скэриэл был без сознания, а вокруг него медленно плавали рвотные массы. Они были повсюду: на подбородке, на кончиках волос, на костюме и в воде. Стояла отвратительная вонь. Я задержал дыхание, стараясь абстрагироваться от запаха. Мутило от одного только вида. Я испуганно подбежал, опустился на колени и бережно притронулся к холодной руке, свисающей с бортика, словно надломленная ветка.

– Скэриэл!

В раковине – вскрытая упаковка таблеток. Белые и круглые, они валялись на полу, несколько я уже успел раздавить. Название на

упаковке мне ни о чём не говорило.

Я тормошил его за плечо, но он не отзывался. От моих резких движений голова Скэриэла безвольно упала на грудь. Меня охватил дикий страх. Я приподнял его голову за подбородок и дрожащими пальцами откинул мокрые волосы с лица. Проверив пульс, убедился, что он ещё жив – с невероятным облегчением выдохнул; по моей коже побежали мурашки: я испугался, что раз и навсегда могу потерять Скэриэла. Вскочив на ноги, я начал лихорадочно соображать, что делать. Нужно срочно вызывать «Скорую». Нужно позвонить Эдварду. Но первым делом нужно убедиться, что Скэриэлу ничего не угрожает. Я приоткрыл его рот и увидел большое количество рвоты. Кажется, он вырубился во время процесса. Осторожно пальцами я прочистил гортань, боясь, что сделаю только хуже и затолкаю рвоту глубже в горло. Главное, чтобы он не задохнулся. Вода была ледяная. Приглядевшись, я заметил, что губы его приобрели синеватый оттенок. Сколько он уже был в отключке?! Пару раз ударив Скэриэла по лицу, я обрадованно вскрикнул: он слабо шевельнулся и приподнял подбородок.

Включив тёплую воду, я направил струю на Скэриэла. Он устало разлепил веки, заторможенно попытался увернуться от воды, но ничего не вышло. Тут он завис, судорожно схватился за рот, и его повторно вырвало на себя. Содержимое желудка потекло по рубашке. До меня донёсся неприятный кислый запах.

– Твою мать, что ты делаешь? Умереть захотел! – кричал я, придерживая его мокрые волосы, пока он, скорчившись, блевал уже в воду.

Я потянул за цепочку, вытягивая пробку. Раздался еле слышный звук слива.

– Джером? – Он бессильно облокотился на бортик ванны и удивлённо поморгал. – Ты рано.

– Ты что, сдохнуть хотел?

– Сколько сейчас времени? – как ни в чём не бывало спросил он, словно я прервал его дневной сон. – Я просто вырубился.

– Что ты, чёрт возьми, принял?

– Успокоительное, – непринуждённо ответил Скэриэл. Он шумно дышал через нос.

– Сколько таблеток?!

– Достаточно.

– Достаточно для чего? Сдохнуть?

– Забыться.

– Я вызову «Скорую», – грозно предупредил я, доставая телефон.

– Не надо, – произнёс Скэриэл, прикрыв глаза, готовый вот-вот заснуть. – Всё в порядке.

– Ты собрался помереть? Я не понимаю. Разве ты можешь умереть от таблеток?

– Я не собирался умирать.

– А зачем тогда всё это? – Я указал на таблетки. – Чего ты добивался?

– Наказания.

– Что? – Я поражённо уставился на него. – Ты чёртов больной...

– Смею предположить, что это ещё самое лестное, что ты про меня думаешь, – натянуто хихикнул он. Разрядить обстановку не получилось.

– Правильно думаешь.

Он потянулся, разминая спину и шею, и тихонько проворчал себе под нос:

– Помоги мне встать, я хочу снять костюм. – Голос прозвучал уверенно, но под конец дрогнул. – В нём трудно дышать.

Он явно хотел показать, что контролирует ситуацию. На секунду даже командный тон вернулся. Я подал ему руку, и, опёршись, он медленно привстал. Мы долгие минуты пытались перелезть через бортик, потому что у Скэриэла тряслись ноги и кружилась голова. В итоге я не выдержал, взял его на руки и приподнял.

К моему удивлению, он даже не возмутился. Кажется, силы его полностью иссякли. Он присел на бортик, вновь прикрыл глаза и непослушными пальцами, словно трёхлетний, попытался справиться с пуговицами.

– Дай я. – Я отвёл его руку в сторону. – Только держись за моё плечо.

Скэриэл не стал спорить, сделал, как было сказано, слабо вцепившись в свитер. Я быстро разобрался с пуговицами и стянул с него пиджак, который из-за воды, казалось, весил по меньшей мере тонну. Мокрую холодную рубашку, противно липнущую к коже, приходилось снимать осторожно, потому что Скэриэл будто бы с ней

сросся. Его штормило, стоило мне потянуть за рукав. Затем я помог ему стянуть ремень, брюки и носки. С брюками особенно пришлось повозиться. Скэриэл не мог долго удерживать равновесие, я боялся, что в любую минуту он упадёт назад и ударится головой о кафель. Или завалится вперёд и разобьёт себе лицо.

Стягивать нижнее бельё было мучительно. Скэриэла снова начало тошнить, и, не успев сориентироваться, он сбил в раковину, испачкав при этом волосы и подбородок. Пришлось одной рукой удерживать его, а второй направлять струю тёплой воды. Он был обессилен, плохо соображал и ещё хуже управлял своим телом. Я впервые видел его таким беспомощным.

Настроив температуру воды на более горячую, я облил его с ног до головы, даже не задумываясь о том, что могу затопить ванну. Скэриэл дрожал, уставившись в одну точку где-то сбоку от меня. Пока он пытался удержать равновесие, я схватил большое полотенце и плотно закутал его.

– Всё нормально, – постоянно повторял Скэриэл, словно сам себя хотел в этом убедить.

Он держался из последних сил; было больно смотреть на него в таком состоянии. Подставив своё плечо, я вместе со Скэриэлом двинулся в спальню, а после, уложив его в кровать, укрыл одеялом.

– Жди меня. Я сейчас принесу воды, активированного угля. – Замешкавшись, я добавил: – И таз на всякий случай.

Скэриэл смотрел на меня так, словно готов был прямо здесь умереть. Взгляд его был отстранённый, равнодушный – складывалось ощущение, что он принял наркотик. Я быстро вернулся и попросил его приподняться, чтобы принять уголь.

– Мне лучше. Не надо, – натянув одеяло на голову, пробубнил он.

– Не начинай, мне ещё в ванной убирать.

– Ничего не делай, я сам уберу.

– Иди на хрен, придурок, – грозно проворчал я, стягивая с него одеяло. – Лежи и не дёргайся.

Скэриэл нахмурил брови, но быстро сдался.

– Ладно. – Он приподнялся и нехотя выпил лекарство под моим недовольным взглядом.

– Зачем ты это сделал? – спросил я, когда уже собирался покинуть комнату.

– Что именно? Я много чего натворил, уточняй.

– Ты знаешь, о чём я. Таблетки, ванна...

Он лёг, отвернувшись от меня.

– Ты не поймёшь.

– Хватит, Скэриэл! Мне надоели твои игры.

Он повернулся и враждебно посмотрел на меня.

– Уходи.

– Но...

– Уходи! – Он взмахнул рукой. В этот момент я испугался, что сейчас меня откинет тёмной материей, как это случилось с Райли, но Скэриэл внезапно сжал кулак, зажмурился, пытаясь обуздать свой гнев, и спустя мгновение проговорил уже спокойно: – Уйди, Джером. Я устал. Отдохну, и мы поговорим.

Я молча вышел из его комнаты. Ярость клокотала во мне, да так мощно, что я не удержался и ударил кулаком по стене.

Вскоре приехал с продуктами Эдвард. Я был всё ещё зол, и это не могло укрыться от его внимания.

– Чего ты? – спросил он. – Со Скэриэлом поссорился?

– Я... – И замолчал. Не знал, стоило ли рассказывать о том, что я видел в ванной. – Ты, случайно, не в курсе, Скэриэл принимает какие-нибудь таблетки?

Эдвард нахмурился:

– Он опять?

– Что?

Он молчал, и я взмолился:

– Что опять? Скажи.

– Я не знаю, – отмахнулся Эдвард. – Не уверен, что он мне тогда сказал правду.

– Когда? Что ты видел?

– Послушай, – нерешительно начал Эдвард. – Иногда у Скэриэла шарики за ролики заходят, и он, кхм, как бы это объяснить, пытается узнать пределы своих возможностей как переносчика смерти.

– Что это значит?

– Иногда он творит адскую дичь. Я бы сказал, смертельную. Попытался как-то повеситься, а я должен был контролировать процесс. Он долго меня уговаривал. Зря я вообще на это согласился. А до этого

прижигал руки и ноги и наблюдал, как быстро кожа вернёт прежний вид. Пахло ужасно. Меня тогда чуть не стошнило.

– Он сумасшедший, – тихо выдал я.

– Нормальный бы всё это не затеял, – согласился Эдвард. – Что случилось, пока меня не было?

– Он наглотался какой-то дряни.

– Чёрт. Снова таблетки. Но хоть не пытается повеситься и вспороть себе живот.

– Снова? Это уже было?

– Да. Пару раз точно. Наверное, он повышает дозу или меняет препараты.

– Он может так умереть.

Эдвард открыл банку пива и сделал большой глоток.

– С ним бесполезно спорить. Ты же знаешь. Он не жалеет ни себя, ни нас.

– Я нашёл его в ванне, полной рвоты. Он был в отключке. – Я кусал губы и нервно хрустел пальцами. – В раковине была упаковка из-под таблеток. Он сказал, что хочет забыться или наказать себя.

Эдвард хмыкнул.

– Да он по жизни себя наказывает. Скэриэл умён, но мы-то знаем, что с головой у него проблемы. Жаль, что алкоголь и никотин на него не действуют. Может, помогли бы снять стресс.

– Наркотики ведь тоже не действуют?

– Насколько я знаю, нет. Но, значит, он нашёл выход в передозировке. Знаешь что? Не нравится мне всё это. Обычно он заранее предупреждал меня, когда хотел экспериментов.

– Он был в сегодняшнем костюме. Лежал в ледяной воде. Я подумал, что он уже умер.

Эдвард округлил глаза и сердито проговорил:

– Что? В костюме? Да что с ним такое... Я думал, он хотя бы хорошо подготовился, прежде чем экспериментировать. Получается, это всё было сделано на эмоциях.

Я устало произнёс:

– Не понимаю, что в его голове. Вот честно. Смотрю на него и не понимаю, о чём он думает.

– Быть может, это и к лучшему. Достаточно нам и одного психа в команде.

– Можете передать отцу, что я почти разобрался с тёмной материей. – Я неотрывно разглядывал картину Давида на стене, «Бонапарт на перевале Сен-Бернар», и, помедлив, добавил: – Думаю, что смогу сдать экзамен.

Мне не хотелось вновь весь сеанс просидеть в кресле напротив психиатра. Неуютно постоянно быть у неё на виду. Складывалось впечатление, что я не более чем лягушка, которую следует препарировать на уроке биологии.

– Почему бы вам самому ему об этом не сказать? – произнесла миссис Рипли ровным бесстрастным голосом.

– Но именно вам платят за решение моих проблем, – как само собой разумеющееся возразил я.

– Вы сегодня довольно грубы.

Я стоял к ней спиной, но слышал в её голосе лёгкое удивление. Если она обиделась, то никак этого не показала.

– Прошу прощения, у меня не было намерения вас обидеть, – поспешно заверил я, повернувшись; миссис Рипли улыбалась одними уголками губ, взгляд её был заинтересованным, словно я предстал перед ней в новом свете. – Возможно, дело в том, что у меня сегодня выдалось не самое лучшее утро.

– Что-то произошло этим утром?

– Ничего. – Я пожал плечами. – Просто проснулся в своём доме.

– Вам не нравится находиться в собственном доме?

– Скажем так... – Задумавшись, я ответил, стараясь не разбрасываться громкими словами: – Я не в восторге.

– Где бы вам хотелось находиться?

– Иногда кажется, что я не на своём месте. Быть может, я мог бы учиться и жить за границей. – Я повернулся к картине и продолжил разглядывать мазки: – Там, где другие порядки. Другие нравы. Где все равны.

– Что вас останавливает?

– Возможность стать отшельником, – отшутился я, но в глубине души понимал, что в моих словах доля правды всё же занимает не

последнее место.

– Есть такая вероятность?

– Вполне. Боюсь, что, очутившись среди чужаков, я вообще перестану общаться с людьми. Здесь моя семья, друзья. А там, – я взглянул на неё с улыбкой, – кто знает. Среди незнакомцев, может, окончательно замкнусь в себе?

– На наших сеансах вы не замкнулись. По сравнению с первым сеансом наметился большой прогресс. Может, не всё так плохо?

– Вам платят за разговоры со мной. Я просто не хотел доставлять неудобства. Но, знаете, я бы предпочёл просто помолчать.

– Ещё одна грубость, мистер Хитклиф. Вас очень заботит оплата моего труда.

– Простите. Я не это имел в виду, – промолвил я и постарался скорее сменить тему. – Думаю, что когда поступлю в Академию Святых и Великих, то перееду в общежитие.

– Хороший способ выйти из зоны комфорта. Вы говорили об этом с отцом?

– Мы даже мою драку всё ещё не обсудили. А может, он и не хочет это обсуждать. Как вы знаете, старейшины много работают. У него нет времени на меня. Что-то мне подсказывает, что вас наняли именно для таких разговоров. Отец перекинул часть ответственности.

– Вам не хватает отцовской любви?

– Я в порядке. – Усмехнувшись, я неспешно перешёл ко второй картине Давида.

– Ваши поступки и слова говорят об обратном.

– Мы можем поговорить о чём-нибудь другом? – сдержанно спросил я.

– Хорошо. На прошлом сеансе вы были немного расстроены. Как сейчас себя чувствуете?

– Я был скорее без настроения. Мало что изменилось с прошлого сеанса.

– Дело в друзьях? Вы обмолвились, но не стали продолжать тему.

– У вас хорошая память. Но я не хочу говорить о друзьях.

– О чём бы вы хотели поговорить?

– Вы явно не одобрите моё предложение. Я бы помолчал до конца сеанса. – Я посмотрел на настенные часы. – Осталось минут двадцать.

– К сожалению, этот вариант нам не подходит, потому что вы приходите сюда как раз для терапии. Терапия подразумевает разговоры. Вы хорошо выстраиваете личные границы...

– Как оказалось, не так уж и хорошо. Сейчас мои границы в очередной раз ломаются под вашим натиском.

– Позвольте мне закончить. Не преувеличивайте. Ваши личные границы не ломаются, вы сами неохотно, но всё же открываете их. Вам хочется строить баррикады, окружить себя ограничительной лентой, быть неприкосновенным, но всего этого вы одновременно и боитесь.

– Ладно, давайте лучше о друзьях.

– Как хотите. Что вы можете о них сказать?

– Что они у меня есть. – Я потёр переносицу и, помрачнев, проговорил: – Хотя иногда меня одолевают сомнения, считают ли они меня своим другом.

– Почему вы сомневаетесь?

– Они тоже строят баррикады. Я хочу им помочь, но они не позволяют.

– Что-то это мне напоминает, – с улыбкой произнесла она.

– Мы с вами не друзья.

– Но я всё равно хочу вам помочь. Вы любите помогать другим?

– Я чувствую подвох в этом вопросе. – Прищурившись, я взглянул на неё.

– Вполне невинный вопрос.

– Не знаю, – покачал головой я. – Сложно ответить. Я просто чувствую, что не могу иначе.

– Но, когда вы в беде, а ваши друзья хотят вам помочь, вы позволяете им это? Или вы по привычке строите баррикады?

– Я выкапываю рвы, запускаю аллигаторов и расставляю капканы. – Сев в кресло напротив психиатра, я заставил себя выдержать её взгляд.

– Вам проще помочь другим, чем себе? Не задумывались о том, что ваше желание оказать помощь ближнему связано с тем, что вы жаждете, чтобы кто-то упёртый оказал помощь вам? Кто-то, кто переплывёт ров, отвлечёт аллигаторов и обойдёт капканы.

– Пожалуй, лучше бы мы обсудили моё желание уехать из страны, – уклончиво произнёс я.

После встречи с миссис Рипли меня опять охватило отчаяние из-за того, что ей удалось основательно покопаться в моей голове. И, как бы я ни старался давать меньше конкретики, она была точно в цель и мягко дёргала за нужные ей ниточки, так что я не сразу замечал, как успевал преподнести всю информацию на блюдечке. Спустя пару часов понимал, что наговорил лишнего, и в сотый раз жалел о том, что согласился посещать специалиста. Возможно, я бы испытывал чувство удовлетворения после беседы с ней, если бы над нашими сеансами не нависала, как дамоклов меч, устрашающая тень моего отца.

– Ты не был на «Щелкунчике», – обиженно произнесла Габриэлла сверху, расчёсывая мои волосы.

Она сидела на кровати, возвышаясь надо мной, пока я, как собачонка, терпеливо ждал на ковре. После особенно настырных просьб пришлось позволить ей навести красоту на моей голове. Ума не приложу, откуда она доставала лаки и блёстки для волос в таких количествах.

– У меня была встреча с психиатром. Я предупредил Леона, что не смогу посмотреть его выступление. – Я сидел, уткнувшись в учебник латыни.

– Я бы на его месте обиделась, – пробурчала Габи, и струя лака в очередной раз забетонировала мои пряди.

– Во избежание этого я послал ему цветы. – Я чихнул от резкого химического запаха. – Ты могла предупредить? Кажется, эта штука попала мне в глаза.

– Ничего не попало, – хихикнула Габи. – Не ври. Я осторожно делаю. И вообще, будь я Леоном, я бы всё равно обиделась.

– Тогда мне повезло, что ты не Леон.

– Но ты обещал, что мы вместе пойдём смотреть «Щелкунчика». – Она потянула за расчёску, запутавшуюся в моих волосах, да так больно, что у меня чуть глаза на лоб не полезли.

– Ай, Габи! Осторожнее. Все волосы вырвешь.

– Не крути головой, – раздражённо раздалось над ухом. – Когда Леон снова будет выступать, давай пойдём вместе, – потребовала Габриэлла.

– Хорошо. С кем ты ходила? Кто был на постановке?

– Сильвия, Гедеон, ещё два его друга. Я не помню, как их зовут. Ещё Кристин. Но у нас места были лучше. Кристин с мамой сидела

позади нас.

– Что за друзья Гедеона? Люмьер?

– Наверное. Вроде его так зовут. Когда был антракт, Кристин сказала, что ей...

– А второй кто? – перебил я, не желая слушать про подружку. – Оскар? Николас?

– Оскара я знаю, – недовольно проговорила Габи. – Это был не он.

– Значит, Николас? Ай!

– Да не знаю я! Сиди смирно.

Я вчитывался в грамматику, пытаюсь разобраться со спряжениями глаголов в латыни.

– Габи? – позвал я чуть позже. – Что ты думаешь о полукровках?

– Что? Полукровки? Ты про кого именно? – затараторила Габриэлла.

– Я про вообще. Как ты к ним относишься?

– Никак, – удивлённо выдала она. – А что? – Видимо, я так ошарашил Габи вопросом, что она растерялась. Расчёска повисла на моих волосах.

– Просто.

– А что про них думать? – Она вернулась к расчёсыванию.

– Ну вот представь, что ты родилась полукровкой.

– Что ты такое говоришь? Как это?

– Что бы ты делала, если бы сейчас была полукровкой? Просто представь.

– Танцевала в «Щелкунчике», – торжественно проговорила она.

– Ну, это вряд ли, – с сомнением произнёс я. – Ты бы, наверное, уже работала, если бы родилась в Запретных землях.

– Дети не работают, – рассердилась Габи.

– А дети-полукровки работают.

– Ты врёшь.

– Ну, может, не все работают, а те, у кого нет возможности платить за обучение.

– А ты? Если бы был полукровкой? – заинтересовалась она.

– Точно бы не ходил по психиатрам, не учил латынь и не ел на ужин бефстроганов.

– И что бы делал тогда?

– Работал бы в доме у такой, как ты. Прислуживал чистокровкой.

– Как Лора? – Габриэлла опять без предупреждения залила мои волосы лаком. Я вовремя прикрыл глаза.

– Да, наверное, – ответил я и помахал рукой перед лицом, разгоняя пахучее облако.

– Лора хорошая, – довольно проговорила Габи. – И Сильвия. И остальные, кто здесь работает.

– А Скэриэл?

– Он тоже иногда хороший.

– И когда он хороший? – усмехнувшись, спросил я, откладывая учебник.

– Ну-у, – протянула она. – Например, когда играет со мной. Когда мы смотрим мультики. Когда он смешно шутит.

– А когда плохой?

– Папа всегда говорит, что он плохой.

– Почему он так говорит?

– Потому что Скэриэл полукровка.

– Но ведь Лора и Сильвия тоже полукровки.

– Да не знаю. Это сложно. Тогда все полукровки хорошие. Скэриэл тоже.

– Полукровки из Запретных земель тоже?

– Запретные земли – это очень плохое место, – тихо проговорила Габи.

– Но Скэриэл и Чарли родились там. Они, получается, всё-таки плохие?

– Готье! – возмутилась она. – Хватит!

– Прости. Я хотел сказать, что не надо считать всех полукровок хорошими или всех плохими. Среди чистокровных тоже много придурков. Иногда они поступают даже хуже, чем полукровки или низшие.

– Низшие хуже всех, – уверенно проговорила Габи.

– Ладно, – устало добавил я. – Потом ещё вернёмся к этому разговору.

На часах была полночь, когда я услышал тихий стук в окно. Я застыл, обуреваемый нахлынувшими эмоциями. Скэриэл?

Я бросился к окну. Он с улыбкой смотрел через стекло и махал рукой. Прежде чем открыть окно, я перенёс клетку с канарейкой. С порывами холодного ветра пара листов слетела с письменного стола.

Кажется, это был мой распечатанный реферат по истории. Скэриэл проворно перелез через подоконник и очутился передо мной. Из-под расстёгнутой куртки виднелся чёрный свитер крупной вязки. Он не надел ни шапки, ни шарфа, и я удивился, как он не замёрз.

– Готи, – выдохнул Скэриэл, сделал шаг и обнял меня ледяными руками.

Подрагивая, я слабо обнял его в ответ. По коже побежали мурашки, но я списал это на холод. Было так уютно в его объятиях, что в голове крутилось единственное: «Я скучал».

– Я соскучился, – посмеиваясь, проговорил он, и я вспыхнул. Показалось, что он читает мои мысли.

Он выпустил меня из объятий, снял куртку, быстрым движением скинул обувь и направился в ванную.

Я терялся в догадках. Сказал ли ему Джером? Сдал ли меня? Даже если и сказал, то Скэриэл, скорее всего, будет молчать. Я сам себя загнал в западню.

– Ты останешься? – спросил я, вытягивая из шкафа ещё одно одеяло. Я был уверен в ответе до того, как задал вопрос.

– Если ты меня не прогонишь ночью, то да, – проговорил он, выходя из ванной.

– А что, так можно было? Зачем я ждал утра?

Он рассмеялся.

– Как твоя рука?

– Что?

Он подошёл, взял мою ладонь и провёл пальцами по костяшкам, где ещё затягивалась кожа после удара.

– Ты корочку, что ли, обдираешь? – хмуро спросил он.

– Ну, бывает, если нервничаю.

– Не делай так. – Показалось, что он меня сейчас отчитает и в угол поставит. Но вместо этого Скэриэл вытянул мою руку и ещё раз взглянул на неё оценивающим взглядом. – Тебе не идут.

– Что?

– Раны. Кожа нежная, пальцы тонкие, прямо как у девушки, а тут эти ободранные корки.

– Я не девушка. – Я грубо выдернул руку и направился за второй подушкой.

– Серьёзно? То-то я думаю, у тебя между ног что-то странное болтается, – наигранно произнёс он за спиной.

– Иди в жопу. – Я бросил в него подушкой.

– В твою? – расхохотался Скэриэл.

– В свою! – И, не выдержав, я показал ему средний палец, но при этом не смог сдержать улыбку.

Он кинул в меня подушкой, я поймал её и набросился на Скэриэла. Мы оба повалились на кровать, смеялись, пытаюсь вести себя тише, кто-то из нас даже хрюкнул, и раздался очередной взрыв хохота.

– Тише. – Не переставая смеяться, я зажал ему рот рукой. На его глазах выступили слёзы. Мы лежали на кровати, пытаюсь отдышаться. Было очень жарко, но у меня не осталось сил подняться и открыть окно.

– Как душно, – проговорил Скэриэл и снял свитер.

– Дать пижаму?

– Нет, мне жарко. – Он вновь взял мою ладонь и провёл пальцами по костяшкам. – Так непривычно. – Помедлив, добавил: – Твоя рука после удара. Было больно?

– Немного. Скорее я был в шоке, что так вышло.

– Мой мальчик стал совсем взрослым. – Он изобразил женский голос. – Горжусь тобой.

Скэриэл перебирал мои пальцы, мямля ладонь, осторожно трогал корку, словно тоже не до конца верил, что я ударил Клива.

– Иди ты, – буркнул я, но руку не стал выдёргивать. Клонило в сон.

– Как твой экзамен по тёмной материи?

– Мне его перенесли. Остальные уже сдали. Но меня отстранили, и поэтому я сдаю позже.

– Ты готов?

– Знаешь, – я лёг на бок, чтобы лучше его видеть, – мне кажется, да. Твой приём с луком и стрелами помог. А как твои экзамены?

– Я всё сдал и свободен как ветер.

– Поздравляю, вот везёт, – выдохнул я.

– Ты тоже скоро всё сдашь. Не парься.

Мы лежали в темноте каждый под своим одеялом.

– К психологу ходишь?

– Миссис Рипли – психиатр.

– Я не различаю.

– Я раньше тоже. Ага, был сегодня.

– И как?

– Сегодня она сказала, что я был грубым. Но в целом мне, даже не знаю, нравится, наверное. Хотя я много переживаю: вдруг ляпну что-то не то.

– О чём вы говорите?

– Обо всём. Иногда наши разговоры выглядят как словесная баталия. Как игра в пинг-понг. Но это даже весело. Я редко общаюсь со взрослыми на такие темы.

– По твоему голосу кажется, что тебе это действительно нравится.

– Она умная женщина, – ответил я, как будто этого было достаточно.

– Ой, только не влюбись, – усмехнулся Скэриэл.

– Да ей лет тридцать или даже сорок.

– А тебе семнадцать. И что? Такие отношения тоже бывают.

– У тебя были? – изумлённо проговорил я.

– Нет, но я был бы не против. – Скэриэл улыбнулся в темноте.

– Это странно. Большая разница в возрасте.

– У каждого свои вкусы.

– Какие у тебя? – спросил я без задней мысли.

– Мне нравятся милые, строптивые чистокровные, слишком много переживающие о других.

– О, не начинай. – Я откинулся на подушку и зажмурился, заливаясь краской.

– Ты сам спросил. – Он навис надо мной. – Ты что, решил, что я про тебя?

– Отвали. – Я прикрыл лицо руками, сгорая со стыда. – Ничего я не решил.

– Ты подумал, что я о тебе говорю? – не унимался Скэриэл. Он схватил мою руку и убрал от лица.

– Давай сменим тему, – взмолился я. – Ты не то подумал.

– Да ты засмущался.

– Я тебя сейчас с кровати скину, придурок.

– Напугал. – Скэриэл прижал мои руки над головой, навис надо мной и прошептал прямо в губы: – Будешь вырываться – я тебя

поцелую.

Я ошеломлённо уставился на него, боясь даже сделать вдох.

– А вот теперь и я тебя напугал, – улыбнулся он, затем отпустил меня и лёг рядом, болтая о своём.

Я его не слушал. Сердце бешено билось, словно я пробежал стометровку.

– Это твой новый водитель? – Чуть сдвинув штору указательным и средним пальцами, Скэриэл заинтересованно посмотрел в окно, так чтобы его не было видно с улицы. Хотя он, как мне казалось до этого, всегда без опаски лез ко мне на второй этаж, несмотря на время суток. – Чарли, да?

Хищная птица высматривает новую жертву. Это первое, что пришло на ум, когда я взглянул на него.

Мы плотно пообедали и теперь лениво занимались каждый своими делами. Я лежал на кровати и готовился к экзамену по тёмной материи, борясь с сонливостью; Скэриэл перечитал томик Артюра Рембо и теперь бесцельно слонялся по комнате, разминая тело, а затем прильнул к окну.

– Наверное, – не отвлекаясь от учебника, ответил я. – Молодой такой. Болтливый.

– Да, очень молодо выглядит на фоне других ваших работников. Сколько ему? – нахмурился он.

Я вновь мельком взглянул на Скэриэла, пока переворачивал страницу.

– Не знаю, не спрашивал. Отец, наверное, посчитал, что раз Чарли моложе, то мы с ним быстро найдём общий язык и я забуду про Кевина.

– Кстати, ты его навещал?

– Кевина? Честно говоря, нет, – смущённо вздохнул я. – Думал, что мы вместе навестим.

– Можешь с ним встретиться и без меня. Мы с ним часто созваниваемся, так что всё окей. Он явно соскучился по тебе.

– Ладно. – Я сел на кровать, отложил книгу и осторожно начал: – Вообще-то я хотел Кевина ещё после рождественского бала навестить.

Я посмотрел на Скэриэла, пытаюсь уловить любое изменение на его лице или в позе. Необходимо было убедиться, что Джером ничего не рассказал ему. Я решил осторожно прощупать почву. Рождественский бал прошёл совсем недавно, а я продолжал сидеть как

на иголках в ожидании, когда Скэриэл придёт ко мне и с упрёком заявит: «Почему ты не сказал, что приёмный?! Я думал, мы друзья!»

Нет, это не в его духе. Но всё же я боялся сам не знаю чего.

– А он прошёл? – не отрывая взгляда от улицы, спросил Скэриэл. – И как?

– Ага. Было скучно. – Я старался, чтобы голос прозвучал как можно менее заинтересованно, а самого так и подмывало произнести: «Не то что у тебя, ведь так? Это ты бродил у нас по залу в униформе официанта, и я даже тебя не заметил», – но это бы породило ещё больше проблем, а я и так не справлялся с уже имевшимися. – Я рано ушёл. А ты что делал в этот вечер?

– В Рождество? – уточнил Скэриэл. – Да ничего такого. Был в Запретных землях. Навещал знакомых.

На его лице не дрогнул ни один мускул. Неужели Джером правда сдержал слово? Я удивлённо поглядел на Скэра.

Повернувшись, он заметил моё удивление и с улыбкой спросил:

– Что?

– Нет, ничего, – поспешно сказал я, схватившись за книгу, как за спасательный круг.

– Чего ты так отреагировал? Как будто не ожидал, что у меня есть знакомые там, – хитро прищурился Скэриэл. Выглядел он игриво, будто хотел подурачиться.

– Да говорю тебе, ничего такого. – Игривого настроения, в отличие от него, у меня не было. Я сказал первое, что пришло в голову: – Просто... Рождество. Праздник ведь. Как отпраздновал?

– Я был у знакомых низших. Они не праздновали.

Мы оба замолчали. Я задумчиво листал страницы в поисках нужного раздела.

– И как тебе этот Чарли? – спросил Скэриэл, отойдя от окна. – Нормальный в общении? Или вы не разговаривали?

– Мы даже успели сыграть с ним в приставку. Поначалу, конечно, было напряжно. Представь себе, он назвал меня малышом в первый день, – криво усмехнулся я.

– Малышом?

Скэриэл остановился и сурово посмотрел на меня. Ему это явно не понравилось. Было в этом взгляде что-то странное. Что-то, что практически кричало: «Моё!» Возможно, так и я выглядел, когда

познакомил Леона со Скэрмом, а потом узнал, что они переписываются. Помню, тогда мне вдруг стало обидно, словно кто-то нагло вторгся на мою территорию. Потом ещё не раз приходилось сталкиваться с чувством собственничества. Скэриэл слишком хорошо со всеми ладил. Оставалось только это принять и порадоваться за него.

– Но потом всё стало нормально, – торопливо закончил я. – Болтаем с ним о всякой ерунде в автомобиле. Он рассказывал про Запретные земли.

– Он оттуда? – Бровь Скэриэла вопросительно изогнулась, он встал надо мной, точно на допросе. – Я думал, твой отец не берёт на работу полукровок, рождённых в Запретных землях.

– Как оказалось, берёт. У Чарли хорошие рекомендации.

Он плотно сжал губы, словно раздумывал о чём-то своём. Я механически перелистнул ещё одну страницу.

– Что читаешь? – Скэриэл ловким движением перелез через меня и лёг у стены, подперев рукой голову; на лице его играла лёгкая улыбка, как будто не он сейчас сердился. – По учёбе?

– Историю тёмной материи. Сплошная теория. Это скука смертная. – Я закатил глаза. – Но если я завалю практику, то мистер Аврель может задать мне вопросы по теории, чтобы повысить оценку.

– Мне кажется, это должно быть интересно.

– Интересно было бы, если бы в каждом параграфе не расписывали, что чистокровные – это высшая ступень эволюции.

– Как же без этого, – смеясь, произнёс Скэриэл. – Вдруг чистокровные забудут об этом хоть на минуту? Боюсь представить, что будет. Кстати, не хочешь попрактиковаться?

– Попрактиковаться в чём? – лениво протянул я. – В тёмной материи?

– А ты хотел бы ещё в чём-нибудь попрактиковаться? – спросил Скэриэл, потянувшись через меня к прикроватному столику за сборником стихотворений.

Он наклонился достаточно близко, завис надо мной – мне пришлось отложить учебник в сторону; от его тела исходило тепло, словно Скэриэл был ходячей печкой, но при этом в его движениях не было ничего двусмысленного, по крайней мере так мне казалось. Он просто тянулся за забытой на столике книгой. Быть может, только я начал воспринимать всё иначе после его признания. Поменялось ли

что-то в поведении Скэриэла? Скорее поменялось что-то в моей голове. Вчера перед сном он в шутку сказал, что поцелует меня, а я потом полночи не мог уснуть, размышляя об этом. И теперь он бодр и весел весь день, а вот меня клонит в сон.

Он целовал Оливера. И для Оливера, и для Скэриэла это был не более чем обычный поцелуй. Мне следовало теперь постоянно помнить об этом. Ему ничего не стоит поцеловать и меня. И в этом не будет скрыт какой-то тайный смысл, кроме того, что Скэриэла всего-навсего физически влечёт и к парням.

В то время как я бурно реагировал на любое вторжение в личное пространство, для Скэриэла это, казалось, было такой же обыденностью, как разговор о погоде. Я придавал слишком большое значение отношениям, прикосновениям, разговорам по душам, и мне не хотелось самому стать частью его обыденности. Быть кем-то, о ком он может потом сухо рассказать: «Да, мы поцеловались с ним в ванной». И забыть об этом раз и навсегда. Даже если я что-то и испытывал к нему... А впрочем, лучше сразу похоронить эти чувства. Ни к чему хорошему они не приведут.

Наша дружба важнее.

Я громко сглотнул. Скэриэл обратился ко мне:

– Ты знал, что Рембо и Верлен были любовниками? – Он показал мне томик Рембо под названием «Пьяный корабль», который перечитывал сегодня. – Говорят ли об этом на уроках литературы?

Если и был в этом какой-то – скажем так, жирный – подтекст, то я постарался закрыть на это глаза.

– Ещё бы о таком говорили в лицее, – хмыкнул я. – Мы на уроках редко затрагиваем личную жизнь поэтов и писателей.

– Верлен разрывался между молодой женой Матильдой и своим любовником Артюром. Мне нравятся у него некоторые строчки. – Он посмотрел мне в глаза и, понизив голос, процитировал:

*Я взят в Эдем, я ввергнут в ад!
Каким невероятным шквалом
Объят я, Господи, и смят!*

*Жестокий ангел небывалым
Огнём всю плоть мою палит,*

Пока мой дух в раю парит.

*Какая злая лихорадка,
Блаженный страх, святая боль!
Я мученик и я король,
И коршун я, и куропатка.*

*Мертва твоя, ревнивец, хватка,
Так вот же, вот он я – изволь!*

Он замолчал, глубоко вздохнул и продолжил:

*Твой – без оглядки, без остатка...
Бери меня всего!.. Как сладко!*

Я крепко вцепился в книгу. Меня охватило необъяснимое волнение и страх: я будто бы падал в пропасть. Хотелось остановить время, чтобы сбежать из-под настойчивого внимания Скэриэла.

Повисло неловкое молчание.

– И кому он посвятил это? – чуть помедлив, спросил я и зачем-то уточнил: – Поль Верлен.

Интимность происходящего зашкаливала. Стало нечем дышать, словно кто-то откачал весь кислород из комнаты.

– Артюру Рембо, – ответил Скэриэл, ложась на спину. – Это стихотворение Верлена нашли в бумагах Рембо.

– Откровенно, – только и мог промолвить я.

– Ты ещё хочешь в Запретные земли? – вдруг отстранённо спросил он, пялясь в потолок. – Со мной.

– Конечно! – с горячностью воскликнул я, поворачиваясь к нему.

– Хорошо. Скажи, в какой день, и мы поедем, – уверенно проговорил Скэриэл, продолжая смотреть прямо перед собой. – Я покажу тебе то, чего ты никогда не узнаешь из разговоров... – Тут он едко добавил, выделив интонацией, так что закрыть на это глаза было невозможно: – Со своим Чарли.

– Он не мой, – мрачно произнёс я. Скэриэл многозначительно промолчал.

Я внимательно изучал его профиль, словно это могло что-то объяснить. Щёки покраснелись, тёмные волосы небрежно разметались по подушке. Скэриэл прикрыл глаза рукой, как будто ему доставлял дискомфорт бьющий в глаза свет.

– Надеюсь, – холодно выдал он и прикусил губу.

Вдруг захотелось треснуть его по голове чем-нибудь тяжёлым. Он вёл себя так, словно я в чём-то серьёзно провинился. Не знаю, на что он взъелся, что именно из моих слов его так задело, но оправдываться я не собирался.

– Мне нужно домой. – Скэриэл приподнялся и быстро, не глядя перемахнул через меня. – Напиши потом, в какой день встретимся.

– Я думал, ты останешься и сегодня, – произнёс я растерянно.

– Вспомнил, что есть дела.

Что это ещё за внезапное бегство!

– Джером ещё с тобой живёт? – внезапно спросил я и осёкся.

Я абсолютно не понимал, что несу. Конечно, я знал ответ на этот вопрос. Знал, но всё равно, как полный придурок, захотел озвучить его. Для чего?!

– Ну да. – Скэриэл остановился, держа в руках ботинок. – А что?

– Ничего. – Я стыдливо опустил глаза и развернулся.

Он не ответил, а я готов был провалиться сквозь землю.

– Спишемся, – буркнул Скэриэл, осмотрел двор и, убедившись, что никого нет, вышел из окна. Я закрыл за ним ставни, задернул шторы и, оставшись в одиночестве, громко выругался.

Клетка с Килли ещё со вчерашнего вечера стояла на полу. Канарейка бойко прыгнула с жёрдочки на лесенку и обратно.

Я устало помотал головой и произнёс, обращаясь к нему, как будто Килли о чём-то спросил:

– Не хочу об этом даже думать.

Выпустив его полетать, я угрюмо уткнулся в подушку и закричал, заглушая крик, не в силах успокоиться. Но этого было мало, и я пару раз ударил по одеялу.

При этом мне было сложно определиться, на кого я больше злился: на Скэриэла за его идиотское, ничем не оправданное поведение

или на себя за то, что так жалко упомянул Джерома. И как бы я ни старался об этом не думать, мысли упрямо лезли в голову.

– Пошёл он к чёрту, – проворчал я, улёгшись.

Мы оба свободные люди и можем общаться с кем хотим – не важно, полукровка это или чистокровный. Неужели он возомнил, что я должен вечно сидеть в четырёх стенах и общаться только с узким кругом чистокровных, таким образом теша его самолюбие полукровки? В спину упирался учебник по истории тёмной материи, и я с огромным удовольствием скинул его на пол.

Вечером, когда мне казалось, что день уже порядком испорчен и ничто больше не сможет выбить меня из фантомного равновесия, которое я по крупицам восстанавливал всё оставшееся время, стало в разы хуже.

Стук в дверь не предвещал ничего хорошего, и всё же мне ничего не оставалось, как произнести:

– Входите.

Сильвия появилась на пороге и строго проговорила:

– Господин Уильям просит в свой кабинет.

Кажется, она поняла, что Скэриэл был у меня, и вновь заняла недружелюбную позицию. Скэриэла она не переваривала, а само его появление в стенах этого дома воспринимала не иначе как плевок в душу. Думаю, она могла много чего мне высказать, но молча сносила все мои выходки и держалась достойно. Хотя порой от неё так и веяло неодобрением. Вот и сегодня она была не в духе.

– Может, не сегодня? – пробурчал я с кровати, бездумно листая ленты социальных сетей.

– Простите, что? – изумлённо выдала она, стоя в дверях.

– Встаю, – уныло протянул я, не двигаясь. – Сейчас поднимусь к нему.

– Будьте так добры поторопиться. У господина Уильяма много дел.

– Как всегда, – не смог сдержаться я. – Все в этом доме ужас какие занятые, один я ни на что не годный.

Моё раздражение не знало границ. Сильвия была полукровкой, и, хоть родители дали ей полную свободу действий, она ответственно выполняла свою работу и искренне любила нашу семью. Я как

чистокровный был недостижим для неё, но к её мнению прислушивались. Удивительно, как между нами проходила тонкая черта. Наши статусы были на разных уровнях, но отец ценил Сильвию. Его не смущало, что она полукровка. Тогда как полукровка Скэриэл представлялся ему исчадием ада.

– Господин Готье, с вами всё хорошо? – взволнованно спросила она.

– Всё просто замечательно. Сейчас я поговорю с отцом, и жизнь заиграет новыми красками.

Я вышел из комнаты, оставив испуганную Сильвию позади.

Если когда-то я и мог набраться храбрости, чтобы не бояться разговора с отцом, то сейчас был именно такой момент.

Не постучавшись, я вошёл в кабинет, прикрыл за собой дверь и под недовольным взглядом отца встал у кресла, как на расстрел.

Будь что будет. Я успел за это время пережить морально все последствия драки, накрутить себя и отпустить ситуацию. Если отец решил наконец обсудить то, что я ударил Клива, то он выбрал не самое лучшее время. К сожалению, он прилично опоздал с тем, чтобы воззвать к моей совести.

– Для начала тебе стоило постучаться, – хрипло начал он, откладывая бумаги в сторону. – Я разговаривал с миссис Рипли.

Мысленно взыв, я соображал, что успел ей наговорить и за что сейчас отец собирался устроить показательную порку. Кажется, наговорить я успел много чего.

XXVII

– И что она сказала? – настороженно спросил я.

– Важнее то, чего она не сказала, – нахмурился он и добавил: – Будь добр, сядь. – Я опустился в кресло напротив него. – Миссис Рипли доблестно соблюдает политику конфиденциальности. Но мне вполне достаточно и того, что она передала в общих чертах. Ты ведь подписывал на первой встрече соглашение о конфиденциальности?

– Да, но не думал, что этот документ имеет реальную силу.

– Для миссис Рипли имеет. Она поведала мне, что я не уделяю тебе должного внимания. Но когда уделяю, то это больше похоже на рабочие отношения, чем на семейные разговоры.

Я молчал. Это всё звучало неправдоподобно. Получается, миссис Рипли действительно передавала отцу только то, о чём заранее меня предупреждала. Когда психиатр завела речь о защите моих интересов, деталях частной жизни, я решил было, что она так пускает пыль в глаза.

Отец шумно поднялся, обошёл письменный стол и сел в соседнее кресло.

– Для начала я бы хотел извиниться перед тобой, Готье, – серьёзно начал он.

– Что?!

Мне послышалось? Извиниться? Сегодня что, солнечное затмение или шалит ретроградный Меркурий?

– Прости, что не уделял тебе достаточно внимания, – тяжело вздохнул отец. – В своё время я извинялся перед Гедеоном, но, кажется, это меня ничему не научило. Отцовство даётся мне с трудом.

– Не стоит... – изумлённо проговорил я в ответ.

– Как раз стоит. Я всегда был строг к вам с Гедеоном. Таков мой характер. Но строгость не означает, что я люблю вас меньше, чем Габриэлла.

Я уставился на него, не в силах что-либо возразить.

– Понимаю, что извинений недостаточно, чтобы исправить прошлое, но считаю, что поговорить о проблеме в любом случае необходимо. Все мы знаем, что я не самый лучший отец.

– А я не самый лучший сын, – тихо произнёс я, на что он грозно сказал:

– Ты прекрасный сын, Готье. Никогда, слышишь меня, никогда не думай иначе. Вы – всё, что у меня осталось в этой жизни. – Отец устало взмахнул рукой. – Я мог бы хоть завтра уйти на покой, покинуть Совет старейшин, но боюсь, что в Октавии всё пойдёт кувырком. Есть люди, которые спят и видят, как бы улучшить здесь жизнь, но в результате только портят. Как говорится, благими намерениями вымощена дорога в ад. Сколько нелепых, а порой чудовищных законов я смог зарубить на корню во втором чтении!

– Законы? – оживился я. – Что это за законы?

– Один из последних – принудительная стерилизация низших.

– Как такое возможно?! Это же...

– Бесчеловечно? Жестоко? – перебил отец. – Согласен, но не все так считают. Закон о принудительной стерилизации низших должен помочь урегулировать уровень рождаемости. Так считают те, кто предложил его. Но это излишне. Мы можем обойтись более традиционными способами, но, по мнению некоторых, проще за один день покалечить человека, чем обучать его годами. История ничему не учит людей. Принудительная стерилизация была во многих странах, но сейчас признана преступлением против человечности.

– Этот закон никогда не должен вступить в силу!

– В этом году точно не вступит. Но его пытаются продвинуть каждый год. На сегодняшний день я являюсь главным борцом: возглавляю оппозиционную фракцию в Совете старейшин, – насмешливо произнёс он. – Меня не особо жалуют там.

– Отец, вы должны остановить этот закон и в последующие годы! Это кошмарно. Что значит «принудительно»? – Я вскочил, разозлившись не на шутку. – Кто вообще поддерживает такое?

Я ходил из угла в угол и не мог успокоиться. Раздражало даже то, что отец говорил всё это спокойным, ровным тоном.

– Многие, – ответил он. – Единственное, что я пока могу противопоставить, – что из-за стерилизации уровень рождаемости упадёт ниже уровня смертности. А мы, как бы это смешно ни звучало, зависим от низших.

– Но по телевизору ничего об этом даже не говорили.

– Совет старейшин хочет избежать волнений среди низших. Принудительная стерилизация без предупреждения и согласия. – Он поднялся, поправил костюм и вернулся на рабочее место; складывалось впечатление, что ему комфортнее сидеть за письменным столом, чем нежиться в кресле. – Они до последнего не будут знать об операции. Я против этого, но с каждым годом количество старейшин, поддерживающих закон, увеличивается.

– Геден знает? – Тут меня осенило, и я остановился посреди кабинета.

– Да. Он жаждет как можно скорее вступить в оппозиционную фракцию и поддержать меня.

– Я тоже хочу вступить! – С громким хлопком я опустил руки на поверхность стола и гневно посмотрел на него.

– Для начала сдай экзамен по тёмной материи и поступи в Академию Святых и Великих, – произнёс отец, хитро улыбнувшись.

– Так всё и будет. – Я был в ярости. – Вступлю вслед за Геденом. Не смогу мирно спать, пока знаю, что у нас могут появиться такие дерьмовые законы.

– Следи за своим языком, – цыкнул он. – Это только верхушка айсберга. Кое-что всё-таки вступит в силу в следующем году.

– О чём вы, отец? – Нахмурившись, я сел обратно в кресло.

– Депортация низших из Запретных земель и закон об усилении охраны Центральных районов.

– Что это значит?

– Что в течение пяти лет граница Запретных земель сместится от центра минимум на сто двадцать миль. Само собой, это будет принудительно. Совет старейшин хочет обнести их будущее поселение стеной.

Гетто обретает размах. Низшие будут жить в закрытом пространстве подальше от чистокровных.

– Зачем всё это? Если мы так ненавидим низших, то почему бы просто не депортировать их из страны? – Я придвинулся к отцу, продолжая возмущаться. – Пусть переедут в другие страны. Отпустим их. Вот недавно я узнал, что полукровки и низшие не могут самостоятельно пересекать границы без разрешения чистокровного.

– А кто будет работать в шахтах? Может, ты? Или Сильвия с Чарли? Кто будет работать на заводах и фабриках, терпя адские

условия? У полукровок есть документы: они хоть немного, но защищены законом. Низшие – самая дешёвая рабочая сила. Закон обходит их стороной. Работодателю в Запретных землях проще нанять низшего, чем заморачиваться с полукровкой. Если мы отпустим низших, то волнения начнутся среди управленцев. Работодатель не занимается соцобеспечением низшего, но при этом с зарплаты низшего взимается налог. Получается, что государство меньше даёт и больше получает. Никаких пенсий, страховок, выплат по потере кормильца, компенсаций за травму на производстве. – Отец чуть помедлил, а затем нехотя добавил: – Есть низшие, которые управляют преступной сетью. Их так просто не стереть с лица земли. У них есть деньги, влияние и связи. Связи с другими чистокровными, как бы ужасно это ни звучало. Если бы всё было так просто, Готье. Ни одно государство не избавится от тех, кто приносит неплохой доход в казну.

– Я думал, что вы против полукровок и низших, но Чарли родился в Запретных землях, а вы его взяли, – растерялся я.

– Послушай меня внимательно. Я против того, чтобы дружить с полукровками. Но я никогда не отрицал их значимость в качестве работников. Кто будет готовить завтрак и чистить нашу обувь, если не полукровки? Я против низших, так как им присуще девиантное поведение, но я не изверг. Одно дело – поддержать закон о переселении подальше от центра. Другое – принудительная стерилизация. – Он замолчал и, внимательно оглядев меня, проговорил: – И должен тебя предупредить, что всё, о чём мы сейчас говорили, должно остаться строго между нами. Ни твои друзья, ни одноклассники ничего не должны знать. Это может внести сумятицу, вызвать шумиху, и тогда я точно не смогу отстоять свою позицию в Совете.

– Я понял, отец. Никому не расскажу.

– Ни слова этому полукровке, Скэриэлу. Ты меня понял? Если ты дашь Совету старейшин хоть малейший повод и в очередной раз докажешь, что низшие – сплошь преступники, стоящие на пути правосудия, то за закон о принудительной стерилизации проголосуют все. Никто уже не будет меня слушать.

– Я всё понял.

– Теперь по поводу твоей выходки в лицее. – Отец поднялся и встал у окна.

Я не сразу понял, о чём он, так меня захватил наш разговор о низших. Когда же до меня дошло, то я скривился, пока отец не видел.

– Ты больше никогда не поднимешь руку на чистокровного, тебе это ясно? – строго проговорил он.

– Не знаю, что на меня нашло, – начал я в своё оправдание. – Только хотел защитить честь своих друзей.

– Я не спрашивал о причине. Защита чести – дело благородное, но ты должен помнить о границах. Ты чистокровный, а не низший. Не опускайся до физического насилия. Сколько раз мне хотелось хорошенько двинуть некоторым чистокровным в Совете! Но это плохо скажется на моей репутации. А мне надо быть предельно осторожным, чтобы иметь силы противостоять некоторым старейшинам.

– Я буду следить за своим поведением, – покорно произнёс я.

– Надеюсь, что ты говоришь искренне. Не буду больше поднимать эту тему. Миссис Рипли сказала, что ты чувствуешь вину. Этого достаточно. – Его голос смягчился. – Меня в целом устраивают твои сеансы с ней. Не хочешь ли ты продолжить, допустим, раз в месяц? Мне кажется, эти встречи идут тебе на пользу.

– Я не против.

– Замечательно, – улыбнулся отец и вновь сел за письменный стол. – Если тебе не хочется со мной чем-то ещё поделиться, то ты свободен.

Я медленно поднялся, дошёл до двери, взялся за ручку и, прежде чем выйти, повернулся и сказал:

– Спасибо.

Отец подписывал документы. Он растерянно посмотрел на меня, держа ручку на весу.

– За что?

За то, что взял в свою семью и вырастил. За то, что пытаешься мне помочь, пусть и не всегда так, как я этого хочу. За то, что идёшь мне навстречу и доступно объясняешь, в чём я был не прав. За то, что стараешься быть хорошим отцом.

– За всё. – Я широко улыбнулся. – Я люблю тебя, пап.

Он уставился на меня, видимо, не зная, как реагировать на эти слова. Тут взгляд его потеплел. Перестав хмуриться, он нежно ответил:

– И я тебя, Готье.

За день до экзамена по тёмной материи я почувствовал такой прилив уверенности в себе, что просто-напросто не мог усидеть на месте. Трудно было определить причину столь сильных изменений: быть может, это лишь временное явление, но то, что страх провала отпустил, нельзя было отрицать. Возможно, в этом помогли Скэриэл и его нестандартная подготовка, или встречи с миссис Рипли, или, скорее всего, последний разговор с отцом. А может, и всё вместе. Я решил, что раз морально и физически уже готов, то не будет лишним прогуляться, подышать свежим воздухом и растряссти жирок, который наел под домашним арестом. Сильвия утром за завтраком передала мне волю отца: я вновь свободен и могу покидать дом, когда мне заблагорассудится.

Я предупредил Чарли, и через полчаса мы мчались на машине.

— У тебя сегодня хорошее настроение. Ты прямо светишься, — с довольным видом отметил водитель, въезжая на внутреннюю парковку торгового центра. — Разве завтра не важный экзамен?

— Уверен, что сдам. Чувствую, что это в моих силах.

— Отлично. Какие планы на сегодня?

— Зайду в книжный, прогуляюсь немного, и домой.

— Не хочешь встретиться с друзьями? — спросил Чарли, выбивая сигарету из пачки.

— Мне вполне комфортно и одному. — Я вышел из салона, он последовал за мной.

— Хорошо, тогда подожду тебя здесь. Если что, буду в кофейне на первом этаже.

— Договорились. Напишу, как освобожусь. — На прощание я зачем-то помахал рукой. Чарли ответил тем же. На этом мы и расстались.

Напевая лёгкий мотивчик себе под нос, я направился к стеклянному лифту. Не прошло и минуты, как двери отворились. Я шагнул внутрь вместе с влюблённой парой и смущённо отошёл вглубь. Они держались за руки, обсуждая будущую годовщину, в какой-то момент девушка уткнулась мужчине в шею, и тот её приобнял в ответ. Я никогда не был приверженцем телячьих нежностей, тем более на публику, поэтому картина вызвала во мне негодование вперемешку с неловкостью. Когда мужчина поцеловал свою спутницу, я пожалел о том, что поленился и не выбрал эскалатор.

К четвёртому этажу меня уже заметно раздражало происходящее – они тискались всё это время! – так что, когда двери отворились, я грубо протиснулся мимо и со вздохом облегчения вышел первым. И тут я увидел знакомые лица.

На третьем этаже справа от эскалатора стоял Леон. Он держал в руках телефон и в наушниках слушал музыку. Леон не замечал, как к нему с другой стороны, гогоча и толкая друг друга, шли два дружка Клива, чьих имён я не помнил. Его нужно было срочно выручать, пока эти придурки не столкнулись с ним и не начали снова приставать.

Я ринулся к лифту и несколько раз нажал на кнопку третьего этажа, словно от этого кабина спускалась бы быстрее. Казалось, прошли бесконечные десять минут, прежде чем двери отворились и я выскочил, чуть не сбив с ног женщину у входа. Я поспешно извинился, выслушав её ворчание.

Свернув к Леону, я помчался со всех ног, стараясь время от времени бросать беглые взгляды на дружков Клива. Те отставали от меня на добрых десять метров, и если бы увидели Леона или меня, то могли тоже перейти на бег, и тогда стычки не миновать. Не знаю, что их отвлекло в витрине магазина, но они остановились, а я мысленно ликовал из-за такой удачи.

– Леон. – Я схватил его за локоть, чуть не выбив телефон из рук, и потащил дальше.

На мгновение рука его напряглась, так что я было решил, что он сейчас просто отпихнёт меня, но Леон тут же пошёл за мной, с недоумением поглядывая по сторонам.

– Готье? Что случилось?

– Нам нужно идти.

– Зачем? Куда?

– Друзья Клива позади нас.

Я тащил его по этажу, вцепившись в руку чуть выше локтя. Как только я решил, что можно отпустить и он не сбавит темп, Леон тут же остановился.

– Идём! – Я обернулся к нему.

Я вновь схватил его за руку и тут чуть было не столкнулся с женщиной.

– О, – испуганно выдал я, пятясь.

Миссис Рипли окинула меня безучастным взглядом. Она выходила из аптеки. Я так удивился нашей встрече не в стенах привычного кабинета, что на секунду завис. Нужно было поздороваться. И только хотел её поприветствовать, как она развернулась и пошла прочь.

Я окончательно запутался и не знал, как теперь быть. Наверное, я её обидел... Стоило ли пойти за ней и поздороваться, извиниться за то, что чуть не врезался в неё, или брать Леона в охапку и нестись дальше на всех парах?

– Готье? – Голос Леона звучал твёрдо. – Отпусти меня.

Я сделал так, как он сказал.

– Идём отсюда. Дружки Клива на этом этаже, – торопливо проговорил я, высматривая их.

– Ничего страшного, – миролюбиво ответил Леон. – Не волнуйся за меня.

– Нет, нет. – Я резким движением подтолкнул его вперёд. – Нужно идти.

Леон, как мне показалось, нахмурился, но не возразил и пошёл со мной, хотя ему это явно не нравилось.

– После того как я ударил Клива, кто знает, может, они выместят свой гнев на мне или на тебе.

– Они тебя не тронут, – с уверенностью проговорил Леон. – Может, только меня.

– Я этого не допущу, – решительно выдал я, посмотрев на него.

Леон замедлил шаг, а потом и вовсе остановился.

– Не надо, – убитым голосом попросил он. – Тебе не следует меня защищать, Готье. Уж точно не меня.

– Да что ты несёшь? – пылко произнёс я. – Идём. Не стой на месте.

– Я могу за себя постоять.

– Леон, прошу. Знаю, что у тебя высокие баллы по тёмной материи, но я не могу остаться в стороне. Они тебя опять будут мучить.

– А ты не думал, что это заслуженно? – как-то совсем грустно спросил Леон.

Я, кажется, даже рот приоткрыл и застыл как изваяние посреди этажа.

– Не понимаю.

– Так больше не может продолжаться. – Он скорчил мину, затем сам схватил меня за руку выше локтя и потянул к лифту. – Давай поговорим. Но предупреждаю, ты разочаруешься.

– В чём?

– Во мне.

Мы молча шли до тех пор, пока не оказались в малом здании торгового центра, оставив недоброжелателей в соседнем – нас отделял от них всего лишь один переход.

По пути я не задавал никаких вопросов, прекрасно понимая, что Леон сможет ответить, только когда мы останемся наедине в укромном месте.

Он потащил меня к диванчикам у окон; дойдя до них, тяжело опустился и обратился ко мне:

– Садись, Готье. Разговор будет долгим. – Его голос был грубее, чем я привык. Всё его поведение, манера общения отличались от того, что было прежде. Это был всё тот же Леон, но теперь не забитый подросток в стенах лицея. Это был Леон, что парил в танце на сцене – уверенный в своих силах, понимающий, на что способен.

Новый Леон меня немного пугал. Я сел рядом и вопросительно посмотрел на него.

– Я ценю то, что ты делаешь для меня. Всё это... – Он покрутил руками в воздухе, видимо, пытаясь изобразить всё то, что ценил. Я пока смутно понимал, о чём он хотел сказать. Леон продолжил, стараясь говорить дружелюбнее, но звучало это неубедительно: – То, что ты всё время хотел спасти меня от Клива.

– Не то чтобы спасти.

– Да брось. Ты один из немногих, кто не смотрел на приставания Клива сквозь пальцы. Я правда ценю это. И если бы на моём месте был кто-то другой, ты точно стал бы для него героем. Ты и для меня в какой-то степени герой. Но вот проблема в том, что мне не нужно это спасение. Я его не заслужил.

– Прости, но я ни черта не понимаю.

– Готье. – Он с грустью посмотрел на меня. – Я заслужил то, что со мной делает Клив.

– Да как такое вообще может быть?

– Ты хочешь знать, почему Клив не оставит меня в покое? Всё просто. Он мне мстит.

– За что?!

– За то, что я в начальной школе травил его.

– Ты?! – Я немигающим взором уставился на него, пытаюсь отыскать хоть малейший намёк на ложь.

– Да, – мрачно заключил Леон. – Вы все ошибаетесь на мой счёт. Я хуже, чем Клив.

XXVIII

Я был настолько ошеломлён, что мне почудилось, будто земля уходит из-под ног. Леон Кагер, тот самый, которого хотелось защитить и уберечь, травил Клива Маккинзи. Это звучало настолько невероятно, что пришлось несколько раз повторить, прежде чем до меня дошёл смысл сказанного.

– Постой. Это просто не укладывается в голове. – Мне никак не удавалось подобрать нужные слова: столько вопросов вертелось на языке, и в то же время я боялся озвучить их разом.

Леон замер, пристально вглядываясь в каждое моё движение. Казалось, он пытался увидеть что-то на моём лице – то ли осуждение, то ли разочарование, – а потому весь напрягся, как пружина, готовый бесстрашно обороняться, двинуться в наступление, дай только повод. Стоило мне приподнять руку, и он тут же отстранялся, будто боялся, что я ударю его.

Меня распирало от нахлынувших эмоций. Пришлось на секунду зажмуриться и глубоко вздохнуть.

– Как ты мог травить Клива? – проговорил я сквозь зубы. В моём голосе так и слышалось то самое осуждение.

На лице Леона промелькнуло что-то, отдалённо похожее на испуг. На секунду я представил себя палачом, которому вручили верёвку и который теперь безжалостно затягивал петлю на чужой тонкой шее.

Я судорожно вцепился в подол рубашки. Сколько ещё потрясений придётся пережить? Как только казалось, что я пришёл в норму, свыкся со всеми шокирующими реалиями, жизнь подбрасывала новую порцию ударов, сбивающих с ног. Я не тот, кем был всю жизнь. Оливия не та, кем казалась мне. Леон не тот, за кого себя выдавал. Что-то не так со всеми нами. Видимо, только по этой причине мы держались вместе.

На Леона было страшно смотреть. В его взгляде читалось что-то совсем уж дикое, опасное, и в то же время он будто бы жаждал моего прощения. Думаю, и я выглядел не лучше, скорее даже слегка безумным, раз он вскоре предпочёл отвести взгляд.

– Мы с Кливом ходили в одну и ту же балетную школу в детстве, – нехотя начал он. Губы дрожали, будто он сейчас разрыдается. Голос звучал глухо, словно доносился из глубокой пещеры. Если всё это правда и он действительно мучил Клива, то сейчас явно об этом жалел.

– Клив и балет? Серьёзно? – с возмущением прорычал я. – Прекрати делать из меня идиота.

Сначала Оливия, теперь Леон. Негодование зарождалось глубоко внутри и росло с каждой минутой.

«Чистота крови – чистота помыслов». Что ж, эта фраза ещё никогда не воспринималась настолько лицемерно, как сейчас. Я шумно дышал через нос, нетерпеливо ёрзая на диване.

Но Леон не шелохнулся. Он всё так же смотрел в окно, и было ясно только одно: разговор ему так же, как и мне, давался с трудом.

– Он был моим главным соперником, – отстранённо проговорил Леон и, чуть посмеиваясь, добавил, словно желая разрядить обстановку: – Впечатляет, правда?

– Это шутка такая? – Я встал напротив и строгим голосом произнёс: – На каком моменте начать смеяться? Вы с Оливией сговорились?

Он с раздражением потёр переносицу и поднялся следом.

– При чём тут Оливия? – Леон был в замешательстве. Едко бросил: – Забудь всё, что я сказал, – и повернулся, но я поймал его за плечо, останавливая.

– Допустим, ты вместе с ним ходил на балет, – с сомнением начал я.

– Допустим? – процедил Леон.

Кажется, моё недоверие сильно задело его. Он в ярости посмотрел в ответ. «Совсем как Геден», – пронеслось в голове.

Я попытался что-то добавить, но не успел. Леон резким движением схватил меня за кисть, рывком вывел из равновесия – земля на этот раз в буквальном смысле ушла из-под ног – и заломил руку мне за спину. Не то чтобы очень больно, просто всё произошло настолько неожиданно, что я только и успел, что вскрикнуть и затем жалобно хныкнуть, краснея.

– В моём случае тебе придётся верить мне на слово, Готье, – при этом спокойно прошептал мне на ухо Леон и, я бы даже сказал,

«нежно» выпустил из захвата. – Прости.

На лице ни намёка на ярость, только безграничное сожаление. Кажется, настоящий Леон очень вспыльчивый, но отходчивый. Как же он умудрялся играть роль тихони в лице?

– Ты чокнулся! – гаркнул я в ответ, растирая руку.

– Прости, – повторил он, словно случайно наступил мне на ногу. – Ты разозлился из-за одного раза, а Клив страдал от меня на протяжении двух лет.

На лице Леона расцвела та самая тёплая улыбка, на которую был способен только он. Когда мы с ним сидели на долгих нудных лекциях, в желудках урчало, а спины было не разогнуть, то, стоило повернуться к нему, он всегда ободряюще улыбался мне, поднимая настроение одним своим присутствием. Теперь же, после всего, что он сказал и сделал, улыбка не производила прежнего впечатления. Напротив, мурашки бежали по коже. Леон теперь представлялся мне кем-то другим – волком в овечьей шкуре, удобно затесавшимся в наивное доверчивое стадо. Если он рассчитывал на то, что своей неуместной улыбкой сможет что-то исправить, то глубоко ошибался.

– Ну и зачем ты его мучил? Разве он не жаловался родителям?

– Не знаю. – Леон сел на диванчик. – Я просто был маленьким ублюдком. Дядя меня очень баловал, – он говорил медленно, словно размышлял на ходу, – я рос в полной вседозволенности. Может, в этом и была причина. А Клив? Наверное, не жаловался. Я его слишком сильно запугивал.

– Баловал? Мы думали, что дядя тебя... бьёт?

– Дядя? Меня? – улыбнулся Кагер. – Мы – это кто?

Врёт. Это первое, что пришло на ум. Я всегда забывал об одном простом факте: Леон – актёр. Он с детства искренне проживал десятки чужих жизней на сцене. Можно ли ему верить и в этот раз? Нет, не так. Можно ли ему верить вообще?

– Не важно. Просто ты всегда выглядел таким... – Я прикусил губу: чувствовал себя ужасно, признаваясь в том, что мы за спиной обсуждали его.

– Жалким? – Он широко улыбнулся, словно получил комплимент, как будто я таким незаурядным способом похвалил его актёрскую игру.

– «Жалким» – это слишком. Может, забитым... Кто тогда тебя бьёт? Все эти синяки, ушибы...

– Клив, – начал перечислять он, – иногда его друзья – да, есть те, кому я позволяю меня бить.

– Ты что, получаешь от этого удовольствие? – скривился я.

– От избиений? Нет, конечно, – хмыкнул Леон. – Иногда приходится долго замазывать синяки гримом перед выступлением. Но я терплю. Он ведь терпел и не сдавал меня. Правила остались прежними, сменились только роли.

– И он тебе мстит сейчас? – уточнил я. – За то, что ты его бил раньше?

– Не только за это. Я перешёл черту, и он бросил из-за меня балет, – хмуро проговорил Леон. – Я бы тоже не простил такое. Так что, – тут он поднялся и всем своим видом дал понять, что разговор окончен, – я заслужил всё это.

– А ты не хочешь остановить его?

– Может, и хотел бы, да не могу. Если в театре узнают, что я занимался травлей, то, скорее всего, отстранят от главных ролей. Сейчас у меня образ принца, и пресса охотно это поддерживает. Клив может разрушить мою репутацию, если сболтнёт лишнего. Лучше оставить всё как есть. Так что, прошу, больше не влезай.

Я хотел было что-то ещё сказать, вот только не знал что. Леон, воспользовавшись паузой, не спеша направился в сторону, оставив меня у диванчиков.

Значит, это был не дядя... Верилось с трудом.

– Паническую атаку ты тоже симитировал? – громко бросил я вдогонку, сам не зная, какой реакции ожидал.

Он замер на месте, развернулся и в бешенстве посмотрел на меня. На мгновение даже стало жутко. Неужели я, всегда ходивший по лезвию ножа, в этот раз чудовищно оплошал?

– Ты видел? – прошипел он, оглядываясь, словно пойманный на месте преступления. – Что именно ты видел?

Леон настиг меня и встал вплотную так, что пришлось сделать шаг назад, избегая его агрессивного напора.

– Видел твою паническую атаку в театре, – честно признался я.

Он вспыхнул, словно получил пощёчину.

– Кто ещё знает?

Вообще-то я успел рассказать Скэриэлу, но в итоге решил соврать. Кажется, ответ я честно, проблем не избежать. Сейчас Леон выглядел

действительно опасным, и от него хотелось держаться как можно дальше.

– Никто. Я был с Габриэлкой. Только если она могла кому-нибудь рассказать.

– Не лезь куда не следует, – угрожающе предупредил он.

Значит, таким он был, когда травил Клива? Пугающе, тут даже не поспоришь. Я поднял руки ладонями вперёд и беззаботно ответил:

– Как скажете, мистер Кагер. Прошу прощения, что потревожил вас и затронул эту тему.

И он тут же смягчился, словно понял, что перегнул палку. Официальное обращение живо остудило его.

– Готье, пожалуйста... – внезапно прошептал Леон. – Пойми, это очень личное. Я не могу это контролировать.

Теперь и я был в смятении. Складывалось впечатление, что я говорил с двумя разными людьми: один упорный, агрессивный, а второй робкий и вызывающий жалость.

– Это панические атаки, – буднично произнёс я. – Их никто не может контролировать.

Он окончательно растерялся. Теперь мы были в одной лодке, оба чувствовали себя неуверенно и жалели обо всём, что произошло.

– Я никому не расскажу, – проговорил я. – Обещаю.

Леон смотрел недоверчиво, но выбора у него не было.

– И про Клива тоже, – напомнил он.

Я кивнул.

– Скоро это всё закончится. Я поступлю в Академию, а он, скорее всего, не наберёт достаточно баллов, так что после выпускного наши пути разойдутся.

Говорил он при этом с грустью, как будто не желал подобного исхода. Разве Клив так легко его отпустит? Инстинкт самосохранения подсказывал, что лучше не озвучивать этот вопрос.

– Конечно. – Я вновь согласился, на что Леон слабо улыбнулся, отступая на пару шагов.

– Прости за руку.

– Ничего. Но больше так не делай, – отшутился я.

Домой я возвращался без настроения, что не укрылось от внимания Чарли.

– Что случилось?

Не было желания делиться с ним произошедшим, поэтому я соврал, что не очень хорошо себя чувствую.

– Плохо дело. Надеюсь, это не скажется на твоём завтрашнем экзамене.

Это последнее, о чём я мог сейчас думать. Экзамен по тёмной материи потерял всю свою значимость, что было совсем некстати.

На следующий день – это была суббота – я сидел в кабинете вместе с ещё двумя одноклассниками, которые пропустили назначенную дату по болезни, но все мои мысли крутились вокруг Леона. Вместо того чтобы настроиться на рабочий лад, я вспоминал вчерашний разговор. Так увлёкся, что не сразу заметил, как остался в кабинете один.

– Хитклиф? – В дверном проёме возникла голова мистера Авреля. – Вам персональное приглашение надо? Я жду вас у себя уже больше пяти минут. К которому часу вам было назначено?

– К двум, – с сожалением ответил я, поглядывая на настенные часы. Я пришёл раньше всех, а в итоге опоздал. – Прошу прощения.

Я торопливо направился за ним по пустым коридорам. Радовало то, что я сдавал экзамен в одиночестве и смог избежать идиотских шуток про огнетушители и пожарные датчики. Мы вошли в просторный кабинет мистера Авреля, и он указал на отмеченное на полу место, куда следовало встать.

– Не нервничай, Готье, – добродушно произнёс он. – Уверен, что сегодня ты справишься.

Он отошёл на добрых десять шагов; это указывало на то, что не очень-то он в меня верил. Я встряхнул руки и посмотрел на противоположную стену.

Отец и Скэриэл в меня верили. Каждый по-своему, но оба приложили руку к тому, чтобы сегодня я стоял здесь с гордо поднятой головой. Миссис Рипли посвятила целый сеанс тому, что экзамен – это всего лишь маленький шажок в жизни и он не будет для меня значим спустя месяц. И отец не станет меня любить меньше, если я провалюсь на каком-либо из будущих экзаменов.

– У меня всё хорошо с самооценкой, – огрызнулся тогда я.

— Вас это задело, — спокойно отметила миссис Рипли. — Адекватная самооценка позволяет здраво смотреть на ситуацию. Вы испытываете большой стресс, используя тёмную материю, но она является частью вас. Её стоит принять, а не отторгать.

Она была права. Я чувствовал себя ужасно на уроках по тёмной материи. Но если бы можно было избежать только уроков... Я чистокровный, и вся моя жизнь связана с тёмной материей. Больше я не мог закрывать на это глаза. Пришло время научиться управлять своей силой.

Мистер Аврель сбоку кашлянул, поторапливая. Я поднял руку, почти физически ощущая, что держу лук: плечи в сторону мишени, ладонь позади рукояти. Прикрыл глаза, чувствуя, будто Скэриэл стоит за моей спиной, направляет, тихо проговаривая:

— *За тетиву держись тремя пальцами.*

— *Понял.*

— *Молодец.*

Весь разговор происходил в голове, но был настолько реалистичным, словно я мог ощутить тёплое дыхание на шее.

— *Не спеши. Сожми крепче лук. Не трясись.*

— *Я знаю.*

— *Прицелился?*

Я взглянул на три кольца, что были расположены передо мной на расстоянии пяти метров.

— *Да.*

— *Ощущаешь, как натянута тетива? — прошептал он на ухо, щекоча шею.*

— *Да.*

— *Хорошо... А теперь стреляй.*

И я выстрелил. Скэриэл растворился, а я увидел, как мистер Аврель восторженно смотрит туда, где стоят кольца на возвышении. Судя по его лицу, я сдал.

— Три из трёх, — качая головой, выдохнул преподаватель и медленно поднял руки, чтобы похлопать. — Три из трёх, Готье. Ты сдал экзамен. Поздравляю!

Я улыбнулся, а в уголках глаз предательски защипало.

Выходил из здания лица я на ватных ногах, не веря, что смог справиться. Когда кто-то замахал мне у самых ворот, я даже не сразу

понял, что это Скэриэл. Помотал головой, решив было, что мне это опять кажется, как и наш разговор на экзамене. Но образ широко улыбающегося Скэриэла, прыгающего на месте и рьяно машущего рукой, никуда не делся.

Я бросился к нему, а он ринулся навстречу.

– Сдал! Получилось! – крикнул я, подбегая.

Он сгрёб меня в охапку и приподнял за талию, пока я заливисто смеялся, не в силах остановиться. Столько всего хотелось поведать! И то, как я представлял его во время экзамена, и то, как удивился мистер Аврель. Я вцепился в его плечи, болтал ногами, одновременно пытаюсь вырваться из объятий и желая никогда их не покидать.

– Сдал?! Я же говорил! – радостно завопил Скэриэл.

– Да! Да! – продолжал верещать я, когда он отпустил меня. – Спасибо!

И, притянув его лицо ближе, от переполнявших чувств поцеловал.

XXIX

И мигом отскочил на два шага.

– О боже, – произнёс я, прижав ладонь ко рту, и уставился на ликующего Скэриэла.

– Всё хорошо, – с улыбкой ответил он, – я не против.

– Ох. – Торопливо оглядевшись, я убедился, что никто не видел; по крайней мере прохожие не таращились на нас в праведном гневe, тыча пальцами. – Я не знаю, что на меня нашло. Просто, – чуть заикаясь, добавил я, – сдал экзамен и...

Господи, я безнадёжен. Всё бы отдал за то, чтобы провалиться сейчас сквозь землю. Кто-нибудь, пристрелите меня.

Улица была относительно безлюдной, за исключением редких прохожих, шедших в противоположную сторону, но это не отменяло того, что я чуть не поседел за последние пару минут.

– Я тоже рад, что ты сдал. – Скэриэл так и светился от счастья.

Он сделал шаг ко мне, но я в панике отступил ещё назад.

– Если бы нас увидели... – испуганно проговорил я, оглядываясь.

Он повертел головой и, осмотревшись, заверил:

– Пусто. Ну, вон там работают дворники. – Скэриэл непринуждённо указал в сторону. – Они, правда, нас даже не заметили. Так что мы можем повторить. На бис, так сказать.

Он сегодня явно был в ударе. Я весь покраснел, лицо горело, и потому, опустив взгляд, я не придумал ничего умнее, чем уставиться на свои ботинки.

– Что ты здесь делаешь? – спросил я, чтобы сменить тему.

– Ждал тебя. – В отличие от меня, Скэриэла наш поцелуй никоим образом не смутил. – Ты опять оставил телефон на беззвучном? – произнёс он с лёгким упрёком.

– Кажется, да. – Я порылся в карманах куртки и достал смартфон. – Он вообще вырубился. – И зачем-то шёпотом продолжил: – Слушай, мы можем отойти куда-нибудь? Хоть за тот угол завернём. – Я оглянулся на здание лица, которое теперь осуждающе возвышалось над нами. – Нас видно из окон.

– Раньше тебя это не напрягало, – усмехнулся Скэриэл, но покорно последовал за мной.

Мы прошли мимо ворот лицея; я торопливо шёл впереди, как уличный воришка, часто озираясь по сторонам, а Скэриэл не спеша, будто бы никто ему не указ. Только очутившись за углом, где было относительно безопасно, я смог с облегчением вздохнуть. Хотя, уверяю, я бы чувствовал себя в безопасности, только участвуя в программе защиты свидетелей – ну, знаете, переехать в другую страну и жить под чужим именем. Но даже в этом случае я бы оглядывался на улицах и подозревал каждого незнакомца на своём пути. Что уж говорить, перетрусил я крепко.

– Раньше мы не целовались, – на этом слове я чуть не споткнулся, так было неловко произносить его, – на территории лицея, – шепнул я в ужасе, обхватив себя руками.

Я так и пялился на свои ботинки, как на самое захватывающее зрелище в мире, боясь даже взглянуть на Скэриэла.

– Большая потеря, как по мне, – полушутя проговорил он. – Но всё бывает в первый раз.

Кажется, до него совсем не доходило, в какой скандал мы чуть не попали. Я мог с успехом сменить Оливера и надолго поселиться на страницах жёлтой прессы. Отец открутил бы мне голову, а Гедеон, без сомнений, водрузил ее на пикет.

– Что-то произошло? – стараясь отвлечься, спросил я. – Раз ты приехал...

Вид довольного и беспечного Скэриэла невероятно злил.

– Звонил Оливер, – поделился он. – Его выпустили из-под домашнего ареста, и он хочет с нами увидеться. Я предложил сегодня собраться у меня.

– Здорово. – Я на секунду даже позабыл о своих проблемах. – Во сколько?

– Через час. Сможешь?

– Да, да, – затараторил я в ответ, лихорадочно соображая. – Мне только заехать домой, переодеться и предупредить своих. А потом я мигом к вам.

– Договорились, – подытожил Скэриэл.

Я стоял, не зная, что ещё добавить. Неловко переминаясь с ноги на ногу, убрал несуществующую соринку с брюк и уставился в

сторону, лишь бы не встречаться взглядом с Лоу.

– Тебя подвезти? Чарли точно где-то рядом. – Я разнервничался и выглядел, должно быть, глупо. – Может, он уже меня на парковке ждёт.

Видимо, Скэриэл понял, что я себя чувствую не в своей тарелке, и заботливо проговорил:

– Поезжай домой. – От его тона я ещё больше смутился, хотя, казалось, куда уж больше. – У меня тут дела, – снисходительно добавил он. – Встретимся через час.

Не поднимая головы, я накинул капюшон и чуть ли не бегом направился к парковке, мысленно ругая себя за то, что не сдержался. Что это вообще было? Как я так умудрился?! Почему в ту минуту мне показалось, что поцеловать Скэриэла будет самым естественным поступком на свете? Как будто и не могло быть иначе. Сейчас я просто сгорал от стыда.

Чарли привычно курил у машины и при виде меня вяло помахал рукой с зажатой между пальцев сигаретой.

– Ну что, малыш? Как успехи?

– А? – Не глядя на водителя, я ринулся в салон.

Он бросил недокуренную сигарету, придавил её носком ботинка и принялся наблюдать за тем, как я безуспешно пытаюсь пристегнуть ремень безопасности. Пальцы не слушались, а в голове была сплошная каша.

– Как экзамен, спрашиваю? Не сдал? – по-отечески начал Чарли. – Ну, ничего страшного. Я тоже не очень хорошо учился, когда был подростком, но потом взялся за ум.

– Нет, сдал, – тихо проговорил я, отчаянно борясь с нарастающим смущением. Хотелось поскорее покинуть территорию лица.

Он взял у меня из рук ремень безопасности и демонстративно пристегнул, словно я его несмышлёный маленький сын.

– А чего такой разбитый? – не унимался Чарли.

– Да просто... – неубедительно нёс я, думая о своём. – С другом сегодня встречаюсь. У него были проблемы, и я переживал за него.

Само собой, это была чистая правда, но сейчас мне казалось, что я нагло вру Чарли в лицо.

– Понятно. Ну, поздравляю тебя, – весело сказал Чарли, усаживаясь на водительское сиденье. – Я в тебе не сомневался.

– С чем? – Слушал я его вполуха, но быстро опомнился. – А, с экзаменом? Да, спасибо.

– Малыш, тебе бы выспаться, – с сомнением произнёс Чарли, поглядывая на меня в зеркало заднего вида. – Ты какой-то потерянный. Наверное, нервничал перед экзаменом и не мог заснуть?

Скорее, не мог заснуть из-за Леона. А теперь вряд ли засну из-за Скэриэла. Час от часу не легче.

– Ага, выплюсь потом, точнее, ночью. Поезжай скорее домой.

Мы выехали на дорогу, и Чарли ещё много о чём болтал, а я временами кивал и поддакивал, но практически не слушал. Он, кажется, это заметил и включил радио. Доехали мы до дома под октавианские поп-синглы начала двухтысячных. Чарли знал все песни и неплохо подпевал.

У дома, кутаясь в куртки, нас встретили Сильвия с Лорой, размахивающие хлопушками с конфетти, и Кэтрин с Фанни, торжественно держащие на вытянутых руках самодельный транспарант с надписью: «Поздравляем, господин Готье!» – и коряво нарисованными фломастером сердечками и звёздочками вокруг.

Я выпал в осадок при виде всей этой торжественной процессии, не в силах отвести глаз. Чарли быстро вылез из автомобиля и открыл мне дверцу.

– Поздравляем! – радостно крикнул он.

В этот момент Сильвия и Лора взорвали конфетти. Фанни при этом смешно зажмурилась и тихонько ойкнула, испугавшись шума. Я встал у машины, задрав голову, и наблюдал за тем, как сверху сыпется разноцветный бумажный дождь. Подул холодный ветер, и конфетти разлетелось по двору.

– Господин Готье, вы молодец! – объявила Фанни. Руки у неё замёрзли, и мне стало совестно, что им пришлось ждать на холоде.

– Спасибо, – с улыбкой произнёс я. – Спасибо вам всем. Я не ожидал подобного. Но как вы узнали, что я сдал?

– Это была идея Чарли, – объяснила Сильвия. – Он отправил нам эсэмэс по дороге. – И затем серьёзно обратилась к шоферу: – Я надеюсь, что это было в первый и последний раз. За рулём надо быть внимательным и следить только за дорогой.

– Само собой, – закивал он, обворожительно улыбаясь. – Вы абсолютно правы.

– Спасибо, – искренне поблагодарил я водителя.
– Пустяки, мне было только в радость, – отмахнулся Чарли.
– Давайте скорее в дом, – предложила Кэтрин. – Мясной рулет стынет.

– Идите, – кивнула Сильвия, поторапливая продрогшую Лору.
Они с Фанни осторожно сложили транспарант и зашагали к дому.
Чарли подмигнул мне.

– Отец дома? – спросил я у Сильвии, когда мы вошли. – Я ненадолго. Меня ждут.

– Как это – ждут? Когда вы вернётесь? Мы сегодня устраиваем праздничный ужин. Господин Уильям обрадуется вашим успехам.

В столовой Кэтрин нарезала рулет. Стоял чудесный аромат, и я только сейчас понял, как проголодался.

– Меня ждут друзья, но я приду к ужину, – заверил я Сильвию после того, как, помыв руки, сел за стол.

Откусив, я промычал неразборчиво: «М-м, как вкусно» – и, проглотив, обратился к Кэтрин:

– Очень вкусно. Пальчики оближешь.

Она смущённо улыбнулась, а в уголках её глаз собрались тёплые паутинки морщинок.

– Ой, господин Готье, вы кушайте, набирайтесь сил, – смущённо проговорила она. – Исхудали за эти дни. Мы с Фанни так испереживались.

– Кэтрин, дорогая, налей юному господину чая, – проговорила Сильвия, стоя рядом.

– Это я забыла, – поспешила Фанни с кухни. – Недоглядела. – Она наполнила чашку чаем и добавила: – Приятного аппетита, господин Готье.

Я поблагодарил её с набитым ртом.

Все они собрались в столовой и, улыбаясь, наблюдали за тем, как я ем. Они выглядели так, словно я был их общим ребёнком, за которого они всё это время волновались, а теперь, после того как сдал экзамен, гордились моими результатами. Было очень приятно и в то же время жутко неловко. Будь мама жива, наверное, она бы тоже вот так меня встречала.

– Всё, не будем мешать господину Готье. Чуть позже попрошу Лору прибрать тут. А вы, господин Готье, не задерживайтесь к ужину.

Мы будем вас ждать. Господин Гедеон и госпожа Габриэлла тоже будут на празднике.

Прикончив порцию рулета, я потянулся за салфетками.

– Обещаю быть вовремя.

– Очень на вас надеемся. Вы – виновник торжества.

Минут через сорок я уже ехал к Скэриэлу, не забыв перед выходом ещё пару раз пообещать Сильвии, что буду дома к ужину. Она не отпускала меня до тех пор, пока не убедилась, что я тепло одет, попутно ворча, что лучше бы мне остаться дома в такую погоду. Чем ей не угодила погода, я так и не понял, ведь на улице было тепло, солнечно, снежно, хоть временами и дул ветер.

– Как тебе наше поздравление? – спросил Чарли, когда мы выехали на дорогу. – Правда, круто вышло?

– Не то слово. Такого мне никогда не делали.

– Ты вчера вечером был грустный, и я подумал, надо тебя как-то взбодрить.

– А что бы вы сделали, если бы я не сдал?

– У нас на этот случай с другой стороны плаката была надпись: «Вы всё равно молодец». Фанни предложила ещё дать тебе шоколадное мороженое после рулета, чтобы поднять настроение, – усмехнулся он. – Она такая умница.

– Это, кхм, очень мило, – робко проговорил я.

– Какой господин, такие и слуги, – добродушно отчеканил Чарли.

– Никогда об этом не задумывался.

– А стоило бы. В хорошем доме всегда приятно работать. Если хозяин добрый, то ему хочется отплатить добром.

– Не думаю, что я добрый... – пробубнил себе под нос.

– Что? – не расслышал Чарли.

– Ничего.

Мы немного помолчали.

– Наверное, среди твоих друзей нет жестоких чистокровных, но именно такие хозяева чаще всего и бывают, – вдруг сказал Чарли, не отвлекаясь от дороги. – Тебе, конечно, с этим никогда не столкнуться, но вот если бы ты притворился полукровкой, перекрасил волосы, не знаю, линзы надел, что ли, и попробовал денёк поработать прислугой, то понял бы, какой это неблагодарный труд. Могут и оскорбить, и унижить, и ударить. Поэтому такие хозяева, как ты, на вес золота.

Чарли словно открыл ящик Пандоры. Я намертво вцепился в эту мысль: притвориться полукровкой, чтобы на своей шкуре прочувствовать все прелести такой жизни, – и теперь не мог думать ни о чём, кроме как о реализации опасной затеи.

Всё горело внутри – так хотелось обсудить это со Скэриэлом. Вот он бы точно оценил идею! Но когда Скэриэл открыл дверь, то я вспомнил о поцелуе, и волна жгучего стыда затопила меня.

Он дружелюбно стянул с меня мамин шарф, куртку, а я продолжал заторможенно реагировать на происходящее. Он остановился и участливо спросил:

– Ты в порядке?

– Ага. Голова болит, – буркнул я первое, что пришло на ум.

– Ребята ещё не приехали. Ты первый.

Скэриэл насмешливо взглянул на меня.

– Что? – враждебно проговорил я в ответ.

– Ты всё не можешь успокоиться после поцелуя?

– Что? Нет-нет, я вообще о другом думал.

– О поцелуе с кем-то другим? – откровенно потешался он.

– Прекращай, – грозно закончил я, скрестив руки на груди.

Скэриэл понял, что перегнул палку, и пошёл на попятную:

– Прости.

– Давай просто забудем то, что произошло у лица, ладно? – Я сел на диван.

Он вдруг насупился и серьёзно выдал:

– Нет. Не собираюсь.

Скэриэл встал напротив, скрестив руки, как я минутой ранее.

– Ты не можешь отрицать, что хотел меня поцеловать и сделал это. И ты не можешь отрицать, что я тебе раньше признался в чувствах. Тебе не кажется, что это как-то грубо? Ты знал о моих чувствах и поцеловал меня, а теперь хочешь сделать вид, будто бы ничего не было.

Я застыл как громом поверженный. Если Скэриэл хотел, чтобы я чувствовал себя виноватым, то ему это удалось. Он был полностью прав.

– Мне жаль, – только и смог выдать я, понутив голову.

– Нет-нет, – торопливо проговорил Скэриэл, сев рядом и бережно опустив руку мне на плечо. – Я не это имел в виду. Готи, мне не нужны

твои извинения и муки совести. Я хочу, чтобы ты честно признался в первую очередь самому себе.

Я не был готов признаваться в чём-либо. По крайней мере сейчас. Скэриэл выжидательно молчал. Весь его вид так и говорил: «Ты знаешь, о чём я».

– Я не буду давить на тебя. – Он расстроенно махнул рукой и встал, так и не добившись от меня внятного ответа. – Мне это тоже не нравится. Ты можешь сделать вид, что ничего сегодня не было. Но я этого не буду делать. Можем больше не говорить на эту тему.

– Спасибо, – угрюмо сказал я, хотя, честное слово, лучше бы промолчал.

– Да не за что, обращайся, – ядовито добавил он, отходя. – Вдруг кто узнает, что ты целуешься с полукровкой. Позор на всю жизнь. Чистокровный Готье Хитклиф, сын члена Совета старейшин, как низко ты пал, раз дошёл до того, чтобы быть с таким, как я.

Я свирепо взглянул на него.

– Ты ведь знаешь, что не в этом дело! – крикнул в гневе.

– А в чём же? Я недостаточно хорош для тебя?! – яростно завопил он.

– Да при чём тут это! – вскочил я с дивана.

В отличие от меня, Скэриэл взял себя в руки и сладко улыбнулся. От этой улыбки мне стало не по себе. Казалось, что передо мной стоит абсолютно незнакомый человек. От него веяло неприкрытой агрессией.

– Тогда что не так, Готи?

Хотелось проломить ему голову. Это немыслимо, как парой фраз Скэриэл смог вывести меня из себя.

Раздался звонок в дверь. Возможно, мы были так заняты выяснением отношений, что даже не расслышали подъезжающую машину.

– А вот и твои друзья-чистокровные, да, Готи? – бросил он насмешливо. – Равные тебе по статусу и положению.

– Заткнись, – прорычал я, на что Скэриэл оскалился.

Мы были готовы вцепиться друг в друга, но тут раздался ещё один звонок, более настойчивый, и крики Оливера по ту сторону двери.

– Эй, вы, если вы там голые, то давайте быстрее! На улице очень холодно, – завопил он.

– Чёрт.

– Потом договорим, – предложил Скэриэл, хмурясь.

– Честно говоря, он немного пугающий, – тихо признался я.

– Называй вещи своими именами: он нереально страшный, – с раздражением бросил Оливер. – Каждый раз вздрагиваю, когда вижу его за спиной.

– Да, не позавидуешь, – добавил Леон шёпотом.

Мы все с опаской уставились на Ларса, нового телохранителя Оливера. Он был громадный, даже выше Оскара. Я всё это время ошибочно считал, что нет никого крупнее, чем Оскар Вотермил. Но Ларс... На лице у него красовался безобразный шрам через всю щёку, словно он неудачно загримировался, пытаясь изобразить Гуинплена из романа Виктора Гюго. Только вот смеяться над этим Ларсом было, мягко говоря, рискованно.

Я был уверен, что он нас слышит, но Оливера это, кажется, не волновало. Скэриэл тоже с интересом разглядывал плечистого мужчину, блуждающего по его дому.

– Полукровка как полукровка, – бросила Оливия, не глядя на телохранителя.

Ларс не спеша осматривался в гостиной, словно что-то искал, но было видно, что ему неловко заниматься подобным.

– И за диваном посмотри, вдруг Бернард там спрятался, – громко проворчал Оливер.

Ларс невозмутимо продолжил поиски. Он заглянул во двор, обошёл гостиную, поглядел на кухонный островок, где мы все вместе собрались; видимо, решил, что мы точно не смогли бы спрятать Бернарда, кивнул Оливеру и направился к входной двери.

– Под подушками проверить не хочешь? – едко бросил Оливер ему в спину.

Ларс всё с таким же каменным выражением лица обулся, накинул пальто и вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

– Это что сейчас было? – спросил Скэриэл.

– Мой отец постарался. Решил, что я могу тайно продолжить встречаться с Бернардом. Он меня, похоже, совсем за идиота держит. Вот и приставил телохранителя, – проговорил Оливер, отпив немного

воды из стакана. – Вы только представьте, этот Ларс теперь постоянно со мной будет ходить. Отец сказал, это для того, чтобы он отпугивал всех одним только своим видом.

– У него это с успехом получается, – улыбнулся Леон.

– Да, это точно. Я боюсь лишний раз обернуться и наткнуться на его шрам. Он мне уже в кошмарах снится.

– Отец сначала приставил к нему симпатичную женщину-телохранителя, но вы знаете Оливера, – цокнула языком Оливия, небрежно поправляя волосы, – он с женщиной и за порог комнаты не выйдет. Наличие вагины пугает его больше, чем шрам на всё лицо.

– Ой, иди ты знаешь куда, – обидчиво протянул Брум.

– Зачем? Ты уже там, – иронично вставила Оливия.

Леон прыснул от смеха и торопливо замахал руками, извиняясь перед Оливером. Я тоже слегка улыбнулся, но, чтобы не выдать себя, покашлял в кулак, словно хотел прочистить горло.

– Предатель, – нахмурившись, выплюнул Оливер Леону.

– Долго он будет с тобой? – спросил Скэриэл, направляясь к холлу. Он закрыл за Ларсом дверь и выглянул в окно.

– О сроках не говорили. Может, до поступления в Академию Святых и Великих, а может, отец сжалится и избавит меня от Ларса пораньше.

– Как ты вообще? – спросил я, когда все замолкли. – Я очень переживал.

Оливер с благодарностью посмотрел на меня.

– Спасибо. Было ужасно в первые дни. Я даже хотел повеситься, да только отец всё предусмотрел, – усмехнулся Оливер. Я испуганно округлил глаза. – Но сейчас всё нормально. Меня, правда, в качестве наказания лишили всего, чего только можно – телевизора, интернета, приставки, – даже книги и комиксы забрали. Я почувствовал себя Ганнибалом Лектером, которого поместили в изолятор и лишили всех благ. Ещё бы сиденье с унитаза сняли, и я бы поверил, что сижу в тюрьме, – фыркнул он. – Оливия единственная, кто меня навещал, кроме мамы. Но мама даже боится перечить отцу, не то что открыто идти против него. Поэтому, по сути, одна Оливия со мной и была. Стала для меня своего рода Клариссой Старлинг.

– Ты, кажется, пересмотрел «Молчание ягнят», – усмехнулся Скэриэл.

– Я только книги читал. – Оливер хитро улыбнулся; чуть склонив голову, посмотрел на Скэриэла из-под опущенных ресниц.

Он явно флиртовал или у меня крыша едет?

– Ты мне звонил, но когда я ответил... – осторожно начал я, привлекая его внимание.

– Да, да, – горячо перебил Оливер. – Оливия тайно передала мне телефон, и когда я уже набрался храбрости позвонить, то услышал шаги в коридоре. Так что я испугался и отключился. – И тут он восторженно произнёс: – Оливия сказала, что ты ударил Клива в коридоре. Это правда? Я в шоке.

Я бросил мимолётный взгляд на Леона.

– Сам не знаю, как так вышло. – Кажется, я уже в сотый раз именно так комментировал стычку с Кливом.

– Хотел бы я это увидеть, – мечтательно протянул Оливер и обратился к Леону: – Ты видел, да?

Говорить с Леоном о Кливе в свете последних событий было странно. Теперь, когда я узнал, что их связывает нечто большее, чем простая неприязнь, хотелось как можно скорее сменить тему.

– Да. – Голос Леона звучал ровно. – Сам удивился.

– Кстати, я сдал экзамен по тёмной материи на высокий балл. – Я всё же попытался сменить тему разговора.

– Ух ты, – воскликнул Оливер. – Правда? Круто!

– Это замечательно. – Леон мягко похлопал меня по плечу, и я не вовремя вспомнил, как он заломил мне руку. И чуть было не дёрнулся от его прикосновений.

– Я и не ожидал другого, – мягко улыбнулся Скэриэл.

Несмотря на то что полчаса назад мы чуть не загрызли друг друга в гостиной, я нашёл в себе силы неуверенно улыбнуться ему.

– Готье, ты большой молодец. – Оливия прикоснулась к тыльной стороне руки своими тёплыми тонкими пальцами, и у меня мурашки пошли по коже. Тот инцидент в библиотеке с карандашом и угрозами сейчас показался мне нереальным – будто бы приснился.

– Спасибо вам, – смутился я.

– А вообще это надо отметить! – громко предложил Оливер.

– Поддерживаю, – согласился Скэриэл.

– Я не против, тем более экзамены позади, можно выдохнуть. – Леон посмотрел на меня с примирительной улыбкой, мол, давай

зароем топор войны, забудем всё, что было в торговом центре.

– Ладно, – ответил я. – Можно хоть сегодня, только к ужину мне надо быть дома.

– Как насчёт заказать еды? – предложил Скэриэл.

Спустя час мы уже сидели, наслаждаясь тремя большими пиццами, и с непониманием наблюдали, как Леон откусывает кусок, сдобренный ананасом.

– Меня сейчас стошнит, – театрально проговорил Оливер, изображая рвотные спазмы. – Гавайскую пиццу нужно запретить на законодательном уровне.

Леон тихонько фыркнул, демонстративно жуя с особым наслаждением.

– Прекрати, – пристыдила Оливия брата. – Тебя никто не заставляет есть.

– Ты суший дьявол, – не унимался Оливер, отодвинувшись от Кагера. Леон в голос засмеялся.

– Дайте мне тоже попробовать. – Скэриэл протянул руку к гавайской пицце.

– Нет, стой, не переходи на сторону зла! Что дальше? Начнёшь носить кроксы и топить котят?

– Чем тебе кроксы не угодили? В Запретных землях в них ходят, особенно дети, – посмеивался Скэриэл, уцепив кусок пиццы, щедро усыпанной кусочками ананаса.

– Котят, Оливер, – покачал я головой. – Как ты мог вообще о таком заговорить?

– При чём тут я? – яростно отбивался Оливер, указывая на Леона. – Вы посмотрите на этого преступника, да по нему пожизненное плачет.

– Странное сочетание, но я бы не сказал, что это прям так ужасно, – вынес вердикт Скэриэл, после того как откусил пару раз.

– Вот так рушатся семьи и теряются друзья, – трагично закончил Оливер.

– Оливия, Готье, хотите попробовать? – хитро предложил Леон.

– Пытаешься и их переманить на свою сторону? – Оливер прищурился. – Что ещё ты скрываешь за милой мордашкой, а? Маленький любитель пиццы с ананасами.

– Не люблю ананасы с тестом, – ответил я и отсалютовал куском «Маргариты».

– «Четыре мяса» или «Охотничья» – вот это идеально, – внёс свою лепту Оливер.

– Поддерживаю мясную пиццу, – кивнул Скэриэл.

Оливер с серьёзным выражением лица поднял руку, и Скэриэл отбил пять.

– Так даже лучше, мне больше достанется, – с довольным видом улыбнулся Леон, пододвинув к себе упаковку.

– Монстр. – Оливер изобразил испуг, на что Леон громко фыркнул.

– Как ты будешь в лицей ездить с Ларсом? – спросил я, когда все замолкли, с аппетитом уплетая пиццу.

– В лицее нет Бернарда, так что Ларс будет ждать меня после занятий.

– А что твой отец? Как он повёл себя в тот день? – спросил Леон.

– Скажем так, я ожидал худшего, – начал Оливер, отложив свою порцию в сторону. – Он дал пощёчину и велел идти в свою комнату. Потом пришла мама, плакалась, что отец очень расстроен и лучше бы мне сидеть тихо. Конечно, я бы хотел, чтобы отец, ну, накричал хотя бы, но он даже этого меня не удостоил. Просто отправил к себе и отобрал все развлечения.

– Ты всё это время просидел в комнате? – расстроено уточнил Леон.

– Да. Отец меня видеть не хотел, поэтому я даже ел в одиночестве.

– Довольно жестоко, – заключил я.

– А что твой сделал, когда ты ударил Клива? – Оливер заинтересованно взглянул на меня.

– Ну, – неуверенно проговорил я, – меня тоже посадили под домашний арест, только отец ничего не отбирал. Потом мы поговорили. Решили, что я должен продолжить ходить к психиатру.

– Разговоры с отцом, м-м-м, – протянул Оливер. – Что-то из рода фантастики.

– Хватит, – мягко插вила Оливия. – Отец, понятное дело, не пример для подражания, но он сумел разобраться с журналистами и замял скандал.

– Да, за это ему, конечно, спасибо. Не знаю, правда, как теперь в лицей возвращаться.

– Всё будет нормально, – успокоила его сестра. – Я не дам тебя в обиду.

Оливер смущённо кивнул ей и поспешно вставил:

– Хотел бы я вот таким составом поступить сразу в Академию. Меня всё бесит в этом лицее.

– Скэриэл – в Академию? – удивился Леон.

Все в замешательстве посмотрели на Лоу, но тут Оливер, не сводя с него глаз, добавил:

– А что? Я читал правила поступления. Полукровки могут учиться, просто нужно собрать много важных документов.

Скэриэл в это время молча встал, помыл руки в раковине и вернулся на место.

– Ого, – изумился я. – Серьёзно? Скэриэл может с нами учиться?

– Да! Представляете, если мы все впятером поступим на один факультет? – Оливера охватило волнение. – Это будет круто.

– Даже не знаю, – пожал плечами Скэриэл. – Звучит трудновыполнимо. – Он неторопливо отпил из стакана. – Но да, было бы очень круто.

Спустя пару часов, когда Леон помогал Скэриэлу и Оливии с уборкой на кухне, Оливер внезапно предложил мне отойти на пару минут для серьёзного разговора. Я мигом напрягся, хотя знал, что ничего плохого за это время точно не случилось.

– Готье, я знаю секрет Скэриэла, – шепнул Оливер, поглядывая, как ребята шумно болтают, собирая пустые упаковки из-под пиццы.

– Секрет?

Я был в замешательстве, не зная, что и предположить. Казалось, у Скэриэла секретов выше крыши, всех не перечислишь.

– То, что он владеет тёмной материей лучше, чем обычные полукровки, – уточнил Оливер.

– Прости, не понимаю, о чём ты, – нерешительно выдавил я.

– Да брось, он сказал, что ты знаешь.

– Что он тебе ещё рассказал? – Сердце бешено стучало и готово было пробить грудную клетку.

– Только это. – Оливер скептически осмотрел меня. – А что? У вас есть ещё секреты? Вы всё-таки встречаетесь?

– Нет. – Я старался дышать размеренно. – Что он тебе сказал?

– Ну, он мельком упомянул, что было бы классно вместе учиться, вот только он не уверен, где достать рекомендательные письма. Но ведь мы могли бы их написать. Я думаю, он хотел на это намекнуть.

Значит, Скэриэл говорил об этом с Оливером, а не со мной. Эта новость настолько задела, что я не сразу нашёлся, что ответить.

– Что за рекомендательные письма?

– Типа мы берём ответственность за полукровку. Не очень в этом разбираюсь, но если мы втроём напишем письма, то у Скэриэла будет возможность поступить.

– Необходимы только три письма? – уточнил я.

– Там ещё заплатить надо за учёбу, доказать уровень тёмной материи, подать заявление, и да, три письма от чистокровных. Ты, я и, например, Леон могли бы написать. Оливия сказала, что это всё очень сомнительно и она отказывается в этом участвовать.

– Это правда звучит сомнительно, но если это сработает...

– Я уверен, что сработает.

– Но принимать будет твой отец... – Я внимательно посмотрел на Оливера. – Ты не боишься? Твоё имя будет в письме.

– Плевать. Его любовь я всё равно не заслужу, так что мне уже всё равно. – Звучало так, будто Оливер сам себя убеждал. – Но я хочу отблагодарить Скэриэла за то, что он пытался помочь с Бернардом.

– Хорошо.

– Правда? Отлично, я знал, что ты не откажешь.

Боюсь представить, что из этого выйдет и как отреагирует семья. Ничего хорошего точно ждать не приходилось. С другой стороны, Скэриэл ничем не хуже остальных, и он должен попытать удачу. Хотел бы я посмотреть на отца, если Скэриэл станет студентом Академии Святых и Великих.

– Я в деле, – кивнул я уверенно, и Оливер улыбнулся мне.

Первыми уехали близнецы. Ларс встретил Оливера во дворе и внимательно осмотрел его. Кажется, мистер Брум действительно перегнул палку, считая, что Оливер и Берnard до сих пор поддерживают тайные отношения. Леон уехал чуть позже, успев кратко рассказать нам про историю балета, попутно обсудить со Скэриэлом роль кордебалета на сцене и показать пару лёгких движений.

Оставшись в одиночестве, я вызвал Чарли.

Скэриэл виновато проговорил:

– Я хочу извиниться за то, что наговорил тебе днём.

– Всё нормально, Скэр, – отмахнулся я, наматывая шарф.

Он поймал меня за руку, сжал чуть сильнее и придвинулся ближе, как будто нас могли подслушивать.

– Ты не понял, Готи. – Его тон был серьёзен, так что мне пришлось стереть улыбку с лица. – Я вспылил. Прости.

– Если тебе от этого будет легче, то я прощаю. Я не держал на тебя зла.

– Знаю. Ты бы не стал. От этого мне ещё совестнее.

– Почему?

– Лучше бы ты злился. Мне привычнее принять чей-то гнев, чем прощение. Хочу, чтобы ты знал, что я очень дорожу нашей дружбой. Думай как хочешь, – шёпотом продолжил он, всё ещё держа меня за запястье. – Не знаю, что бы я сделал, если бы мы перестали общаться.

– Этого не будет, – заверил я.

Скэриэл отпустил мою руку.

– У нас много общего, но и многое нас разделяет, – добавил он чуть погодя. – Я знаю, что мы не всегда будем дружить. Такова жизнь.

– Не будь пессимистом.

– Скорее реалистом, – вздохнул Скэриэл, поправил мой шарф и вдруг сказал: – Ты знаешь, что ты очень красивый?

Я сжал руки в кулак, боясь продолжения этого разговора.

– Не надо, – робко проговорил я, отстраняясь.

Мы услышали, как подъехала машина Чарли. Скэриэл грустно произнёс:

– Не позволяй своему водителю так к тебе обращаться.

«Малыш»?

– Это просто в шутку, – зачем-то принялся оправдываться я.

– Плохая шутка. Она может зайти дальше, если ты дашь ему свободу действий.

«Тебе тоже опасно давать свободу действий...» – подумал я.

– Мне надо идти. Отец будет ждать.

Скэриэл отстранился. Накинув куртку, я взялся за дверную ручку:

– Пока.

И тут чужие пальцы обхватили мою ладонь и крепко сжали. Я хотел было что-то сказать, но Скэриэл прижал меня к двери и еле слышно, но твёрдо проговорил в самые губы:

– Повторю это ещё раз, если ты сомневаешься в моих словах: ты мне нравишься, Готи. Очень нравишься. А я нравлюсь тебе. Я это вижу и чувствую. – Тут его голос стал ниже, грубее, отдаваясь в каждой клеточке. – Ты позволяешь чужакам ласково тебя называть и удивляешься, почему я злюсь.

– Скэриэл...

– Дай мне, чёрт возьми, закончить, – почти прорычал он, нависая надо мной.

Я застыл на месте, не зная, как реагировать на такую смену настроения. Конечно, я мог оттолкнуть его, ударить, возмутиться, но вместо этого просто стоял и слушал. Меня немного трясло, а ноги стали ватными. Я испытывал страх, но не такой, как с отцом или братом. Это было ощущение чего-то запретного, притягательного и опасного.

– Мы оба знаем, что я не имею на тебя прав, но, если бы у меня была такая возможность, я бы держал тебя в высокой башне подальше от всех. Знаю, что звучит ужасно, но ничего не могу с собой поделать. Я каждый день боюсь, что ты отвернёшься от меня, увлечёшься кем-то другим. Сначала была Оливия, теперь этот Чарли. Вокруг тебя всегда много людей, и все они чего-то хотят. И это меня так злит, ты не представляешь. Я сдерживаюсь каждый божий день, чтобы не сделать ничего лишнего, не отпугнуть своим напором. Но ты мне ни черта не помогаешь. Вместо того чтобы держать дистанцию, целуешь меня. Это жестоко, понимаешь, очень жестоко.

Он прикрыл глаза, сделал глубокий вздох и снова посмотрел на меня.

– Я тебя сейчас поцелую. И это не будет тот невинный поцелуй, которым ты меня одарил у лица. Один раз, Готи. Всего один раз. Я больше ни о чём не попрошу. – Он внезапно замолчал, облизнул губы и медленно спросил: – Можно?

На лице у него появился красочный румянец. Возможно, и у меня тоже. Его взгляд беспокойно метался по моему лицу: от глаз к губам и обратно.

– Пожалуйста, – почти беззвучно взмолился он.

Я слышал, как Чарли подошёл с другой стороны двери и нажал на звонок. Я дёрнулся, а Скэриэл даже не обратил внимания.

Облизнув губы, я нерешительно посмотрел на Скэриэла вновь и кивнул.

Скэриэл наклонился, нежно касаясь моей щеки подушечками пальцев. Меня будто электрическим током ударило от этого невесомого прикосновения. Сердце бешено забилося, а ноги были готовы предательски подкоситься. Он медленно провёл большим пальцем по моей нижней губе, продолжая пристально смотреть в глаза. Голова шла кругом.

Он придвинулся ближе, практически возвышаясь надо мной, прижимая к входной двери. Не знаю, чего я боялся больше – поцелуя или того, что меня застукает водитель. Осознание, что нас с Чарли разделяет только одна хлипкая дверь, пугало.

От нахлынувших чувств я опустил голову, страшась предстоящего. Возможно, со стороны я тоже выглядел испуганным, но Скэриэл не подал виду, что его это как-то задело. Он взял меня за подбородок и приподнял, чтобы я взглянул на него. Секунды три мы смотрели друг на друга. Его взгляд был ласковым, затуманенным и... влюблённым? Он смотрел так, словно я редчайшее произведение искусства, за которым он всю жизнь охотился и вот наконец завладел.

Я впервые обратил внимание на его ресницы. Они были густыми и длинными. Раньше не замечал... Двигался Скэриэл неспешно, но в то же время уверенно. Под курткой он незаметно положил руку мне на талию, отчего я вздрогнул, почувствовав тепло его ладони, и затем властным, собственническим движением притянул меня к себе, хотя, казалось, куда уж ближе. Мы стояли вплотную, но Скэриэлу этого, кажется, было катастрофически мало.

Он наклонился и мягко поцеловал меня, словно боялся, что я упаду в обморок от более решительных действий.

Меня словно подбросило вверх, а в животе стало так горячо, что я думал, расплавлюсь прямо здесь, на пороге его дома. Обжигающий жар заполонил всё тело и угрожающе порывался вырваться наружу. Приподнявшись на носочках, теперь уже я тянулся к его губам.

Едва устояв на ногах, я вцепился в Скэриэла. Он, видимо, решил, что я готов, и чуть наклонил голову, когда его язык уверенно столкнулся с моим.

Я еле слышно застонал, но Скэриэл словно этого и ждал: завёлся с пол-оборота, очертил пальцами мою линию челюсти и прошёлся по волосам, чуть сильнее сжал пряди, направляя.

Это было безумие. Теперь мы уже с остервенением целовались, как будто желали этого больше всего на свете и только сейчас дорвались друг до друга.

Раздался ещё один дверной звонок, но никто уже не обратил внимания. Я грубо зарылся пальцами в его волосы, а второй рукой всё так же цеплялся за свитер, как будто боялся, что он сейчас исчезнет. Почувствовав мой напор, Скэриэл судорожно выдохнул в поцелуй.

Мы целовались ещё с минуту, затем Чарли пару раз ударил по двери у меня за спиной и крикнул:

– Эй! Кто-нибудь есть в доме? У вас свет горит на кухне!

Не отстраняясь, Скэриэл улыбнулся, а я издал лёгкий смешок.

И всё же я первым оторвался от него и смущённо произнёс:

– Мне пора.

– Да, знаю. – И сорвал ещё один поцелуй с моих губ.

Я тоже не удержался и вновь прильнул к нему. Скэриэл нежно гладил меня по спине, доходя до края брюк, но не переходил черту, хотя я чувствовал, что он этого жаждет.

– Мне правда пора. Чарли уже давно ждёт. – Моё сбившееся дыхание казалось таким громким, что я даже испугался, как бы водитель не услышал.

– Да, да, – скороговоркой протараторил Скэриэл, учащённо дыша.

Лихорадочный блеск глаз, румянец на лице и припухшие пунцовые губы – он был сейчас так притягателен, что пришлось приложить все усилия, чтобы выровнять дыхание и оторваться от него.

Внезапно он целомудренно поцеловал меня в лоб, невесомо касаясь губами, а затем робко пояснил:

– Давно хотел так сделать.

Он отступил назад, позволяя мне собраться, но было мучительно больно расставаться с теплом его рук.

Я кое-как поправил куртку, провёл пятернёй по волосам и попытался унять возбуждение. Скэриэл прикоснулся большим пальцем к моим губам и уверенным движением провёл по ним.

– Влажные, – довольным тоном заключил он.

Я вытер свои губы тыльной стороной руки и, смутившись, попрощался:

– Увидимся.

– Конечно.

Открыв дверь, я натянул капюшон как можно ниже и вышел. Стремительно обогнул Чарли и не глядя направился к машине. Кажется, вопрос «Почему так долго не открывали?» повис в воздухе.

– Вы сдержали обещание, – проговорил я, садясь в кресло. Это было первое, что я сказал на сегодняшней встрече с психиатром. – Ничего лишнего не передали моему отцу.

– Вас это удивляет? – Сидя напротив, миссис Рипли подняла брови.

– Честно говоря, да, – отозвался я, откинувшись на спинку кресла.

Сидеть перед ней, вещать о своих проблемах и всячески обходить стороной каверзные вопросы всё ещё было сложно, но я чувствовал, что с каждым сеансом позволял себе больше. Это одновременно пугало и радовало.

– Повторюсь ещё раз, мы тут для того, чтобы помочь вам.

Я промолчал, смотря в сторону. Миссис Рипли больше не проронила ни слова, но то и дело поглядывала на меня, ожидая, что я продолжу. Кажется, она ещё с первого сеанса поняла, что я чувствую себя некомфортно под её взглядом, и потому старалась подолгу его на мне не задерживать. В какой-то степени я был ей за это благодарен.

Но сегодня я не был настроен на разговоры. В таком подавленном состоянии мне абсолютно ничего не хотелось, только рвануть отсюда со всех ног и оставить этот кабинет далеко позади. И дело вовсе не в миссис Рипли.

Последняя неделя выдалась на редкость беспокойной. Я не мог усидеть на месте дольше десяти минут, постоянно вспоминал о поцелуе со Скэриэлом, и меня безжалостно бросало то в жар, то в холод. Как только перед глазами вставала сцена, как Скэриэл тихо произносит «пожалуйста», я тут же становился весь пунцовый. Не справляясь с накатившими эмоциями, прибегал к разным, порой не самым адекватным действиям: кричал в подушку от стыда, пару раз треснул себя по голове учебником по истории тёмных сил и даже ударился в физические нагрузки, до чего ранее никогда не доходило.

Как бы это глупо ни звучало, но за семь дней я успешно прошёл все стадии: отрицание, злость, торг, депрессия и принятие, – смешно даже вспоминать, но в первое время убеждал себя, что всё это мне только привиделось. Помутнение рассудка, ей-богу.

Хуже всего было то, что Скэриэл как в воду канул, просто исчез без предупреждения, как будто не было его никогда в моей жизни. Он не отвечал на звонки и эсэмэс, не появлялся у себя дома. На последней стадии – принятие – я два раза приезжал к нему, вот только зря. Помимо него дали дёру даже Эдвард с Джеромом, словно они в ту же ночь побросали вещи в чемоданы, вызвали грузовик для переезда и отчалили далеко и надолго, злорадствуя, как ловко обвели меня вокруг пальца.

В конце концов я уже было решил, что чокнулся и Скэриэл был не более чем плодом воспалённого воображения. И так я считал до тех пор, пока не додумался постучать в соседскую дверь, из-за которой на меня сразу обрушился собачий лай. Мистер Гроссо в окружении пуделей, к моему удивлению, хорошо отозвался о Джероме, назвав его скромным и тихим полукровкой, а затем пробормотал, что не в курсе, куда подевалась вся семейка Лоу. При этом, выйдя на крыльцо, он окинул вопросительным взглядом соседские двор и дом, как будто на газоне и окнах бегущей строкой могло отобразиться разумное объяснение их внезапному исчезновению. Мистер Гроссо дружелюбно предложил мне подождать у него и попробовать сливовый пирог, но я вежливо отказался. Не подтверди он факт существования Скэриэла, я бы смирился с тем, что всё выдумал, стремясь после смерти матери заполнить кем-то свою никчёмную жизнь.

Всё-таки они сбежали.

Чарли с недоумением наблюдал за мной, рыскающим по чужому двору в поисках хоть какой-то зацепки. Водитель решил было, что я потерял что-то ценное, предлагал свою помощь, но я лишь мотал головой и небрежно отмахивался. Разозлившись, под удивлённые возгласы Чарли я пнул почтовый ящик Скэриэла и уже подумывал о том, чтобы разбить окно в его доме, да вот только не вовремя включилось рациональное мышление. Смирившись с тем, что вся троица бесследно исчезла, я медленно погружался в пучину безысходности.

Я весь содрогнулся, вспоминая эти дни. От выходов Скэриэла меня душила ярость, и в результате я начал срывать на домашних по любой мелочи. Шумная Габриэлла, болтливый Чарли, неповоротливая Фанни, даже молчаливая Лора страдали от моего невменяемого

состояния. Я злился на Скэриэла, а затем, как будто мне было мало, злился на всех остальных и под конец на себя.

Мне бы пройтись, отвлечься на картины, чтобы не видеть миссис Рипли, смотрящую прямо в душу. Я чувствовал себя обнажённым перед ней, словно вместе с многочисленными дипломами по психиатрии, гордо развешанными на стенах, она обладала и навыком чтения мыслей. Я всё представлял себе, что даже сейчас она читала мои гневные и порой непристойные мысли, но, будучи профессионалом, сдерживалась.

– Вас что-то беспокоит? – спросила миссис Рипли.

Только сейчас я заметил, что всё это время машинально стучал пальцами по подлокотнику. Сжав руки в кулак, я насупился и сел полубоком, чтобы видеть часть стены, а не натекаться лихорадочно блуждающим взглядом на собеседницу.

– Вы правда говорите моему отцу только то, что я разрешаю сказать? – спросил я, искоса поглядывая на неё.

– Да, передаю всё, что не противоречит политике конфиденциальности.

– Что ещё вы можете ему сообщить?

– Я не выхожу за рамки нашего соглашения, но моя задача – оказание помощи. Только в случае, когда существует угроза вашей жизни или жизни других людей, я обязана сообщить не только вашему отцу, но и необходимой организации.

– Например?

– Например, если вас будут посещать навязчивые суицидальные мысли или вы причините себе физический вред, я обязана проследить за вашей госпитализацией. Если вы угрожаете кому-нибудь и ваша угроза может причинить вред другому человеку, я обязана сообщить в полицию.

– Надеюсь, до этого у нас не дойдёт, – хмыкнул я.

Честно говоря, я был близок к тому, чтобы причинить тяжкий вред Скэриэлу, попадись он только под руку.

– Я тоже. Пока никаких предпосылок к этому нет, – улыбнулась миссис Рипли.

– Неделю назад мы столкнулись в торговом центре. – Не хотелось говорить об этом, но я чувствовал, что лучше расставить все точки над «i», пока окончательно не рассорился со своим окружением.

– Да, верно.

– Вы на меня обиделись?

– С чего вы так решили? – поразила она, отчего мне стало так неловко, что я не знал, куда себя деть.

– Вы просто развернулись и ушли, ничего не сказав. Я подумал... – затих я в надежде, что миссис Рипли возьмёт инициативу в беседе на себя.

– Нет, мистер Хитклиф, конечно же, я не обиделась, – мягким голосом, будто разговаривая с ребёнком, начала она. – Я носитель конфиденциальности и не имею права первой раскрывать факт того, что вы проходите у меня терапию. Если мы сталкиваемся в общественных местах, то я буду делать вид, что не знакома с вами, до тех пор пока вы сами не поздороваетесь со мной. Многие мои клиенты держат в секрете, что посещают психиатра.

– Я с вами тогда не поздоровался, – не глядя проговорил я в ответ. – Простите. – И честно признался: – Был ошарашен нашей встречей вне стен кабинета.

– Прекрасно понимаю. Если вы хотите скрыть, что посещаете меня, то мы можем и дальше делать вид, что незнакомы. Это ваш выбор.

– Да, я бы хотел это скрыть.

– Хорошо. На людях мы с вами незнакомы.

Во время сеанса я прошёл пару тестов и даже не удивился, когда миссис Рипли сообщила мне, что у меня повышенный уровень тревожности. Разве могло быть иначе?! Я бы не удивился, если бы мой уровень бил все мыслимые и немыслимые рекорды, и морально готовился к рецепту на гору транквилизаторов. Слышал, что они могут помочь отключить голову и перестать паниковать. Это мне как раз и нужно было. Но миссис Рипли сообщила, что это крайняя мера и я обойдусь правильным режимом сна, физическими упражнениями и терапией. В общем, ничего существенного, так что с тревожностью я так и останусь до скончания веков. Или пока миссис Рипли не сжалится и не выпишет что-то действенное.

– Нет, мистер Хитклиф, – покачала она головой, когда я в конце сеанса снова намекнул на антидепрессанты и транквилизаторы. – Всё не так плохо, как вам кажется.

Уверяю вас, всё гораздо хуже. Я целовался с полукровкой, а он сбежал в ту же ночь. Видимо, мои поцелуи – катастрофа, способная отпугнуть любого от Центрального района. А теперь я страдаю и впадаю то в ярость, то в апатию. Так что если вам кажется, что всё не так плохо, то ладно, переживу. Могло быть и хуже, верно?

Вечером я вновь не удержался и накричал на Габриэлла, распростёршуюся на полу гостиной и вцепившуюся в мою штанину с криками.

– Пожалуйста!

– Габи, да отстань же ты!

Было чувство, будто все в этом доме испытывали моё терпение. Габриэлла в последние дни сделалась особенно навязчивой и категорически не принимала отказа. Я уже было подумал, не очередной ли у неё возрастной кризис, так некстати начавшийся.

– Только одну причёску! Ну пожалуйста! Без блёсток, я обещаю!

– Госпожа Габриэлла, – воскликнула Сильвия, безуспешно пытавшаяся разжать маленькие пальчики, – не трогайте своего брата! Пожалуйста, дайте ему пройти.

– Он обещал! – Габи тянула за ткань моих брюк, как за спасательный круг. На её лице застыло такое безысходное горе, что можно было смело вызывать траурную процессию. – Он сказал, что после ужина поиграет со мной.

– Не было такого! – взревел я, обращаясь к Сильвии. – Она врёт!

– Пожалуйста, Готье! Всего десять минут! – Утробные стоны, раздававшиеся снизу, походили на звуки преисподней.

– Отстань от меня, – прорычал я, разозлившись не на шутку.

Я хотел было оттолкнуть её ногой, но как раз в этот момент она разжала пальцы. Габи вскрикнула, испугавшись, что я замахнулся, сама отскочила и глухо ударилась головой о твёрдую панель дивана. Мы все замерли. Я выпучил глаза, не в силах что-либо произнести. Габриэлла удивлённо застыла, уставившись на меня, медленно коснулась затылка, словно не до конца понимала происходящее, затем поднесла пальцы, перепачканные кровью, к лицу – секунды три до неё доходило, что это кровь с её головы, – и тут же пронзительно закричала от боли.

– Госпожа Габриэлла, всё хорошо, – затараторила Сильвия, поднимая её. – Сейчас всё пройдёт. Идёмте, я вас осмотрю. Сильно

болит? – И затем обратилась ко мне, перекрикивая верещающую Габи: – Мы поедem в больницу мистера Дона. Надо убедиться, что у неё нет сотрясения.

– Я не хотел... – расстроенно пробубнил я в ответ.

– Это не ваша вина. Небольшое недоразумение. Всё в порядке. Она просто испугалась и сама ударилась. Я сообщу господину Уильяму, – проговорила Сильвия, держа Габи за руку.

История с сестрой окончательно добила меня. Расстроенный, я шёл в свою комнату, как вдруг кто-то грубо схватил меня за запястье. Сначала я решил было, что это Скэриэл, и хотел обрушить на него весь накопившийся за эти дни гнев, но, увидев холодное выражение лица Гедеона, остановился. Он смерил меня презрительным взглядом. Только не это...

– Что с тобой? – требовательно спросил он.

– Ни... ничего. – Гениальной ответа и не придумать.

Гедеон плотно сжал губы и властно притянул меня ближе. Хватка у него была стальной. Казалось, что сейчас мои кости под его натиском раскрошатся в пыль.

– Тебя кто-то обидел? – внезапно спросил он, прищурившись. – Тот полукровка?

Дыхание сбилось. Меньше всего я ожидал, что он попадёт прямо в точку. Так подставлять Скэриэла я не собирался. Если чего и стоило бояться, так это мести Гедеона. Вспомнив, как он подставил Оливера, я уже было испугался за жизнь Скэра. Нет, мне ни в коем случае нельзя что-либо о нём говорить.

– Нет. Он тут ни при чём. – И, набравшись храбрости, я произнёс сквозь зубы: – Отпусти меня.

Гедеон демонстративно поднял мою руку на уровень глаз и сжал запястье. Почудилось, что ломаются кости, но я не издал ни звука. Гедеон словно хотел запечатлеть на коже свой отпечаток, чтобы, где бы я ни находился, этот след был со мной как напоминание о его власти.

Он усмехнулся, а по моей спине прошёл холодок. Гедеон продолжал с силой сжимать запястье, как будто ждал, что я стану умолять его. «Если останутся синяки, – отстранённо подумал я, – придётся их прятать под длинными рукавами».

– Габриэлла повезли к врачу? – спросил он.

– Да... я не хотел, она просто... она сама... – растерянно выдал я.

Неужели Гедеон пришёл наказать меня? Но вместо этого он лишь произнёс:

– Ты её разбаловал, позволяя многое, и теперь пожинаешь плоды.

– Что? – У меня натурально отъехала челюсть.

– Ты позволяешь многое и своему полукровке. Не покрывай его. Тебе это дорого обойдётся, – понизив голос, добавил он. Почти совет от старшего брата. Я ожидал упрёков, угроз, запугивания, но в этот раз голос Гедеона звучал... обеспокоенно?!

Он отбросил мою руку в сторону. Запястье горело, но я сдерживался, чтобы при нём не начать с остервенением растирать больное место. Закусив губу, я грозно нахмурился, но Гедеон и бровью не повёл.

– Что ты имеешь в виду?

Но он лишь повернулся и устремился прочь, потеряв ко мне всякий интерес.

– О чём ты?! – бросил я ему вслед.

Проигнорировав вопросы, Гедеон скрылся за углом. Постояв ещё немного в коридоре, я развернулся и в растрёпанных чувствах побрёл в свою комнату. Запястье ныло, но в целом я ещё легко отделался.

Войдя в комнату, я не стал включать свет. Хотелось лечь в кровать, зарыться в одеяло и сразу уснуть, чтобы день поскорее закончился. И тут кто-то со спины прикрыл мне глаза ладонью. Я чуть было не вскрикнул, решив, что это Гедеон вернулся для того, чтобы продолжить свои пытки.

– Угадай кто? – игриво произнёс знакомый голос над самым ухом, и я с большим удовольствием ткнул его острым локтем в бок.

– О-о-о, – простонал Скэриэл, согнувшись в три погибели.

– Где ты, твою мать, был всё это время? – набросился я на него, схватив за грудки и начиная с остервенением трясти.

– Оу. – Меня его междометия начинали нехило так злить. – Ты скучал?

Скэриэл вытянулся во весь рост и радостно улыбнулся. Попытавшись унять ярость, я отошёл назад. В лунном свете он был чертовски хорош. Так и хотелось разбить ему нос за это.

– Куда ты подевался? Неделю молчал. Не предупредил, что уедешь.

– Мистер Гроссо весь извёлся после того, как ты к нему заходил, – довольным тоном выдал Скэриэл. – Не думал, что все будут так взволнованы моим отсутствием. – Он вальяжно уселся на кровати, закинув ногу на ногу. – Я бы даже сказал, что это очень приятно.

– Ты сейчас договоришься, Лоу, – рявкнул я, грозно наступая.

– Полегче, – шутливо бросил он, вставая на кровати. – Я могу закричать, и сюда сбежится весь дом.

Под его весом что-то скрипнуло, и я с остервенением посмотрел, как он топчется по моему постельному белью.

– Спускайся, – прорычал я, задрав голову. – Обещаю, что не буду сильно бить.

– Будешь, – не унимался Лоу, стоя на кровати и покачиваясь, словно на батуте. – Мистер Хитклиф, отойдите на три шага в сторону, я вас боюсь.

– Скэриэл, – глухо проговорил я, – в последний раз повторяю, спустись с моей постели.

– Ладно, давай руку, – внезапно успокоился он, протягивая ладонь.

Я так и сделал, желая столкнуть его, но Скэриэл опередил меня. Он с силой потянул меня вверх. В последний момент я успел подскочить и, заваливаясь на него, очутился на кровати.

– Ты что творишь? – прошипел я, когда Скэриэл крепко обнял меня.

Я принялся вырываться, но силы были неравны. Теперь мы оба стояли на кровати, а под нами чуть скрипел матрас.

– Ш-ш-ш, – тихо произнёс он. – Просто выслушай меня.

Но я не мог успокоиться и продолжал вырываться, злясь на то, что даже из простого разговора Скэриэл умудрился сделать целое представление.

– Прости. Эдвард был в Запретных землях и зашёл на чужую территорию. Его избили. – Голос его вдруг стал серьёзным. – Я сразу же выехал к нему. Не было времени на объяснения. Прости, что пропал.

– Эдвард? Что с ним?

– Всё в порядке сейчас. Сломаны два ребра, синяки по всему телу, но жить будет.

– Кто его так?

– Группировка одна. Эдвард просто очутился не в том месте не в то время.

– За всю неделю ты не мог мне позвонить или ответить на эсэмэс? Я не знал, что всё так серьёзно!

Вздохнув, он нехотя выпустил меня из объятий и полез в карман.

– Вот. – Скэриэл указал на смартфон. – Новый. Никаких контактов. Я потерял свой телефон. Или его украли. Ни у Джерома, ни у Эдварда твоего номера нет.

Я молчал, переваривая информацию.

– Можно навестить Эдварда?

– Думаю, да, – помедлив, ответил Скэриэл. – Мы его вчера перевели в больницу получше. Три дня собирали документы, чтобы перевезти из Запретных земель. Такая морока, ты бы знал, – устало выдал он.

Мы сели на кровати.

– Я хочу узнать, – уверенно проговорил я.

– Что? – нахмурился он.

– Покажи мне Запретные земли. Покажи самые ужасные закоулки. Я хочу увидеть, как живут низшие.

Он пристально посмотрел на меня, а затем задал вопрос, на который я долго не мог дать ответ:

– Когда?

Это нужно было сделать намного раньше.

– Завтра, – решительно ответил я.

XXXIII

Скэриэл указал на автобусную остановку и торжественно объявил:

– Путешествие начинается!

– Может, лучше на такси? – засомневался я, едва завидев приближающийся автобус.

Скэриэл повернулся ко мне, продолжая идти спиной вперёд.

– Ты ведь никогда не катался на нём, верно? – весело спросил он, будто мы говорили об аттракционах.

Я шёл в большой бесформенной куртке, надеясь, что не встречу за углом Гедсона. Почему-то именно перед ним предстать в подобном образе было особенно страшно. Запястье не болело, но, как я и думал, синяки кляксами украшали кожу. Скэриэл не заметил их только потому, что на мне была водолазка с длинными рукавами. На миг я почувствовал себя Леоном, которому постоянно приходилось скрывать следы побоев на теле.

– Ага. Отец убьёт меня, если узнает.

– Дешёвый транспорт для полукровок, – согласился Скэриэл, вновь повернувшись. – Что может быть лучше? – Он посмотрел на нетерпеливую толпу, снующую вдоль остановки. – Ты ведь хотел узнать, как живут полукровки и низшие.

– Ну да, – неохотно ответил я, опустив озябшие руки в бездонные карманы куртки и только теперь понимая, что впопыхах оставил перчатки дома. – Ладно. Не думаю, что автобус меня чем-то удивит.

Перед поездкой в Запретные земли Скэриэл попросил меня одеться как можно менее заметно, но всё равно остался недоволен моим выбором.

– Что? – спросил я после его многозначительного молчания.

– Это пальто не подойдёт. Выглядит слишком, – он покрутил ладонью в воздухе, – дорогим.

– Дорогим? – Я осмотрел себя со всех сторон. – Обычное пальто.

Скэриэл поморщился, словно дольку лимона проглотил.

– В Запретных землях все сразу разнюхают, что ты богач, и могут ограбить. Не стоит давать лишний повод.

Я не собирался сдаваться без боя. Казалось, что Скэр просто издевается надо мной. Чем ему не угодило обычное классическое пальто?

– И что ты предлагаешь?

– Подожди. – Он полез в шкаф и выудил оттуда старую потёртую куртку; с ходу и не разберёшь, что это за цвет, чёрный или тёмно-синий. – Это Джерома, но у него сейчас новая, так что он не будет против, если ты наденешь.

– Она мне большая, – скептически заметил я. – Может, я всё же пойду в своём?

Мы препирались добрых десять минут, но в итоге Скэриэл сумел уговорить меня. Я бы мог и дальше спорить, но он категорично заявил, что, во-первых, я ни черта не смыслю в Запретных землях, а во-вторых, мы тратим бесценное время на мои капризы.

Скэриэл также настоял на своей старой шапке, чтобы скрыть мой цвет волос.

– Твоя слишком яркая, – безжалостно вынес вердикт он.

– Чушь какая-то, Скэр, – проворчал я, но всё же принял чёрный бесформенный кусок ткани, который Скэриэл по ошибке называл шапкой. – Когда я там был с Оскаром, то видел много полукровок в яркой одежде.

– Слушай, – невозмутимо начал он, – я долгое время жил в Запретных землях, и я знаю, как себя вести: что делать и говорить, чтобы избежать проблем – даже если привлечёшь к себе внимание. Этому учишься с детства. А ты этого не знаешь. – Он ткнул меня пальцем в грудь, отчего я без задней мысли посмотрел вниз, и тут Скэриэл приподнял руку, игриво задев пальцем кончик моего носа. – Попался.

Я скорчил недовольную гримасу.

– С Оскаром ты был в развлекательном районе, а я тебя повезу в отдалённые уголки, туда, где чистокровные – редкое явление.

– Хорошо. – Я накинул куртку Джерома и, выхватив шапку из рук Скэриэла, проворчал: – Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Разумеется, – ухмыльнулся Скэриэл, наблюдая, как я в чужом одеянии выхожу из его дома. – Выглядишь как прелестный полукровка.

Я показал ему средний палец. Куртка была неудобной, висела на мне мешком, пахла собаками, так ещё и в карманах обнаружилась гора мусора в виде чеков, записок, ручки, одной перчатки и нескольких целлофановых пакетиков.

Когда я сообщил Скэриэлу о том, что куртка не очень отвечает моим стандартам красоты – от неё, между прочим, воняет псиной, – то в ответ получил:

– Кажется, Джером в ней выгуливал соседских пуделей.

– Чудесно, просто чудесно, – скривился я, и на этом тема одежды была закрыта.

И вот теперь мы стояли поодаль и наблюдали за тем, как полукровки торопливо садились в автобус.

– Натяни капюшон, – тихо посоветовал Скэриэл, пристроившись к очереди у последней двери. – Не надо раньше времени их пугать.

– Пугать? – переспросил я, но он не ответил.

Мы еле влезли последними в заполненный салон. Толпа прижала нас к стеклянным дверям. Внутри неприятно пахло, и я не сразу смог понять, в чём причина, пока меня не вжали в поручень, за который я держался: рядом с пластиковыми вставками запах усилился. Кое-как вытянув свободную руку, я зажал нос, надеясь не задохнуться. Слабый запах собак, исходивший от меня, полностью перекрыла вонь от некачественного пластика.

– Экономят на автобусах. Тут всегда так пахнет. – Скэриэл придвинулся ближе. – Мы уже привыкли.

Его колено то и дело упиралось в моё, так что я чувствовал Скэриэла, и мурашки бегали по коже всякий раз, когда я вспоминал о поцелуе.

Большая часть полукровок толпилась в середине и в задней части автобуса, первые два ряда сидений около водителя пустовали. Я удивлённо уставился на свободное пространство. Скэриэл уловил мой непонимающий взгляд, встал вплотную ко мне, чуть нагнулся и на ухо прошептал, опаяя горячим дыханием:

– Ты ведь знаешь о раздельных правах?

– Что? – спросил я одними губами.

– Раздельные права. Одна страна, но права для всех разные.

Я зашептал в ответ, надеясь, что посторонние наш разговор не услышат за гулом двигателя:

– Ты про то, что чистокровные живут отдельно от низших и полукровки не могут выезжать из страны без разрешения?

Скэр кивнул и продолжил:

– Есть более мелкие примеры раздельных прав. Видишь эти места? Никто из полукровок не смеет на них сесть. Они для чистокровных. Я тебе даже больше скажу – только чистокровные могут зайти в автобус через передние двери. – Скэриэл улыбнулся. – Смотри, как полукровки прижаты друг к другу и терпеливо едут, – хмыкнул он. – Но знаешь, что ещё смешнее?

Мне ничего из этого не казалось смешным, но я всё же вопросительно посмотрел на него.

– Чистокровные практически не пользуются автобусами, – произнёс Скэриэл; я угрюмо поглядел на него. Он облизнул губы и продолжил объяснение, но хитрая улыбка так и не сходила с лица. – Вы не пользуетесь автобусами, ведь у вас есть свои машины с водителями или, на худой конец, такси. Но здесь места, – он кивнул вперёд, – закреплены за вами на законодательном уровне. И знаешь что?

– Что?

– Тебе пора занять своё место. – С этими словами он стащил с меня шапку и громко произнёс, привлекая внимание: – Простите, мистер чистокровный, сэр.

Полукровки обернулись на меня, заметили светлые волосы, выбивающиеся из-под капюшона, и в ужасе начали отодвигаться, как будто я прокажённый. По салону пронёсся шёпот: «Чистокровный». Все находящиеся в салоне расступились передо мной, хотя, клянусь, секунду назад они все были зажаты, как сардины в консервной банке. Кое-как, жертвуя своим удобством, полукровки освободили мне путь, чуть ли не наваливаясь друг на друга.

– Сэр, вам стоит пройти вперёд, там более комфортно, – вежливо произнёс Скэриэл, а в глазах у него так и прыгали чёртики.

Я гневно поглядел на него и решил, что лучше сесть на предложенное место, чем заставлять полукровок стоять почти на головах друг у друга. Негодуя я прошёл вперёд, ощущая, как на меня все враждебно смотрят. Полукровки в эту минуту ненавидели меня за то, что я с самого начала не воспользовался передними дверьми и не занял надлежащее место, а горько пошутил над ними, заставив

корчиться в давке. Я опустил капюшон до самых глаз, скрывая светлые пряди, и сел, твёрдо решив выйти на следующей остановке.

– Ну как тебе? – спросил Скэриэл, когда мы очутились на улице.

– Зачем ты так? – накинулся я на него. – Они все разозлились на меня!

– Не на тебя, Готи, – уверенно проговорил он. – На систему разделения по статусу.

– Что? Нет, они на меня...

– Не знаю, чувствует ли это Совет старейшин, – Скэриэл перебил меня, – но полукровки и низшие в нашей стране скоро потеряют всякое терпение. Они уже на пределе. – Выдержав паузу, он закончил: – Осталось только поджечь фитиль.

– О чём ты?

– Идём. – Торопливо оглядевшись, он сменил тему: – Закажем такси. Надо пересечь границу.

– Что насчёт автобуса? – недовольно спросил я. – Решил преподать мне урок? Мог хотя бы предупредить о том, что стащишь с меня шапку у всех на виду?!

– Понравилось кататься? – Скэриэл переходил дорогу в непопленном месте, и мне пришлось ускориться, чтобы поспеть за ним, и всё время оглядываться по сторонам. – О нет, никаких уроков. Просто лучше всё узнать на личном опыте. Рассказывать можно много, но запомнится только то, с чем столкнулся сам.

Мы очутились на другой стороне дороги, и только одному Богу известно, как не попали под машину.

– Если бы я тебя предупредил, ты бы не залез в автобус. – Остановившись на тротуаре, он уверенно произнёс: – Раздельные права начинаются не с переселения низших в Запретные земли. Раздельные права – это когда тебе запрещено пользоваться передними дверьми и садиться впереди в автобусе. Когда твоё место только позади, с глаз долой. Когда тебя не пускают пообедать в ресторан, с порога угрожающе плюются и выгоняют со словами: «Обслуживаем только чистокровных». Когда нужно искать специальные магазины, где тебе захотят продать сахар или муку. Когда полиция хочет засадить тебя за решётку просто потому, что у тебя тёмные волосы или смуглая кожа. Раздельные права – это когда тебе приходится постоянно везде

предъявлять документы, демонстрировать наличие тёмной материи и проверяться на вис. – Он резко замолчал, плотно сжав губы.

Мы постояли немного, наблюдая за тем, как люди садятся в следующий автобус.

– Готи, – вновь начал он, – тебе не понравилось, что по правилам нужно было садиться впереди?

– Меня это выбесило.

– Представь, как изо дня в день бесит, когда правила вынуждают садиться позади. – Он похлопал меня по плечу. – Ну, пошли?

– А что насчёт Сильвии или Фанни? – Я последовал за ним. – Они часто ходят за покупками. Их не выгоняли из магазинов.

Скэриэл достал из внутреннего кармана документ и раскрыл его.

– Что тут написано? – Он указал на графу рядом со своей чёрно-белой фотографией. – Прочти.

– «Полукровка, свободный».

– Твои Фанни и Сильвия, Чарльз, Лора и Кэтрин – все они не свободные полукровки. По документам они работают на вашу семью, а значит, в документе значится «трудоустроенный» и рядом подписана фамилия твоего отца. Он взял ответственность за ваших полукровок. Трудоустроенные полукровки на голову выше по закону, чем свободные, хотя я бы с этим поспорил. Есть ещё нелегальные полукровки, они окольными путями попадают в города из Запретных земель. Вот их как раз и ловит полиция.

– Джером был нелегалом?

– Да. Но Эдвард выбил ему статус свободного полукровки.

– Что значит быть свободным полукровкой?

Скэриэл полез в смартфон и открыл приложение для заказа такси.

– Я принадлежу сам себе. У меня нет хозяина. Но получить статус свободного полукровки очень сложно. – Он начал перечислять: – Нужно собрать кипу бумаг, подать их в министерство и каждые полгода платить удвоенные налоги. Многие не любят свободных полукровок, потому что подозревают нас в преступной деятельности. Как будто полукровка не может сам легально открыть собственный бизнес, устроиться в компанию, не требующую наличия хозяина. А что по поводу твоих, то уверен, что в вашем районе все знают Сильвию или Фанни и на кого они работают.

– Ты платишь удвоенные налоги?

– Конечно. Совет старейшин за счёт меня и шикает. А. – Он взглянул на моё недовольное лицо и добавил: – Прости. Иногда забываю, что твой отец в Совете.

– Трудоустроенные полукровки не платят налоги? – Мне не хотелось обсуждать отца.

– За них платят чистокровные, но налогов намного меньше.

– А низшие что-то платят?

Он снисходительно рассмеялся, как будто я сморозил нелепую шутку.

– Большинство из них еле сводят концы с концами в Запретных землях. Какие налоги?

– Среди низших нет богатых? Тех, кто занимается наркотиками или борделями?

– Хм. – Скэриэл нахмурился. – Откуда такие вопросы?

– Просто размышляю логически...

– В развлекательных районах в основном руководят полукровки. Низшие редко стоят во главе банд, но всё может быть. – Он придвинулся ближе. – Ты должен уяснить только одно: все эти «свободные», «трудоустроенные» и «нелегальные» – просто названия. В других странах это уже давно отменили. Там даже теперь не делят людей по статусу. Нет этих постоянных напоминаний: «чистокровный», «полукровка», «низший». Мы просто люди, граждане своей страны. В некоторых странах упоминание статуса вообще запрещено и можно подать в суд. Наш Совет старейшин, министерства, суды, полиция – все они работают ради того, чтобы поддерживать наличие статусов. Взгляни вокруг. Чистокровных около двадцати процентов населения. Полукровок почти пятьдесят процентов. Мы можем в любой момент устроить переворот, нас больше. Уверен, что низшие тоже присоединятся к перевороту, если он опять случится. Что делают чистокровные, чтобы остаться у руля? Они ведут пропаганду о том, что полукровки не могут выжить без хозяина, что низшие не способны даже шнурки завязать. Что чистокровные – единственные, кто может управлять страной, и без них всё скатится в тартарары.

Скэриэл считал, что и мой отец замешан в этой пропаганде, но я-то знал, что он состоит в оппозиционной фракции и защищает права полукровок и низших. Но, возможно, это ничего не значило для Скэра.

«Кучка надменных стариканов, которые возомнили себя пупом земли, да они не видели жизни дальше своих хором» – именно так Скэриэл отзывался о Совете старейшин.

Мы сели в такси, доехали до границы и встали в пробку в очереди к контрольно-пропускному пункту. Пришлось прождать около сорока минут, прежде чем подошла наша очередь. По просьбе Скэриэла я не стал надевать шапку.

– Добрый день, – строго произнёс чистокровный в чёрном кителе, обращаясь к нашему водителю. – Статус, имя, фамилия, цель выезда?

Второй пограничник попросил Скэриэла выйти из машины.

Я сидел и наблюдал за тем, как он демонстрировал наличие тёмной материи.

– Добрый день, – вежливо проговорил третий в униформе, наклонившись к открытому окну. – Мистер?..

– Хитклиф. Готье Хитклиф.

– Мистер Хитклиф, эти полукровки с вами?

– Да, всё верно. Мне выйти из машины?

– Благодарю. Нет, всё в порядке. – Пограничник отошёл, помахав другим.

Скэриэла с водителем отпустили одновременно, и они шумно сели в машину.

– Тебя даже не проверили, – произнёс он, убирая документы во внутренний карман куртки. – Фамилия Хитклиф творит чудеса.

– Там кого-то задержали с висом, – хмуро проговорил водитель Скэриэлу, проезжая через контрольно-пропускной пункт. – Видел, как окружили беднягу? Не завидую я ему. Сейчас начнут эти жестокие допросы... Как они их называют?

– «Расширенные методы допроса». Да, видел. Вис что-то стал популярен в последнее время, – задумчиво добавил Скэриэл.

– Расширенные... – еле слышно проворчал водитель, останавливаясь на светофоре. – Голову ему проломают – вот и весь допрос.

– Что случилось? – спросил я, надев шапку и развернувшись полубоком, чтобы рассмотреть пограничников и, возможно, того бедолагу, о котором говорили.

– Кого-то поймали с перевозкой наркотика, – понизив голос, объяснил Скэриэл. – Называется «вис» и состоит из крови

чистокровного.

– Откуда вообще берется кровь чистокровного?

– Наверное, воруют донорскую. Честно говоря, я не знаю.

– Простите, что влезаю, сэр, – отозвался водитель, обращаясь ко мне. – Я слышал, что чистокровных убивают ради получения виса.

Он поглядел на меня через зеркало заднего вида. Было непонятно, шутит он или говорит серьёзно.

– Убивают чистокровных? – Я воззрился на Скэриэла.

– Так говорят. Городские слухи, – пожал плечами он.

Оставшуюся часть дороги мы ехали, погрузившись каждый в свои мысли. Мне уже приходилось один раз пересекать границу, но прошлая поездка прошла совсем незаметно. Тогда я был с Оскаром, а он, как человек бывалый, легко обходил пограничников.

– Да твоего Оскара, наверное, уже каждая собака знает в Запретных землях. Он чистокровный, вот его пограничники без проблем и пропускают. Даже если он в багажнике везёт труп, его всё равно не проверят, – сокрушался Скэриэл.

Раздельные права.

«Все животные равны, но некоторые животные равнее», – то и дело крутилась в голове фраза Джорджа Оруэлла.

Когда людей на улицах стало больше, я понял, что мы въехали на территорию развлекательного района. Скэриэл попросил высадить нас у ближайшего бара.

– Запретные земли, – выдохнул он. – Одновременно люблю и ненавижу это место.

– Почему?

– Чувствую себя свободнее, но много негативных воспоминаний. Смотри, чтобы никто не заметил твой цвет волос. Не хочу с каждым знакомым потом объясняться.

– У тебя здесь много знакомых?

– Да тут все друг друга знают. Так что если встретим кого-то, то помни, что ты полукровка и здесь по делу.

Мы двинулись вверх по улице. Ярко светило солнце, дул сильный ветер, и я мёрз в огромной куртке. Удивительно, но здесь казалось холоднее, чем в центре.

Многие рестораны и бары были закрыты. Вывески гласили, что откроются они в районе шести вечера и будут работать до утра.

Повсюду валялись пустые бутылки из-под алкоголя, мятые пачки сигарет, а кое-где, прямо на грязной земле, укрывшись газетами, спали люди.

– Они не замёрзнут? – испуганно спросил я у Скэриэла, на что он мрачно изрёк:

– Всегда кто-то замерзает и умирает...

Через пару минут кто-то окликнул Скэриэла.

– Ты куда пропал, дружище? – радостно завопил парень в куртке нараспашку; он протянул руку, и Скэриэл нехотя ответил на рукопожатие. – Будет минутка поболтать?

На лице у Лоу так и читалась нескрываемая неприязнь.

– Привет. – Скэриэл загородил меня; не знаю, вышло это специально или нет. – Юджин, да?

– Он самый, – довольно кивнул парень, – собственной персоной. Какими судьбами? Давно не видел тебя в клубе. А это кто?

Он бесцеремонно указал на меня пальцем.

– Да так, друг один. – Скэриэл чуть повернулся ко мне и вновь загородил своим телом. – Всё нормально, занят сильно.

– Да-да, – охотно поддакнул Юджин, дружелюбно толкнув Скэриэла в плечо, – знаю я о твоих делах, наслышан. Ты у нас важная шишка.

Я заметил, как Скэриэл напрягся.

– Чего хотел? Говори, или я пойду.

– Блин, дружище, есть сигарета? Я на мели, совсем голяк.

– Сейчас нет.

– Да ладно, что ты жмотишься? – не отставал Юджин. – Ты богатенький. У тебя всегда есть сигареты.

– Ты меня слышал, Юдж, сейчас нет, – твёрдо отрезал Скэриэл.

– А у дружка твоего есть? – Юджин обошёл его и обратился ко мне: – Сигаретки не найдётся?

– Я не курю.

– Он бросил, – отчеканил Скэриэл.

– Уважаю. – Юджин показал большой палец вверх. – Я вот пока не могу завязать. Да и не хочу. – Он подошёл ко мне ближе и заглянул в лицо. – А чё у тебя брови светлые? – И удивлённо вскрикнул: – Чистокровный, что ли?

– Красит волосы, – перебил его Скэриэл. – Полукровка он.

– Полукровка, да, – кивнул я, натянув шапку до глаз.

– Я знаю, где краску по дешёвке можно взять оптом. Здесь недалеко.

– У меня свои поставщики, – буркнул я, на что Скэриэл усмехнулся.

– Ты, если что, помни о моём предложении. Меня Юджином звать. Я тут всех знаю. У меня есть связи. – Для пущей убедительности он подмигнул мне. – Краска отменная. Никто и не догадается, что ты полукровка. Цвет долго держится, да и цена приятная. Ещё тебя на месте могут покрасить, да так профессионально, что даже Совет старейшин не заметит обмана.

– Краску откуда достаёте? – спросил Скэриэл.

– Из-за границы, – мигом отозвался Юджин, радуясь, что Скэриэл заинтересовался его предложением. – Импортная.

– Окей, может, я потом обращусь к тебе.

– Конечно, дружище. Ты не разочаруешься. Краска – улёт. Нигде во всей стране такую не достанешь.

– Нам пора, – свернул разговор Скэриэл: – Идём. Бывай.

Я направился за ним, но Юджин не унимался. Увязавшись за мной, он спросил:

– А ты куда?

– Не твоё дело. – Скэриэл остановился и, повернувшись к Юджину, грозно проговорил: – Иди уже, куда шёл.

– Да ты чего, я просто спросил, – затараторил парень.

Я был знаком с Юджином пару минут, но его прилипчивость уже начинала раздражать.

– А ты к Отису идёшь, да? Он теперь в другом месте работает.

– Отис ещё в деле? – Скэриэл недовольно посмотрел на Юджина. – Когда ты его видел? Где он работает?

– Да вот час назад его видел. Он теперь у спортивного бара ошивается.

– Который у кинотеатра? «Ураган»?

– Не. – Юджин помотал головой. – Они сменили название после того, как Тони отжал себе бар. Ну, ты, наверное, должен знать.

– Что-то такое припоминаю, – отозвался Скэриэл. – «Торнадо», кажется... Отис теперь там ошивается?

– Ага. Каждый день без выходных. Настоящий трудяга.

– Он в школу должен ходить.

– Да кому эта школа сдалась? Тут бы с голоду не подохнуть, – вздохнул Юджин. – Ну так что... Сигаретки нет?

Скэриэл достал из внутреннего кармана купюру и протянул ему двумя пальцами:

– За информацию.

– Спасибо, дружище. Ты прям выручил. Что бы я без тебя делал?

– Проваливай уже.

– Ага, ну, я погнал. А ты это... – Он на ходу обратился ко мне. – Правильно, что бросил. Не кури больше. Рак лёгких ещё заработаешь. Давай, молодец, будь здоров.

Когда Юджин оставил нас, я посмотрел на Скэриэла и спросил:

– Что это сейчас было? Твой знакомый?

– Местный идиот. Липнет, как жвачка. Он низший, тут таких пруд пруди. Ладно, придётся немного подкорректировать нашу прогулку. Нужно кое-кого навестить.

– Отиса?

– Да.

– Если ещё будут расспросы, мне всем отвечать, что я крашу волосы? – поинтересовался я, смотря на своё отражение в заляпанной витрине магазина.

– Ага. Краску достать проще, хотя она тоже вне закона. Мой косяк, совсем забыл с тобой это обсудить.

– Ага, да ничего, – ответил я. – А кто такой Отис?

У «Торнадо» Отиса не оказалось. Новая неоновая вывеска с двумя мигающими бокалами гласила, что спортбар уже работает, а ниже бегущей строкой информировала о сегодняшнем футбольном матче в девять часов вечера, который можно посмотреть в заведении.

– Ну что? – нетерпеливо спросил я, пока Скэриэл осматривался.

Проходя мимо, низшие и полукровки прятались от ветра, кутаясь в большие чёрные куртки до колен. У каждого были яркие перчатки, шапка или шарф, как будто все до единого желали разбавить цветными деталями свой невзрачный облик. И тут я вспомнил слова Чарли: «В Запретных землях есть разные группировки, и у каждой свой цвет».

Интересно, все эти люди причастны к группировкам или нет... Я машинально опустил капюшон, стараясь ни с кем из прохожих не пересекаться взглядами. Ночью была метель, и повсюду высились сугробы. Ботинки то и дело утопали в снегу.

– Он где-то рядом, – произнёс Скэриэл, достав из кармана пачку сигарет.

Я удивлённо вскинул брови.

– Ты же сказал Юджину, что у тебя нет.

Скэриэл посмотрел на меня со снисходительной улыбкой. Я уже пожалел, что вообще открыл рот.

– Я бы отказал Юджину, даже если бы владел табачной фабрикой. – Закурив, он выпустил сизый дым и с раздражением потёр переносицу. – Мы не будем здесь долго стоять. Если Отис не появится, то пойдём дальше.

– Кто он? Родственник? Друг?

– По сути, никто... – Скэриэл ещё раз затянулся. – Но для меня он как младший брат. Высылаю ему деньги каждый месяц, лишь бы он не работал. Хотел бы, чтобы Отис учился. Он хорош в математике, хоть и стесняется этого. А ещё ему неплохо даётся физика, представляешь. Ну, не прям вся физика, – Скэриэл задумался, – а только простые законы, но всё равно очень классно.

– О, – изумлённо выдал я, чувствуя гордость в его голосе. – Это... хорошее дело. Здорово, что ты финансово поддерживаешь его.

Скэриэл вдруг сник, словно вспомнил о чём-то плохом.

– Да чёрт его знает, хорошее ли это дело, но, кажется, он не ходит в школу и снова начал работать. – Лоу сгоряча плюнул в сторону и вновь потянулся к сигарете. – Так что вся моя помощь бессмысленна. Низшие с детства работают. Я бы не хотел этой участи для Отиса.

Не знаю, виной всему Запретные земли или нет, но сейчас, стоя у «Торнадо», куря сигарету и нервно оглядываясь по сторонам в поиске Отиса, Скэриэл идеально вписывался в окружающий фон. Он не выглядел чужеродным, даже когда отсиживался у меня дома в окружении книг, горячо обсуждая Александра Македонского. Ему шёл образ чистокровного ничуть не меньше, чем полукровки. Глядя на Скэриэла, я пришёл к выводу, что он имел неуловимую способность подстраиваться под любые обстоятельства и гармонично смотреться где угодно.

На первом курсе он без проблем быстрее всех адаптируется в Академии Святых и Великих. Оливер только недавно предложил подать документы Скэриэла, а я уже вовсю представлял его в стенах учебного заведения. Завести друзей, успевать по программе, наслаждаться студенческой жизнью – клянусь, у Скэриэла это вышло бы даже лучше, чем у меня, чистокровного, прожившего в высшем обществе аж целых семнадцать лет, но так и не смирившегося со всеми правилами и законами. Да что там, я чувствовал себя чужестранцем даже в собственном доме, и, только когда понял, что я приёмный, всё встало на свои места.

– Идём, – вдруг сказал Скэриэл, затушив недокуренную сигарету носком ботинка.

– Уже? – Я нерешительно двинулся за ним.

– Быстрее, – озорно прибавил он, оглядываясь через плечо.

Я непонимающе посмотрел по сторонам, хотел понять, что его так развеселило, но не заметил ничего особенного.

– Пять, четыре, – вдруг тихо начал отсчитывать он, – три, два, один.

В эту секунду кто-то с дикими воплями выпрыгнул из-за угла, планируя напасть на Скэриэла со спины, но тот обернулся и поймал мальчика, горячо сжимая его в объятиях.

– Скэриэл! – радостно вопил, по всей видимости, Отис. – Скэриэл!

Это был низший, на вид не старше Габриэллы, быть может, ему было девять или десять лет. Худой, со смуглой кожей и коротко стриженными тёмными волосами, торчащими из-под надетой набекрень шапки.

– Ты пришёл ко мне?! – спросил Отис, обнимая Скэриэла.

– Конечно, – с довольным видом подтвердил он. – Как в старые добрые времена? Опять вздумал пугать?

– Ты никогда не попадался!

Они громко рассмеялись. Я чувствовал себя лишним кусочком пазла в собранной картинке. Неловко потоптавшись, сделал пару шагов в сторону, чтобы не привлекать внимания. Возможно, этим двоим нужно было уединение, чтобы всё обсудить. Кажется, они давно не виделись.

Скэриэл признался, что относится к Отису как к младшему брату. Он всегда был добр к Габриэлле и терпел все её выходки. Я знал, что Скэриэл единственный ребёнок в семье. Было ли ему одиноко в детстве?

– Готье, ты куда? – спросил Скэриэл. – Иди сюда.

Я нерешительно подошёл.

– Это Отис. – Скэриэл представил мне низшего.

– Привет. – Мальчик помахал рукой.

– А это Готье – мой парень, – прыснул Скэриэл и сразу добавил: – Шучу-шучу. Близкий друг.

– Парень?! – Наши с Отисом восклицания слились воедино.

– А Джером? – спросил следом мальчик, сверля меня оценивающим взглядом.

– Мы с ним друзья, – как ни в чём не бывало ответил Скэриэл.

– Мы тоже друзья, – торопливо проговорил я, толкнув Лоу локтем в бок. – Он шутит.

Я замолчал, мысленно ругая Скэриэла.

– А теперь к делу, – серьёзно сказал Скэриэл. – Нужно поговорить. Ты не против?

Он обратился ко мне, и я понимающе отступил, уставившись в витрины закрытого магазина. Помимо стекла на окнах стояли решётки – даже на главных улицах было опасно. Я оглянулся: Скэриэл и Отис что-то обсуждали на повышенных тонах. До меня долетали обрывки

разговора. Внезапно Отис топнул ногой и, рассерженный, отпрянул от Скэриэла, направляясь в мою сторону.

– Так сказала Клэр! – крикнул мальчик.

– Я так и думал, – сурово бросил Скэриэл, следуя за ним. – Тебе надо учиться. Я не для того перевожу деньги, чтобы ты ошивался у бара Тони!

– Клэр сказала, что мы не будем брать твои деньги, – развернувшись, процедил Отис и снова направился дальше.

– Что? – разозлился Скэриэл. – Что ещё о себе возомнила твоя сестра?

По всей видимости, Лоу её не очень жаловал.

– Она говорит, что твои деньги грязные, – добавил Отис, проходя мимо меня.

– Грязные, значит? – проговорил Скэриэл, в два счёта нагоняя его. – А где здесь, в Запретных землях, есть чистые деньги? Или, по мнению Клэр, то, что ты с утра до вечера продаёшь... – Он указал на рюкзак Отиса. – Да что там у тебя вообще?

– Жвачка, спички, зажигалки и газеты. – Теперь уже Отис выглядел расстроенным.

– Господи, – простонал Скэриэл. – Значит, это, по мнению Клэр, чистый заработок? Ты работаешь вместо того, чтобы учиться. Деньги есть деньги. Ты должен выбиться в люди, свалить из Запретных земель... Мы ведь с тобой это обсуждали.

– Но Клэр сказала, что мы сами будем работать, – уверенно возразил Отис. – Она все твои деньги хранит, чтобы вернуть.

– Сколько раз ты был в школе?

Ругаясь, они ушли вперёд, и, чтобы не потерять их из вида, я отправился следом, отставая на три шага. Навострил уши, прислушиваясь ко всему, что они говорили. Скэриэл был рассержен – он пытался поймать Отиса, но тот всё время ускользал и убегал дальше по дороге.

– Я не помню... Ходил в сентябре, а потом Клэр...

– Она сейчас на работе? – перебил Скэриэл.

– Да.

– Ты хочешь вернуться к учёбе? – Преодолев расстояние, Скэриэл настиг Отиса и встал перед ним, загородив дорогу.

– Но...

– Вернуться в школу, – чуть надавил Скэриэл. – Тебе нравилась математика. И физика.

– Да, хочу, – вздохнул мальчик.

– Я поговорю с Клэр. – Скэриэл положил руку на его плечо.

Я подошёл ближе, встал сбоку на тротуаре так, чтобы не мешать прохожим, и услышал, как Отис тихо произнёс:

– Она сказала, что ты занимаешься очень плохими вещами и от твоих денег нужно держаться подальше. – Отис закусил губу, помолчал и грустно закончил: – И от тебя тоже.

Скэриэл нахмурился и затих. Казалось, последняя фраза расстроила его. Он больше не давил, просто молчал, устремив пустой взгляд куда-то в сторону. Я не знал, что делать, и потому не вмешивался. Чувствовал, что окончательно испорчу ситуацию своими неуместными словами.

«Грязные деньги». Что бы это значило?

– Ты тоже так считаешь? – непривычно кротко спросил Скэриэл.

Мимо проехали машины, чуть не сбив на пешеходном переходе девушку. Компания людей неподалёку устроила потасовку – бурно жестикулируя, они кричали и толкали друг друга. Я занервничал, но виду не подал. Скэриэл с Отисом ещё о чём-то говорили, но я не мог уловить слова за уличным шумом. Казалось, что они перешли на шёпот.

Скэриэл нагнулся, чтобы быть на одной высоте с мальчиком. Нарушая приличия, я подошёл и прислушался.

– Позволь мне самому разобраться с грязью, чтобы ты никогда с этим не столкнулся. Отис, твоё место не здесь. Ты слишком умён для того, чтобы продавать на улице газеты и зажигалки. Держись подальше от этих улиц, от Тони и Юджина. Я поговорю с Клэр. Она может как угодно гробить свою жизнь, но тебе я этого не позволю.

Отис что-то прошептал и прильнул к Скэриэлу. Тот вновь обнял его и по-дружески похлопал по спине. Попрощавшись с мальчиком, мы молча двинулись вдоль улицы. Я хотел спросить Скэриэла о многом: о Тони, об Отисе, о зарботке, о грязных деньгах, о Клэр, о том, чем же всё-таки он, Джером и Эдвард занимаются в Запретных землях, – но вместо этого озвучил совершенно другое:

– Не шути так больше.

– М? – отозвался Скэриэл заторможенно, выныривая из своих мыслей.

– Шутка про «мой парень». Не делай больше так.

– Это перестанет быть шуткой, если ты согласишься со мной встречаться.

Я изумлённо остановился. Скэриэл замер в шаге от меня.

– Что ты такое говоришь?

– Я предлагаю тебе встречаться, – серьёзно проговорил он. – Мы всегда вместе, нам хорошо вдвоём. – Он подошёл ближе, медленно взял мою ладонь и нежно провёл по холодным пальцам; я же стоял как истукан. Он гладил мои пальцы, грея их в своих руках. – Мы даже спим в одной кровати. Обычные друзья так не делают, Готи. Мы зашли слишком далеко, чтобы ты отрицал это. И мы поцеловались. Я знаю, что тебе это понравилось.

– Не могу, – словно чужим голосом сказал я.

– Не нужно отвечать сейчас. Подумай над этим. – Скэриэл мягко сжал мою ладонь. – Ты замёрз. Тебе нужны перчатки. Идём.

Встречаться со Скэриэлом... Я мог представить его с Оливером, с Леоном, на худой конец с Джеромом. Но Скэриэл и я? Это было что-то за гранью моего понимания. Он ведь лучший друг.

Мы молча шли и оказались на широкой, заполненной людьми улице. Я увидел тот самый клуб, «Глубокая яма», место, где меня бросил Оскар Вотермил.

– Чем ты занимаешься здесь? – внезапно начал я.

– В смысле?

– Отис сказал, что у тебя грязные деньги.

– Все деньги в Запретных землях – грязные, – усмехнулся он.

– Что ты делал в клубе, когда Оскар меня кинул? – Я перегородил ему дорогу, как совсем недавно он сделал с Отисом.

– А. – Скэриэл увидел «Глубокую яму» за моей спиной и расплывчато проговорил: – Да ничего особенного.

– Наркотики?

– Нет, ты чего? – Он округлил глаза.

– Проституция?

– Я не сутенёр, Готье, – процедил он.

– Но что-то связанное с проституцией?

– Ерунду не неси, – нахмурился он.

Мы замолчали. Скэриэлу явно не нравились мои вопросы.

– Давай закончим здесь на этом, – сердито продолжил он. – Меня напрягает твоё любопытство. Зная тебя, – он ткнул меня пальцем в грудь, – скажу раз и навсегда: не прикасайся к наркотикам ни в каком виде. Даже для баловства не смей. Я голову тебе оторву, – тут он ткнул меня пальцем в лоб, но я грубо отмахнулся, – если узнаю, что ты принимаешь. А если узнаю человека, что толкнул тебе дурь, то жертв будет больше. Понятно?

– Чего? – огрызнулся я в ответ. – Я и не собирался.

Он никогда не доходил до того, чтобы запрещать мне что-то в подобном тоне.

– Что-нибудь ещё, папочка? – процедил я сквозь зубы. – Может, мне и в бордели вход воспрещён, потому что ты так сказал?

– А тебе в бордель захотелось? – съязвил Скэриэл.

– А что? Запрещаешь?

– Сейчас договоришься, и я тебя повезу обратно домой, сдам на руки мистеру Хитклифу и потребую поместить тебя под ещё один домашний арест.

– Я окна закрою, и ты не войдёшь.

– Я через дверь, по старинке, – отбил он.

– Никто тебя не пустит.

– После того как я тебя лично сдам твоему отцу, пустят.

Я хотел было ещё что-то сказать, но замолчал, поняв, какой нелепый разговор у нас выходил. Сделал пару глубоких вдохов и сменил тему:

– Ты говорил, что у тебя здесь связи.

– Я подрабатывал некоторое время в клубе и знаю там работников.

– Тогда ты знаешь Билли?

– Билли? – переспросил он.

– Та девушка, что обдурила меня в тот день.

– Её я не знал, – отчеканил Скэриэл, на что я недовольно проговорил:

– Но она работала в клубе, и ты только что сказал, что знаешь работников.

– А ты упёртый, – усмехнулся он. – Ты не понимаешь, как устроен этот клуб и какая там текучка кадров. Я знаю работников, которые

давно работают: администраторы, менеджеры. Но Билли была новенькой, а всех девочек я не запоминаю.

– Я хочу с ней встретиться. Можешь помочь?

– Зачем? Глупая идея.

– Хочу расспросить про тот день и про Оскара.

– Да она тебя даже не вспомнит. – Скэриэл был непреклонен. – Таких, как ты, по вечерам там пруд пруди.

– Но Оскара Вотермила сложно забыть, особенно если он передаёт тебе деньги и просит об одолжении, – не сдавался я. – Хочу с ней встретиться.

– Сейчас слишком рано для неё. Они начинают после семи вечера.

– Ты можешь позвонить менеджеру или кому-нибудь и спросить?

Вдруг она в клубе сейчас.

– Ты не успокоишься, да? – Скэриэл нехотя достал телефон.

– Пожалуйста, – произнёс я мягко, едва ли не упрасывая. Чуть от собственного голоса не стошнило.

Скэриэл сразу сдался.

– Ладно. Жди. – Он полез в список контактов. – Но только потому, что ты попросил.

Он набрал чей-то номер и отвернулся.

– Привет. Билли на месте?

Пауза. Я прислушался.

– Осенью она в клубе работала. Может, танцует. Проверь, на месте она или нет.

Голос у Скэриэла был требовательный, так что сразу становилось ясно, кто в разговоре главный.

– Понял. Её адрес есть? А номер телефона? Понял.

Скэриэл повернулся.

– Она уволилась осенью, через две недели после встречи с тобой. Никаких контактов нет.

– Жаль. Надеюсь, это не из-за меня.

– Ага, познакомилась с Хитклифом, не смогла утащить мальчика в випку, упала самооценка, и она ушла из клуба, – рассмеялся Скэриэл. – Какая трагедия.

– Да кто её знает...

– Не переживай. Я ведь говорил о бешеной текучке кадров. – Он огляделся и добавил: – Ладно, мы сюда не ради неё приехали, так что

идём. И так потратили достаточно времени на посторонних. Тебе нужны перчатки. Давай зайдём в магазин.

– Не обязательно. Я прячу руки в карманах. Так куда пойдём?

– Без перчаток – никуда, – возразил Скэриэл, войдя в ближайший магазин одежды. – Первым делом купим их.

– Ладно... А потом куда?

– В те места, куда чистокровные не заглядывают: наши убитые школы и детские сады. Разрушенные дома, похожие на бараки из гетто. Закрытые заводы и фабрики, из-за которых полукровки и низшие охотно идут в криминал. – Скэриэл развёл руками и торжественно проговорил: – Вся прелесть Запретных земель – только сегодня и по низкой цене. Успеете на эксклюзивную экскурсию!

– Тише ты, – запаниковал я.

Он беспечно улыбнулся и направился мимо прилавков прямо к продавцу. Весь товар лежал под стеклом – можно оценить ассортимент, но ничего нельзя трогать руками. В Центральном районе было не так.

– Одна пара перчаток. Те, что подороже, – проговорил Скэриэл продавцу. Это был здоровенный лысый мужчина, на его пояском ремне я увидел пистолет в кобуре – вещь настолько, по всей видимости, обыденная в Запретных землях, что он даже не скрывал оружия.

После того как Скэриэл убедился, что мои пальцы не мёрзнут, мы поймали машину. Он долго торговался с водителем по поводу стоимости поездки до закрытых заводов.

– Почему мы не могли поехать на такси до нужного нам места? – шёпотом спросил я, когда машина завелась.

– Если указать в приложении закрытые заводы, то ни один таксист туда не поедет. Плохая репутация. – И непринуждённо добавил: – Раньше там убивали людей, но сейчас ничего такого нет.

– Звучит стрёмно.

– В Запретных землях всё стрёмно. Это в порядке вещей.

Остановились мы в самом заброшенном месте, какое мне только доводилось видеть. С одной стороны шумела река, с другой стояли покорёженные здания, плотно прижатые друг к другу. Чувствовался неприятный запах. Я даже боялся вдохнуть полной грудью, чтобы не задохнуться.

– Смотри не упади, – предупредил Скэриэл, указав на воду. – Тут сильное течение. Легко свалиться и утонуть.

– Я умею плавать.

– Этой реке плевать на твои способности. Она унесёт всё, что сумела заполучить. – Скэриэл ухмыльнулся. – Ну, как тебе вид?

– Что это?

– Зброшенные заводы и фабрики. Раньше здесь работали, а теперь посмотри. За шестнадцать лет эти стены видели только наркоманов, преступников в бегах, отбитые на всю голову уличные банды. Таких мест у нас полно.

Скэриэл двинулся первым, обернулся и подмигнул.

– Тут живёт дикая свора собак, но их можно отпугнуть тёмной материей.

– Спасибо, успокоил.

Я последовал за ним, осторожно перешагивая мусор, кирпичи, камни и грязь. С каждым шагом вонь становилась всё более невыносимой. Мы подошли к первому заброшенному зданию. Уродливая постройка с разбитыми окнами и сломанными, скрипящими дверьми встретила нас глухим гулом. Ветер задувал в каждую щель, и от этого воя меня охватывал дикий страх. Здание словно кричало от боли.

– Так всегда бывает зимой, – объяснил Скэриэл.

И тут я услышал громкий хлопок – выстрел? Напуганные птицы с криком вспорхнули в небо. Вдалеке донёлся собачий вой: низкий, протяжный, не предвещающий ничего хорошего.

– А вот это уже проблема, – хмуро бросил он.

– Что это?

Раздался ещё один хлопок откуда-то из глубины двора, где теснились старые приземистые дома, больше похожие на сараи.

– Мы тут не одни. Нужно уходить. – Скэриэл схватил меня за локоть. – Уходим, Готи.

Точно выстрелы.

– Кому-то нужно помочь. Вдруг человек умирает?

– Это слишком опасно. Я не позволю тебе...

И тут раздался низкий смех и крики.

– Чёрт, – выругался Скэриэл себе под нос.

– Да всё путём, – расплывчато ответил я, вскользь наблюдая за тем, как Вэл неодобрительно смотрит на меня поверх толстых очков.

У неё дальновзоркость, она часто щурилась, но надевала очки только в крайнем случае. Зрение её стабильно подводило, пока полгода назад я не сказал, что пора задуматься об очках. Она сначала восприняла моё предложение с неприязнью, но вскоре решилась на покупку. Помню тот день, когда Вэл впервые примерила очки и смогла без проблем прочитать сообщение в телефоне. Одно из приятных воспоминаний, гревших душу.

Но сейчас мы оба были не в настроении. Я сконфуженно улыбнулся Вэл, но она оставила улыбку без внимания. С раздражением сняла очки, прикусила заушник и осмотрела меня с головы до ног; делала она это нечасто, но, если окидывала меня внимательным взглядом, её явно что-то беспокоило. Я торопливо сделал пару маленьких глотков кофе из пластикового стаканчика – просто чтобы чем-то отвлечь себя. Кофе здесь был отвратительный, но кто я такой, чтобы возмущаться, когда угощают.

Мы немного помолчали. В это время суток в «Глубокой яме», как и всегда, было относительно тихо, и никто не мог помешать нашему разговору. Она, видимо, ждала, что я что-то ещё добавлю после своего «всё путём», но нет, я больше не проронил ни слова, позволив ей сделать собственные выводы.

Шумно вздохнув, Вэл недовольно проговорила, словно отчитывая меня, как строгая мать непослушного сына:

– Скэриэл опять влез во что-то опасное и тебя за компанию прихватил. – Это даже был не вопрос, а утверждение. Она хорошо его знала, насколько вообще можно хорошо знать Скэриэла. Судя по всему, с выводами Вэл не ошиблась.

– Нет, ничего подобного. – Я поставил стаканчик с кофе на стойку.

Конечно, Вэл не поверила, но вдаваться в подробности наших общих с ним дел не спешила. Она убрала очки в потрёпанный футляр, сложила руки на своей большой груди и произнесла:

– А чего мешки под глазами? Ночью, что ли, работаешь?

Я достал из кармана куртки маленький справочник ПДД.

– Скоро сдаю на права, учу всё время. Но я вообще-то сюда на машине Эдварда приехал. Вот параллельную парковку осваиваю.

– Правда? – Она ловким движением выхватила справочник, чудом не задев мой кофе. – Сдашь на права, а не купишь, как остальные? – И показала большой палец вверх. – Я всегда знала, что ты не такой, как другие низшие. Ты слишком умён. – И тише продолжила: – Мне сорок шесть, я многое повидала в Запретных землях, но ты, – не глядя на меня, она листала страницы, шурилась, то отодвигала текст, то приближала, но без очков ничего не могла прочитать, – ты далеко пойдёшь. Помяни моё слово. Учись, учись.

Показалось, что она чуть было не добавила «сынок». Моих родителей давно нет в живых. Я старался не вспоминать об этом. «Учись, сынок» – так могла сказать мама. Ей бы понравилось, что я хожу в автошколу. А «дружба» со Скэриэлом, уверен, наоборот, огорчила бы. Зуб даю, её бы многое из моей жизни огорчило.

Дружба. Я прокрутил это слово в голове не один раз. Слишком приятное слово для описания тех отношений, что нас со Скэриэлом связывали. Кто мы друг другу? Напарники? Соучастники? Соратники? Иногда мы делим с ним одну кровать и одни вещи. У нас общее дело и клятва на крови. В детстве мы жили в одном интернате, знаем Ноэля. Нас объединяет так много, и в то же время я иногда чувствую себя чужаком в его доме.

Вэл продолжала нахваливать меня, так что стало совсем неловко. «Это всё Скэриэл, – порывался ответить я, – он меня заставил ходить в автошколу, сам бы я до такого не додумался». Вэл всегда относилась ко мне хорошо, но этих добрых слов я попросту не заслуживал.

Скэриэл хотел, чтобы я попытался всё сдать сам. Иногда он слишком много на себя брал. В том числе и те надежды, что возлагал на меня.

– Уверен, ты справишься, – улыбнулся Скэриэл, протягивая буклет автошколы, находившейся у границы с Центральным районом. Помнится, он говорил, что мне пора сесть за руль.

Это произошло неделю назад. Ничто не предвещало беды, а потом внезапно появился Скэриэл и с воодушевлением рассказал о том, что я могу получить водительские права.

– Мы их не купим, – уточнил он, хотя о каких «нас» речь? Я не мог позволить себе такие дорогие покупки. На это был способен только Скэриэл. Но всё же мне понравилось, что он не разделял нас в финансовом плане. – Ты сам получишь водительские права, сдав экзамены.

Автошкола. Я в общих чертах знал, как устроен автомобиль – что-то из этого рассказывал Эдвард; я мог водить, если это было вопросом жизни и смерти, но Скэриэл хотел дать мне не просто возможность рассекать по дороге – он собирался финансировать моё образование; автошкола у границы с Центральным районом – вариант не из дешёвых. Возможно, так Скэриэл вознамерился доказать, что я могу учиться, в чём я всегда сомневался. Мне не хотелось его разочаровывать, и поэтому я серьёзно подошёл к делу: писал конспекты, учил теорию, сдавал тесты и в свободное время практиковался. Иногда казалось, что он хочет подтянуть меня до своего недостижимого уровня – затея, по моему мнению, изначально обречённая на провал.

Я внимательно посмотрел на него, ожидая увидеть усмешку, но Скэриэл был искренен.

– Ты так думаешь? – Я разглядывал учебное заведение на глянцевой бумаге небольшого буклета. Учиться, сидеть вечером на занятиях, общаться с преподавателями, сдавать экзамены – всё это было словно из другой жизни. Из той жизни, где нет мистера Эна, виса, слежки и трупов на заднем дворе.

– Конечно! Ты ответственный. И голова у тебя варит. – Лыстил он или действительно так считал?

Вэл говорила о том, что меня ждёт яркое будущее, но слушать её с каждой секундой становилось всё невыносимее. Я не выдержал и произнёс:

– Это была идея Скэриэла. – И добавил: – Он хочет, чтобы я водил в Центральном районе.

Она осеклась, вернула справочник и проговорила, удивляясь собственным словам:

– Иногда его голову посещают хорошие идеи.

Вэл по каким-то своим причинам невзлюбила Скэриэла. Это поражало, ведь я привык к тому, что многим он нравился. Но оставались ещё люди, не попавшие под его чары. Зато Вэл нравился я.

Это удивляло ещё больше. Если вспомнить, она всегда меня выручала – да и тогда именно Вэл помогла затащить Билли в тринадцатую комнату для разговора со Скэриэлом. Не знаю, что бы я без неё делал...

Попрощавшись, я на ходу допил остывший кофе и выбросил смятый стаканчик в ближайшую переполненную урну. Всё-таки заехать сюда по пути было неплохой идеей. Конечно, мне бы лучше избегать клуба и не привлекать лишнего внимания, но повидаться с Вэл давно хотелось. Покидая «Глубокую яму», я думал только о том, что она незаслуженно добра ко мне.

Я не спеша сел в машину, пристегнул ремень безопасности, включил радио, и тут дверь отворилась и на соседнее место приземлился...

Только не это.

– Какого хера?! – взревел я.

– Заводи тачку, – хмыкнул Адам, усаживаясь поудобнее. – Живо.

– Вылезай! – крикнул я, но Адам, ухмыляясь, пристегнул ремень безопасности.

Тут открылась задняя дверца, и кто-то ещё сел позади меня.

– Нужно поторопиться, – раздался голос, кажется, Кэмерона. Я оглянулся, и да, это был он.

Чудесно, просто прекрасно. Адам Шерр и Кэмерон Клебер собственной персоной в моей машине. А день так хорошо начинался.

– Выметайтесь. Я серьёзно.

– Заткнись и заведи свою крошку, пока я не врезал тебе, – оскалился Адам, замахиваясь.

– Идите оба на хер. – Я оторвал руки от руля и поднял их на уровне груди. – Я никуда с вами не поеду.

Что-то твёрдое уткнулось мне в висок. Дуло пистолета – как я сразу это не предусмотрел? С каждой минутой ситуация становилась всё хуже и хуже. Я услышал звук снятия с предохранителя и уже в красках представил, как Кэмерон вышибает мне мозги и всё в салоне пачкается кровью. Зрелище не из приятных.

– Заводи машину, – спокойно произнёс Кэмерон. – У нас мало времени, придурок.

Выезжая на дорогу, я надеялся, что довезу их до места назначения и они оставят меня в покое. Хотя должен признать: это звучало

маловероятно. Кэмерона я практически не знал, но вот с Адамом был знаком, и первая наша встреча прошла в лучших традициях Запретных земель. После этого я ещё неделю ходил и морщился при виде своего отражения в зеркале. Ехать с Адамом было страшновато: как если бы я вёз питбуля с бешенством, да ещё и готового в любую минуту вцепиться мне в шею.

Адам опустил оконное стекло и закурил. Левая нога его отбивала неровный ритм – он нервничал, время от времени поглядывая то на меня, то в зеркало заднего вида. Вот кому-кому, а Адаму уж точно нервничать не стоило, ведь не его угрожали пристрелить за малейшее движение не в ту сторону. К счастью, Кэмерон убрал пистолет и тем самым сделал нашу поездку более приятной, если это вообще возможно при текущих обстоятельствах.

– Где Лоу? – внезапно спросил Адам.

Я не ответил.

Кэмерон ударил по спинке водительского сиденья, и я от неожиданности вздрогнул.

– Тебе задали вопрос, – цокнул Кэмерон.

Я считал, что среди них Адам – местный псих, способный проткнуть человека ножом, как он это однажды проделал со Скэриэлом, а Кэмерон просто тихий напарник, но сейчас пришёл к выводу, что они оба опасны, так что лучше сильно не рыпаться, целее буду. Вместо одного питбуля теперь в салоне их два.

– Я не знаю. Он мне не докладывает, – отчеканил я в ответ.

– Эй, Батлер. – Кэмерон придвинулся ближе, оказываясь между мной и Адамом. – А что это за Генри из района Пяти улиц? Я такого не знаю.

Конечно, не знаешь, придурок, ведь такого человека не существует. Скэриэл удачно придумал легенду, будто якупаюсь висом у мифического Генри. Не знаю, проглотил ли мистер Эн эту брехню, но вопросов он не задавал. Хотел бы я увидеть их лица, узнай они, что Скэриэл владеет тёмной материей и научил Эдварда управлять ею на расстоянии. Подумать только, мы постоянно проделывали этот трюк при пересечении границ.

– А ты всех дилеров в округе знаешь? – спросил я, продолжая гнуть свою линию. – Я так не думаю. Он продаёт поштучно.

– Почём берёшь?

Не твоё собачье дело.

– Сколько ты уже на висе? – спросил Адам.

Пошли вы оба к чёрту.

Я остановился на светофоре. Адам выжидающе смотрел на меня. Что я там говорил про «не рыпаться»? Инстинкт самосохранения дал сбой.

– Это допрос? Вот вам нефиг делать... – проворчал я, ожидая, что сейчас Кэмерон вновь ударит по спинке сиденья и приставит мне к виску пистолет. По крайней мере, они не могут меня сейчас пристрелить: я за рулём, а от этого зависят и их жизни в том числе.

– Когда мистер Эн оторвёт яйца Скэриэлу, а тебя заставит их сожрать, ты не так заговоришь, – ехидно улыбнулся Кэмерон.

– Когда оторвёт, тогда и поговорим, – процедил я.

– Лоу на прицеле у босса, ты, наверное, в курсе. Мистер Эн уже давно не доверяет ему, – посмеиваясь, произнёс Адам. – Для твоей же безопасности лучше сотрудничать с нами.

– С вами? Если мистер Эн убьёт Скэриэла, – голос звучал безразлично, но на деле меня всего колотило, – то на кой чёрт я вам нужен?

– Пошевели мозгами, Батлер. Скэриэлу недолго осталось. Но ты ещё можешь спасти свою шкуру, если начнёшь делиться информацией.

– Информацией, – задумчиво повторил я, следуя маршруту, ведущему к закрытым заводам, куда они потребовали их довезти.

О чём они вообще? Какая информация им нужна?

– Я думаю, что ты умный парень и сам всё понимаешь, – произнёс Адам.

Что это за дешёвая постановка с добрым и злым полицейским? Сейчас стошнит от этой сцены. Но вместо этого я кивнул и ответил:

– Я подумаю.

– А вот это другой разговор, – довольным тоном выдал Кэмерон и похлопал меня по плечу.

– Эдвард и ты могли бы работать в моей команде. Лоу не жилец, – проговорил Адам. – Если будешь с нами, то дольше проживёшь.

Если я буду с вами, то рехнусь и место в психиатрической больнице мне обеспечено.

Я припарковался у дороги. Убьют они меня на месте или придумают что-то поинтереснее?

– Пойдѐшь с нами, – бросил Адам, вылезая из салона.

– Зачем? – Я не сдвинулся с места. Понятное дело, Адам оставил мой вопрос без внимания. Я и не ожидал другого.

Кэмерон громко хлопнул дверью вслед за Адамом. Два ублюдка, чтоб у них руки отсохли. Может, дать по газам и свалить? Нет, не вариант: у них оружие, начнут стрелять и конец машине. Эдвард не обрадуется испорченным бамперу и колѐсам. Чѐрт, даже в такой момент я думаю о практичности. Да и со спущенными колѐсами далеко не уеду. Зачем я им нужен? Во всей этой заварушке я не больше чем пешка, и от меня проще всего избавиться. Честно говоря, было страшно покидать салон автомобиля.

Кэмерон встал перед машиной, перегораживая мне путь. Они серьёзно считали, что я сбегу? Нет, само собой, были такие мысли, но...

Адам закурил и, держа в одной руке сигарету, костяшками пальцев постучал по стеклу. Я прикусил губу, увидев, как Адам отодвинул подол куртки, чтобы продемонстрировать мне пистолет в наплечной кобуре. Он ничего не сказал, но я всё понял: «Выходи из машины или получишь пулю в лоб».

Покинув салон, я встал перед ними.

– Куда мы? – спросил я, не надеясь на ответ.

– Слушай меня и останешься жив, ясно? – проговорил Адам. Он протянул свою сигарету Кэмерону, и тот сделал пару затяжек.

– Мы с тобой не так близки, чтобы я тебе доверял.

– Да пофиг. Хочешь жить – делай всё, что я скажу. Сейчас здесь нет твоего Скэриэла.

«Мой» Скэриэл сейчас развлекает чистокровного. Я промолчал. Адам направился вдоль заросшей тропинки напрямик к заброшенным зданиям. Кэмерон протянул мне тлеющую сигарету, но я буркнул:

– Не курю.

Чертовски хотелось курить и унять дрожь в теле, но я побрезговал затянуться после Адама и Кэмерона. Неизвестно, что они принимали и чем болели.

– Давай без фокусов, – сказал Кэмерон, подгоняя меня.

– Почему мы сюда приехали? – спросил я, когда мы двинулись за Адамом.

– Одно дело есть. Там, – он указал вперѐд, – люди Тони нас ждут.

Я остановился.

– Зачем?

– Скоро всё узнаешь. Не парься, просто молчи и со всем соглашайся. Тогда, думаю, тебя не тронут.

Я шёл медленно, но Кэмерон чуть сильнее похлопал меня по плечу, поторапливая.

– Ну что ты сразу пересрался?..

Он полез в карман джинсов и протянул мне таблетку в прозрачной упаковке.

– Держи, – дружелюбно произнёс Кэмерон. – Что-то типа трубки мира.

– Это вис, – заключил я, не отрывая взгляда от таблетки. – Откуда?

– Занимаюсь продажей. Можешь покупать у меня.

– У меня есть заначка, – соврал я.

Если меня поймают с висом в Центральном районе, то посадят в тюрьму.

– Это мой щедрый подарок. – Он взял мою руку и вложил таблетку в ладонь. – И цена ниже. Обращайся.

– Ты недавно приставил мне пистолет к виску. Не лучшее начало сотрудничества.

– Нам нужно было срочно сюда, а ты начал орать, – усмехнулся Кэмерон. – Что ещё оставалось?

– Ты бы тоже кричал, если бы Адам влез в твою машину.

Внезапно Кэмерон рассмеялся. Я непонимающе уставился на него.

– Вы чего плетётесь! – прокричал впереди Адам.

Мы ускорились, но я всё время осматривался по сторонам, ища пути отхода. Бесполезно – один выстрел, и я покойник.

– Мистер Эн хочет от меня избавиться? – осторожно спросил я.

Таблетка, зажатая в ладони, напрягала не меньше, чем встреча с людьми мистера Эна. Я нерешительно опустил вис в карман. Может, следовало сразу отказаться и вернуть Кэмерону? Будь здесь Скэриэл, я бы спросил, что мне делать, но сейчас приходилось выкручиваться самому.

– Про тебя он даже и не помнит.

– Тогда зачем я здесь?

– Все вопросы к нему. – Кэмерон указал на Адама.

– Он ничего не отвечает мне, если ты не заметил.

Кэмерон пожал плечами.

В кармане завибрировал телефон. Я достал его – на дисплее высветилось сообщение от Скэриэла.

«Планы меняются. Повёз Готье к закрытым заводам».

– Твою ж...

– Что там? – напрягшись, спросил Кэмерон, пытаясь заглянуть в мой смартфон. – Проблемы?

Я помотал головой.

Это не проблемы, это катастрофа.

Адам выстрелил в голову стоявшему перед ним на коленях парню. Низший с разбитым носом, связанными руками-ногами и с дыркой промеж глаз завалился на бок, словно в замедленной съёмке, под громкие, искажённые в общем гуле одобрительные крики людей Тони. Они, как гиены, обступили тело – глумились, громко смеясь, кричали, дразнили друг друга и подначивали Адама осквернить труп первым.

– Разденем его? Оставим собакам.

– Ты можешь обоссать его, чувак!

– Это нужно сфоткать, а то не поверят!

Во всём этом многообразии звуков я отчётливо слышал только гулкое биение собственного сердца. Казалось, что каждый в радиусе десяти метров в курсе, как громко я сглотнул, когда Адам размозжил голову несчастному; как сердце ухнуло от страха при виде этой картины; как ноги стали ватными, когда низший упал наземь и слова мольбы застряли у него во рту. Что-то подсказывало, что я закончу именно так: стоя перед кем-нибудь на коленях, слёзно умоляя не убивать и дать ещё один шанс.

Кто-то смачно плюнул на труп, чем рассмешил остальных. Один из них со всей силы пнул тело, и низший нелепо уткнулся лицом вниз, выставив напоказ истекающую кровью дыру, – все вокруг вновь разразились хриплым, лающим смехом. Нахмурившись, Адам убрал пистолет в кобуру и окинул немигающим взглядом распростёршегося перед ним низшего.

«Казнь предателя» – так они это называли.

– За что его? – тихо спросил я у Кэмерона. Губы пересохли, я торопливо облизнул их и вытер тыльной стороной руки.

На лице Кэмерона читалось отвращение, и я задался вопросом, а не испытывает ли он подобного же ужаса, что и я.

– Хер его знает. Вроде сливал кому-то мистера Эна, – холодно выдал он, пряча руки в карманах. – Даже Жак здесь, – прошептал Кэмерон, повернувшись ко мне. – Значит, всё серьёзно.

Я накинул капюшон и поёжился, сам не зная, от чего именно: от холодного ветра или от вида трупа в десяти шагах.

Один из людей Тони, тот, что казался главным – Жак, если я правильно понял, на вид чуть старше Эдварда, – наклонившись к трупу, пару раз сфотографировал простреленную голову, затем, схватив за куртку, перевернул тело и щёлкнул крупным планом лицо.

– Мистер Эн оценит, – ухмыльнулся он, поднимаясь. – А где Лоу? Разве можем мы веселиться без него?

Два парня, судя по всему из его банды, широко заулыбались.

– Лоу прячется, – процедил Адам, кивая в мою сторону. – Я привёл его напарника.

Они оглянулись на меня.

– Что? – выдохнул я, испуганно повернувшись к Кэмерону.

Он приоткрыл было рот, чтобы что-то сказать, но не издал ни звука. Казалось, Кэмерон тоже был удивлён не меньше меня. Адам уверенно направился к нам, и я в последний момент понял, что нужно бежать, да только Кэмерон вцепился в мою куртку и прошептал:

– Не надо. Будет хуже.

– Хуже выстрела в голову? Серьёзно? – зашипел я, вырываясь.

Адам выдернул меня, как игрушку, из лап Кэмерона – я чуть не споткнулся о корягу, торчавшую из-под земли, – и, грубо поймав за грудки, с размаху подтянул и больно приложил о ствол ближайшего дерева. Я ударился затылком и зажмурился от резкой боли.

– Сукин сын, – выдохнул я, вцепившись в его запястье, и попытался высвободиться.

Он мёртвой хваткой прижал меня к дереву, надавив локтем на шею, да так, что я сразу начал задыхаться. Запаниковав, я принялся брыкаться и хрипеть, но Адам не сдвинулся. Было ощущение, что он сейчас сломает мне шею и я так и умру здесь, даже не успев ничего сказать. Ни тебе пламенной речи перед смертью, ни угроз, ни мольбы – всё, что я мог, это втягивать со свистом воздух, кашлять и биться в судорогах. Я ничего не видел, кроме угрюмого выражения лица Адама.

– Выживи, – прошептал он, приблизившись ко мне. – Соглашайся со всем, что я скажу.

– Что? – прохрипел я, не понимая, о чём он говорит. Адам отпустил меня. Ноги подкосились, и я упал, громко закашлявшись.

Не дав ни секунды, он поднял меня, заломил руку и подтолкнул в сторону людей мистера Эна. Те верещали, улюлюкали и кричали:

– Нагни этого сосунка!

– Смотрите, он сейчас обделается! Это что, шестёрка Скэриэла?

– Да он еле ногами передвигает!

Кэмерон торопливо шёл чуть поодаль – я видел его ноги, но не мог поднять голову. Адам не давал ни единой возможности выпрямиться. Он толкнул меня, и я упал рядом с трупом, продолжая кашлять. Слюна попала не в то горло, и я всё никак не мог унять спазмы. Руки и колени испачкались в грязи, смешанной с кровью. Меня чуть не стошнило, когда я учуял металлический запах и осознал, что лежу рядом с мертвецом. Я судорожно вытер руку о джинсы и попытался встать, но ноги разъезжались из-за слякоти.

– Лежать! – грозно выплюнул Адам, толкая меня ногой. Теперь я уже полностью завалился на труп, за что получил шквал насмешливых криков.

Кто-то из людей мистера Эна закурил и предложил сигареты остальным. Когда я вновь поднял голову и сумел снять упавший так не вовремя капюшон, Адам стоял передо мной с бейсбольной битой на плече. В свободной руке он держал сигарету.

– Джером, верно? – спросил Жак; это был худощавый лысеющий мужчина средних лет, с аккуратной бородкой. Он опустил на одно колено и выдохнул сигаретный дым мне в лицо. – Где Скэриэл?

– Да не знаю, – рявкнул я в ответ.

– Какие мы злые. – Он сжал мои волосы, приподнимая голову, отчего я тяжело выдохнул, чуть ли не скуля. – И планами своими с тобой не делится? – сочувственно спросил он.

Я промолчал, желая только одного: чтобы Жак ослабил хватку. Шея напряглась, я попытался приподняться, потому что он продолжал настойчиво тянуть за пряди вверх, будто наслаждаясь гримасой боли на моем лице.

– Дело в том, что Скэриэл обманул многих, и мы больше не можем закрывать на это глаза. Ты должен понимать, что мистери Эну не нравится, когда его обманывают.

– Я ничего не делал, – заверил я, хотя лучше бы молчал.

– Я так не думаю, – задумчиво проговорил он, отпуская меня. – Адам, а ты что скажешь?

Жак бросил беглый взгляд на него.

– Лоу его кинул, – уверенно объявил Адам.

Что?!

– Правда? – спросил Жак у меня.

Теперь я уже точно не знал, что отвечать и как быть. Чего добивался Адам?

– Он пришёл ко мне недавно. Сказал, что хочет войти в мою банду и сдаст Скэриэла, – продолжил Адам. – Что скажешь, Жак? Можем его здесь прикончить, мне всё равно, а можем пойти против Лоу его же приёмами. Я решил, что тебе это будет интересно. Он давно работает со Скэриэлом.

– Любопытно, – протянул Жак, туша сигарету о тыльную сторону моей руки. Я скривился, но не отдёргнул её. – И много ты знаешь о делах Скэриэла?

– Он рассказал о том прокуроре, Уинстоне Бойле. Скэриэл должен был с ним разобраться, но так и не сделал этого. – влез Адам.

– Закрой рот, Шерр. Я не тебе задал вопрос, – вспыхнул Жак и вновь обратился ко мне спокойным голосом: – Что там с Бойлом?

Я приподнял голову и посмотрел на Адама. Что он несёт? Пытается меня спасти? Адам смотрел с непроницаемым выражением лица.

– Скэриэл не тронул прокурора, – хрипло подтвердил я.

– Почему я должен тебе верить? – елеинным голосом спросил Жак. – Может, это очередная уловка?

– Я не знаю... но я не вру насчёт прокурора.

Тут внезапно вмешался Кэмерон:

– Джером на днях спас меня от полицейских.

Что они оба творят?!

– Надо же. И как же это вышло? – Жак выглядел так, словно заранее знал, что всё это сплошная ложь.

– Я тусовался на границе с Центральным районом и толкал вис. Нагрянули копы. Джером находился поблизости и перехватил товар. Около пятидесяти таблеток виса чуть не попали к полицейским. Когда меня выпустили, Джером всё вернул. За это я дал ему таблетку. Проверьте карманы. Там есть одна от меня.

Вместо того чтобы обвинить нас во лжи, Жак улыбнулся и залез ко мне в карман, откуда, порывшись, достал таблетку.

– Да, это я дал, – подтвердил Кэмерон.

– Похвально, Джером, – усмехнулся Жак, но вис не вернул. – Мистер Эн ценит таких работников. Значит, хочешь сдать Скэриэла?

– Да, – кивнул я, в ужасе от собственных слов.

Жак поднялся, отряхивая брюки.

– Приезжай завтра в мой офис, и мы с тобой всё обсудим.

– Хорошо.

Кто-то грубо помог мне подняться.

– Молчи, – прошептал Кэмерон, ухватившись за мой локоть. –

Почти закончили.

– Что за фигня? – Я оттолкнул его. Кожа на руке горела в том месте, где этот ублюдок потушил окурок. Небольшая красная ранка – теперь будет уродливый шрам. Жак, чёртов мудак, ты ещё за это ответишь.

– Кто у нас там следующий? – спросил он. – Поскорее решим все дела. Люди мы занятые, нечего тратить время только на развлечения.

Я отряхнулся, размазал грязь о джинсы и отошёл в сторону. С недовольным лицом стоял и методично очищал ладони от следов крови, делая вид, будто не меня минутой ранее чуть не убили. Два парня открыли багажник машины и вытащили ещё одного связанного по рукам и ногам человека без сознания. На голове у него болтался мешок.

– Вечеринка продолжается, – проговорил Жак с напускным весельем.

– Вали домой, Джером, отмойся. От тебя несёт, как от помойки, – внезапно скривившись, крикнул Адам и замахнулся в воздухе битой, как будто играл в бейсбол.

– Уходи, – повторил Кэмерон. – Но не беги, понял?

Я покидал их, чувствуя, как спину прожигают взгляды. Не верилось, что они меня так просто отпустили – я был уверен, что сейчас Адам подстрелит меня и оставит тело на пустыре на корм голодной стае. Успокоился я, только когда скрылся за поворотом, идя куда глаза глядят, подальше от людей мистера Эна.

Я шёл в сторону дороги, пытаюсь понять, где оставил машину. Заплутав между зданиями, возвращался и сворачивал в другую сторону, но снова выходил не туда. Одинаковые подъезды, железные двери, покрытые ржавчиной и непристойными надписями, – всё это было мне сейчас до омерзения противно. Затылок гудел от удара, пульсирующая боль в висках нарастала с каждой минутой. Где-то вдалеке раздались выстрел и стоны, полные боли. Я прикусил

внутреннюю сторону щеки, сдерживаясь, чтобы не выругаться вслух. Затем ещё один выстрел. Даже досюда долетал смех толпы и голос Адама.

– Стой!

Я остановился, испуганно распахнув глаза. Голос Скэриэла звучал совсем рядом.

– Что происходит, Скэр?

Я огляделся, пытаюсь понять, откуда доносятся голоса. Это точно был Готье. Если Скэриэл попадёт в их руки, то они, вне всяких сомнений, убьют его. Я заглянул за низкий кривой барак и увидел, как Скэриэл держал Готье, а тот вырывался, как обезумевший.

– Я слышал выстрел, – возмутился он, указывая пальцем в сторону.

– Ты уже ничем не поможешь, – жёстко ответил Скэриэл, удерживая чистокровного.

– А тёмная материя? Мы можем попробовать.

– Готье, у них оружие! Ты чокнулся. Никакая материя не спасёт от пули.

– Но нельзя ведь делать вид, что мы ничего не слышали! – не унимался Хитклиф. – А полиция? Давай вызовем кого-нибудь?

Заткнись, идиот! Я был зол на Хитклифа и не понимал, как Скэриэл его терпел. Если мы слышали Адама, значит, и они могли с тем же успехом услышать нас. Я бросился к Скэриэлу, стараясь не попадаться на глаза Хитклифу.

– Готи, хорошо, ты возвращайся к дороге. Я разберусь. – Кажется, Скэриэл держался из последних сил.

Я подошёл ближе – пусть Скэриэл знает, что я рядом и могу помочь. Его стоило как можно скорее предупредить о том, что помимо Адама там собрались люди мистера Эна, но тут раздался выстрел, который прозвучал слишком близко. Они укрылись у машины с выбитыми стёклами, испуганно озираясь по сторонам. Скэриэл прижал Готье ближе к земле и зажал ему рот рукой.

– Кто там у нас такой скромный прячется? – Крик Жака, прозвучавший в отдалении, сложно было с чем-то спутать. – Не стесняйся, выходи, считаю до пяти. Кто не спрятался, я не виноват.

Но как? Неужели Жак быстро расправился со вторым и пошёл за мной?

Я обогнул ржавую машину, у которой успел спрятаться, и показался Скэриэлу. Он опешил. На его лице так и читалось: «Какого хрена ты здесь?» Хитклиф в любую минуту мог меня увидеть, но в панике не замечал ничего вокруг.

Раздался ещё один выстрел в воздух. Жак палил, запугивая.

Скэриэл торопливо взял лицо Готье в руки.

– Всё в порядке, – проговорил он. – Не делай резких движений, и, обещаю, ты вернёшься домой в целости и сохранности. Хорошо?

Хитклиф разинул рот от страха, глаза лихорадочно метались. Он был чертовски напуган и на вопрос отрицательно помотал головой.

– Готье, посмотри на меня.

Но Хитклиф испуганно зажмурился, продолжая мотать головой.

– Готи, ты меня слышишь? – Скэриэл понизил голос, и оставалось только догадываться, что он шептал чистокровному, но явно что-то хорошее и в подтверждение своих слов медленно кивал.

Взгляд Готье устремился на Скэриэла, он сосредоточился на том, что тот говорил. Губы подрагивали, он пытался что-то произнести, но Скэриэл вновь начинал шептать, успокаивая. Я хотел подойти к ним, но тут они привстали, стараясь держаться за ржавой машиной. Хитклиф посмотрел в сторону, откуда доносились крики Жака, и замотал головой.

– Полицию? Давай вызовем полицию? – повторял он снова и снова.

Скэриэл прикусил губу и нахмурил брови: он сильно нервничал – это было видно невооружённым глазом. Готье юркнул вперёд и оказался у изрисованной стены разрушенного здания, Скэриэл последовал за ним и встал за спиной чистокровного. Он оглянулся на меня, кивая в сторону Готье.

Я не знал, что он задумал, но был готов ко всему. Медленно шёл к ним, стараясь не шуметь. В это время Скэриэл за спиной Хитклифа с неподдельной тревогой произнёс:

– Готи, осторожнее. – Он вытянул руку вперёд, на ладони появилась тёмная материя.

Хитклиф пригнулся, прячась, достал телефон из кармана куртки.

– Ты говорил, что тут не ловит связь, но она есть. Сейчас я вызо...

– Осторожнее! – Скэриэл молниеносно ударил сгустком тёмной материи по голове чистокровного. Готье со всей силы приложился о

стену. Я не мог поверить своим глазам. Чистокровный вырубился и упал бы, если бы Скэриэл вовремя не подхватил его.

– Джером, – бросил он, удерживая Хитклифа на руках; тот, кажется, ободрал о стену висок, появилась маленькая капля крови, – сюда.

Пригнувшись, я подбежал, боясь, как бы пули нас не задели. Судя по доносившимся звукам, Жак был уже за ближайшим поворотом и к нему присоединились остальные из банды мистера Эна. Они могли в любую минуту нас увидеть.

– Забери его. – Пыхтя, он протянул отрубившегося чистокровного мне.

– Что? Зачем? – Я машинально принял ношу и непонимающе уставился на Скэриэла. Весил Хитклиф прилично, и мне пришлось напрячься, чтобы удержать его на руках.

Рот у Готье приоткрылся, лицо разгладилось, светлые волосы выбились из-под шапки.

– Спаси его, увези отсюда, скажи, что кто-то сзади напал на него или что он оступился, упал и ударился головой. Придумай что-нибудь. – Он толкнул меня, я отступил на шаг, но не собирался его бросать здесь.

– А ты? Уходим вместе. Ты же не спятил, чтобы лезть к ним. – Я запротестовал. – Что ты собрался делать? Давай уйдём. Ещё есть время.

– Быстрее. – Скэриэл словно меня не слышал. – Забери его. Он бы сам не ушёл.

– Скэриэл? – возмутился я. – Нет, давай с нами. У меня машина где-то у дороги.

– Тащи его к машине, а я выйду к Адаму. Я задержу их.

– Они убьют тебя, – прошипел я, продолжая держать на руках Хитклифа.

Скэриэл развернул меня и толкнул ещё раз в сторону.

– Там дорога, – твёрдо проговорил он. – Беги и спасайся скорее. Спаси и его. Это мой приказ.

– Но, Скэриэл...

Послышался свист очередной пули, и со стены соседнего здания посыпалась каменная крошка.

– Это приказ, – повторил он. – Я их отвлеку.

– Они ищут тебя, ты не понимаешь.

– Если мы останемся здесь, они убьют всех троих. Беги. – И он с силой вновь толкнул меня. Я чуть было не навернулся вместе с проклятым Хитклифом.

– Скэриэл, нет.

– Джером, делай, что я говорю.

Я не знал, как быть.

– Они убьют тебя, – взмолился я вновь.

Он вдруг улыбнулся мне, но улыбка вышла натянутой.

– Ну ты чего, всё под контролем, у меня есть план.

Он лгал.

– План?

– Встретимся в нашем Доме, – подмигнул Скэриэл. – Иди, поторопись. Всё хорошо.

Я медленно пошёл в сторону дороги, оглядываясь на него.

Он в последний раз улыбнулся, а потом развернулся и вышел к людям Тони, весело бросив:

– Это я, не стреляйте! – Скэриэл поднял руки. – Вы меня искали? Вот он я.

Я остановился, боясь услышать звуки выстрела.

XXXVII

Я нехотя открыл глаза и мигом зажмурился, тихонько заскулив себе под нос. Голову словно сдавили железные тиски. От затхлого запаха сырости и плесени начало мутить, да так, что я чуть было не распрощался со своим завтраком. Но это было только начало. Непередаваемая смесь ароматов обрушилась на меня вместе со шквалом смутных воспоминаний.

Скэриэл успокаивал меня, но я слышал вдалеке, в глубине дворов, устрашающие крики. Выстрелы звучали совсем рядом, самые настоящие, которые не сравнятся с теми, что можно услышать в кино. Они медленно приближались – меня охватили паника и позорное чувство бессилия, граничащее с разъедающим всё тело страхом. Я не мог сделать ни шага – всё тело будто парализовало.

– Готи, ты меня слышишь? – Голос Скэриэла звучал успокаивающе.

Он обещал, что мы скоро вернёмся домой.

А потом... я оказался здесь. Где именно? И где Скэриэл?

В глазах двоилось – пришлось подождать пару минут, прежде чем картинка вновь стала чёткой. Я приподнял голову и застонал от мучительной головной боли. Подо мной был бетонный грязный пол, кое-где – зловонные лужи, в которых отражался слабый свет. Кажется, в одну из таких луж я угодил плечом. Повсюду ползали маленькие насекомые, похоже, мокрицы – я скривился от брезгливости, – одна оказалась в волосах. Я лихорадочно затряс головой, получил новую порцию боли, но всё-таки сумел сбросить эту мерзость. Что-то небольшое пробежало сбоку и скрылось из виду. Крыса? Вздвогнув, я прошептал пересохшими губами:

– Боже.

Всё тело затекло, и от каждого движения его сводило судорогой: должно быть, я долгое время пролежал на боку.

– Очнулся? – спросил кто-то поодаль. И как я его сразу не заметил?

Я хотел протереть глаза, только вот скованными за спиной руками сделать это было затруднительно. Что-то мешало, сдерживало

движения. Повернувшись, я попытался заглянуть через плечо – тело прострелило от резких, невыносимых спазмов – и по удару металла о металл понял, что прикован наручниками к трубе. Дотронувшись пальцами до шершавой поверхности, я вслепую обхватил её ладонью – трубы хоть и старые, но прочные.

– Кто здесь? Где я? – тихо спросил я, приподнимаясь. Это удалось с трудом. Кое-как приняв вертикальное положение, спиной опёрся о трубу и увидел впереди Джерома. Он сидел, согнув одну ногу в колене, вторую вытянув, и так же, как и я, опирался спиной о металлическую трубу. Поза его была расслабленной, как будто он отдыхал. Джером облизнул разбитую губу и поморщился. Под глазом красовался огромный синяк.

– Это, конечно, не номер-люкс, но ты располагайся, – насмешливо бросил он. – Неизвестно, сколько нам ещё оставаться в живых.

– Где мы? Что это за место? И...

– Как будто тебе это чем-то поможет... – проворчал Джером и с наигранным весельем спросил: – Как тебе наши апартаменты? Конечно, не то, к чему ты привык в Центральном районе...

– Ты можешь нормально ответить? – с раздражением потребовал я.

– Иди на хрен, Хитклиф, – огрызнулся он.

– Сам иди в жопу. – Разозлившись, я поёрзал на месте и сел поудобнее. – Ответь только, где Скэриэл? Я плохо всё помню. Выстрелы, какой-то Адам, – виски беспощадно пульсировали, я прикрыл глаза, – и дальше туман в голове. Кто нас приковал?

Джером молчал; я открыл глаза и увидел, что он с другого конца помещения прожигал меня враждебным взглядом.

– Да что?! – прикрикнул я, когда понял, что Джером не собирается ничего говорить.

– Это всё из-за тебя, – заявил он, прищурившись. В глазах так и сверкали молнии.

Я шумно вдохнул через нос.

– Понятно. – И затем что было силы закричал: – Кто-нибудь, помогите!!!

– Замолчи! – крикнул Джером, испуганно повернувшись куда-то в сторону.

Я проследил за его взглядом, присмотрелся и увидел, что сбоку находились три пыльные ступеньки, ведущие к массивной двери, покрашенной под цвет стен и незаметной на первый взгляд.

– Да где мы? Где Скэриэл? – вновь спросил я. – Что происходит?

Сверху раздались тяжёлые шаги. Послышался гомон приближающихся голосов.

– Молчи, и, быть может, останешься в живых, – равнодушно прошептал Джером. По его виду было ясно, что он желал мне прямо противоположного.

Джером выглядел сосредоточенным, как животное, готовое к нападению. Он вперил взгляд в дверь, подтянул колени к груди и в напряжении застыл, словно натянутая тетива. Я переводил взгляд то на него, то на зловещую дверь, за которой нас поджидало нечто опасное.

Дверь с громким лязгом открылась, и на пороге возник низший. Он осмотрел подвал, пропал из виду и через секунду появился с ещё одним низшим, придерживая Скэриэла под руки – тот шёл, понуро опустив голову и еле волоча ноги.

– Я всё объясню, парни, – хрипло проговорил Скэриэл, не поднимая головы; длинные волосы скрывали пол-лица. – Послушайте, уверен, это какая-то ошибка.

– Скэриэл! – испуганно крикнул я.

Скованные за спиной руки не позволяли мне воспользоваться тёмной материей. Я пригляделся: Скэриэл тоже был в наручниках. Если бы не это, уверен, он бы справился с этими низшими, применив силу. Не то что я, который еле сумел сдать экзамен по тёмной материи! От меня никакого толку. В отчаянии я подумал о Люмьере и Гедеоне. Будь они здесь, мигом бы спасли нас.

Джером неотрывно следил за вошедшими. Скэриэл не обратил на меня никакого внимания и продолжил:

– Рой, ты...

– Заткнись, – процедил тот самый Рой и грубо бросил Скэриэла. Тот завалился на бок, глухо стукнувшись о грязный пол.

– Жак сказал поторопиться, – произнёс второй мужчина.

В руке у него блеснул нож, он присел на одно колено, повернул Скэриэла и не раздумывая вонзил лезвие ему в грудь.

– Нет!!!

Я закричал одновременно с Джеромом. Скэриэл низко застонал, дрожа всем телом. Его охватила агония.

– С Тони шутки плохи. – Рой присел рядом на корточки и брезгливо похлопал Скэриэла по щеке. – У Жака нет времени на тебя, но он просил передать вот что. – Низший громко плюнул на Скэриэла и проговорил: – Умирай медленно и мучительно, предатель. Ты это заслужил.

Второй низший надавил на лезвие ножа, продолжая пытку. Скэриэл шумно дышал, сдерживая стенания.

– А с этими что? – поднявшись и заметив нас, спросил Рой.

Мы с Джеромом не могли оторвать испуганных взглядов от Скэриэла. Он медленно, из последних сил лёг полубоком, чтобы не задеть рукоять ножа, торчавшего из груди.

– Просто закроем их, – махнул рукой второй. – Подохнут тут без воды и еды.

– Стойте! – завопил я, но они, не оглядываясь, грузно поднялись по ступенькам и затворили за собой дверь.

– Скэриэл? – неуверенно позвал Джером.

– Я сказал тебе бежать, – отрывисто проговорил он. Под ним начала образовываться маленькая кровавая лужа.

– Я бежал, – оправдывался Джером. – Но у самой дороги нас перехватили и привезли сюда.

– Плохо дело, – тише произнёс Скэриэл. – Я не хотел, чтобы вот так всё закончилось.

– Скэриэл... – Мой голос предательски дрогнул.

– Готи? – То, с каким сожалением он произнёс моё имя, заставило сердце болезненно сжаться.

– Я тут... – В глазах стояли слёзы. – Что можно сделать? Скэриэл, пожалуйста, держись, мы что-нибудь придумаем.

– Тебе эта поездка запомнится. – Собравшись с силами, он повернул голову в мою сторону и смог по-доброму улыбнуться. – Прости, что так вышло. Я этого не хо... тел...

Он замолчал.

– Скэр?! – позвал я вновь.

Скэриэл тяжело дышал.

Я посмотрел на Джерома: он был напуган не меньше меня.

– Что нам делать? – в отчаянии спросил я.

– Я... я не знаю, – растерянно ответил Джером.

Скэриэл не двигался.

Нет. Нет. Нет. Сколько он так протянет?

– Скэриэл? – окликнул Джером.

Не может этого быть...

Я кричал, тянулся к нему, но из-за чёртовых наручников не мог приблизиться ни на дюйм. В подвале едва видно из-за тусклого света. Лампочка часто мигала, вот-вот готовая потухнуть и оставить нас троих в темноте.

Джером не кричал, не вырывался, словно смирился с неизбежным. На его лице застыло выражение безграничного отчаяния: брови надломлены, рот испуганно приоткрыт. Он немигающим взглядом смотрел на Скэриэла, как будто боялся, что, если моргнёт, тот исчезнет.

– Скэриэл! Пожалуйста! – кричал я, затем обратился к металлической двери: – Пожалуйста, кто-нибудь! Он умирает! Помогите!

Скэриэл лежал между нами с ножом в груди. Кровь медленно окрашивала грязный пол. В тусклом свете она сделалась практически чёрной. Или мне это только казалось.

– Пожалуйста... – обронил я куда-то в сторону. – Спасите его...

Слёзы заливали глаза. Запястья саднило там, где серебристый металл натирал кожу.

Я вновь посмотрел на Скэриэла. Он не двигался, не издавал ни звука. Чёрная рукоять ножа торчала из тела. Его руки были закованы в наручники за спиной. Он лежал, как тряпичная кукла, посреди подвала. Я уже не видел его лица, спрятанного под тёмными волосами. Хотелось дотянуться до него, заправить прядь за ухо – его любимый жест.

– Всё кончено, – вдруг тихо произнёс Джером и впервые за всё время нашего пребывания здесь поднял на меня сочувственный взгляд. – Это конец.

– Нет, – помотал головой я, скорее убеждая себя, чем отвечая Джерому.

Поникшие, мы оба смотрели на Скэриэла.

Внезапно дверь открылась, и в помещение вошёл высокий парень. Он огляделся, увидел меня с Джеромом, но заинтересовал его только

Скэриэл.

– Вот же сукин сын, – прорычал он, подходя ближе. Парень присел и попытался нащупать пульс на шее Лоу.

– Адам, – позвал Джером. – Он жив?

– Пульс есть, – пробурчал тот. – Цепляется за жизнь. Живучий, зараза.

– Помоги ему...

– Как, чёрт возьми, ты себе это представляешь?! – крикнул Адам. – А это кто?

Он с отвращением посмотрел на меня.

– Крашенный, что ли?

Я неуверенно кивнул.

– Да-да, живёт в Центральном районе Ромуса и красит волосы, – отчеканил Джером. – Так ты можешь помочь Скэриэлу?

– Позорище... – буркнул Адам, возвращаясь к Скэриэлу. – Ненавижу таких позёров.

Я решил не вступать с ним в разговор. Адам, быстро потеряв ко мне интерес, достал из кармана телефон.

– Тут в здании ещё пятеро и на улице трое вместе с Жаком, – бросил он Джерому. – Твою мать, не ловит сеть...

Спрятав телефон обратно в карман, Адам вытащил пистолет из кобуры и сунул его за пояс джинсов. Я испуганно отпрянул, насколько позволяло положение.

– Это мистер Эн приказал убить Скэриэла? – спросил Джером.

Но Адам не ответил, опустился на одно колено и попытался поднять Скэриэла. В подвал заглянул мужчина, оценил обстановку и дружелюбно спросил:

– Эй, Шерр, могу я узнать, чем ты тут занят? Я сказал всем собраться на улице. Выдвигаемся.

Адам весь напрягся – мне даже показалось, что он растерялся, но нет, заговорил с вызовом:

– Его нельзя было убивать, Жак.

Тот хищно усмехнулся.

Адам оставил попытки приподнять Скэриэла и поднялся сам, незаметно положив руку поближе к пистолету.

– Мистер Эн не отдавал приказа, – закончил он.

Я заметил, как Скэриэл беззвучно вздрогнул от боли.

– Мистер Эн не будет против, если Лоу подохнет. Уж я это гарантирую. – Жак спустился по ступенькам и присел на корточки рядом со Скэриэлом. – Он был нашим золотым билетом, такая жалость. – Жак нежно погладил Лоу по волосам. – Но, как это обычно и происходит, жадность его сгубила.

– Но мистер Эн не отдавал приказа, – настаивал Адам.

– Ты оглох? – резко бросил Жак. – Я приказал убить его. Здесь я, – он выделил слово голосом, – отдаю приказы и сам доложу об этом мистеру Энну.

– Он сдался и хотел сотрудничать, – спокойно продолжил Адам. – Теперь мы не узнаем, где все деньги.

– Общем его дом и проверим счета, до которых он сумел добраться, – с улыбкой ответил Жак. – Копнём глубже.

Адам опустил его и снова взял Скэриэла под шею.

– Что ты делаешь? – жёстко спросил Жак.

– Он нужен нам для дела. Ему надо к врачу.

Я застыл, наблюдая за их разговором. Адам меня пугал не меньше Жака, но сейчас он был единственной возможностью для спасения Скэриэла.

– Ты сейчас опустишь его обратно или окажешься рядом с ним, – угрожающе произнёс Жак, наклонив голову и поглядывая на Адама снизу вверх.

– Какие-то проблемы? – В дверях показался ещё один парень.

– Кэмерон. – Джером задвигался, привлекая внимание.

– Это ты мне скажи, – ответил Жак, прищурившись. – Проблемы или как?

Адам вновь небрежно опустил Скэриэла на пол и, поднявшись, проговорил:

– Кэм, помоги Джерому освободиться. Он теперь в нашей банде.

– Кто тебе давал разрешение? – Жак поднялся и прорычал: – Ты вынуждаешь меня...

Адам вдруг вытащил пистолет из-за пояса джинсов и выстрелил Жаку в голову.

Я вздрогнул от выстрела и, кажется, перестал дышать.

– Достал, честное слово, – устало выдал Адам, когда тот с расквашенной головой упал.

– Что ты сделал? – Кэмерон округлил глаза, а потом быстро выглянул за порог, убедился, что никого нет, и прикрыл дверь в подвал. – Мистер Эн нас убьёт.

– Разберёмся, – нахмурился Адам.

– Сейчас прибегут остальные из его шайки, – со знанием дела произнёс Джером. – Что будете делать?

Кэмерон достал пистолет из кобуры под курткой и снял его с предохранителя.

– Потрясающе, – проворчал он. – Мы в полной заднице.

– Не парься, – кинул Адам. – Всё в порядке.

– Ты вот это называешь «в порядке»? – огрызнулся Кэмерон, указывая рукой на мертвеца.

– Да ты сам хотел его хлопнуть, – усмехнулся Адам, забирая у Жака пистолет и проверяя патроны.

– Хотеть и сделать – чёрт, это разные вещи!

– Чётче озвучивай свои желания, детка.

– Иди в жопу, Шерр. Надо было предупредить.

– В следующий раз сигнальными ракетами оповещу, прежде чем стрелять.

– Мы вам тут не мешаем? – встрял Джером. – Скэриэл вообще-то умирает.

– Вижу я, вижу. Он каждую неделю умирает. Хобби у него такое. – Кэмерон увидел меня и спросил: – А ты кто?

– Кажись, тупо попал под замес, – отозвался Адам не глядя. – Ладно, Кэм, останься тут с ними. Я прикончу остальных, иначе Тони узнает раньше времени. Вот сукин сын. – Он посмотрел на Скэриэла и устало вздохнул. – Не мог в другой день подохнуть. Обязательно было сейчас устраивать концерт.

– Что? – поражённо спросил я.

– Тебя как звать? – Кэмерон с любопытством посмотрел на меня.

– Э-э... – завис я на секунду. – Чарли.

Брать имя своего водителя было не лучшей идеей.

– Вот же тебе не повезло, Чарли, – посмеялся Кэмерон.

– Хорош трепаться, – заткнул всех Адам. У самых дверей он вскользь бросил на меня враждебный взгляд.

– Кэмерон, – Джером чуть приподнялся и с надеждой посмотрел на тело с простреленной головой, – проверь карманы Жака. Есть ли у

него ключи от наручников?

– Сейчас, дай только с Лоу разобраться. – Он присел и проверил пульс. – Обалдеть. Ещё живой.

– Работаем по запасному плану. – Адам направился к двери.

– А у нас был основной? – уточнил Кэмерон.

– По основному плану этот хер не должен был сдохнуть. – Он пистолетом указал на Скэриэла. – А я не должен был убивать его. – И плюнул в сторону Жака.

XXXVIII

Кэмерон с тихим ворчанием отодвинул водительское сиденье, откинул спинку, поправил зеркало в салоне, опустил стекло и настроил боковое зеркало под себя.

– Ты чистокровный, да? – внезапно спросил он. Это звучало как утверждение, так что я окончательно растерялся под его любопытным взглядом.

Я сидел, вцепившись в собственные руки, и безостановочно тёр кожу там, где полчаса назад красовались наручники. Как только мы сели в машину, от Кэмерона беспрерывно посыпались вопросы – я изредка не в такт кивал или мотал головой, но сейчас казалось, что меня словно заковали в холодные тиски под толщей льда. Я был не в силах что-либо возразить.

Повернувшись, прижался лбом к стеклу и уставился на соседнюю машину, наблюдая за тем, как Адам горячо спорил о чём-то с Джеромом, а на заднем сиденье находился Скэриэл. Его не было видно за тонированными стёклами, но я знал, что он там без сознания, с перевязанной грудью.

Меня всё ещё мутило от увиденного. Кажется, тот момент, когда Адам, ругаясь с Кэмероном, схватился за рукоять ножа и решительно вытащил лезвие из груди Скэриэла, я не забуду никогда. Кто-то закричал: быть может, я или Джером. А может, кричали мы оба. Сейчас уже смутно помнилось. Но прочно отпечаталось в подсознании совершенно другое: как Скэриэл мучительно застонал, весь непроизвольно сжался, а лицо исказилось от боли. Я в оцепенении смотрел, как из раны хлынула тёмная кровь.

Этого зрелища хватило сполна. Всё, что я успел, – отбежать в сторону и распрощаться с содержимым желудка. Меня попросту вывернуло наизнанку. Придя в себя, я вытер испачканный рот и, тяжело дыша, уставился на Джерома. Он перевязывал Скэриэла в окружении разорванных упаковок от марлевых бинтов, стерильных салфеток, тут и там разбросанных впопыхах таблеток и бутылок с антисептиком из дорожных аптек – потом я узнал, что их принесли из машин Жака и Роя.

Я медленно переводил взгляд то на Джерома, то на отвратительную лужу рвоты, что успел из себя исторгнуть, и понимал, что повёл себя как последняя тряпка. Джером сейчас там, возможно, спасал жизнь Скэриэлу, а я даже не смог удержать себя на ногах. Как бы это мерзко ни звучало, но я одновременно восхищался его выдержкой и презирал всей душой.

Когда поднялся спор о больнице и о том, кто повезёт туда Скэриэла, я вызвался в сопровождающие, но как только Адам услышал об этом, то разразился такой презрительной тирадой, что я бы не удивился, если бы он полоснул меня тем самым окровавленным ножом. Он в грубой форме поручил Кэмерону бросить меня на границе Запретных земель, подбросить пограничникам как бесполезного щенка, о которого жалко марать руки. Напоследок он добавил:

– Мне плевать, где ты живёшь: в Запретных землях или в Центральном районе. Если ты хоть кому-нибудь расскажешь о том, что увидел сегодня, я лично прирежу тебя и твою семью. Уяснил?

Подобная угроза звучала вполне в духе фильмов про гангстеров, но когда такой человек, как Адам, угрожающе рычит на тебя и враждебно смотрит с высоты своего роста, то не думаешь о том, чтобы геройствовать и язвить насчёт его умственного развития, любви к Аль Капоне и «Крёстному отцу».

– Я позвонил Эдварду, он встретит вас на границе, – измученно проговорил Джером, обращаясь к Кэмерону.

Они разговаривали так, будто меня здесь и в помине не было. Я стоял чуть поодаль, но не смел лезть в разговор. Сейчас я понимал, что нахожусь не в том положении, чтобы что-то им предъявлять или требовать. Это в Центральном районе со мной возились и нянчились, а здесь каждый сам за себя. Чистокровный в Запретных землях – не кто иной, как персона нон грата.

– Да почему именно я должен им заниматься? – демонстративно проворчал Кэмерон, скрестив руки на груди.

Когда обмен язвительными любезностями между ними был окончен, я угрюмо поплёлся за Кэмероном, то и дело бросая обеспокоенные взгляды на Скэриэла в салоне автомобиля. Двери были открыты с двух сторон, и можно было увидеть, как неудобно его положили, несмотря на то что машина была огромной: рука свисала с

сиденья, под ноги Джером подложил свёрнутую в плотный валик собственную куртку, так чтобы получилось уместить всего Скэриэла.

Заведя машину и пристегнув ремень безопасности, Кэмерон сказал:

– Чёрт, тачка шикарная. Вот бы мне такую. Ты это, пристегнись давай.

Он бесцеремонно полез в бардачок, порылся там, достал упаковку жевательной резинки и, не обращая на меня внимания, закинул себе в карман. В любом случае, даже если бы я был в более-менее адекватном состоянии, всё равно ничего бы ему не сказал. Чужая жвачка? Кому какое дело, когда мы сели в чужую машину. Она принадлежала кому-то из тех, кто сейчас валялся в луже крови.

Адам убил их всех.

Я не знал, как воспринимать происходящее, когда мы относительно молчаливой процессией двинулись к ряду припаркованных автомобилей. Шествие возглавлял Адам – он не выпускал пистолет из рук и отслеживал любое движение в радиусе двадцати метров. Взгляд у него был тяжёлым, а нрав и того хуже. Меня он ненавидел, этого нельзя было отрицать, но я не мог понять, в чём так провинился. За Адамом, матерясь и возмущаясь, шёл Кэмерон. Третьим, шумно дыша, следовал Джером – он с особой осторожностью нёс на руках Скэриэла. Замыкал цепочку я, испуганно шарахаясь от трупов на нашем пути. Возможно, будь у меня что-то ещё в желудке, я мигом бы опустошил его вновь. Сложился бы прямо здесь пополам, задерживая остальных.

Чтобы не видеть убитых низших, я смотрел на Скэриэла, чья макушка выглядывала из-за широкой спины Джерома. Прибавив шаг, я поравнялся с ними. Волосы Скэриэла упали назад, обнажив лоб, тонкие царапины на коже – его точно били по лицу. Рот приоткрылся, кожа и губы были мертвенно-бледными. Я молился и надеялся, что они успеют в больницу и Скэриэл выживет.

Он ведь жив? Дышит? Проверяли ли они ещё раз пульс? Я сдерживался, чтобы не коснуться его. Боялся, что сделаю только хуже.

Чего я не ожидал, так это того, что Джером, нахмурившись, ускорится, оставляя меня в растерянности позади. И тут я вспомнил его слова в подвале. Он винил меня в том, что произошло со Скэриэлом.

Дёрнувшись, я вынырнул из воспоминаний. Машина развернулась и выехала с территории завода, поднимая клубы дорожной пыли. Я обернулся, с ужасом вспоминая, что довелось пережить в том подвале.

У Скэриэла глубокая рана. Может, не стоило вынимать нож из груди? Могли они вызвать сюда «Скорую»? Есть ли вообще в Запретных землях скорая помощь? Добраться до заводов было действительно сложно... Быть может, в этом кроется причина, почему пришлось самим везти Скэриэла в больницу.

Сев поудобнее, я пристегнулся и понял, как сильно дрожат руки. Они тряслись так, словно у меня был приступ. Я попытался успокоиться, глубоко дышал, но ничего не выходило.

«Всё в порядке, всё в порядке», – как мантру, повторял я про себя.

Прикрыв глаза и вцепившись в ремень безопасности, я продолжал глубоко дышать. Хотел бы забыть всё случившееся как страшный сон, но теперь забвение для меня – непозволительная роскошь.

– Так что, чистокровный, каким ветром тебя занесло на нашу тусовку? – дружелюбно спросил Кэмерон. – Ты разве не должен быть в Центральном районе?

Он держался раскованно, его веселила моя компания. Замять вопрос о моём статусе не удалось, а проигнорировать его во второй раз не получится.

– Я не чистокровный, – тихо ответил я, как меня учил Скэриэл. – Просто крашу волосы и...

– А я королева Виктория, где мой скипетр? – иронично бросил он. Я открыл глаза и удивлённо посмотрел на Кэмерона.

– Что? Думал, полукровки и низшие тупые? Ну... по большей части да. Хотя по мне не видно, но я вообще-то много читаю, – усмехнулся он. – Еженедельные газеты, например. За новостями слежу. Так что я разбираюсь кое в чём. Я умею не только махать пистолетом, знаешь ли.

– Я не считаю, что полукровки и низшие тупые, – уверенно проговорил я.

– Правильно. Но по большей части они тупые. – И он громко рассмеялся собственным словам.

Сам того не ожидая, я невольно улыбнулся.

– А ты друг Джерома или как? – между тем продолжил Кэмерон.

– Нам далеко до друзей...

– Странно. А чего он так тебя отважно защищал, отбивался прям? И ты почему был без сознания?

– Джером меня защищал? – Я вытаращил глаза, как если бы он рассказал, что человечество за время моего сидения в подвале успело высадиться на Юпитер.

– Ага. Его повязали на дороге. Парни сказали, что он держал тебя на руках. А ты вырубленный. Сознание, что ли, потерял от красоты наших заброшек?

Я нехотя пожал плечами и отвернулся:

– Головой ударился, не помню ничего.

– Ну, ты прям как принцесса у него на руках был. Джером, представь себе, отважный рыцарь. «Пустите его», «не трогайте», – пискляво прокричал он, комично изображая, по всей видимости, Джерома, а потом с восторгом в голосе заявил: – Это ж надо так выделяться! За это и получил. Видел его лицо? Фингалище. Долго проходить будет. Ну, красавчик. Гордись им.

Кэмерон выглядел так, как будто сам был не менее горд выходкой Джерома. Я осторожно проговорил:

– Да мы даже не друзья...

– Да я чё, против? – вдруг обидчиво бросил он. – Хрен знает, какие у вас там отношения, но, видимо, самые высокие. Я не лезу. Мне плевать, с кем вы там и как.

– Всё не так. – От неловкости хотелось на стену лезть.

– Короче, закрыли тему, – пробурчал он. – Чистокровный и низший, вот же парочка.

Я не стал спорить.

– Почему ты решил, что я чистокровный?

Кэмерон выехал на шоссе и прибавил газу, а после неохотно указал на мои руки:

– Ухоженные пальцы, мягкая кожа. Ты никогда не работал. Физический труд не для тебя. Ну, ты посмотри, никаких мозолей! Я когда наручники с тебя снимал, сразу всё просёк.

– Адам тоже знает? – поёжившись, осторожно спросил я.

– Не спрашивал, – Кэмерон пожал плечами, – но, думаю, да. Он не тупой. Чистокровных за версту видит.

– Джером сказал ему, что я полукровка и крашу волосы.

– Тем хуже для вас двоих. Шерр ненавидит две вещи в жизни: ложь и чистокровных. – Он загнул два пальца. – Так что ты попал в его чёрный список.

– И что будет?

Кэмерон с непроницаемым выражением лица вставил два пальца себе в рот и изобразил выстрел.

– Он застрелит меня? – недоверчиво уточнил я.

– Шучу, – махнул рукой он. – Шутки, блин, не понимаешь. Кому ты нужен... Но если будешь болтать про меня, или Адама, или про всю заварушку, то под замес попадёт и твой Джером.

Я закатил глаза.

– Это не шутки, э-э-э, Чарли. Чарли, да? Короче, только пикни кому-нибудь о нас, и тебе хана. – На последних словах он понизил голос, так что у меня аж мурашки по коже побежали.

– Я понял, Кэмерон.

– И вообще имена наши не запоминай. Меньше знаешь – крепче спишь.

– Не знаю, засну ли я вообще теперь, – тихо проговорил я и вздохнул.

– Ага, знаем, проходили. Заснёшь как миленький. Хочешь дальше жить – вычеркни этот день из своей жизни.

– А другие... которых убили. Они тоже узнали, что я чистокровный?

– Узнали, не узнали... Чё паришься? – Кажется, Кэмерон уже раздражался от моих вопросов. – Они мертвы. Трупы ничего не скажут.

Мы замолчали.

– Как ты думаешь, Скэриэл выживет? – Голос дрогнул.

Кэмерон оглянулся на меня:

– Конечно, – и неуверенно добавил: – Ну, должен по крайней мере.

– Спасибо, что помогли. И за Скэриэла.

– Да ладно... Уж с Лоу мы никогда не были в дружбанах. Скажу больше, мы вроде как соперники. Не знаю, что задумал Адам. Мне это ещё предстоит узнать.

– Но всё равно спасибо.

– Ага. Без проблем.

– Вот этот мужчина, которого... первым убил Адам. Он главный? – И всё же моё любопытство до добра не доведёт. Я не оставлял попыток узнать больше. Кэмерон был болтлив, охотно шёл на контакт, особенно когда рядом не было Адама.

– Жак, что ли? А что? – Тут он, не выпуская руля, с серьёзным видом повернулся ко мне полубоком и, прищурившись, елеинным голосом добавил: – Что-то ты больно много вопросов задаёшь.

Я стушевался под его пронизательным взглядом.

– У вас ведь будут проблемы... Я просто вот боюсь... – с тревогой в голосе произнёс я и опустил глаза.

– Какой у нас любопытный чистокровный, удивительно, – улыбнулся Кэмерон. – Ты нас видел? Мы – низшие. У нас проблем по горло. Мы с ними рождаемся. – Тут он совсем пафосно выдал: – Это наше второе имя. Мы с детства учимся решать проблемы.

– Жак, кажется, был главарём, – напомнил я.

– Да-а, – протянул Кэмерон и, чуть помедлив, произнёс: – Он был важной шишкой. Мы, честно говоря, в полной жопе. Ну ничего, будем расхлёбывать. И не такое переживали. Адам что-нибудь придумает. Или я придумаю. Слышал? У него там даже какие-то планы были, вот умора. И Джерома твоего защитим. Не бойсь.

– И Скэриэла?

– Что с ним?

– Его тоже защитите?

– Защищать Скэриэла? – Кэмерон на секунду замолк, а потом внезапно рассмеялся, напугав меня. – Эта падла нас всех переживёт. Лоу как таракан, который вроде незаметный, а потом ты как-то заходишь ночью на кухню, а там полчище этих тварей под его предводительством. Не заметишь, а он уже отожмёт твой дом, людей и влияние. Так что защищать надо *от* Скэриэла.

Это было что-то новенькое. Складывалось впечатление, что Скэриэл жил двойной жизнью. Я больше не мучил Кэмерона вопросами, а молча рассматривал унылый вид за окном и думал о том, что за последние полгода узнал столько всего, что голова давным-давно должна была взорваться, а сердце – остановиться.

Оставался ли хоть один человек, кто был честен со мной?

Когда Кэмерон подъехал к пропускному пункту и припарковался, на улице окончательно стемнело. Я забыл о времени, а ведь меня дома

ждали.

– Иди в ту сторону, – Кэмерон устало махнул рукой, – тебя там встретят.

Мы не попрощались, я просто молча вышел, хлопнул дверцей и, накинув капюшон, пошёл в нужном направлении.

Здесь было оживлённо. Машины стояли в пробке в ожидании пересечения границы. Я лавировал между полукровками, пока не услышал, как сбоку начал громко сигналить автомобиль. Вздвогнув, посмотрел на источник шума и облегчённо выдохнул. Эдвард с синяком на скуле стоял у своей припаркованной машины и махал рукой. Я со всех ног ринулся к нему.

– Готье, как ты здесь оказался? Ты в порядке? – взволнованно спросил он, но я только и мог, что с разбега обнять его и прижаться всем телом.

Эдвард по-отечески приобнял меня и похлопал по плечу. Не знаю почему, но мне очень хотелось разреветься, словно маленькому мальчику, которого обидели хулиганы во дворе, и пожаловаться на всё, что произошло.

Но я не мог.

Просто стоял, уткнувшись ему в грудь, и обещал, что больше никому не позволю довести меня до такого состояния. Сжав руки в кулаки и впившись ногтями в ладони, мысленно клялся, что стану сильнее.

Я – Киллиан Парис Бёрко, сын Лукиана Бёрко, последнего императора. Единственный наследник престола, который чуть было не умер от рук местных головорезов.

Не такой участи я себе желал.

– Всё хорошо, – тихонько говорил Эдвард у меня над головой. – Я отвезу тебя домой. У тебя кровь на волосах, Готье. Тебя кто-то ударил?

Я зажмурился, сдерживая слёзы, и прошептал:

– Нет. Я сам. Нечаянно.

– Давай в больницу?

– Не надо. – Я наскоро вытер глаза и решительно проговорил: – Просто отвезите меня домой.

– Хорошо. Садись.

Переступив границу и оказавшись на территории Центрального района, я не испытал ни капли радости. Наоборот, чувствовал себя ещё

более униженным. Во мне кипела злость и разочарование – ещё никогда в жизни я не был так зол на себя. Там, в Запретных землях, я оказался помехой, бестолковой обузой для всех.

Я столько времени ныл о том, что не мог сдать экзамены, о том, что робел перед Оливией, о том, что страдал от нехватки внимания отца и брата, а сейчас понял, что настоящие проблемы были по ту сторону границы. Дети, работающие с детства. Преступники, выясняющие отношения. Наркотики, насилие и смерть. Несправедливость, разруха, бессилие перед системой. И всё это совсем рядом, стоило только открыть глаза. Не об этом ли рассказывал так часто Скэриэл?

– Отлежишься, и всё будет как прежде. – Эдвард потрепал меня по плечу.

– Нет.

– Что? – не расслышал он.

– Уже не будет как прежде. – Нахмурившись, я посмотрел на него. Он понимающе кивнул, и мы продолжили путь в тишине.

Именно сейчас, проезжая по знакомым улицам, я осознал, как бесповоротно меняется моя жизнь. Мне предстояло поступить в Академию Святых и Великих, предстать перед Советом старейшин, возможно, переманить их на свою сторону, а если не выйдет, то избавиться от каждого, кто встанет на пути, – всё это ради того, чтобы взойти на престол и изменить ситуацию в стране.

Это государство возродилось на костях моей семьи, но империя будет жить, пока во мне течёт кровь Лукиана Бёрко.

Как только открылась входная дверь, в нос ударил кисловатый запах пота, дешёвого табака и палёного алкоголя.

– Ты отчим Райли? – спросил я у изрядно помятого мужчины, появившегося на пороге. Тёмные мешки под глазами, впалые щёки и глубокие морщины на лбу – выглядел он неприятно, а пах так, что тотчас захотелось отступить на шаг.

– Ну и? – Дыхнув на меня перегаром, он потёр покрытый двухнедельной щетиной подбородок и опёрся плечом о дверной косяк. – А ты из... – Он заторможенно указал на меня пальцем и прищурился, припоминая. – Из этого, ну, как его... Дома какого-то.

Именно такими, скорее всего, и представляли себе чистокровные низших.

– Кто там? – раздался слабый женский голос из глубины квартиры, а следом послышался нестройный звон бутылок.

– Да подожди, – крикнул он в ответ и с хитрой улыбкой спросил меня: – Ещё заплатить хочешь? – Тут он подошёл ближе, и я с нескрываемым отвращением всё же сделал шаг назад. – Ты от Эдварда? Я помню наш уговор: никакого вскрытия и расследования. Но Райли был мне как сын. Я вообще-то всё ещё горюю. Места себе не нахожу.

– Так горюешь, что на похороны не пришёл? – процедил я.

– А, ну да, занят был. – Мужик махнул рукой и огляделся, как если бы нас подслушивали, а затем уточнил: – Так ты из того Дома? Может, ещё подкинешь деньжат? А то как-то быстро вы Райли похоронили...

– Ага, – ответил я, доставая бейсбольную биту, которую держал всё это время за спиной. – Всё верно, я из «Дома Спасения и Поддержки», ты, чёртов ублюдок.

– Чё это? – Низший напрягся и медленно попятился.

Увидев Адама с битой, я подумал о том, что это отличная штука, чтобы выбить дерьмо из парочки людей. Этот сукин сын как раз нуждался в прочистке мозгов.

– Это тебе привет от Райли с того света, – с улыбкой произнёс я, замахнувшись и ударил его битой по голове.

Мужчина вскрикнул, упал и схватился за рассечённый лоб. Я сжимал в руках биту, переступая порог. Как только он посмел упомянуть Райли?! Во мне кипела лютая ненависть к этому отморожку. Он продолжал кричать, так что пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы не разmozжить ему голову, заткнув навсегда. Размазывая по лицу кровавую дорожку, низший выплёвывал ругательства в мой адрес. Я ударил его – на этот раз в живот; он, истошно вопя, согнулся и инстинктивно прикрыл голову рукой. Правый глаз налился кровью, и он, зажмурившись, начал брыкаться, пытаясь ударить меня по ногам.

– Нравится бить детей? Эй, выродок. – Поудобнее перехватив биту, я приложил больше усилий и хорошенько огрел его по колену; кость громко хрустнула, отчего он завопил с удвоенной силой. – Нравится бить слабых, да? Ублюдок, как тебе на месте Райли?

Повернувшись, я захлопнул входную дверь и ещё раз пнул его ногой по спине.

– Замолчи, пока ещё не получил, – прошипел я.

В коридоре, держась за стену, появилась женщина. Под растянутой выцветшей футболкой был виден её крупный живот. Я замер, увидев её. Чёрт, только не это... Она беременна. Неужели от этой мрази? Ещё один ребёнок, обречённый на страдания.

Бита выпала из рук. Я чуть было не застонал от безысходности. Почему такие вообще плодятся?! От гнева я заскрипел зубами и добавил смачного пинка низшему.

– Кто ты? – в ужасе спросила, по всей видимости, мама Райли. Голос у неё был тусклый, говорила она через силу, словно в горле что-то застряло. На острой скуле кляксой растёкся багровый синяк. От женщины пахло алкоголем, движения были вялыми, а взгляд рассеянным, но даже в таком состоянии она держалась за живот, будто хотела защитить нерождённого ребёнка. – Что тебе нужно? У нас ничего нет! – продолжала она, медленно сползая по стенке, а затем кое-как села рядом со скулящим мужчиной.

– Замолчи. Тебя не трону.

Я наклонился, взял его за волосы – он протяжно застонал, кровь заливала ему лицо – и приподнял голову.

– Ты бил Райли? – спросил я.

– Нет, нет, – испуганно затараторил он в ответ.

Грёбанный лжец. Не удержавшись, я ударил его кулаком в челюсть. Он заорал, а женщина умоляла меня остановиться.

– Если я ещё раз увижу тебя здесь, то оторву яйца, понятно? – прикрикнул я, беря битую в руки.

– Пожалуйста, не трогайте его! – рыдала мама Райли.

– Тебе понятно? – спросил я, игнорируя её всхлипы.

– Да! – заорал низший в ответ, вытирая лицо от крови.

– И ты больше никогда не поднимешь руку на ребёнка. Её ты тоже не тронешь. Если я только узнаю...

– Я никого не трону, об... обещаю.

Ткнув битой отчиму Райли в бок, я надавил со всей силой, наслаждаясь тем, как он страдал от боли.

– Сегодня ты свалишь отсюда.

– Да, да, – повторял он.

Я поднялся во весь рост и посмотрел на женщину. Мне никак не удавалось понять, почему она жила с этим низшим, ведь он бил её и Райли. Но я не собирался лезть так глубоко в их проблемы. Сам утопал по горло в собственных. Наскоро вытерев испачканную ладонь о джинсы, я с фальшивой непринуждённостью спросил, указав на её живот:

– Кто там? Мальчик или девочка?

– Я... – она держалась слабыми руками за мужчину, – не знаю.

– А когда узнаешь?

– Надо, – неуверенно пробормотала она, напуганная моим интересом, – на УЗИ сходить.

– Так сходи, – проворчал я.

– Это за деньги! – в слезах бросила женщина и поджала губы.

Я устало потёр переносицу.

– Ладно, – раздражённо проговорил я. – Отвезу на УЗИ и заплачу. Но, – показал пальцем в сторону комнаты, – больше никакого алкоголя. Ты же беременна. Ты вообще хочешь лучшей жизни?

Она нерешительно кивнула.

– Тогда для начала этого мудака вышвырни из квартиры. – Я указал битой на мужчину. – Ты меня слышал, ублюдок? Чтобы ноги твоей здесь не было.

– Понял я, понял.

В последний раз бросив беглый взгляд на обшарпанный коридор, грязные стены и протёртый пол, я зачем-то бросил глупое «пока» маме Райли и вышел из квартиры.

Господи, что я творю? Зачем пришёл к ним?

На улице я накинул капюшон и судорожно закурил, пытаюсь осознать, что сейчас устроил: избил отчима Райли и, получается, взял его маму под опеку... Ведь так выходило? Мальчишку уже не вернуть, так нет же, я всё равно не мог успокоиться и хотел хоть какой-то справедливости. Но всё это не искупит вины за то, что Райли в могиле.

«Когда я вырасту, то побью его».

Хотелось верить, что я поквитался с отчимом за Райли и мальчишке там, на небесах, лучше.

Докурив, я поймал такси. Эдвард потребовал снять номера с нашей машины и пока на ней не ездить, чтобы не попасться. Хорошо, что хоть после заварушки с Жаком мне удалось найти её именно там, где оставил. Я бы даже сказал, что это неслыханное везение. Никто не попытался угнать машину, украсть зеркала или проколоть шины. Должно же хоть иногда мне везти?

Прячась от мистера Эна, мы временно закрыли «Дом Спасения и Поддержки» и сняли маленькую студию в самой глуши Запретных земель. Выходили только по ночам, а в остальное время отсиживались в четырёх стенах. Скэриэлу с каждым днём становилось всё лучше. И это неудивительно, ведь кровь переносчика делала своё дело. Он теперь мог обходиться без капельниц и даже сидеть в кровати. Эдвард нанял врача, который навещал Скэриэла два раза в сутки и следил за динамикой выздоровления. Не знаю, сколько пришлось заплатить, но Эдвард убедил меня, что врачу можно доверять.

Войдя, я увидел Скэриэла, развалившегося в постели. Он страдал от скуки, прикованный к кровати. Здесь не было ни книг, ни интернета, ни даже телевизора. Самая настоящая дыра.

– Чего так долго? – капризно выдал Скэриэл.

Я отметил, что на нём чистые бинты, а значит, недавно приходил врач.

– Дела. – Прислонив битую куртку к стене, я повесил куртку. Выйдя глубокой ночью, я до утра просидел в подъезде отчима Райли. Никак не решался на большее. И всё-таки был доволен тем, что собрался с

духом и избил его. К моему удивлению, ни Эдвард, ни Скэриэл не лезли с вопросами. Их даже не смутило, что я ушёл с битой в сумке.

– Кофе купил? – спросил Эдвард, поднявшись из-за стола.

Я молча протянул ему пакет с продуктами.

– Кто-нибудь, сделайте мне кофе, пока я не помер! – крикнул Скэриэл.

– Не смешно, – буркнул я.

– Шутит – значит, скоро выздоровеет, – снисходительно промолвил Эдвард.

Раздался долгий настёрный звонок, после которого мы все замерли, поглядывая друг на друга.

– Ты кому-нибудь говорил об этом месте? – с упрёком спросил Эдвард.

– Конечно нет, – прошипел я. – Может, врач что-то забыл и вернулся?

– Кто-нибудь откроет или вы все оглохли? – громко спросил Скэриэл. – Я бы и сам открыл, – он продемонстрировал свою забинтованную грудь, – да боюсь заляпать всё кровью.

– Ты кого-то ждёшь? – настороженно спросил Эдвард, доставая пистолет из прикроватной тумбочки.

Скэриэл только насмешливо улыбнулся. Поняв, что от него помощи не дождёшься, Эдвард кивком указал мне на дверь. Я взял битую и медленно посмотрел в глазок.

– Да открывайте, а то этот чокнутый опять начнёт звонить. А потом ещё и дверь вышибет.

Как только Скэриэл это произнёс, раздался ещё один звонок и затем три глухих удара.

– Сдавайтесь, полиция! – прокричал с той стороны Адам.

Я открыл и отошёл на пару шагов, не выпуская биты из рук.

– Ты! – взревел Адам, увидев Скэриэла. – Мы так не договаривались!

– Что происходит? – спросил я у входящего Кэмерона.

– Я тоже хотел бы разобраться, – недовольно проговорил он и, оглядев меня и Эдварда, насмешливо добавил: – Это вы так гостей встречаете? С битой и пистолетом?

Эдвард медленно опустил оружие, неотрывно следя за Адамом. Похоже, только его он считал опасным, но я бы и с Кэмерона не

спускал глаз.

– Сукин ты сын, – продолжил Адам, крича на Лоу. – Этого не было в нашем плане!

– Зато теперь мистер Эн думает, что я мёртв, – ухмыльнулся Скэриэл.

– В каком блаженном неведении он живёт. – Кэмерон враждебно посмотрел на Лоу.

– А вместе с тобой мертвы и его люди! Если мистер Эн узнает...

– Я не просил тебя убивать их, – невинно добавил Скэриэл.

Услышав это, Адам чуть было не набросился на него с кулаками, но я, Эдвард и Кэмерон задержали Шерра, вцепившись в его массивное тело.

– Полегче, здоровяк. – Скэриэл сел на кровати; на секунду его лицо исказилось от боли, но он тут же натянул улыбку до ушей.

– Что здесь творится? – строго спросил Эдвард, когда разгневанный Адам отошёл к стене.

На всякий случай я встал между Адамом и Скэриэлом.

– О чём вы договаривались? – продолжил расспросы Кэмерон.

Адам ходил взад-вперёд, шумно дыша.

– Не понимаю, чего ты злишься, – ледяным голосом произнёс Скэриэл. – Так бесишься, как будто прежде мистер Эн не собирался от тебя избавиться.

Адам остановился и сердито уставился на него.

– Простите, что? – повысил голос Кэмерон и обратился к Адаму: – Что этот придурок сейчас несёт? Мистер Эн хотел от тебя избавиться? За что?!

– Давайте для начала все успокоимся, – рассудительно предложил Эдвард, – и вы нам объясните, что, чёрт возьми, здесь происходит.

Скэриэл дотянулся до пачки сигарет и закурил.

– Долбанный переносчик, – пробурчал Кэмерон, на что Скэриэл одарил Клебера обаятельной улыбкой, выпуская табачный дым в его сторону.

– Ну? – нетерпеливо произнёс я. – Кто расскажет?

– Мистер Эн захотел избавиться от Адама и приказал мне заразить его, чтобы через полгода он сдох, – как ни в чём не бывало начал Скэриэл. – А я решил, что лучше нам объединиться.

– За что избавиться?! – набросился на него Кэмерон.

– Сказал, что Адам имеет слишком большое влияние в банде и низшие готовы за ним пойти, – пожал плечами Скэриэл. – Мистеру Эн соперники не нужны. Он мне так это объяснил.

– Сукин сын, – не унимался Кэмерон. – Когда мистер Эн тебе это приказал?

– Два месяца назад.

– Он хочет избавиться от Адама, это понятно, но что произошло на закрытых заводах? – спросил Эдвард.

– Мистер Эн хотел поймать Скэриэла, потому что тот ворует всё, что плохо лежит, – усмехнулся Адам. – Сколько ты присвоил? Пару миллионов?

– Это всё домыслы и лживые сплетни, – обиженно проговорил Скэриэл. – Я украл намного больше, чем мистер Эн может себе представить.

– Мы в полной заднице, – сев на стул и схватившись за голову, трагично протянул Кэмерон и тут же вскочил, обращаясь к Адаму: – Да как ты вообще с ним начал работать?!

– Он предложил выгодное сотрудничество, – хмуро ответил Адам, скрестив руки на груди. – Дал мне неделю на размышления. У меня не было выбора. Не мог же я заявиться к нему в офис и спросить в лоб: «Ты решил меня прикончить?»

– Кэм, не переживай ты так, – после затяжки миролюбиво бросил Скэриэл.

– Ещё раз так меня назовёшь, и я отрежу твой поганый язык, – рявкнул Кэмерон.

– Да он у тебя бешеный. – Смеясь, Скэриэл посмотрел на Адама. – Не думал о кастрации? – Он указал рукой на пах, изобразив пальцами ножницы. – Гормоны сшибает на раз. Легче контролировать будет.

– Для человека, которого только два дня назад вытащили с того света, ты больно дерзкий, – процедил Кэмерон.

– Приму за комплимент. – Скэриэл потянулся к пепельнице, потушил недокуренную сигарету и широко улыбнулся.

– Будешь выпендриваться – я наплюю на наш уговор, – понизил голос Адам.

– Как ты мог обо мне так подумать? – Скэриэл поднял руки и невинно похлопал ресницами.

– У меня голова раскалывается от вас всех. – Эдвард устало направился к кухонному островку. – Кто будет кофе?

Когда все получили по чашке быстрорастворимого кофе – кроме Адама, он от всего отказался, как будто Эдвард хотел его отравить, – то немного успокоились. Кто-то устался в пол, механически помешивая ложкой сахар, а кто-то гипнотизировал свою чашку, словно горячий напиток мог о чём-то поведать. Адам всё так же стоял у стены со скрещёнными на груди руками и сверлил нас троих угрюмым взглядом.

– Давайте ещё раз, – начал Эдвард, привлекая всеобщее внимание. – Мистер Эн хочет прикончить Адама за то, что тот набирает популярность среди низших, и он боится, что ты, – он указал на Адама, – свергнешь его и займёшь его место, так?

– Ага. – Скэриэл охотно кивнул.

– Видимо, да, – нехотя согласился Адам. – Он перестал поручать мне важные дела и часто отправляет по мелким заданиям подальше от главных улиц.

– Значит, не я один это заметил! – вспыхнул Кэмерон. – Я тебе об этом говорил, но ты сказал, что я всё выдумываю.

– Ты был прав, – согласился Адам. – Но на тот момент я не мог тебе всё рассказать.

– Скэриэл, ты уверен, что мистер Эн хочет тебя убить из-за денег? – спросил Эдвард.

– Допросить, а потом убить, – поправил Скэриэл, подняв указательный палец.

– Да вы на него гляньте, – воскликнул Кэмерон. – Его хочется прибить и за меньшее.

– Что ты сказал мистеру Эну про Адама? – спросил я.

– Я сказал, что выполнил этот заказ. Пообещал, что Адам умрёт за полгода. И вот прошло два месяца. Так что будь добр через четыре месяца сдохнуть. Я не могу испортить свою репутацию переносчика.

– Ну, раз ты просишь. – Адам закатил глаза.

– Получается, мистер Эн убил двух зайцев разом? Ну, он так считает, – подал голос Кэмерон.

– А ты сечёшь, – подмигнул ему Скэриэл. – Хотел убить двух зайцев, но, как говорится, за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь.

– Не делай так больше, – скривился Кэмерон, видимо, не оценивший подмигивания Лоу. – Ужасное зрелище. – Он изобразил рвотные позывы.

– Ладно, с этим разобрались, – продолжил Эдвард, не обращая внимания на их препирательства. – Что у вас за договорённость?

– Как только мистер Эн заказал мне Адама, я пришёл к Шерру и выложил все карты. Предложил объединиться и избавиться от босса.

– А-а-а, – разочарованно протянул Кэмерон. – Всего-то. А я-то думал.

– Он сейчас серьёзен, – выдал Адам, потеряв шею.

– Что? И ты молчал два месяца?

– Это было одним из пунктов. Никто не должен был знать о том, что я и Лоу в одной команде.

– Но мне ты мог сказать, – проворчал Кэмерон.

– Нет, не мог, – отбил Скэриэл. – И я никому не сказал. Эдвард и Джером тоже ничего не знали. На вас могли надавить и вытянуть информацию.

– Какие ещё у вас были пункты? – спросил я.

– Никто не должен знать о нашем уговоре, – повторил Скэриэл. – Чем меньше знают, тем лучше. А ещё каждый из нас должен был в случае опасности защитить напарников.

– Не понял, – буркнул Кэмерон. – Напарники? Типа меня или Джерома?

– Если бы ты попался в руки к мистеру Эн, то Скэриэл постарался бы тебя вытащить. Если бы попались Джером или Эдвард, то их должен был вытащить я, – объяснил Адам.

– Так вот почему ты устроил цирк перед Жаком! – воскликнул Кэмерон. – И полез в машину Батлера! А я думал, что ты окончательно рехнулся. Двинулся уже со своим Джеромом.

– Я слышу нотки ревности, – злорадно пропел Скэриэл.

Кэмерон показал ему средний палец.

– Ты только на словах такой борзый? Хорошо языком мелешь. Может, им поработаешь в другом месте? – съязвил Клебер.

Скэриэл ухмыльнулся и языком толкнул внутреннюю сторону щеки.

– Лоу! – рывкнул Адам, направляясь к нему. – Ты сейчас пожалеешь, что остался жив.

Я примирительно встал у него на пути. Понятное дело, его я бы точно не смог остановить. Скэриэл развлекался, по всей видимости, устав от сидения в этой дыре, но от его вызывающего поведения мы все могли схлопотать.

– Давайте остынем и обсудим ситуацию, – громко предложил Эдвард.

Адам провёл пятернёй по волосам и обратился к Кэмерону:

– Помнишь, мне позвонил Жак по телефону в тот день? Он сказал привести Джерома и Эдварда на допрос. В это время начали искать Скэриэла. Мистер Эн решил с ним разобраться. И мы с тобой как раз увидели Джерома.

– Какая интересная картина вырисовывается, – самодовольно произнёс Скэриэл.

– Кто-нибудь, заткните его... – простонал Кэмерон. – У меня сейчас голова взорвётся. – Он обратился к Адаму: – По этой причине ты начал внезапно предлагать Джерому вступить в нашу банду. А я думал ещё, что ты спятил...

– Да я даже ничего не успел толком придумать. Мне нужно было разобраться с Жаком. Пришлось врать, что Джером сдаст Скэриэла. – Адам как будто оправдывался. – Сейчас понимаю, что нёс херню. Но тогда думал, что это единственный способ вытащить задницу Джерома. Жак хотел убить его.

– О. – Я был ошарашен. – Э-э-э... Ну, типа, спасибо тогда.

Адам ничего не ответил.

– А что насчёт таблетки виса? Я думал, это всё было спланировано.

– Таблетка виса? – спросил у меня Эдвард.

– Не, – Кэмерон поставил пустую чашку на стол, – я просто тебя угостил, решил, что могу заполучить ещё одного покупателя. А когда Адам начал представление перед Жаком, то уже импровизировал на ходу. Понял только, что Адаму надо тебя спасти. А зачем, хрен его знает. Ну и влез.

– Как всё удачно совпало, да? – довольным тоном протянул Скэриэл.

– Мы как бы в бегах, – скептически напомнил ему Эдвард. – А тебя прирезали.

– Это детали, – отмахнулся Скэриэл. – Сейчас у нас главная цель – избавиться от Тони.

– Это шутка? – спросил Кэмерон у Лоу. – Нет, серьёзно, на чём ты сидишь? Таблетки? Или это антидепрессанты? Что за чепуху ты мелешь?

– Боюсь, что он серьёзен как никогда, – проговорил Эдвард.

– Ты сумасшедший, – выдохнул я.

– От Жака мы избавились. Мистер Эн думает, что я мёртв. Но вскоре он поймёт, что его обманули.

– Ещё сутки, и люди мистера Эна начнут бить тревогу в поисках Жака, – сказал Адам.

– Я знаю, – усмехнулся Скэриэл. – Мы должны подготовиться.

– К чему? – подал голос я.

– К праведному гневу босса, – пафосно закончил Скэриэл.

Мы обсуждали, спорили, и Адам чуть вновь не подрался со Скэриэлом, спровоцированный его едкими замечаниями. В напряжённой обстановке пролетели три часа, и, когда они с Кэмероном ушли ближе к вечеру, я вздохнул с облегчением. Перед сном к Скэриэлу успел ещё раз навеститься врач и перебинтовать грудь. От каждого движения у него кровоточила рана, и бинты вновь становились алыми.

Эдвард вышел проверить машину, убедиться, что я правильно припарковался и включил сигнализацию. Он постоянно беспокоился, как бы местные её не угнали.

Я лежал на полу на тонком одеяле и укрывался собственной курткой, пытаюсь не замёрзнуть. В доме было отключено отопление, и мне казалось, что в студии холоднее, чем на улице. За окном совсем стемнело, но сон не шёл. Скэриэл уснул под воздействием сильных таблеток, выписанных врачом. В такие моменты я жалел, что не принимаю снотворное. Скэриэл тяжело дышал во сне и часто ворочался. Вот уже двое суток он страдал от беспокойного сна. Внезапно он вскрикнул и проснулся.

– Кто здесь? – испуганно спросил Скэриэл в темноте.

– Это я. – Я приподнялся и успокаивающе похлопал его по бедру.

– Джером? – В голосе слышалось облегчение.

– Да.

– А где Эдвард?

– Машину проверяет. Тебе приснился кошмар?

– Да.

– Что снилось?

Он помолчал, затем, укрывшись одеялом, тихо произнёс:

– Не важно.

– Скэриэл?

– М?

– Адам опасен для нас? Ему вообще можно доверять?

– О чём ты?

– Мистер Эн считал его своим соперником и даже хотел избавиться от него. Не думаешь, что он предаст тебя?

– Не переживай, – сонно промямлил он. – Адаму нужны деньги, которые я украл. Я обещал ему приличный куш. А вообще это всё ложь про мистера Эна и соперничество.

– Что?

– Я обманул Шерра. Никто не собирался от него избавляться.

– Мистер Эн не заказал Адама?! Эдвард знает?

– Завтра вам хотел весь план рассказать, – зевнул Скэриэл. – Мне просто нужно было настроить Адама против мистера Эна. Сначала избавлюсь от босса. А затем и от Шерра. Всё идёт по плану. Спи, Джером, и не волнуйся. Нам ещё много чего предстоит. Набирайся сил.

– Но почему именно Адам? Он тоже опасен.

– Потому что за ним пойдут люди после того, как мистер Эн умрёт. – Скэриэл потёр глаза; голос его прозвучал бодрее. – Меня в банде не жалуют. Ещё вопросы?

– Но мистер Эн перестал давать ему важные задания. Так сказал Адам.

– Да всё просто: это я первым соврал ему, что Адам хочет занять его место.

– Но ведь это не так! – воскликнул я.

– Не так. А кто проверит? Мне просто надо было настроить цепного пса против хозяина.

– Ты обманул мистера Эна, – медленно прошептал я, поражённый тем, какую игру затеял Скэриэл. – И ты обманул Адама. Ты настроил их против друг друга.

– Они вместе были мне не по зубам. Но если разбить, то поодиночке они слабы, – усмехнулся Скэриэл.

– Я не доверяю ни Адаму, ни Кэмерону.

– Можешь не сомневаться, они нам тоже не доверяют, – хохотнул он. – Но Адам нам нужен. Как бы мы к нему ни относились, сотрудничество с ним приносит свои плоды. Например, он спас тебя от Жака.

– Он убил его и спас тебя.

– Вот видишь, без него было бы сложнее. Убить мистера Эна – это ещё полбеды. Как только все пронюхают о его кончине, то начнут делить территорию. Нужен кто-то, кто встанет во главе группировки. За Адамом пойдут. Он – моя марионетка в Запретных землях. Я бы не смог долго руководить «Домом Спасения и Поддержки» под носом у мистера Эна. Я пообещал Адаму, что мы поделим владения поровну.

– А если он со временем передумает и заберёт себе всю территорию?

– Не успеет. Я заберу её раньше.

– Как Адам вообще тебе поверил про мистера Эна?

– Он сначала не поверил. Он же не конченный идиот. Но я заронил в нём сомнение, так что это был вопрос времени. Шерр видел, что босс не даёт ему нормальных заданий и держит в стороне. Так что он просто сложил два и два. А дальше мнительность Адама сделала своё дело. Все мы подвержены сомнениям. Если я скажу, что заразил тебя и через месяц ты умрёшь, то ты сразу почувствуешь кучу симптомов скорой смерти. Сам себя доведёшь.

– А мистер Эн? Он, получается, тоже поверил?

– Не знаю, поверил он мне или нет. Это до сих пор для меня загадка. Но после моих слов о том, что Адам хочет возглавить банду, – размышлял вслух Скэриэл, – мистер Эн стал давать ему меньше работы. Так что делай выводы.

По коже пробежали мурашки. Скэриэл каждому шепнул на ухо и тем самым сделал врагами мистера Эна и Адама. Я был потрясён тем, как он провёл эти манипуляции за спиной у всех.

Когда прошли долгие десять минут в тишине, я уже было решил, что Скэриэл заснул.

– И что теперь будет? – обратился я в пустоту.

– Да ничего не будет, – внезапно раздался твёрдый голос Скэриэла; кажется, он тоже не спал. – Цепной пёс сейчас служит мне, хоть он об этом и не догадывается. Я всегда на шаг впереди.

В больницу всё же пришлось поехать. Наложили швы, но мистер Дон пообещал, что шрама не останется. Как будто меня это хоть как-то волновало. После всего отец пригласил меня в кабинет, где долго и нудно выяснял, при каких обстоятельствах я умудрился так серьёзно удариться. Я соврал, что навернулся в своей комнате и стукнулся головой об оконную раму. Потом пришлось пуститься в путаные объяснения, по какой причине я открыл окна нараспашку, ведь на улице собачий холод. Если бы я знал, что отец будет дотошно разбираться с моей раной на голове, то предпочёл бы молчать об этом до последнего.

Я не мог спать. Ночи напролёт снились кошмары: я снова оказывался в подвале прикованным наручниками к трубе. Снилось, как тот низший, Адам, вновь и вновь стреляет, но не в Жака, а в Скэриэла. Иногда во сне тусклая лампочка стремительно мигала, а мокрицы облепляли меня с ног до головы – лезли в рот, в нос, в глаза, да так, что я не мог дышать и видеть. Во сне я кричал, звал Скэриэла на помощь, но он уже смеялся где-то вдалеке, а потом и вовсе затихал. Обычно под конец появлялся Джером, тоже весь в мокрицах; он стоял надо мной и осуждающе повторял:

– Это всё из-за тебя.

Кошмары сменялись несколько раз за ночь. Временами я видел только Скэриэла. Он сидел на коленях напротив, дрожащей рукой гладил меня по щеке и расстроено произносил:

– Прости, что так вышло. – И вспарывал себе ножом живот до груди. Кровь лилась на колени, а он, завалившись на бок, из последних сил тянулся ко мне испачканной рукой, желая дотронуться.

Я подсказывал от собственного крика во тьме, меня всего колотило; простыня и одеяло были мокрыми, липкими – я прижимал руки к груди, пытаюсь унять сердце, и шумно дышал, как после марафона. Я не мог заснуть до утра. Следил за стрелкой часов и молился, чтобы время двигалось быстрее.

Мне было чертовски страшно за Скэриэла. Жив ли он? Успели они в больницу? Я не знал, где он и что с ним. Вот уже четверо суток

его дом в Центральном районе пустовал. У меня даже не было номера телефона Скэриэла, чтобы связаться с ним. Я потерял свой мобильный у закрытых заводов, когда ударился головой. При покупке нового понял, что не знаю, кому звонить. Не помнил номера Скэриэла, и у меня никогда не было контактов Джерома или Эдварда. Мы были будто разделены, словно находились в сотне световых лет друг от друга.

Как я ненавижу оставаться в неведении.

– Кто-нибудь знает Николаса Шейла? – спросил Оливер, откладывая учебник в сторону. Мы сидели в моей комнате и выполняли домашнее задание по латыни. – Он вроде хорошо учится, не отстаёт от Гедеона. По крайней мере, мне так говорили. Может, я попрошу его стать моим наставником. Что думаете?

– Не знаю его, – произнёс Леон, подперев подбородок рукой. – Я даже не думал о наставниках. А ты, Готье?

– А? – Я потёр глаза, прогоняя сонливость. Измотанный организм нуждался в здоровом сне, но ночные видения не позволяли даже вздремнуть. Как только я засыпал, сразу видел умирающего Скэриэла.

Я устало помотал головой. Стоило ли это обсудить с миссис Рипли? Наверное, нужно попросить у неё мощное снотворное, сославшись на нервное состояние после сессии. Вдруг это поможет заснуть без сновидений.

– Что-то ты плохо выглядишь. – Оливия нахмурила брови.

– Плохо спал. – Я перевернул страницу и продолжил списывать слова из упражнения.

– Ты его знаешь? – повторил Леон, обращаясь ко мне.

Все замолчали, так что пришлось вопросительно посмотреть на Кагера.

– Кого?

– Николаса Шейла, – подсказал он.

– А что с ним? – непонимающе спросил я. Не стоило терять нить разговора. Я хотел избежать вопросов о самочувствии, но своим поведением ещё больше привлекал внимание окружающих.

– Да боже мой, – простонал Оливер и пощёлкал пальцами перед моим лицом. – Приём, Готье Хитклиф, ты с нами?

Я шлёпнул его по руке и вежливо, как мне казалось, попросил:

– Не делай так больше.

Теперь все замерли, удивлённо уставившись на меня. Я отодвинул тетрадь с учебником и вздохнул.

– Простите, голова постоянно трещит.

– Это из-за удара? – спросила Оливия, кивнув на мою рану.

– Наверное. Не знаю.

– Ладно, – отмахнулся Оливер. – Я спрашивал про Николаса Шейла. Он друг твоего старшего брата, да? Какой он? Что из себя представляет? Любит ли он историю?

– Нравится ли ему Ахиллес? – подсказала Оливия.

– Читал ли он «Илиаду»? – вставил Леон.

– А вы, я посмотрю, прямо спелись, – окинув их подозрительным взглядом, цокнул языком Оливер.

– Не знаю, – задумчиво сказал я, пропустив мимо ушей подколы Оливии и Леона. – Видел его только пару раз.

– Он вроде приходил к нам в класс. – Вспоминая, Леон посмотрел куда-то вправо и вверх. – С Гедеоном. Они рекламировали факультет политологии в Академии Святых и Великих.

– Точно! – обрадовался Оливер. – И как я об этом забыл?

– Ты тогда втюрился в Бернарда, – не поднимая глаз от учебника, будничным тоном произнесла Оливия. – И много чего не замечал. Смену суток, например.

– Ха-ха, – по слогам процедил Оливер и два раза хлопнул в ладоши. – Как остроумно, а главное, свежо. Долго придумывала?

Оливия послала ему воздушный поцелуй через стол.

– Ты хочешь, чтобы Николай был твоим наставником? – Наконец до меня дошло.

– Ага. – Оливер прилёг на стол, придвинувшись ближе. – Что думаешь?

Я пожал плечами:

– Без понятия.

– Спасибо, твоя помощь неоценима, – бросил Оливер с упрёком и посмотрел требовательно на всех: – Вам что, вообще неинтересно, кто будет вашим наставником на первом курсе?

– Мне всё равно, – промолвила Оливия, мастерски крутя ручку в пальцах. – Я не собираюсь ни у кого просить помощи в Академии. Справлюсь сама. Все эти наставники – пустая трата времени.

– Поддерживаю. – Леон показал большой палец вверх.

Оливия подняла ладонь, и Леон отбил её. Оливер с протяжным стоном приложил ладонь к лицу.

– Да как вы не понимаете! – воскликнул он. – Это же так круто! Дружить со старшекурсником и получать поддержку во время сессий.

– Ничего классного в этом не вижу. Я сама себя отлично поддерживаю, – твёрдо произнесла Оливия. – Мне не нужны люди, особенно когда они принудительно приставлены ко мне.

Отложив тетрадь в сторону, я поднялся и потянулся, разминая кости.

– Я выбрал наставника.

– Да тут нетрудно догадаться. Твой старший брат? – спросил Оливер.

– Гедеон? – Я усмехнулся. – Ага, как же. Не позавидую тому, кому он достанется в наставники. Даже сжалюсь и скинусь ему на гроб.

– У-у-у, – протянул Оливер. – Готье и его чёрный юмор.

– Думаешь, всё будет так плохо? – Оливия нервно поправила выбившуюся прядь волос.

– С Гедеоном по-хорошему не бывает, – вынес я вердикт.

Оливер странно посмотрел на сестру; она плотно сжала губы и, прищурившись, недовольно взглянула на него в ответ.

– Вы чего, ребят? – Леон помахал рукой между ними.

– Ничего, – закончила Оливия и принялась громко собирать свои ручки и карандаши по столу.

Оливер с довольной улыбкой повернулся к Леону и помотал головой:

– Да так. Мы о своём, о наболевшем.

Леон тоже отложил тетрадь в сторону и спросил:

– Тогда кого ты выбрал, если не брата?

– Люмьера Уолдина. Это друг детства Гедеона.

– Отец тебе позволил? – спросила Оливия.

– Да. Я просто поставил его перед фактом.

– А как дела у Скэриэла? – вдруг вспомнил Леон. – Давно его не видел.

Я растерянно молчал, не зная, что сказать.

– Он...

– Вы поссорились? – бестактно предположил Оливер.

– Нет, – торопливо бросил я и тут же осёкся. – Просто он... приболел.

– Но он ведь пойдёт с нами в Академию?

– Оливер, – осадила его сестра.

– Что? Я просто спросил! Мы же написали сопроводительные письма, заполнили заявление на поступление, загрузили на сайт Академии.

– И? – Оливия изогнула бровь.

Оливер встал, опёршись руками о стол, словно защищался в суде перед прокурором.

– Хотелось бы вместе поступить. Я просто беспокоюсь за него!

– Он сейчас в Запретных землях. Я пока ничего не знаю о его состоянии, – честно признался я.

– Надеюсь, что с ним всё будет хорошо, – ободряюще промолвил Леон.

Когда мы принялись за латинский язык, раздался тихий стук в дверь.

– Господин Готье, – прозвучал голос Лоры.

– Входи.

Она приоткрыла дверь и смущённо проговорила:

– Вас к телефону.

– На домашний?

– Да.

– Хм... Кто?

Мне никогда не звонили на домашний номер, так что я с недоумением уставился на Лору.

– Представились как мистер Батлер.

Услышав это, я разинул рот, но через пару секунд уже выбегал из комнаты.

– Я отвечу в гостиной! – крикнул я Лоре, несясь на всех парах по лестнице.

Взяв трубку, я сразу отошёл к окну, скрываясь за шторой. Я весь дрожал, боялся услышать худшее.

– Джером? – Сбившееся дыхание никак не унималось.

На том конце провода молчали.

– Джером, пожалуйста, ответь. Это ты?

Я услышал шуршание, затем треск, после чего раздалось неловкое:

– Да. Я.

– Джером, скажи, как он?

Мне не нужно было называть имя – мы оба знали, ради чего этот разговор.

– Жив. Ему лучше.

Я с облегчением вздохнул и прикрыл глаза, чуть не прослезившись от радости.

– Ты кому-нибудь говорил? – спросил Джером.

– Конечно нет!

– Помнишь наш разговор в библиотеке? – внезапно напомнил он.

– Да.

– Ты мне должен.

Джером решил меня шантажировать. Неужели он думал, что я сдам Скэриэла и остальных? Если бы я хотел, то давно бы это сделал. Стиснув зубы, я крепче сжал телефонную трубку.

– Я ничего никому не рассказал о том, что случилось.

– Держи язык за зубами, если хочешь, чтобы держал и я.

– Говорю же, что никому не расскажу! – Я прикусил губу, испугавшись, что вышло громче положенного, и прошептал чуть погодя: – То, что я видел в Запретных землях, останется между нами. Где вы сейчас? Где Скэриэл? Он в больнице? Я могу его навестить?

– Нет, – отчеканил он.

– Что из этого, чёрт возьми, нет? – разозлился я.

Головная боль не отпускала ни на минуту. Я зажмурился и потёр глаза.

– Мне пора.

– Стой, подожди, Джером.

Он молчал.

– Кэмерон сказал, что ты пытался меня спасти. Нёс на руках, пока я был без сознания. Я хотел тебя...

– Забей, – перебил он.

– Всё равно поблагодарю. Спасибо тебе. – И, пока Джером не отключился, я проговорил: – Как я могу с тобой связаться? Откуда ты звонишь?

– Пока, Хитклиф.

– Джером, пожалуйста!

Он бросил трубку. Я чуть было не закричал, матеря весь белый свет.

Не хотелось возвращаться наверх. Я присел прямо там, за шторой, вцепившись в волосы, и закачался в такт произнесённым словам.

– Я справлюсь, – успокаивал я сам себя.

Поднявшись в комнату, я попытался натянуть фальшивую улыбку, чтобы не пришлось ничего рассказывать, но ребята были так взбудоражены, высматривая что-то на экране ноутбука Оливера, что даже не заметили меня.

– Как это вообще возможно? – воскликнул Оливер. – И нам ничего не рассказал!

– Сейчас он вернётся, и мы всё узнаем, – миролюбиво проговорил Леон, успокаивающе хлопая Оливера по плечу.

– Может, он тоже ничего и не знает.

– Как это не знает, Ви?!

– Не повышай на меня голос, – ровным тоном произнесла Оливия.

Я застыл на месте, предчувствуя неладное. Леон первым заметил меня. Он улыбнулся и спросил, указав на экран:

– Готье, что это?

Оливер повернулся и накинулся следом:

– Что происходит? Почему ты нам не сказал? Мы ведь всё обговорили, когда подавали заявку на поступление!

Да что у них произошло?

– Оливер, успокойся. – Оливия встала и вопросительно посмотрела на меня: – Готье...

Но Оливер, подвинув ко мне ноутбук, требовательно спросил, перебив сестру:

– Почему Гедеон написал четвёртое сопроводительное письмо для Скэриэла?! И почему он вызвался быть его наставником в Академии Святых и Великих?!

Примечания

Вис – от латинского *vis* – «сила». (*Прим. автора.*)

Район Пяти улиц – основным местом разборок является район под названием «Пять углов». Он получил своё название из-за необычного месторасположения. В начале XIX века там пересекались сразу пять улиц – Энтони, Оранж, Малберри, Кросс и Литл Уотер. Отсылка к книге «Банды Нью-Йорка». (*Прим. автора.*)

Перевод Петра Вейнберга. (*Прим. ред.*)

Ita vero – «Да, верно» (*лат.*). (*Прим. автора.*)